

ЕЛЕНА КНЯЖИНА

16+

ПРОКЛЯТИЕ
ЗЕЛЕНОГЛАЗОЕ
ИЛИ ТЪМА ЕЕ ПОБЕРИ!

Annotation

Утром в книжной лавке хотелось его придушить. Днем в парке – скормить рою плотоядной саранчи. Ночью, в постели, от него стала зависеть моя жизнь.

Если он уйдет – Тьма завладеет моим телом, а душа отправится в ее мрачные чертоги. Если останется, то потребует слишком высокую плату за свои сомнительные услуги... Наверное, не стоило нового Мастера проклятий сравнивать с филейной частью местного парнокопытного?

- [Проклятие зеленоглазое, или Тьма ее побери!](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Слово автора](#)
-

Проклятие зеленоглазое, или Тьма ее побери!

Пролог

Пролог

Девчонка без имени была так истощена темной хворью, что он вполне мог поднять ее одной ладонью. Удержат на трех пальцах, покачивая в воздухе, как тряпичную куклу.

Вместо этого Данн подsunул обе руки под невесомое тело и аккуратно сгреб с середины кровати на *ее* половину. Они так «договорились» с самого начала, и не стоило менять правила в последний день. Это бы внесло в устаканившуюся жизнь лишний хаос.

Небольшую уютную комнату заливал серый свет, просачиваясь сквозь идиотские занавески с рюшами и очерчивая фигурку на бело-розовых простынях. За окнами уже собирался рассвет. Но не спешил, позволяя Данну еще задержаться.

Маг убрал ее тонкие бледные руки со своей подушки и уложил по обе стороны от чернявой головы. Провел большим пальцем по почти белым губам. Завтра они будут розовыми, а на щеках разыграется румянец. Глаза снова заблестят раздражающей зеленью. Девчонка шла на поправку.

Сейчас из этого дерзкого рта не вырывалось оскорблений, и смотреть на него было приятно. А признаваться себе в этом – нет.

Данн улегся на *свою* сторону, машинально набросил покрывало, шумно выдохнул в потолок. Докатился. Лежит и прислушивается к легкому, еле слышному дыханию.

Зараза. Вархова зараза. Стоило бросить ее в том парке и не портить себе жизнь.

Он сел резко, сбросил с себя покрывало с дурацкими рюшами. Эта девчачья комната доконала его еще в первые сутки! Что может быть нелепее, чем столичный мастер проклятий, любимчик Тьмы и ужас врагов короны, развалившийся на бело-розовом зефире с кружевными оборками?

Так и остатков пугающей репутации лишиться можно. А его вполне устраивало, что простачки при его появлении делают шаг назад и опускают в пол глаза...

Тьма ее побери!

Пора уходить. Прямо сейчас. Все ведь так просто. Встать, собрать с пола вещи, привести себя в порядок и выйти из варховой спальни. Спуститься вниз, предельно вежливо пообщаться с издергавшимся папашей, принять благодарности и оплату...

И никаких ошибок. Больше они с ней никогда не увидятся. Так будет лучше для обоих.

Рэдхэйвен сполз на край кровати, свесил ноги, поднял с пола порванную рубашку. С силой потер лицо. Размял шею, почесал недельную щетину. Нащупал след от укуса... Ничего, он за него отомстил.

Скосил голову набок и очертил глазами две изящные ступни, торчавшие из-под подола длинной сорочки. Задумчиво пересчитал смешные маленькие пальцы. Приподнял ткань, провел указательным по хрупкой щиколотке, отмеченной паутинкой серых вен. Прорисовал каждую, запоминая витиеватый узор... К утру они исчезнут совсем. Он этого уже не застанет.

Девчонка дернула ножкой: щекотно. Данн хмыкнул, развернулся, просунул руку под ее затылок и приподнял голову над подушкой. Притянул к себе безвольное тело. Тряпичная куколка, выбившаяся из сил, измотанная борьбой...

Это сейчас зараза прикидывалась покорной. Потому и лезли в голову идиотские мысли об «оплате». А ты пойдешь к зеркалу да пересчитаешь все царапины, оставленные варховыми когтями...

Ткнулся носом в ложбинку на длинной шее, вдохнул, вздрогнул, мгновенно захмелев. Отбросил девчонку обратно на подушки и резко поднялся с постели. Проклятье!

Чем выше поднималось солнце над Анжарской провинцией, тем явственнее Рэдхэйвен понимал, что не может уйти отсюда с пустыми руками.

Хозяин дома сказал, что за спасение зеленоглазой заразы Данн может взять все, что захочет. Вообще все. И потому внизу его дожидался бесценный древний артефакт – оплата недельных трудов.

В окно стучалась ветка с резными красными листьями, отбивая секунды.

Хрясь! Хрясь...

Он серьезно собирается это сделать?

Знает ведь, что пожалеет...

Глава 1

Глава 1

За неделю до событий пролога

– Подожди меня тут, ладно? – крикнула Вейну, толкая стеклянную дверь книжной лавки. – Каких-то пять минут, и я вся твоя.

В нос ударил привычный запах старых страниц, пыли и духов сирры Фэрвей. Домашний и уютный. Я даже зажмурилась сытой каффой, насколько приятный.

– Знаю я эти ваши «пять минут», мисс Ламберт, – проворчал Диккинс, картинно хмуря брови под светлой, выгоревшей за лето челкой. – И эти ваши «вся твоя» тоже...

Он и дальше что-то раздосадовано бубнил, но я успела скрыться за дверью. Сам виноват, что повел меня на прогулку мимо лавки Фэрвей. Раз уж так хорошо все знает, мог бы выучить и мою зависимость от ветхих научных трудов. Беспощадную и совершенно неконтролируемую.

Ладно, мне же только одним глазком глянуть! Дойду до витрины, пальчиком приподниму защитные чары. Вдохну поглубже аромат вождеденных страничек и пообещаю им вернуться завтра. Мне просто надо убедиться, что он и правда тут. Ровно там же, где и я. И мы наконец встретимся.

Трактат Милезингера! Тот самый, который ну никак не мог оказаться в нашем Вархом забытом Аквелуке... И тем не менее – та-да-дам! – он это сделал. Оказался, то есть. Ждал меня своими шуршащими старостью страничками, а я, как назло, еще неделю назад пообещала Диккинсу погулять. Вот что за невезение?

– Позвольте? – попыталась протолкнуться через неприлично высокого джентльмена, но эта скала встряла в узком проходе намертво. – Сир?

Он молчал и больше напоминал статую, чем кого-то из плоти и крови. Понадобится кран на магической тяге, чтобы эвакуировать окаменелого посетителя, не подающего признаков жизни. Или небольшой направленный взрыв темного топлива.

Да Варх с ними, с признаками. Слух-то у него есть?

– Кхм-кхм!

Прямая спина не шевельнулась, и я даже решила, куда его направить. Взрыв этот. Вот прямо под наглый...

– Ау, вы весь проход заняли, сир! – попыталась держать себя в рамках. Может, он и впрямь глуховат? – Купите книжку и идите читать домой.

Оглядев широкие плечи посетителя, замотанные в походный темно-синий плащ, пришла к удручающему выводу. (Мы, теоретики магии, очень это дело любим – к разного рода выводам приходиться. Хлебом не корми, дай всех вокруг осчастливить результатами умственного труда.)

Так вот, мой свеженький, с пылу с жару сделанный вывод, гласил: даже если мужик повернется боком и прижмется поясницей к стеллажу, я вряд ли смогу протиснуться, ни разу к нему не притронувшись. Видит Варх, задену или одной своей частью, или другой, смотря какой стороной просачиваться. А это уже чревато...

– Сир... Это общий коридор. Вы не могли бы выйти и позволить мне войти?

Касаться незнакомых магов подобного уровня силы считалось не только дурным тоном, но и весьма опасным мероприятием. Никогда не знаешь, чем это для тебя окончится. Отец говорит, в столице многие болезненно реагируют на прикосновения. Прямо в бешенство приходят от случайного столкновения. Вдруг этот маг – именно из таких, психованных?

Так что я, будучи девушкой разумной и осторожной, поначалу просто скромно покашливала. Хотя теперь уже заходила в таком истошном хрипе, будто в горле застряло как минимум гхаррово копыто. Как максимум – весь гхарр целиком.

На мое по-великански раскатистое «Кхе-Кхе!» даже Палетка, каффа госпожи Фэрвей, вылезла из-под лавки. И неодобрительно так мяукнула, дернув несоразмерно длинным и пушистым хвостом.

А как еще сдвинуть эту зачитавшуюся глыбу? По-хорошему мужик не понимал.

– Эй, мистер!.. – рывкнула в сердцах. Так, что люстра над головой звякнула стекляшками.

Он развернулся. Проклятье!

Нет, в целом, мужчина выглядел, как коренной анжарец. Он подходил под это звание даже больше, чем я. Широкие черные брови, слегка загорелая кожа, трехдневная щетина (наши мужчины плохо сочетались с бритвенными принадлежностями)... И все же я точно поняла, что это чужак.

Виной тому были ярко-желтые глаза, сверкавшие, словно сахарный леденец на солнце. Полный мрак.

– «Эй, мистер»? Не слишком вежливо, вы не находите? – произнес бархатно, с невыразимым и отчего-то невыносимым достоинством.

Я и не рассчитывала уже, что окаменелого незнакомца можно чем-то задеть. Ан нет, смотрите-ка, пробрало. Столичный сир у нас, оказывается, жутко высокомерный и самодовольный. Не какой-то там «мистер».

– Я нахожу, что вы загородили проход к артефакторному разделу. Отодвиньтесь... А лучше выйдите совсем.

Пялилась на его золотые глаза я совсем неприлично. Нехорошо так нагло людей разглядывать. Но разве такие вообще бывают?

Светившиеся, как два джантарика в солнечных лучах, странные глаза вполне могли показаться красивыми, будь хоть немного добрее. Но нет. Вся неприглядная суть выпирала из них напоказ.

– Я предпочту остаться там же, где сейчас, – с издевательскими хриплыми нотками в голосе заявил незнакомец.

Лицо его приобрело скучающее выражение. Оглядев меня с ног до макушки, он не нашел ровным счетом ничего для себя интересного.

Варх Всемогущий, изгони это самодовольное нечто из моего коридора!

Я застряла взглядом в коротких темных волосах, блестящих, как шерсть черной вирры. Те были вполне пристойно уложены. Неидеально, но тип явно привык о себе заботиться. И только грязь, заляпавшая подол походного плаща, выдавала в нем человека, вырванного из зоны привычного комфорта.

Интересный мужчина, хоть и жутковатый. Местами даже привлекательный. С красиво очерченными загорелыми скулами и поистине анжарской растительностью, сползающей со щек на подбородок.

Пожалуй, этой щетине даже больше, чем три дня. Я не специалист в этом вопросе, отец всегда бреется начисто. Как любой теоретик

магии, я умела признавать, что ошиблась в расчетах. Будет неуместно уточнить, сколько дней он не брился?

– Идите, идите, нечего такой удивленный вид строить, как будто табличка не для вас написана, – неодобрительно сопя, я ткнула пальцем в деревянную дощечку с правилами посещения лавки.

«Будьте взаимно вежливы и не блокируйте проход к дальним стеллажам».

Мстительно сощурилась – ну, что он на это скажет?

Черные брови медленно поплыли к переносице, рисуя на лице крайнюю степень раздражения. И еще недоумения.

Чужак был искренне удивлен, что кто-то в аквелукской книжной лавчонке осмелился с ним заговорить. Глаза-джантарики опасно сверкнули, осыпав искрами заросшие загорелые щеки. Мужик резко выдохнул, поджал губы... и не шелохнулся.

– Пошла вон, – сухо бросил он и снова уставился в книгу.

Вот ведь квахар недощипанный!

– В столице все такие хамы?

И зачем спрашиваю? Знаю ведь, что практически все. Выскомерные снобы, легко играющие чужими жизнями. И временами не дорожащие даже своей.

– По большей части, да, – согласился с моими мыслями коренной хитанец. – Давайте так, девица из Аквелука. Я пришел сюда первым и мне нравится тут стоять. Прикипел, верите ли, именно к этому коридору. Так что или вы, если вдруг владеете левитацией, перепорхнете через меня... или вернетесь через пару часов, а пока насладитесь свежим воздухом по ту сторону стеклянной двери.

Он снова уткнулся глазами в книгу, и моя рука чуть не перепорхнула ему в нос. В голову полезли преступные мысли об удушении и последующем ощипывании всяких надменных квахаров.

Глаза принялись суматошно ощупывать полки на предмет самого увесистого тома. Хотя вряд ли я смогу подпрыгнуть так, чтобы сверху обрушить на мужика всю мощь древних знаний.

Ва-а-а-арх! Ну, пожалуйста... Чего тебе стоит шандарахнуть этого типа молнией или чем ты там умеешь? Мне очень нужно пройти к витрине за его спиной. Жизненно необходимо.

Силой от него разило, как от грузчика потом в жаркий полдень. Маг высшего эшелона, это уж как гхарру пить дать. Такие

самоуверенные, наглые и высокомерные только в столице водятся. Совсем другая весовая категория. Но. Всегда ведь есть «но»?

Но я была на своей территории, а этот тип... Топтался в моем любимом углу, загоразивал мою любимую полку и, что особенно раздражало, сжимал в своих невоспитанных лапах одну из маминых любимых книг!

Надо предупредить госпожу Фэрвей, чтобы не вздумала продавать Лис-Харгенскую «Эволюцию проклятий» желтоглазому упырю.

– Вы еще здесь? – он оторвался от страниц и удивленно поднял широкую темную бровь.

Вот такая я непослушная, представьте себе... мистер Варх-знает-кто.

– И никуда не уйду, – пропыхтела с досадой и привалилась плечом к стеллажу, готовясь к долгой битве.

Вейну придется подождать. Но он терпеливый парень и уже привык, что со мной всего ждать приходится. Даже обещанного поцелуя в темном академическом коридоре за статуей Имиры Сиятельной.

Не виновата же я, что нам все время что-то мешает? То я приболела, то вот как сейчас – Бал Варховых даров перенесли и всех по домам отправили, пока по академии шастают неприрученные проклятия.

А нынче на полочке стоял он... Трактат Милезингера! Самое светлое пятно этого дня. Если я, конечно, сумею к нему пробраться сквозь пропитанное мраком самодовольное тело.

– Сами идите... и наслаждайтесь воздухом с той стороны, – просопела сосредоточенно, морща лоб.

– Не бойтесь дерзить незнакомцу, девица из Аквелука? – нагнулся и протянул с магической, завораживающей какой-то хрипотцой. Демон! – Мало ли, *кто* он и на *что* способен...

Голова опять начала раскалываться, в сотый раз за последние шесть часов. Этот непростой день еще предстояло как-то дожить.

Ох, я явно переоценила свои силы. Опять не рассчитала, да. А еще теоретик!

Я никогда не страдала магренью, а тут просто напасть какая-то. И с самого утра. Только мы с ребятами расселись по маг-вояжерам, как в голову стал монотонно стучать гигантский молот. «Бам! Бам!» –

разносилось с завидным постоянством по черепной коробке. Обреченно потеряла висок: когда же это кончится?

Глаза поймали в фокус черное пятнышко на запястье. Неприятное какое-то, грязное. И вроде чернил в руках я сегодня не держала.

Я облизнула палец и попыталась стереть кляксу. Сейчас этот столичный сноб увидит, что я вся заляпалась, и вовсе перестанет воспринимать всерьез.

Мужик с любопытством следил за перемещением моего пальца изо рта к запястью и снова в рот. Даже губы свои облизнул, задержавшись взглядом на моих. И я запоздало догадалась, как это кошмарно выглядит. Проклятье!

– Милая, ты уже видела свой вожделенный трактат Милезингера? Вчера прислали, – из-за прилавка высунулась всклокоченная рыжая голова сирры Фэрвей. – Я его только что выставила в наше застеколье в разделе прикладной артефакторики. Подальше от грязных рук. Давай-ка я сниму защиту, и ты сможешь его полистать?

Издевательски скривившиеся губы непрошибаемого хитанца намекали, что нет. Не смогу. Ни полистать, ни даже одним глазком глянуть. Тьмы на него нет!

– Завтра полистаю, – прошептала больше себе и каменной глыбе, забаррикадивавшей проход, чем хозяйке.

Да к гхаррам под копыта этого мага! Меня Диккинс ждет, мой идеально среднестатистический, математически выверенный друг, рассчитывающий на что-то большее.

Вот сколько можно его кормить обещаниями? Совести у тебя нет, Эв Ламберт. Фидж, мой мизаур, который год об этом намекает, пакость ушастая. Давно стоило к нему прислушаться.

Я развернулась на каблуках и припустила к выходу. Вырвалась из вдруг ставшей душной лавки и вляпалась носом в своего заждавшегося среднестатистического принца.

– Все, я готова, – выдохнула покладисто, улыбаясь добрым медово-карим глазам. – Гуляйте меня полностью, мистер Диккинс.

– Знаю я эти твои «полностью», Эв... – насмешливо фыркнул Вейн, который давно уяснил, что прогулка – это именно прогулка. И ничего эдакого.

Глава 2

Глава 2

Ноги сами потянули нас в парк – наблюдать за стаями перелетных сине-белых окалей и лакомиться засахаренными сердцевинами анжарских орехов.

Пока Вейн хрустел в мое ухо, я хмурила лоб и прикидывала, сколько у меня осталось дней на изучение трактата. На внеплановые каникулы отвели всего неделю, так что завтра мне обязательно надо вернуться в лавку с блокнотом и сканирующим артефактом.

Все лето я уламывала сирру Фэрвей выкупить рассыпающийся на магическую пыль фолиант. Лично нашла его на благотворительном аукционе в Либтоуне. Ясен гхарр, такую редкость она перепродает в разы дороже какому-нибудь столичному снобу. Вроде упыря желтоглазого, ага. Уверена, гад спит и видит, как увести из-под носа мое сокровище!

Но до этого я успею хоть что-то законспектировать. Моя работа над плетением медленного нагрева встала намертво, и забытые знания господина Милезингера были бы очень, очень кстати...

– Ты опять в облаках витаешь, Эв? – хрустнул на ухо Диккинс.

– Напротив, я очень твердо стою на земле, – притопнула по траве с усмешкой.

В голову тут же прилетел очередной «Бум!». Поморщилась, потеряла виски. Да что же это такое?

– До сих пор болит? – парень заботливо потрепал меня по волосам и приобнял за плечи, защищая плащом от промозглого осеннего ветра.

Перед глазамиплыли очертания деревьев и прохожих, кутающихся в походные мантии. Погода портилась, люди куда-то спешили, размазываясь расфокусированными пятнами передо мной. Я и Вейна-то могла опознать лишь потому, что он в мое ухо пыхтел и об щеку терся.

В глаза словно песка насыпали. Черного и едкого, взрывающегося яркими золотыми искрами при каждом приступе. Прямо скажем, сегодня был не лучший день для нашего долгожданного свидания с сиром Милезингером. Но я не в том положении, чтобы носом вертеть.

Странные происшествия в академии начались как нельзя кстати. Нет, проклятые двери – это, конечно, плохо. Ужасно! Но все-таки немного хорошо.

Потому что рано или поздно мастер, вызванный ректором из столицы, все там тщательно залатает и подотрет. А я тем временем хоть одним глазком погляжу на трактат. А если повезет – то и двумя, чем Варх не шутит?

– Ээээв?

– Всю дорогу трещит. Того и гляди, совсем расколется, – проворчала с обидой.

– Нет, этого нам не нужно. Тогда твой мозг вывалится... Эээ, да вот прямо сюда и вывалится. И кто станет новым научным светилом? – захохотал парень, глядя на поросший сочной травой холмик. Я поморщилась: слишком громко. – Прости, прости, крикетка. Ну что, домой?

– Еще погуляем, – помотала больной головушкой.

Машинально потерла запястье – да что за грязь-то такая въедливая? Без толку. Пятно как будто только сильнее расплылось от моих стараний!

Покосилась на Вейна, выжидательно покусала губу... Ну, не-е-ет. Сама я точно заводить *эту* тему не стану.

Он не торопился приглашать меня на Бал Варховых даров. Выдерживал драматическую паузу. Но я-то знала, что это неизбежно случится сегодня. Мы уже третий год туда вместе ходим, такая традиция. Это ведь неплохо, когда в твоей жизни все предопределено и ты знаешь, что будет завтра?

Сам Диккинс был математически выверенным, будто созданным искусственно. Весь какой-то немножко средний... Средней привлекательности, среднего роста, средней болтливости.

Пожалуй, если бы меня попросили описать своего друга, я бы запнулась и надолго застряла с этим вопросом. Так, волосы светлые, длинные, глаза – медовые... Уши, рот, нос и шея – присутствуют. Если бы мы не виделись каждый день на занятиях, через месяц я могла бы его и не признать. Но мне было бы приятно с ним заново познакомиться.

Кроме Ровейна Диккинса, с которым нас связывали условно средние отношения – то ли дружеские, то ли любовные, – у меня еще

была учеба на факультете теоретической магии. И скромненькая такая, более чем осуществимая мечта: заниматься в будущем бытовыми плетениями.

Набор называется «Жизнь без потрясений». Пользуется, между прочим, большой популярностью у анжарцев.

Никто меня к скучной, предсказуемой жизни не принуждал. Просто мать со своими безумными, смелыми экспериментами уже довела отца до седых волос раньше положенного срока. Если я пойду по ее стопам, папа через год вообще облысеет. А кто виноват будет? Конечно, Эйви!

Дед при жизни говорил, что маму сгубила нетерпеливость.

«Суетливая она была. Вместо того, чтобы хорошенько разобраться в теории, сразу все бежала проверять на практике».

Мне очень крепко въелись в память эти слова. Правда, с дедом я была не согласна. И в маминой смерти винила кое-кого другого, хоть и старательно кивала старику, чтобы не расстраивать.

Как бы там ни было, со мной семейству повезло. С утра пораньше я закапывалась в научные труды моих предшественников. Исчеркивала блокнот нелепыми, но без сомнений гениальными идеями. Снимала магкопии с редчайших забытых фолиантов... Но желания поэкспериментировать и проверить теории в лаборатории так во мне ни разу и не возникло.

Нет, трусихой я не была, просто... Назовем это ответственностью. Вот случится со мной что, и кто останется с отцом? То-то же.

Жуткие молоточки, бьющие в виски так остро, что голова будто в прямом смысле раскалывалась на запчасти, к вечеру грозились меня доконать. Весь день вирре под хвост пошел, начиная с посадки в маг-вояжеры у академии!

Утро выдалось нервным. Студенты впихивались в транспорт всей толпой, не глядя забрасывая сумки на крыши вояжеров. Доктор Граймс строго грозил ампутацией мозгов всем, кто рискнет подойти к кабинетам и вляпаться в проклятье.

Дерганый ректор разве что волосы на себе не рвал (красивые, между прочим, и старательно им отращаемые). Тут я его понимала: почерневшие от темной магии двери выглядели жутко, словно за ними гостей встречала сама бездна.

Словом, слишком много для одной меня, болезненно жаждущей спокойной, размеренной жизни без потрясений... А сегодня еще очередной день памяти, и глаза с ночи на мокром месте.

– Ты придешь вечером? – вспомнила, что хотела пригласить Диккинса к нам.

Ну вот что мы будем сидеть втроем, как голодные вирры на болоте? Экономке лишний рот только в радость. Мы с папой в такие дни все равно не едим.

– А это уместно, Эв? Твой отец...

– Шесть лет собирал толпу незнакомцев на официальной службе и слушал лживые речи про маму, – скривилась, припомнив холеные столичные лица, закрытые добродушными масками. Мерзавцы! – В кои-то веки соберемся узким кругом, без *этих*... Приходи.

В горле растеклась горечь – то ли от магрени, то ли от воспоминаний. Я притормозила Вейна жестом и свернула на дорожку, убегающую влево, к фруктовым палаткам. Мне срочно нужно было перебить отвратительный горько-сладкий привкус во рту.

Схватив с прилавка простачки Марисы первое попавшееся яблоко, я сунула ей йорген и принялась торопливо обтирать красный плод подолом юбки. Горечь становилась невыносимой и уже разъедала язык.

– Тебе надо чаще есть фрукты, Эйви. Ты бледная, как сама Тьма, – выдала сомнительное сравнение Мариса.

Я поблагодарила за заботу, резко развернулась... и размазалась носом по твердой, недовольно дышащей поверхности. Приятно, кстати, пахнувшей. Не Вейном и не по-местному.

У нас в Анжарской провинции простые работяги больше по части ядреного пота. А студенты в академии иной раз так заливают себя парфюмом, что дурно делается.

Я вообще не очень люблю посторонние запахи и никогда не пользуюсь духами (к вечеру сама себя начинаю раздражать). Но конкретно этот аромат... Пожалуй, я могла бы и полюбить. Было в нем что-то знакомое и родное. Даже горечь во рту на миг перестала чувствоваться, а это уже ого-го какой плюс.

– Опять вы?! – прозвучало хрипкое над моей макушкой.

Ой, какое недовольное! И тоже знакомое...

Величайшая несправедливость, что так приятно пахнет этот вот... *этот вот!*

– Проклятье! – убрав с его походного плаща свой блаженно принюхивающийся нос, я отпрянула к прилавку с фруктами.

Несколько альта-цитронов упало в траву, но Мариса и ухом не повела. Ошалело пялилась на хитанца, заранее ожидая неприятностей. У простых людей на это дело особый нюх.

Но маг (к радости торговки и к моему неудовольствию) вонзался своими пылающими желтыми топазами не в нее, а в меня. Обвинял! То ли в том, что опять ему на пути встретилась. То ли, напротив, в том, что из лавки сбежала, не дав ему насладиться сладостью триумфа. Варх разберет этих столичных снобов, что им на сей раз пришлось не по вкусу.

– Я уже ухожу, – на всякий случай заявила мужику и сдвинулась вбок.

Нет, у меня был, конечно, соблазн встать намертво, раскинув руки, и не подпустить его к прилавку. Но я вовремя напомнила себе, что эта месть будет выглядеть глупо и по-детски. Магрень усиливается, нервы мне дороги, а горечь во рту сама себя не прогонит.

– Ухóдите, – согласно кивнул хитанец, въедаясь глазами в мое яблоко. – Но без этого.

Я так засмотрелась на его небритые щеки и неприлично ровный загар, что не сразу уловила смысл слов. Завороженно поднесла фрукт к губам, невольно перемещая взгляд мага с яблока на свой рот.

Он послушно пристыл глазами к моему лицу. Шумно вдохнул, поморщился, словно от меня пахло куда хуже, чем от его драгоценной столичной персоны. Но я точно принимала душ после изматывающей поездки в вояжере. Если и пахла чем, то просто... собой.

Маг очертил глазами мои губы, припавшие к яблоку. Проморгался, зажмурился и резко схватил за запястье. Сжал неприятно, стягивая кожу, и дернул меня к себе.

– Ай!

– Стоять, – грозно зашипел на мою попытку вырваться.

Тьма! Наверное, он все же из тех, психованных, которые от прикосновений звереют. А я в него целым носом вмазалась, со всем к нему прилегающим...

– Больно! – вскрикнула, расширив глаза. Впитывая ими образ темноволосого хитанца. Нет, странный он все-таки. Красивый, но жуткий. И эти глазищи...

– Бросьте! – рявкнул требовательно и потряс мою несчастную руку, все еще сжимающую красное яблоко. Да чем мы с фруктом ему не угодили?

– Пустите... – просипела, выкручивая руку.

Рисковала без кожи остаться: так крепко держал. Эдак у меня на обоих запястьях отметины будут! На одном клякса чернильная, на другом – вархова пятерня в багровых тонах.

Опять отец будет глаза закатывать и ворчать, что из меня такая же женственная, благовоспитанная особа, как из него – Ее Величество. Но поскольку я понятия не имею, как выглядит это Величество, то не могу так сразу оценить, насколько папе туда далеко.

– Отдайте яблоко, девица из Аквелука! – незнакомец отпустил наконец мое измученное запястье и сунул под нос свою раскрытую пятерню.

Ну вообще!

Нет, мало того, что он третий или какой там по счету раз указывает мне на мое место... Мало того, что лишил меня радости подержать в руках трактат Милезингера... А до завтра книжку и продать могут!

Так еще и яблоко мое забрать хочет? Совсем они там в своей столице огхаррели... Я за него, между прочим, йорген заплатила и сдачи не дождалась. Дорогой вышел фрукт. И он мне нужен!

– Купите себе собственное и наслаждайтесь. По любую сторону, но подальше от меня... «мистер», – поморщила нос, отказываясь впускать в себя чудовищно приятный запах. Не хватало еще потом повсюду таскать с собой этого мужчину.

Демонстративно откусила от сочного красного бока. Чавкнула смачно, разжевала, не отрывая глаз от пылающих огнем джантариков. Полный мрак, ей Варху!

Горечь во рту не пропала, а, напротив, усилилась. Но я не успела свыкнуться с новым ощущением. Потому как на горле сжалась каменная ладонь! Так сильно, что глаза из орбит выкатились.

Варх меня прибери... Он точно психованный.

Я захрипела, подавилась, закашлялась. Маг грубо развернул меня к себе спиной и от души шлепнул между лопаток. Недожеванный кусок выскочил на траву, и только после этого хитанец изволил отпустить мой локоть.

– Вы ненормальный, – просипела, оборачиваясь и потирая горло. На котором, уверена, тоже теперь отпечаток руки виднелся.

– Не знал, что у анжарцев темная материя входит в рацион, – равнодушно бросил невоспитанный тип и отвернулся к Марисе.

Снова потерял ко мне интерес. Словно не он меня тут тряс и по спине поколачивал на виду у прохожих. Самодовольный квахар! Такого наша экономка даже в суп не возьмет, чтобы еду желчью не испортить.

– Сир, что-то не так? – предчувствуя неладное, промямлила торговка.

– На фруктах остаточные следы разрыва. Почти все запятнаны мраком, – лицо его сделалось жестким, требовательным. – Как вы планируете это объяснить, мм?

Он достал из кармана черно-золотую карточку и быстро помахал перед ее носом. Не представляю, как Мариса успела что-то на ней прочитать, но остатки краски резко пропали с ее лица.

– М-мраком? Да как вы это видите? – всплеснула руками простачка.

– Я проницательный, – растекся в жуткой ухмылке хитанец, и даже мне стало не по себе.

Я покосилась на фрукт, все еще зажатый в пальцах... и ошеломленно выронила его на траву. Плохое, плохое яблочко! Если этот квахар неоципаный не шутил, расстройство живота и магрезерва – меньшее, что мне грозило.

Но прилива благодарности не случилось: горло еще саднило, лопатки горели после спасительного шлепка. Не мог он повежливее как-то донести информацию?

– Поставщик сказал, что чистые они, – Мариса виновато повела плечом. – Разрыв дальше был, у другого склада... Мы давно работаем, с чего бы не доверять? Да и как проверить?

– Понятно. И других травите, и сами травитесь, – нахмурился хитанец, проводя ладонью над прилавком. Пальцы его окутывала едва

заметная фиолетовая дымка, потрескивающая слабыми разрядами. – Внезапные мигрени, темные пятна в глазах? Обмороки?

– Голова болит третьи сутки, – покорно призналась торговка.

– Тут все загрязнено, – выдал вердикт обладатель черно-золотой визитки. – Уничтожьте. Лучше сожгите.

– Все?! – женщина задохнулась ужасом, вышла из-за прилавка и загородила его собой. – Но сир, я не могу позволить себе сжечь весь товар!

– А травить прохожих, видимо, можете? – с издевкой протянул маг, обходя неказистую фруктовую палатку.

– Разве вы не можете их как-то... очистить, сир? – у нее тряслись пальцы.

У простаков было не так много возможностей зарабатывать в Эррене. И я, хоть сама чуть не отравилась, все равно сочувствовала Марисе. Вряд ли она имела свободные средства на новый товар.

– Я? – поперхнулся маг и демонстративно поправил отворот плаща.

Только сейчас заметила на нем знакомую эмблему. Вот точно такую же видела в кабинете у нашего ректора в рамочке рядом с портретом миловидной белокурой леди. Понятия не имела, кто такая и зачем Керроу ее у себя на стене держал.

– Такие, как вы, все могут, – с благоговением в голосе прошептала Мариса. – Куда уж нам, простакам... Разве много это времени займет, сир? Эта палатка – все, что у меня есть.

– Мое время дорого. И даже несколько минут я предпочту потратить иначе, – фыркнул, брезгливо косясь на зараженные фрукты. – Дайте слово, что все уничтожите, и мы разойдемся. И скажите спасибо, что я не вызвал сюда маг-инспекцию.

– Маг-инспекцию? Она ничего не нарушала! – вспыхнула я сердито. – Сказала же, что не могла проверить...

– И потому продавала непроверенное?

– Я полжизни у нее фрукты покупаю, – заверила мужика. – Всегда вкусные, спелые и без мрака.

– Мне решать, нарушала или не нарушала, – он поморщился неприязненно, едва я сделала шаг к нему.

Отмахнулся, словно я жужжала над ним назойливой анжарской мухой, от которой один шум и никакого проку.

– Но сир! – Мариса вдруг упала на колени и схватила подол его плаща. Просительно скривилась, вымаливая милость.

Грудь запекло. Неприятно было смотреть на чужое унижение и быть бессильным чем-то помочь. Но этот маг... О да, он мог. Размер его магрезерва был явно соизмерим с размером эго.

– Уничтожьте, – сухо бросил хитанец, плотнее запахнул плащ и, развернувшись, стремительно пошел по дорожке к выходу из парка.

Этого я так оставить не могла. Пнув гадкое яблочко, потемневшее в месте укуса, я решительно побежала следом.

Сама не знала, с какой целью догоняю незнакомца. Вряд ли он ко мне прислушается и вернется помогать Марисе. Но хоть выплесну все, что думаю о таких, как он. Я много их повидала, пока мы жили в столице. Да и после, на вечерах маминой памяти.

– И это все, да? Перепугали до смерти невинную женщину, лишили ее дохода, бросили простачку одну разбираться с мраком... – выкрикивала ему вслед, разъезжаясь ногами на влажной дорожке.

– Дохода ее лишила собственная глупость, – бросил через плечо. – Я не обязан исправлять чужие ошибки.

– Но вы могли помочь! Потратить полчаса вашей никчемной скучной жизни и помочь! – орала в его спину, кривясь от отвращения. В виски все сильнее колотилось привычное «Бам! Бам!», но я пыталась игнорировать боль.

Вот зачем я за ним бегу и только сильнее себя расстраиваю? Такие, как он, никогда не останавливаются. Никогда не сочувствуют чужому горю. Равнодушные, эгоистичные, холодные, как глыбы ташерского льда...

– Мог, – пожал плечом, даже не пытаясь изображать хорошего, но просто очень занятого человека.

– Так сильно спешите, что ли?

– Нет. Не спешу. У меня рейс в пять по Звездносводу, – буркнула спина. Хотя маг и впрямь развил приличную скорость, уносясь подальше от назойливой мухи. Той, что я. – Я здесь проездом и по другому вопросу. Это чужие проблемы, которые меня не касаются.

– Но вы их сами коснулись! Могли вовсе не лезть и дать мне сгрызть вархово яблоко! – возмущенно пыхтела, едва поспевая за стремительно удаляющимся магом.

– Мог, – снова признала спина, не считая нужным обернуться. – Но одно дело потратить пару секунд и не дать доставучей девице отравить себе жизнь, и другое – полчаса отдираТЬ вязкую Тьму от альта-цитронов...

– А... ясно. Скучная работа, без огонька, – прибавила ходу. – Мне знакома ваша порода.

– Ваша мне тоже знакома, мисс, – с тяжелым выдохом затормозил хитанец, и я с разбегу вмазалась в его спину. Впитала гхарров аромат. Гадство! Ну все, теперь полдня буду с собой таскать. – Не путайтесь под ногами, пока случайно не раздавил. Не шучу.

– Знаю, что не шутите. И да, вы раздавите, – закивала ожесточенно, неистово, вновь вспомнив стадо высокомерных гадов, ежегодно читавших речи на дне памяти. – Я видела достаточно таких, как вы, пока жила в столице.

Кучка равнодушных снобов! Они говорили о моей погибшей матери «выдающаяся личность» и «светило экспериментальной магии». После чего шли пить настойку Эшерских дварфов и обсуждать последние достижения ученых.

А сами, когда нужно было закупить новое оборудование для лаборатории в Хитане, не дали ей ни йоргена. Заморозили все заявки, проигнорировали все письма. А старое – оно на то и старое, что никуда не годное. Вот и взорвалось.

– И какие же *мы*? – с опасной ухмылкой уточнил хитанец. Решил, будто он саблезубый вирр, играющий с крошкой-россохой. Но не на ту напал!

Я шестой час мучилась магренью, и у меня была индивидуальная непереносимость таких вот выскочек из столицы. Едва ли в парке сейчас найдется кто-то злее и раздраженнее меня. Раз в сто лет и мелкая безобидная россоха может закусать вирра до полусмерти. Если у нее был плохой день.

– Надменные, эгоистичные снобы, «мистер». Те, которым дела нет до чужой беды. Сильные маги, совершающие подвиги по расписанию, исключительно в удобные для них часы, – с ажиотажем выплевывала лестные характеристики одну за другой. – Не дорожащие ни своей, ни чужой жизнью ни на йорген. Скучающие от собственного несомненного величия. Ждущие, когда мир, наконец, придумает для них достойное развлечение...

– Звучит отвратительно, – поморщился тип, и его скулы неприязненно дернулись.

– Вот именно! – закивала довольно.

Наконец-то у нас с ним случилось взаимопонимание! Мужик, впрочем, ему не так уж и обрадовался.

– Может, мне тоже на колени перед вами упасть и подол вот этой штуки – что это вообще? мантия? – облобызать? – предложила насмешливо.

– Только если вам очень хочется.

Маг колыхнул походным плащом, заляпанным какой-то болотной тиной, предлагая немедленно приступить к лобызанию.

Внутри взметнулось столько желчи, что рой плотоядный саранчи отравить можно. Но я бы ей лучше этого квахара скормила, он посытнее будет. Хотя тоже наверняка горчит, несмотря на одуряющий аромат.

– Да что вы о себе возомнили? Царь и бог книжного отдела? Гроза торговшей испорченными продуктами? Сильнейший всея и всего? – я уперла руки в бока и уставилась в желтые глаза. Ну и жуть. Такими только детей в сказках пугать! Полный мрак. – Да знаете, кто вы на самом деле?

– Кто?

Да он провоцировал меня! А я велась, как первокурсница. Невозможно остановиться.

– Прыщ на линияющей заднице винторогого гхарра, вот кто!

– Хмм... Прыщ, значит? – он приблизился и навис над моим пылающим лицом.

– Прыщ, да, – выдохнула упрямо и сдула черную прядку, упавшую на нос.

Ох, Эйви, с самой Тьмой играешь. Как неоперившийся квахарчонок, ей Варху. Сколько раз отец тебе говорил держать язык за зубами в присутствии «сильных мира сего»?

– И не где-нибудь, а именно на линияющей... кхм...

– Линяющей, линияющей, – покивала равнодушному мерзавцу.

Золотые глаза ярко вспыхнули, осыпав меня тысячей крошечных искр, и отчего-то весь мой запал поугас. Я не трусливая, нет. Но рациональная. Обычно. Не вижу смысла рисковать почем зря. Но конкретно этот экземпляр сам напрашивался!

Должен же хоть кто-то сбить спесь со столичного зазнайки? И на пальцах объяснить, что в нашем простом, как гхаррово копыто, Аквелуке так не принято?

У нас небольшой уютный городок, окруженный пастбищами, садами и фермерскими угодьями, где все знакомы и готовы помочь друг другу. А не привычные ему столичные залы, в которых принято изливать яд, льстить до изжоги и хвастаться юбками из трисольского шелка.

– Вы даже не догадываетесь, *кого* сейчас осыпали оскорблениями и *чем* он может на них ответить. Не слишком ли смело для разумного существа со здоровыми инстинктами самосохранения? – вкрадчиво промурлыкал жуткий тип, и сердце обреченно свалилось к пяткам. – Или у вас их нет?

Чутье горькими толчками пробивалось к горлу. Все, Эв Ламберт, ты допрыгалась, добежалась и доболталась. А ведь и впрямь понятия не имеешь, насколько этот маг психованный и какую твою часть тела сожмет следующей.

Я незаметно выдохнула и покусала губу, чем нечаянно привлекла к своему лицу лишнее внимание. Тяжелый взгляд снова упал на мой онемевший рот. В который раз хитанец смотрел на него *так*, что ноги подгибались и сердце в живот проваливалось.

Это же просто рот, ничем не выдающийся! Им едят, пьют и временами говорят гадости всяким столичным снобам. Заслужившим, между прочим.

– Есть инстинкты, – признала, мысленно поглаживая уязвленную гордость. Не трусливая. Рациональная. Нельзя подставлять отца: он все, что у меня осталось.

Надо думать о хорошем. Впереди неделя каникул, в лавке дожидается трактат Милезингера. Нет смысла рисковать из-за лощеного квахара, с которым мы больше никогда не увидимся.

Совсем никогда! И это радовало до колючих мурашек. А два столкновения подряд – просто совпадение. Нелепое и неприятное.

– Хорошо, девица из Аквелука, – мужик почесал небритый подбородок. – Тогда жду извинений за нелестное сравнение, и мы расходимся в разные стороны.

– Какое? – я поморгала, перебирая в больной голове все, что он мог посчитать нелестным.

– *То самое.*

Золотой взгляд снова требовательно ковырнул по моим губам, и я поняла, что пора раскланиваться. Прямо срочно.

– Ах, это... Нет, сир, – выдохнула, проклиная себя всеми нехорошими словами, какие знала. – Это как раз было лестным.

Развернулась и побежала прочь. Отчаянно надеясь, что мужик не станет меня догонять и пытаться еще за что-нибудь схватить. У него не так много неиспользованных вариантов осталось, и это прилично нервировало. Так что ногами я перебирала шустро.

– Вы что, знакомы? – перепугал до полусмерти Вейн, бессовестно вынырнув из-за поворота.

Он смешно морщил лоб, в медовых глазах тлели искорки ревности. Я пихнула парня в бок и уложила больную голову ему на плечо. Глупый.

– Эв! – нахохлился приятель. – А ну, отвечай! О чем вы там столько времени трещали с самим...

– Пфф! – выдохнула через прикушенную губу и приподняла бровь. Он серьезно, да? Еще и обиделся. – Понятия не имею, кто это, Диккинс. А самомнения столько, будто он лучший друг Ее Величества и может тут всех положить одним щелчком пальцев. И ему за это ничего не будет. Ни-че-го-шень-ки!

– Вообще-то, Ламберт, он как раз...

– Проклятье! – ойкнула, наступив каблуком на шишку.

Нога подогнулась и поехала в сторону, чуть не усадив меня пятой точкой в лужу. Сегодня точно не мой день!

Всю оставшуюся дорогу до небольшого фонтанчика в центре парка я возмущенно фыркала и сопела. Заносчивый желтоглазый упырь не выходил из головы. Так свысока смотрел, что хотелось подпрыгнуть и больно щелкнуть его по гордому носу. Если бы дотянулась, конечно.

И чем он так меня зацепил? Наверное, это из-за магрени и дня памяти все так остро воспринималось.

Понятно же, что хитанец просто развлекался. Провоцировал, тыкал в больное и ждал, что будет. Разбавлял аквелукскую скуку, которая со всеми столичными снобами в первый день приезда случается. Обычное дело.

«Девушка из Аквелука». Обидно, кстати! Мы с папой сознательно выбрали спокойную, размеренную жизнь в Анжарской провинции. Подальше от Хитаны, пропахшей дразнящими запахами открытий и сильной магией.

Знакомиться с заумными трудами ученых я могу и здесь. Многие книги в лавке госпожи Фэрвей дублируют те, что хранятся на особых полках в столичной Королевской библиотеке.

– И вот что все перед ним так расстилаются? Смотреть противно, – заведенно шептала я, прячась в плаще Диккинса. – До чего неприятный человек! И слова цедит, будто говорить со мной – ниже его расфуфыренного достоинства.

– Привык, наверное, в этом своем...

– Вот из-за тех, кто на колени падает, сильные маги и думают, что им дозволено все... Вообще все, Вейн! – поглядела на парня, чтобы убедиться, что он меня внимательно слушает, а не просто орехами хрустит. Иначе для кого я тут распинаюсь? – Берут, что хотят, и не думают об оплате! Гадости говорят, не волнуясь, что могут кого-то обидеть и сна лишить.

– Не заводись, а то магрень усилится, – разумно остерег друг, но меня не проняло.

Все внутри ходуном ходило от возмущения. Казалось, вся мировая несправедливость сконцентрировалась в ухоженном типе с золотыми глазами. Слово он нес ее в себе и заражал своим равнодушием других.

– Может, я чего-то не понимаю? – продолжала сопеть негодуя.

– Ты просто не читаешь газет, – хмыкнул Вейн.

– Я читаю книги. И научные статьи в журналах. Мне хватает. А знать, какие нынче юбки носит Ее Величество, мне, Диккинс, совсем не интересно, – пробурчала с неприязнью. Не к Вейну, к варховым юбкам.

Отец вечно ворчит, что мне бы вместо того, чтобы ночами ковыряться в бытовых плетениях, чем-то женским увлечься. Шарф ему там связать, цветы в клумбу у дома высадить или картинки из журналов повырезать да на стенку наклеить. Забывает, что мне не двенадцать. В единорогов я давно не верю, а на новые юбки Ее Величества у меня стойкая аллергия.

– А вот если бы хоть изредка заглядывала в «Либтоунский Вестник», знала бы, что *этому* и впрямь все дозволено. Пошли, крикетка, подальше, – Вейн ухватил меня за талию и увлек вперед по дорожке. – Мне от темных мастеров всегда не по себе. Ставлю сто йоргенов на то, что у него аура чернее, чем адова бездна.

Мы добрали до большого круглого фонтана. Веселые струйки в нем сегодня не били вверх, медные краны тоскливо высывались из стоячей воды. На зеркальной глади качалась желтая листва, намекая, что осень действительно пришла в Анжарскую провинцию и пора утепляться.

Я отлепилась от горячего бока Диккинса и выпуталась из его плаща. Огляделась, вдохнула полной грудью. Я любила эту пору, когда клены-зубцы только начинают алеть. Когда плакучие гавы прощально шуршат облетающей листвой, а вековые туры гулко гудят скрипучими стволами. В такое время и дышалось как-то легко, по-особенному.

Но не сегодня. Воздух едва не застрял в горле, процарапал себе дорожку до легких и взорвался в груди острой болью.

– Что с тобой, Ламберт? – всполошился Вейн, таращась на меня во все глаза. А они у него красивые, я раньше не замечала.

– Не знаю, мне... плохо, – попыталась сформулировать шепотом.

Ощущения описанию не поддавались. Жилы по всему телу натянулись, взвыли, готовые лопнуть. И так необъяснимо страшно вдруг стало... Будто внутрь влезло что-то мрачное, несущее затхлый аромат безнадежности.

– Эйви... Эв!

Отмахнувшись от парня, я задрала рукав платья до локтя. Боль растекалась по телу именно отсюда, от моей «чернильной кляксы». Да только какие уж там чернила. От запястья по всей руке ползли серые венки, стремительно наливаясь черным. И это было больно... Ой, как же больно!

Я так сильно расширила глаза, что чуть сосуды не полопались. Вцепилась ногтями в руку сморщившегося Диккинса, простонала тихонько. Пыталась рассказать, как мне страшно, но горло сжималось, не давая издать нормальный звук.

Парень выглядел перепуганным, и это вообще никак не успокаивало. Ему бы заверить меня, что все будет хорошо и прямо сейчас к нам примчится лекарь... Но Вейн в священном ужасе косился

на мою шею. Похоже, дело было совсем плохо: Диккинс не из трусливых.

– Сейчас, вот так, – он перехватил меня за талию, помогая аккуратно завалиться на холодную траву. – Ложись.

Меня как-то незаметно обступила толпа. Откуда здесь столько народу? Еще секунду назад все шли по своим делам, а теперь стянулись к фонтану, будто магическим магнитом.

– Бедная девочка... – нервно шептала какая-то тетка.

– Проклятье, может? – причитала другая.

– Да какое проклятье? Сама Тьма!

– Не говори чепуху, откуда в девице тьма...

– А вот ее спроси. Всякие нынче девицы бывают...

– Помогите ей! Кто-нибудь! – прикрикнул Вейн, придерживая меня за затылок.

Дышалось трудно, на ребра словно откормленный гхарр всем своим весом уселся и временами пританцовывал. Было настолько больно, что я разом забыла и про магрень, и про хватание хитанца.

Собравшись с духом, медленно перевернулась на бок и подтянула руку к лицу. Ошарашенно проследила путь настырной черной змейки, стремящейся к локтевому сгибу.

Имира Сиятельная! А ведь это и правда похоже, как Тьма карает. Рисса показывала мне жуткие картинки из своей «Энциклопедии доварховых времен». Вот точно такие же черные ручейки, только нарисованные.

Но я же не делала ничего дурного? Да я самый безобидный теоретик на факультете: ни одного разрушительного эксперимента за три года! За что меня наказывать?

Лекарь не спешил, да и откуда ему взяться посреди Аквелукского парка? Толпа, судя по шепоту, уже провожала меня в последний путь. То ли в темную бездну, то ли к Варху на золотое облако. Прохожие так и не определились, невинная жертва я или «сама заслужила, раз Тьма лично явилась по ее черную душу».

Хотелось расплакаться совершенно по-детски и с обидой заявить, что ничего такого я не заслужила. Меня вообще трактат Милезингера в книжной лавке ждет, мне с него завтра еще копии делать сканирующим артефактом... И мамин день памяти... И Бал Варховых даров в академии...

С горьким стоном я безвольно уронила почерневшую руку обратно на траву. Уперлась взглядом в скопище равнодушных ног. В сапогах, в туфлях, в ботинках с начищенными носами... Они переминались, притопывали, но уходить не собирались. Ждали финала, словно им тут бесплатное шоу устроили.

За частоколом чужих ног продолжался парк. Мои глаза ощупывали размытый пейзаж, выискивая помощи и ответов. Почему? За что? Перелетали с рыжих кленовых листьев на припыленную дорогу, по которой лениво катились вояжеры, не замечая беды.

Взгляд потерял фокус, потом нашел, уперся во фруктовую палатку и полыхающий перед ней контейнер. Мариса приняла угрозу противного мужика всерьез и все сожгла.

Перед тем, как веки окончательно закрылись, взгляд перелетел через весь парк и на том конце уткнулся в страшные желтые глаза. Проклятье! Вархов хитанец – последний мужчина, которым мне хотелось бы любоваться перед смертью.

Глава 3

Глава 3

Даннтиэль

Остановка в пахучем городишке случилась вынужденно. Частное воздушное судно, что должно было доставить Данна в академию, вдруг сделало резкий разворот. Высадило брезгливо морщащегося Рэдхэйвена на окраине Аквелука, не побоявшись гнева мастера проклятий.

Это могло означать только одно: дела короны. Они, как ни хотелось спорить, в Эррене считались более важными, чем его личные.

И теперь Даннтиэль, умудрившийся уже где-то измазать служебный плащ, бросал тоскливые взгляды на Звездосвод. Нет смысла продвигаться к воздушной гавани раньше, чем подойдет время общественного рейса. В маленьких городках крохотные залы ожидания лишены комфорта, зато изобилуют запахами рабочих и простаков.

Потому он уже час перемещался по парку со скучающим видом, не представляя, чем можно себя развлечь в деревне. Местные – за исключением одной доставучей особы с зелеными глазами и пухлой, крайне завлекательной нижней губой – его совсем не забавляли.

Ему было неинтересно разбираться с партией зараженных фруктов, купленных по дешевке одной скрягой у другого алчного торгаша. К чему тратить время, если это ничего не изменит? Завтра все повторится. Скряга и алчный торговец встретятся вновь и заключат очередную сделку.

Грязь деревенских Данна больше раздражала, чем порождала любопытство. Местные нравы вызывали тошноту и желание помыться. После Хитаны здесь все казалось слишком... слишком. Во всех варховых смыслах.

Он довольно хорошо знал простых людей. Успел изучить за годы работы на высоком посту. Маска высокомерной, эгоистичной, ко всему равнодушной сволочи, которую он ежедневно старательно приклеивал за завтраком, избавляла от ненужных контактов. Благо, слабые маги,

учуяв черную ауру и завидев блеск в глазах, и сами не искали с ним дружбы. Что-то в нем отпугивало других, и это его устраивало.

И все-таки девица умудрилась царапнуть по самолюбию, которое в приличном объеме имелось в закромах даннтиэлевой души. Как легко она его прочла! Несколько фраз, а сколько яда. Тем обиднее, что вполне справедливого.

Вспомнив о задиристой девчонке, наивно пытавшейся заставить его отмывать чужие фрукты, Данн принялся разыскивать глазами хрупкую фигурку в не то зеленом, не то голубом платье. Методично очерчивал взглядом дорожки, скользил по неправдоподобно зеленой траве...

Сам не знал, зачем занимается этой чепухой. Неужто соскучился по острому язычку? В Хитане мало кто осмеливался ему дерзить. Да и в любой другой провинции Эррена люди, как правило, читали газеты и узнавали его по одной только эмблеме на плаще. Словом, непривычное ощущение.

Что-то манило его взгляд в сторону фонтана. Там галдела толпа, но не это привлекло внимание. Все тело подобралось: мастер защиты от проклятий вдруг ощутил знакомый сладковатый аромат. Дыхание темной стороны.

И хоть для Данна не было ничего привычнее этого запаха, он все равно неприязненно передернул плечами. Нечего делать Тьме посреди жизнерадостного, раскрашенного в осенние тона Аквелукского парка!

Толпа расступилась, и он с разгона врезался в зеленый взгляд. Нашлась его мелкая зараза.

Лежавшая на траве девица неприязненно скривилась и спешно зажмурилась. Узнала. Тем проще: он тоже позволил себе отвернуться и зашагать в другую сторону. Ей помогут. Или нет. Не его, Варх дери, заботы.

То, что ему скучно, еще не значит, что он начнет с энтузиазмом разгребать проблемы всех местных. В толпе полно взрослых магов с полным резервом, он бегло считал их ауры издалека. Кто-нибудь вызовет целителя или довезет девчонку в лечебницу, если дело совсем плохо.

Данн плотнее запахнул перепачканный плащ, поднял воротник, защищая себя от пронизывающего ветра, и пошел к дороге. Остановит

первый вояжер и поедет в местную гавань, подальше от чужих проблем. Не так и кошмарно в тех залах ожидания.

Это все не его варховы проблемы. Фрукты, лавка, девчонка... Наверное, отравилась одним из тех яблок. Или нет. Не его дело.

В городе есть местное подразделение маггвардии, вечером он направит им записку с наводкой, пускай сами разбираются с неблагонадежным поставщиком. И лечебница тоже есть, как он слышал, вполне пристойная.

Данн великодушно разрешил себе идти дальше. И сам же себя не послушался.

Что-то во взгляде заносчивой девчонки не отпускало. Она давно закрыла глаза, толпа плотно сомкнулась над ней, но это не мешало Рэдхэйвену помнить. Взгляд, исполненный безумной, бесконечной боли, вьелся в него, просочился под кожу. Он видел такие раньше.

Маг остановился, обернулся и напряженно вцепился глазами в толпу. Данн что-то упускал. Непохоже это на отравление омраченным яблоком.

Тонкая бледная рука просунулась между чужих ног и безвольно упала на зеленую траву. От хрупкого запястья тянулись темные вены, он умудрился разглядеть их даже со своего конца парка. Вся ее кожа до локтя подернулась серой паутинкой. Такое он тоже раньше видел.

К гхаррам! Час до рейса у него есть, и если девице еще можно помочь...

Толпа расступилась сама, едва Данн потревожил темной аурой личное пространство крайних. Ему даже кашлять, в отличие от девицы, не пришлось. Инстинкты самосохранения не дремали и отбросили публику на несколько метров в стороны.

Впрочем, любопытство – совершенно глупая черта! – отчаянно с полезными инстинктами боролось. Так что совсем расходиться никто не спешил.

Пихнув в бок нервного белобрысого паренька, усердно трясшего девчонку, как какую-нибудь тряпичную куклу, Данн склонился над умирающей. Ведь именно таковой она и была. Теперь, вблизи, он видел это ясно.

– Вы целитель? – недоверчиво протянула бабка, стоявшая ближе всех. То ли уже плохо чувствовала ауру, то ли решила, что на своем веку боялась достаточно.

– Скорее, наоборот, – усмехнулся непрошенной черной мысли Даннтиэль.

Странные магические хвори его увлекали, но не более того. Было нечто волнительное в том, чтобы смотреть, как хрупкая жизнь по невнятным причинам вытекает сквозь пальцы. И торжественное, величественное, гордое – в том, чтобы нащупать верную нить, дернуть умело и вернуть эту утекающую жизнь на место.

Пожалуй, в эти моменты Данн ощущал себя кем-то вроде Варха Всемогущего. Но если не получалось, сильно не расстраивался. Не страшно: потешит самолюбие в другой раз. Эгоистично, но он с собой давно примирился.

Черная венка угрожающе пульсировала на девчачьей шее, удобно лежавшей в его ладони. Тьма уже и сюда добралась, распробовала сладкую невинность... Шустрая, плутовка.

Прорвав завесу, Тьма охватила девицу целиком, заполнила сладостным ядом, как трепетный хрустальный сосуд. Несколько минут – и приговор будет приведен в исполнение.

Демоны мрака! Данн тут ничем не поможет. Все кончено, хоть со стороны пока незаметно. И потому белобрысый еще заламывает руки в глупой надежде.

Почему это произошло? Куда делся крепкий барьер, призванный стоять на защите святая святых – человеческой души? Отчего так ослаб, что дал трещину? Много, много вопросов... Чужих, не его. Маггвардия во всем разберется.

Неприятная мысль скрутила живот: скорее всего, защитный барьер треснул неспроста. Такое редко, но случалось – из-за наследственных хворей и слишком смелых магических экспериментов. И был еще один вариант, самый гадкий...

– Эй, сир, вы куда?! – вскрикнул парень, едва Рэдхэйвен начал подниматься с колен.

Данн на него не смотрел – как примагниченный, пялился на пухлую, добела закушенную губу. Зачем-то бросил скупое «Прости» и опустил невесомую голову на траву. Попытался встать, да только чуть рядом с девицей не завалился, измазав остатки одежды в местной грязи.

– Что за?.. – дернул ногой, не желавшей распрямляться. Что-то его не отпускало.

Данн распахнул плащ, покрутился, пытаясь понять, за что зацепился брюками. И обнаружил на ткани целых пять намертво сжатых тонких пальцев. Тьма ее раздери! Девчонка держала крепко, моля об одной единственной попытке.

Черные пушистые ресницы дрогнули. Из-под приоткрывшихся век появились бледно-зеленые глаза, исполненные такой муки, что холодом пробрало.

Нет, она не просила. Не жаловалась. Просто смотрела с ужасом, не понимая, что с ней творится. Не осознавая еще, что умирает.

Захотелось вдруг соврать малодушно. Обнадежить, что завтра утром доставучая зараза проснется в собственной постели. Что сможет снова наслаждаться рукоделием, журналами, пением птиц... Или чем там девицам в этом возрасте наслаждаться положено?

– Хорошо, – ответил Данн скорее себе, чем девчонке. – Я попробую.

Шикнул злобно, и любопытствующую толпу отбросило еще на пару метров. Ему нужен воздух и пространство.

Посмотрел на девчонку строго, безмолвно упрекая в том, что она втягивает его в Варх знает что. Она тут же захлопнула веки, избегая укора. Обмякла, удрал в спасительный обморок, оставив его наедине с проблемой. Зараза.

Данн пробежался пальцами по вороту платья, слишком легкого для промозглой погоды. Бессердечно вырвал с мясом несколько пуговиц, освобождая задыхающееся горло. Вернул правую ладонь на горячий затылок, левую разместил между ключиц. Вот так, кожа к коже. Он знал, что делать, но от этого было не легче.

Даннтиэль звал, и Тьма откликнулась. Сначала неохотно, а потом с жадным, алчущим энтузиазмом: она давно ждала этой встречи. Станный, никому не слышный диалог...

Черные вены, опутавшие девчачьи руки до самых плеч, пульсировали, шевелились. Скользкими змейками тянули хвосты к бледной шее. К точкам, которых касались пальцы мастера. Сворачивались в клубки и концентрировались смертельным сгустком в ложбинке между ключиц.

Во что он ввязывается? Во что он, Тьма его побери, ввязывается?!

К гхаррам... Или сейчас, или уже никогда. Совсем никогда. Данн резко выдохнул и впился в нежную шею губами.

Едва он коснулся тонкой кожи, девчонка вынырнула из обморока. Вскрикнула, всплакнула судорожно и вся затряслась.

– Отпусти! – прорычал Данн настойчиво, предвкушая поток боли, который вот-вот заструится по его венам.

Как он позволил себя в это втянуть? Уже ведь не так молод, как в академические годы, чтобы участвовать в сомнительных экспериментах.

Но отступить было поздно. Темная сладко-горькая мерзость послушно вытекала из юного тела и впитывалась ему под кожу. Почти сразу же она растворялась, пропадала, оставляя после себя лишь тоскливую боль.

Данн осел на траву и прикрыл глаза, надеясь избавиться от мельтешащих перед ними черных точек. Лишнее напоминание, что ему давно не двадцать.

Аквелукская девица снова лежала без сознания. На бледные щеки возвращался румянец, ресницы остановили суетную дрожь. Можно было поверить, что беда миновала. Но Даннтиэль слишком хорошо знал Тьму.

Так просто от лакомой добычи она не откажется, а защитный барьер разорван в клочья. На восстановление магических связей уйдет не меньше недели. Сколько раз за эти дни грязь изнанки сумеет пробраться внутрь?

– Ты был с ней до приступа? – не вставая с травы, наклонил к себе патлатого белобрысого паренька. – Какой уровень силы?

– Я только учусь...

Данн распрямылся, покосился на Звездносвод, поморщился. Вархова бездна! Полчаса до отправления!

Даже королевского мастера проклятий воздушное судно ждать не будет. Хотя бы потому, что он сейчас не на службе. И вопрос, что ведет его в Анжар, куда более личный и серьезный, чем обычные поручения Ее Величества.

Рэдхэйвен пригляделся к ауре, окутывающей мальчишку. Неплохо одарен и резерв до краев наполнен, но... Мда, слишком юн и беззаботен, чтобы знать те чары, которые его интересуют.

– Тормози первый вояжер, какой увидишь, – подтолкнул парня к пыльной дороге, а сам подхватил девчонку на руки. Удивительно:

создание со столь тяжелым, изматывающим нравом почти ничего не весило.

Толпа начала рассасываться. Если кто и хотел задать вопрос о здоровье девицы, то не решался, наталкиваясь на жуткий взгляд. После тесного общения с Тьмой Рэдхэйвен был не в настроении вести светские беседы. Их взаимные счеты тянули на очень, очень длинный список.

Через пару минут парню удалось поймать приличный транспорт, и Данн погрузил омраченную девицу внутрь.

– Ты едешь с ней, – схватил мальчишку за отворот плаща и цепко посмотрел в глаза, убеждаясь, что каждое его слово попадает в цель. – Вези ее домой.

– Может, в лечебницу лучше? У нас отличные целители, не хуже столичных...

– Домой, не сворачивая, – хрипло бросил Данн, разыскивая в горле свой обычный голос.

Не стал тратить время на объяснения. Аквелукским лекарям девицу не спасти. Велика вероятность, что во всем Эррене только один маг способен справиться со столь необычной хворью.

– Вели переодеть в другую одежду. Уложить в постель и плотно зашторить окна, – сыпал инструкциями королевский мастер, явно не за этим всем сорвавшийся со службы перед самым Балом Варховых даров. – Все, что было на ней – сжечь.

– А потом? – белобрысый неуверенно переминался с ноги на ногу.

– И предупреди, что я приду к вечеру, – нехотя добавил Рэдхэйвен.

Видно, подошло время для подвига по расписанию. Жаль только, час подвернулся катастрофически неудобный.

Воздушные суда ходят в Анжар каждый день. И Данн еще мог потешить себя надеждой, что завтра утром все-таки попадет на рейс и прилетит в срок... Но только если родственники болтливой девицы из Аквелука откажутся от его услуг. В противном случае он застрянет в этой пахучей деревне на неделю. Проклятье!

А ведь он еще успевает на сегодняшний рейс. Не поздно оставить все, как есть. Бросить вархову зеленоглазую заразу в лечебнице. Он ведь оказал первую помощь, а дальше... Разве это его проблема? Разве не ждут его крайне важные дела в Анжаре – тоже, к слову, вопрос жизни и смерти?

Но нет, проходить мимо надо было раньше. Намного раньше, еще у фруктовой лавки, а лучше – в книжной... До того, как девчонка задела за живое, ковырнув до мяса, царапнув по кости. Как расшевелила совесть, сдобрив ее изрядной порцией честной злости.

– А она не того... к вечеру? – промямлил, судя по всему, ее ухажер.

– До полуночи должна дотянуть, – проворчал Данн.

Он ведь давно примирился со своей натурой, его все устраивало. Так какого Варха он ввязывается в чужую беду, в которую его не звали?

– А как вы найдете?..

– Не беспокойся. Тьму я всегда найду.

Данн пропустил парня и захлопнул дверцу вояжера, прикидывая, сколько писем ему нужно отправить. На самом деле, он давно понял, что ни в какой Анжар не едет.

Сразу, как увидел исполненный боли и страха зеленый взгляд. Как ощутил пальцы, крепко сомкнувшиеся на его одежде. Даже если родственники окажутся глупцами и откажутся от его услуг, он найдет способ их переубедить.

Глава 4

Глава 4

Даннтиэль

Дом был мрачен и тосклив. Мудрыми старыми стенами он чувствовал беду, свалившуюся на бедное семейство.

Внутри было пыльно и ветхо. Пахло книгами, памятными альбомами, вызволенными с чердаков, и сентиментальными безделушками, что обычно хранят в закрытых картонных коробках.

Навстречу Данну вышел старик, который при ближайшем рассмотрении оказался куда моложе предполагаемого возраста. Скорее отец, чем дед. А морщины на лбу углубились только сегодня, и причина тому была известна.

– Кто вы? – поприветствовал гостя сухим кивком хозяин дома.

Мыслями он явно находился не здесь, а с девицей, лежавшей на верхнем этаже. Данн отсюда мог определить дверь, за которой ждала зараза. Так же, как без труда нашел *этот* дом, наполненный тоскливым мраком.

Тьма имела совершенно специфический аромат и вкус. Он его всегда узнавал, такой дразняще терпкий, сладковато-приторный, знакомый. Рэдхэйвен с ним давно сроднился по долгу службы.

Данн слишком измотался сегодня, чтобы церемониться со стариком. Он с прошлой ночи на ногах и давно был не прочь прилечь. Или хотя бы присесть, устроившись в самом темном углу какой-нибудь пустующей харчевни за стаканом анжарского крепкого... Там он вполне сносно провел бы время, дожидаясь утреннего рейса.

Затоптав в пахучую аквелукскую землю пустые надежды, Данн сунул хозяину визитку с эмблемой двора на титульной стороне. Ожидал, что папаша кивнет уважительно и приосанится, как обычно бывало... Но старик только недоверчиво фыркнул. Да эта вежливость у них наследственная!

– «Главный мастер защиты от проклятий королевского двора», – прочитал старик по слогам, вертя карточку в ладони. Стушевался едва заметно, но быстро взял себя в руки. – Кхм, я, кажется, видел ваше фото... в «Либтоунском Вестнике» этим летом.

Данн болезненно поморщился. Летом... Скорее, там была дурацкая карикатура с участием юбок Ее Величества. Но в данный момент он был не против даже такого нелепого узнавания. И впервые за карьеру испытал благодарность к главной газетной сплетнице Мэтьюз-Грейс.

– И вы нам поможете? – неуверенно уточнил старик.

– Попытаюсь. Но на своих условиях, – Данн нахмурил лоб и прошелся по коридору. Дальше его не пригласили, а значит, обсуждать «неприятную часть» придется в проходе. – Восстановление барьера – процесс небыстрый. Сами понимаете, насколько аппетитной выглядит ваша дочь в глазах Тьмы. Или... не понимаете?

Прищурился, нацелив острый взгляд на хозяина. Тот под ним даже не дрогнул.

– Она крепкая девочка. И телом, и магией, – зачем-то заверил его старый чародей.

Будто тренированные ноги и сильная искра хоть кому-то помогли убежать от Тьмы!

– *Очень аппетитной,* – Данн до боли выгнул бровь, надеясь побыстрее достичь с папашей взаимопонимания и перейти к еще более неприятной части. Их впереди было до Варха, и все как одна паршивые. – *И невыносимо желанной.*

Хозяин растерянно почесал короткую бороду, провел рукой по лысеющей макушке, выдохнул... и, поразмыслив, согласно кивнул. Еще какой желанной. Такие подарки Тьме достаются редко.

Позади старика открылась дверь, и мимо них прошла полная женщина приятной наружности, не то кухарка, не то экономка. Из проема показалась роскошная библиотека – явный центр притяжения всего дома. Даже отсюда чувствовался щекотный аромат ветхих изданий.

Маги-интеллигенты... Нет, он ничего не имел против умников, не вылезавших из библиотек. Но те, как правило, слишком некрепко стояли на земле, все норовя долететь мыслями до варховых золотых облаков. Ученых редко заботили скучные мирские проблемы. В этом они с Данном, пожалуй, были похожи.

Осознавал ли стоящий впереди мужчина, что уже почти невозможно отвоевать девчонку у опьяненной Тьмы? Одурманенной, распробовавшей вкус невинной жертвы? Как обезумевшая гончая,

учуявшая манящий запах крови, она станет выслеживать ее снова и снова. Забираться в нежное тело, мучить, очернять, отвоевывая для себя душу по кусочкам...

Единственный способ договориться с Тьмой на ее территории – предложить что-нибудь взамен. Нечто столь желанное, что затмит даже дурманящий аромат невинности. И по счастливой случайности у Данна было чем ее приманить.

– Моя девочка не сделала ничего дурного, Варх свидетель! – горячо прохрипел старик, пошатываясь, словно в бреду. – Днем приходили целители... А потом служительницы храма Имиры Сиятельной... Они говорили... *всякое*.

– И каков вердикт? – с насмешливым интересом уточнил Данн, догадываясь, каким будет ответ.

– Лекари незнакомы с подобной хворью. Они предположили проклятье, но снять не смогли, – сердито выдохнул папаша, со злом сминая в кулаке визитку. – Храмовницы призвали меня смириться с карой, ибо только черные души становятся жертвами Тьмы.

Хозяин развернулся и, дергано шагая, вошел в библиотеку. Он громко сопел и не спешил снова смотреть на гостя. Бубнил себе под нос, словно вовсе не с Данном разговаривал: *«Моя жена была ученым... Выдающимся, одаренным, не каким-нибудь шарлатаном! Отец ее больше смыслил в религии, чем в науке... Но где они, эти наука и религия, когда моя малышка мечется в постели от боли?»*.

– Так что *вы* скажете, королевский мастер? – воскликнул старик с вызовом, опираясь дрожащей ладонью на книжный шкаф. – Это кара, болезнь или проклятье? Заслужила моя девочка наказание или это нелепая случайность?

– Не проклятье и не кара, – холодно выдал Рэдхэйвен и сделал шаг назад, избегая чужих заразительных эмоций. – Первое я бы не пропустил, что до второго... Аура девчонки сияет, как тот начищенный артефакт, что стоит у вас над камином. На мой взгляд, даже перебор с чистотой для ее возраста.

– Ну, это уж не вам решать! – воинственно взвился папаша, как-то резко помолодев.

– Я буду приходить каждый вечер, в десять по Звездосводу, – перешел Даннтиэль к самой неприятной части. Пустые скандалы его

раздражали, но реакцию он легко мог предугадать. – Встречать не нужно. К этому моменту в доме должно быть тихо и темно.

Маг коротко кивнул, соглашаясь, что эти требования исполнить в его силах.

– Я буду подниматься к ней в комнату и оставаться до утра. Никто не должен в это время туда входить. *Никто*, даже вы. До самого рассвета, что бы вы ни услышали, – Данн договорил уверенно и спокойно, но лицо старика все равно побелело и предательски сползло.

Мда... такая вот нынче медицина. Мисс Мэтьюз-Грейс была бы счастлива о ней написать в своей газетенке. Такая жирная почва для скандала.

– Вы будете оставаться... с моей девочкой... наедине? В ее спальне? По ночам?! – взревел гордый папаша и смерил незваного гостя гневным взглядом.

Данн устало воздел глаза к потолку: очень, очень неприятная часть.

– Именно так. И ваши отцовские страхи меня мало волнуют. К тому же невоспитанная девица не в моем вкусе, – поморщился Данн, вспомнив перепалку в парке.

Не знал, кого больше в этом пытается убедить – себя или сердобольного папашу. Зеленоглазая зараза и впрямь ничем не походила на столичных девушек, с которыми он заводил короткие романы время от времени.

На последнюю – так особенно. Прямо скажем, они были похожи ничуть не больше, чем небо и земля, Варх и Тьма, помпезный королевский двор и горящий сочной листвой парк Аквелука...

– Мне совсем нельзя присутствовать? – прошептал старик, покорно проглотив обиду.

– Я не готов открывать публике свои... кхм... «нетрадиционные целительские методики», – проворчал мастер защиты.

Данн не утруждал себя сомнениями, а не звучит ли это как-то двусмысленно? Видит Тьма, оно и выглядит так же. И именно поэтому папаше лучше не смотреть, для их обоюдного блага и психического здоровья.

– Соглашайтесь или отказывайтесь. Решение за вами, – передернул плечами, уговаривая себя уйти, если укажут на дверь. Видит Тьма, с него достаточно унижений для одного дня.

– Зачем вам это? – спросил старик, все еще крутя мятую карточку в узловатых пальцах. – Не поймите неправильно... Вы состоите на службе у Ее Величества. И вряд ли она послала вас в Аквелук помочь моей дочери. Вряд ли короне вообще есть дело до здоровья моей малышки.

Глаза старика не озаарились блеском благоговения на словах о монаршей особе. Что в них сверкало, так это ярость. Рэдхэйвен был почти уверен: не будь ситуация трагичной, маг захлопнул бы перед его носом дверь.

Впрочем, все свое недовольство хозяин скрыл за маской равнодушной учтивости. Он точно когда-то жил в столице, раз научился быстро прятать эмоции. Без этой способности в Хитане никак.

– У меня полно свободного времени, – лениво соврал Даннтиэль, пожав плечом. Игра в гляделки с непробиваемым магом порядком утомила. – И надо чем-то разбавить скуку. У вашей... кхм... «малышки» интересный случай.

«Интересный случай», мда... И поэтому он еще час назад отправил письмо Найджелу и сообщил, что опоздает на неделю? То, другое дело тоже было неотложным.

И все-таки Данн остался в Аквелуке – небольшом городишке, последней остановке на пути в Анжар. Себе он правдиво ответить не мог, но отцу девчонки нужно было сказать хоть что-то.

– И это все? Вам... скучно?

На морщинистый лоб выскользнуло что-то вроде отвращения. Но затем старик поразмыслил и, видимо, счел эту причину не самой паршивой из возможных. Даже как будто успокоился.

«Столичный сноб, убивающий скуку странными способами» вполне вписывался в его картину мира и подозрений не вызывал. В отличие от хитанца, который решил бы помочь по доброте душевной и из сочувствия к чужой беде.

– Я не люблю бросать начатое, – добавил Данн, морща нос. Запах Тьмы и книг, намешанный в доме, уже въелся в его одежду. – То, с чем мы столкнулись, весьма специфическое явление. И, пожалуй, мне любопытно, подействует ли мой... кхм... метод.

– «Нетрадиционный», – проворчал старик, брезгливо выбрасывая визитку в урну для бумаг.

– Экспериментальный. И еще: я сделаю это не бесплатно, – Рэдхэйвен склонил голову набок и сощурил глаза, с интересом наблюдая за реакцией. Он не бедствовал, но полагал, что любая работа должна оплачиваться. По справедливости и исходя из возможностей. – Через неделю я выставлю вам счет.

– Просите все, что угодно, мастер Рэдхэйвен, – побежденно пробормотал хозяин дома, окончательно успокоившись на слове «счет». Картинка в его голове полностью собралась.

– Именно так я и сделаю. Закончив лечение, попрошу у вас... *то, что мне угодно.*

На верхний этаж вела красивая витая лестница. Чувствовалось, что еще утром здесь кипела жизнь.

Дом утопал в цветах, но теперь их запах забивала расплзшаяся по пространству Тьма. Невидимая, неосязаемая, но присутствующая столь явственно, что хотелось немедленно выйти на улицу и продышаться. И все-таки Данн сделал еще один шаг вперед, забираясь на последнюю ступеньку.

Узкий коридор, разграничивающий спальни, был украшен сотней симпатичных мелочей. С десятков рамок с портретами красивой зеленоглазой женщины с аристократическими чертами и темными волосами, заплетенными в толстую косу. Коллекция безделушек под стеклом – всяческих шестеренок и устаревших бытовых артефактов, которыми уж лет сто, как не пользовались в Эррене.

Он толкнул левую дверь и вошел в спальню. Шторы, как он и просил, были плотно задернуты. Девчонку переодели в белую сорочку до пят и уложили на постель.

Она была на самой границе сознания – еще не в обмороке, но и не в ясном уме. Лежала на подушках, раскинув руки и жалобно похныкивая в забыты.

Он едва не опоздал, расшаркиваясь с дотошным папашей. Варх дери... Надо было просто выбить дверь и пройти наверх, не дожидаясь великодушного разрешения!

Данн нагнулся над кроватью, пытаясь получше рассмотреть ее в полумраке. Серая тень вновь натянулась на миловидное лицо. Глаза впали, под ними пролегли синие пятна. Но болезненный вид лишь сильнее выявил красивые черты.

Упрямые черные брови, пушок длинных ресниц, разметанные в подушке темные волосы... Узкое, продолговатое лицо, скульптурно очерченный подбородок... Высокий бледный лоб, покрытый испариной. Пухлая нижняя губа, искусанная в кровь...

Зараза и впрямь была привлекательной девушкой. И это несколько усложняло «экспериментальную методику». Сильно, сильно усложняло.

Рэдхэйвен даже не знал ее имени. Забыл спросить. Или не захотел. Какое имело оно значение здесь и сейчас?

Тьма мучила свою жертву, обволакивая девчонку паутиной, упаковывая в кокон, сотканный из мрака. Черные прожилки снова расплзались по телу тонкими змеями. Наплывали на точеные скулы, на шею, на ладони и длинные пальцы.

Если бы кто-то вовремя заметил трещину в барьере... До того, как Тьма проторила в это тело дорожку и «подсела» на дарованную чистоту... Всего этого можно было бы избежать.

– Кто-то! – фыркнул Данн и со злостью потер морщину поперек лба. – Я должен был заметить. Я.

Она ведь столько времени торчала прямо перед ним в варховой книжной лавке! Забавно покашливала, пытаясь привлечь внимание.

А он заскучал за книгой и искал способ развлечь себя до рейса. До отправления была еще пара часов, и Данн был близок к тому, чтобы помереть с тоски. И потому старательно изображал глухого, провоцируя аквелукскую простушку.

А когда все-таки обернулся к ней, то ничего не заметил. Ни мрака, ни дыры в барьере... Только дерзкие зеленые глазищи, расширившиеся от изумления, и скривившийся красивый рот.

Девушка испугалась, и это оказалось неприятно. Обычно Данна забавляла чужая реакция на его жутковатую персону.

И нет, деревенской простушкой задиристая девчонка не была. Магию его сразу почувствовала, но не отступилась, а только сильнее завелась. Будто его плащ, выдававший обеспеченного хитанца, был для нее, как красная тряпка для бешеного гхарра.

Раньше королевский мастер защиты от проклятий Тьму не пропускал. Варх, ведь это его работа! Было это черное пятно на запястье или нет? Наверняка и тень над девушкой нависала еще в лавке. Так это всегда и случается. А куда смотрел Данн?

А Данн, как распоследний облезлый гхарр, пялился на красивый рот, задумчиво посасывающий аккуратный пальчик. Какую там грязь девчонка хотела им протереть – не его дело. Его занимал сам процесс. Будто ртов в столице не насмотрелся!

Тронется он в этом Аквелуке. Видит Тьма, тронется. Так и не доехав до Анжарской академии и не вернув долг старику Мюблиуму.

Данн прошелся по спальне, отвернулся к окну, расстегнул тугой ворот на рубашке. В парке все прошло легко и почти безболезненно. Но это была только разминка.

То, что он планировал сделать сейчас... Даже у него в голове пока не укладывалась задуманная «нетрадиционная медицина», достойная самой скандальной полосы «Либтоунского Вестника». Демоны мрака!

И как он в это ввязался? Девчонка совсем еще дитя в магическом смысле. И судя по сияющей ауре, до оскомины невинна. Как умудрилась? На вид заразе никак не меньше двадцати, а в академиях нынче Варх знает что творится...

А кое о чем даже почтенный Варх не догадывается. Поэтому Даннтиэля и вызвал Найджел, давний приятель и ректор в Анжаре.

А он, как идиот, вместо того, чтобы поспешить, застрял на неделю в постели с непорочной задиристой девицей. И вовсе не по той причине, которую мог бы предположить любой случайный свидетель.

Данн украдкой покосился на мечущееся на подушках юное тело и набрал воздуха в грудь. Он, может, и сам бы от «той причины» не отказался. И про вкус свой, избалованный столичными барышнями, даже не вспомнил. В каких-то других обстоятельствах.

Но «развлечения» ему тут предлагались совсем иного рода. Такие, какие он нескоро забудет.

– Ммм! – простонала девчонка, в бреду цепляясь зубами за подушку.

Ее мучила боль, но прозвучало уж слишком волнительно. Настолько, что Данн метнул хмурый взгляд на закрытую дверь.

Не потому, что боялся свидетелей (в наличии с той стороны нервного папаши он даже не сомневался). А потому, что закравшаяся мысль о побеге остервенело толкала его к выходу.

– Агхрр! – рыкнула девчонка в потолок. Застонала сильнее, выгнулась на постели и тяжело задышала.

Вархова бездна!

– Сейчас, зараза, – пробормотал Рэдхэйвен, бросив прощальный взгляд на дверь.

Пора смириться, он застрял в этой западне на неделю. И это только начало.

Был, конечно, способ решить эту проблему за одну ночь, сделав девчонку менее привлекательной в глазах Тьмы. И вот как раз о нем Данн старался не вспоминать, обвиняюще поглядывая на постанывающее тело. Такого «целительства» папаша точно не одобрит.

Прервав поток ненужных мыслей, Данн подошел к постели, скинул ботинки и присел рядом со своей проблемой. Выдохнул, поджал губы. Быстро расшнуровал завязки, стягивающие ее сорочку спереди, и аккуратно стащил ляжку с острого бледного плеча.

Чутье уже сейчас кричало, что благодарности он от зеленоглазой не дождетя. Но ничего... Попросит себе достойную оплату и тем утешит уязвленное самолюбие. Данн видел в доме кое-какой старинный артефакт, древний накопитель энергии.

Редкая штукавина, забытая в веках. Но, похоже, еще рабочая: недаром выставлена внизу на камине, а не в коридоре под стеклом. Рэдхэйвен придумает, куда ее приспособить.

– Потерпи еще немного, – прохрипел Данн, расправляясь со второй ляжкой и приспуская сорочку. Девчонка, почуяв неладное, тут же завозилась на постели. Захныкала возмущенно, сопротивляясь его рукам. – Терпи! Успокойся, так надо.

Слышала она его вообще или просто в бреду металась? Хорошо бы она ничего об этих ночах не вспомнила. Ему такая слава при дворе будет лишней.

– Я не причиню тебе вреда, – на всякий случай заверил Данн, хотя сомневался, что девица его понимает. – Надеюсь.

И он надеялся. Очень. Взывал к Варху и прочим забытым божествам, дышал сосредоточенно, ровно... Она действительно была не в его вкусе. Категорически.

Так убеждал себя Даннтиэль, стягивая с плеч пиджак и рубашку, оголяя торс и медленно, словно нехотя опуская тело на упирающуюся девчонку.

Демоны! Догадывался, как сомнительно его «целительство» смотрится со стороны.

– Да уймись же ты... – прошипел сердито, получив очередной тычок в ребра от бредящего создания. – Я сам не в восторге. Видишь, как страдаю?

Ни гхарра она не видела. Жмурилась, убегая от проблем и его пронизывающего взгляда. Зато, обессиленная от мук, все же находила в себе энергию для сопротивления. Извивалась и бессознательно корябала когтями его грудь, оставляя на ней заметные красные полосы.

Данну, конечно, не перед кем было красоваться голым торсом в этой Вархом забытой деревушке. Но отметины все равно раздражали. Они грозились напоминать все завтрашнее утро о том, о чем он надеялся забыть через полчаса.

– Ммм! – возмущенно промычала зараза.

Недовольно увернулась от его ладоней, пытавшихся усмирить девчонку и прижать теснее. Мягкую, разгоряченную... Уже сейчас, без всякой Тьмы, отравляющую его существование.

– Мне просто нужен контакт с венами! – рявкнул Данн, все сильнее заводясь и разъярясь. Зашептал торопливо, донося информацию если не упрямыце, так хоть ее подушке: – Иначе она не ответит. Не почувствует, какую сладкую добычу ей предлагают на замену... Она слишком вошла во вкус, слишком опьянела. Я должен докричаться, Тьма тебя побери!

– Гхрр!... – сдавленный рык был ему ответом.

Она или ни гхарра не понимала, или боль ей была милее общества мастера проклятий. И потому продолжала вертеться в его ладонях ужаленным анжарским змеем.

– Бешеная! Ты хочешь, чтобы боль ушла, или нет?

Тряхнул бредящую девицу, рассчитывая привести в чувство хоть на секунду. Тут же пожалел об этом, умудрившись получить локтем в глаз.

Расцарапанная грудь саднила, и Данн всерьез задумался – так ли уж нужен ему тот вархов артефакт? Может, Тьма вовсе не случайно забрела в девицу? Судя по ощущениям, она то еще исчадие мрака.

Спустя десять минут невыносимой возни зеленоглазая зараза, измотанная пополам Тьмой и Даннтиэлем, выбилась из сил и позволила прижать себя к груди. Змеи-венки тут же запузырились и, вздымаясь, стали послушно стекаться к ямочке между ключиц. Ну, слава гхаррам...

Тьма услышала зов, согласилась на обмен и теперь азартно готовилась к переходу. Не стоило заставлять ее ждать.

Данн прильнул губами к мокрой от пота шее. Слегка прикусил соленую кожу, чтобы девчонка не вырвалась в самый ответственный момент. Приподнял внутренний защитный заслон, раскрылся для алчущей плутовки. Замер приглашающе. Ну, давай же!..

И она пришла.

Девчонка едва слышно похныкивала, пока он пил ее тьму. Высасывал, пьянея от горькой муки, растекавшейся по венам.

Эта боль была сладкой и терпкой, знакомой. Она ломала ноги и руки, натягивала жилы до предела... Но вдруг отпускала, заставляя чувствовать острее. Манила свободой и снова затягивала кандалы.

Он давно привык к Тьме и с легкостью переносил то, от чего неподготовленный девичий организм сдавался и терял сознание. И все же в боли не было ничего приятного. Кроме того, что теперь она была *его*, а не *её*. Странно, но эта мысль немного грела и заставляла продолжать «экспериментальное целительство».

Данн вытянул черный яд без остатка и, обессилив, упал на подушку. Девица давно лежала без чувств, но заметил он это только сейчас. Нащупал ровный пульс, послушал с минуту робкое дыхание и закрыл глаза, обещая себе убраться из этой постели задолго до рассвета.

Глава 5

Глава 5

Даннтиэль

В дверь тихо, но настойчиво поскреблись, и Данн с неохотой разлепил глаза. Уперся ословелым взглядом в незнакомый низкий потолок. Скосил глаза на окно, утопающее в бело-розовом облаке штор. Что за нелепица? И где он, Варх раздери, находится?

Рядом что-то шумно сопело, и он повернул голову к источнику звука. Скривился от нахлынувших воспоминаний и обреченно вбил затылок в подушку. «Убраться задолго до рассвета»... Как же!

Умиротворенное бледное лицо с еле заметным намеком на утренний румянец было развернуто в его сторону. Черные брови были укоряюще сдвинуты. Даже во сне девчонка обвиняла Данна в том, что тот посмел задержаться в варховой постели.

Он устало потер заросшие щеки, зажмурился, проморгался. Давно он не практиковал соединение с Тьмой. Вот и расслабился. Заснул. Выключился, как слабенький, измотанный веселой вечеринкой третьекурсник.

В дверь снова требовательно поскреблись, заставив глазами обшарить пол на предмет одежды.

– Не входить! – тихо зашипел Данн, не планируя будить девицу.

Поднялся в кровати, натянул на себя рубашку и быстро поправил сорочку на беззаботно спящей заразе. Он давно уяснил, что о некоторых врачебных тайнах родителям лучше не догадываться.

Задумчиво провел пальцем по белой шее. Девчонку совсем не брал загар, очень странно для анжарцев.

По тонкой светлой коже снова ползла серая змейка. Пока еле заметная, но грозящая к вечеру войти в полную силу и налиться мраком. Эту войну не выиграть за одну ночь.

В залитой светом библиотеке нервно прохаживался хозяин дома. Бездумно перемещался от одного стеллажа к другому. Иногда брал книги, но тут же ставил их на место. Погруженный в тревожные мысли, он не сразу заметил вошедшего Даннтиэля.

– Я должен был выйти раньше, – признал свой промах Рэдхэйвен.
– Я уснул. Устал с дороги.

– Ваши «нетрадиционные методы»...

– Весьма изматывающие, – проворчал Данн, принимая из рук откуда-то возникшей кухарки чашку горячего кофе. Удивительная предусмотрительность для деревенской прислуги. Похвальная.

– Они помогли? Методы ваши? – беспокойно уточнил отец. – Как моя девочка?

За десяток тревожных часов он пуще прежнего поседел и осунулся. И по виду теперь точно годился ей в деды.

– Эту ночь пережила, – Данн отхлебнул вполне недурно сваренный напиток и благодарно кивнул женщине.

– Мы можем подготовить для вас комнату, если... – замялся старик, не привыкший принимать в своем доме «столичных выскочек».

– Не нужно. Я вернусь к вечеру, как и договаривались, – поморщился Рэдхэйвен, не представляя, как убить еще один день в Аквелуке. Но твердо знал, что отсюда ему нужно уйти.

– Нам что-то нужно сделать, сир? – подала голос прислужница. Очень ухоженная женщина средних лет. Нет, пожалуй, она все-таки экономка.

– Долия, я сам разберусь...

– Сами, сами... – забухтела та возмущенно и вышла в коридор. – Сами вы чуть не выставили благородного сира за порог из-за старых обид на Варх знает кого! И тогда бы маленькая Эйви к утру...

Она еще о чем-то удрученно всхлипывала за дверью, но Данн перестал прислушиваться. Чутье вновь пыталось докричаться, что ему пора убираться отсюда.

– Попробуйте напоить и накормить, если придет в сознание, – коротко проинструктировал, обжигаясь кофе, но все равно продолжая пить. – Искупайте, переоденьте. Смените постель. Каждую ночь ваша дочь должна быть в новой и чистой сорочке, лучше неношеной, это важно. Позаботьтесь о том, чтобы вам их хватило... примерно на неделю.

– Неделю? – просипел старик, еще не свыкшийся с неизбежным. – Ладно, я отправлю Долию купить... Шесть новых...

– И еще... Я должен пообщаться с ее матерью. Это она на портретах? – Данн скосил глаза на верхний этаж.

– Зачем вам? – настороженно уточнил папаша.

– Иногда внутренние защитные барьеры крошатся сами по себе. Это может быть редкой наследственной слабостью, – пояснил сдержанно. – Предрасположенностью, в некотором смысле... Где мне ее найти?

– На Хитанском кладбище. Вот уже шесть лет как. Ровно шесть, – сдвинул седые брови мужчина и, предвосхищая следующий вопрос, добавил: – Она не болела... ничем таким. Случайность. Неудавшееся экспериментальное зелье, взрыв в лаборатории, брешь в системе магической безопасности.

– Все эти цветы?..

– Вчера был день памяти. Должен был быть, – выдохнул старик виновато. – Но мы так закрутились, что... Да и без моей девочки это все не то.

– Ясно. Я буду к вечеру, – кивнул Даннтиэль и, звякнув чашкой о стол, направился к выходу.

Вечером он снова вошел в дом, недавно наполненный жизнью, а теперь пропитанный темной материей. Как на каторгу, медленно поднялся по витой лестнице. Расцарапанной грудью предчувствовал очередной поединок с зеленоглазой когтистой бестией, отчаянно не желавшей выздоравливать.

Девчонка жалобно постанывала, валясь в забытьи на бело-розовых подушках с нелепыми оборками. Будто и не приходила в себя сегодня.

Тени на красивом лице стали резче. Из хрупкого тела сочился черный мерцающий туман. Он неявно клубился и переливался в паре пальцев от горячей кожи. Темные ногти оттеняли смертельную бледность.

Данн тихо, стараясь не тревожить бешеную девицу, расшнуровал ее новую сорочку. Стянул вниз до самого пупка, убеждаясь в догадке: вереница вен добралась до живота и теперь ползла на бедра.

Тьма настойчиво забирала себе не только душу, но и тело, действуя с каждым разом все более быстро и алчно. Она, видно, решила, что Даннтиэль сдался после первого мучительного раунда... Наивная плутовка.

Данн выдохнул и старательно отвел глаза от обнаженной заразы. От юного крепкого тела, что вздымалось совершенно бесстыдно и дерзко. От кожи, такой тонкой, прозрачной, нежной, что даже паутинка черных прожилок ее не портила...

Демоны мрака! Отвел глаза, как же!

Он успел в мельчайших деталях разглядеть все чувственные подробности. И лишь усилием воли не позволил себе к ним, к этим, кхм, «подробностям», притронуться. Словно оголодавший вирр после спячки, Варх его раздери!

Данн стиснул зубы и зло прорычал порцию отборных ругательств, не предназначенных для девичьих ушей. Быстро, боясь передумать и сбежать куда подальше, поднял с подушек невинное создание (заразу!). Притянул к себе, на ходу распахивая парадный пиджак, украшенный эмблемой двора, и расстегивая рубашку.

Потревоженная девица опять принялась извиваться в руках мокрой змеей. Да так резво, что пришлось чуть не до синяков сжать ее талию и плечи.

И все-таки девчонка почти вырвалась. Яростно царапнула по щеке, двинула в ухо. Вцепилась пальцами в волосы и дернула так, что глаза наполнились искрами. И все это – не приходя в сознание!

– Вот же зараза... – сдавленно простонал Данн. Перехватил тонкие запястья, упал на постель и навалился на девицу всей своей тяжестью. – Тогда будем по-плохому.

– Ммм! – возмущенно промычала распластанная под ним зеленоглазая бестия.

Укусил непослушную девчонку за шею – не из надобности, а из мести. Коснулся языком, зачем-то пробуя на вкус мягкую солоноватую кожу, податливо проминающуюся под губами. Прорычал очередную порцию отрезвляющих ругательств, но они мало чем помогли. Так скоро и до проклятий дойдет...

Но Тьма не боялась ни ругани, ни проклятий, и потому вальяжно перетекала из одного тела в другое. Отвечая на зов давнего противника. Наполняя Данна знакомой болью и опьяняя еще сильнее, забирая себе остатки контроля и распаяя сознание. Варх Всемогущий! Когда же это закончится?!

Издав последний возмущенный возглас, девица безвольной куклой замерла на подушках. А Даннтиэль... Он задыхался. Сжимал в

кулаке розовую шелковую простынь. Хрипел неразборчиво о том, как дорого ему обходится вархов артефакт, который не факт еще, что работает.

Кожа дикарки разгладилась и побелела, Тьма отступила. Ноготки снова порозовели, и под ними теперь хорошо просматривались сгустки крови.

По шее девчонки расплзлось красное пятно с отчетливыми следами зубов. Данн хищно ухмыльнулся, потер саднящую щеку и с мыслью, что этот раунд окончен со счетом «один-один», устало свалился рядом. Но тут же вернулся к ругани и проклятьям, ощутив все прелести исцарапанной в кровь спины. Исчадие!

Он поклялся, что больше не переступит порога этой спальни. Оставит все как есть, и будь что будет. Пускай эта упрямица с ее роскошной нежной кожей, одуряющим запахом и острыми когтями отправляется к гхаррам. К керрактским демонам, к Варху, да хоть к самой Тьме в подружки!

Но следующим вечером Данн пришел снова. И последующим тоже.

На пятые сутки девица боролась уже с меньшим энтузиазмом и почти не царапалась. Того и гляди, его спина заживать начнет. То ли силы ее оставили, то ли она неосознанно попривыкла к «нетрадиционной медицине». К чужому телу, прижимавшемуся к ней в сопровождении хора хриплых ругательств.

Забирать черный яд стало легче. Боль проскальзывала в него за несколько минут, заполняя до краев и сводя с ума. Распаялая, путая мысли, обостряя и без того накаленные чувства.

Девчонка тут же теряла остатки сознания, а Данн еще долго скрежетал зубами. Обещал себе уйти и больше не возвращаться в адскую постель. И спустя мгновение крепко засыпал, оставаясь в ней до рассвета.

Утром седьмого дня серая змейка на шее не появилась. Тьма готова была отступить, барьер девчонки почти восстановился.

Отвоеванное тело сладко сопело на светлых простынях, укутанное золотыми лучами осеннего солнца. Даннтиэль поглядел на девчонку с минуту, а затем решительно оделся и спустился вниз.

Обнадежил хозяина дома, всю неделю послушно исполнявшего условия, что грядущая ночь станет последней. А затем они

договорятся об оплате, и тот больше никогда не увидит пугающего гостя.

Седьмой ночью она так и не пришла в себя. Но Даннтиэль знал: едва Тьма официально признает поражение, сознание к ней вернется. Утром. Уже завтрашним утром...

А пока в новой чистенькой, очень плотной сорочке, благоухающая и свежая, девица металась по кровати и прерывисто дышала. Мраморные прожилки, появившиеся за эти сутки – бледные, едва заметные, – все равно причиняли боль.

– Я пришел. Сейчас я ее заберу, – зачем-то пообещал и провел ладонью по белой щеке. Слишком нежная, приятная, словно шелковая кожа. Разве может такая быть у деревенской девицы?

Подушечки пальцев ожидаемо заискрили: ее защитный барьер был практически идеален. Данн ощутил натянутые внутри золотые струны, призванные оберегать хозяйку от вторжения зла. Крепкая девочка, стойкая... Завтра будет еще и здоровой.

А ведь он мог пройти в том парке мимо. Отвернуться, сесть в первый вояжер и отправиться в воздушную гавань. Улететь в Анжар по своим важным делам. От одной мысли становилось не по себе.

Рэдхэйвен проглотил горечь, выдохнул и приготовился к последнему поединку с зеленоглазой упрямицей. О которой он завтра надеялся и не вспомнить. Сильно надеялся, старательно.

Приспустил с острых плеч сорочку, пошитую из плотного материала, больше подходящего для фермерских мешков. Выправил свою рубашку из брюк, отчего-то замер в предвкушении. Неторопливо потянул к себе извивающееся тело...

И тут произошло то, чего Данн точно не смог бы вообразить. Ни в мечтах, ни в кошмарах, ни в проклятых фантазиях. Девчонка, ощутив требовательное движение, сама доверчиво прильнула к его груди и обвила шею дрожащими руками.

Данн настороженно заглянул в бледное лицо. Глаза закрыты, ресницы подрагивают... Нет, она по-прежнему в бреду. В мрачном дурмане, в который погружает Тьма свою жертву. Испуганно блуждает в бесконечном лабиринте без входа и выхода.

Тогда какого треклятого гхарра она прижимается так тесно, так яростно? Так сладко...

Он нащупал ладонью изголовье кровати, оперся, переводя сбившееся дыхание. Прикрыл глаза, наклонился, скользнув носом по длинной шее, и коснулся губами кожи между ключиц. Проклятие. Вархово проклятие.

Даннтиэль пил ее тьму в последний раз. До дна, высасывая затерявшиеся ядовитые сгустки из самых глубин, надеясь оставить после себя чистоту.

А оно... это безымянное проклятие с дерзкими зелеными глазищами... стонало! И если бы от муки! Тихонько, робко, явно не от боли... Так невыносимо сладко, что его шея до самых ушей покрылась мурашками, а на деревянном изголовье остался след от его ногтей.

– Ох, зараза, зачем ты так со мной? – возмутился Данн, поглядывая на девицу с осуждением. На ту ее разволновавшуюся часть, которая на глаза попала. Исчадие!

Он упрямо продолжал тянуть дурманящий яд, стискивая до скрипа резное изголовье и цепляя арканом беснующееся сознание. С гневным рыком смиряя свое непокорное тело. И все крепче, все настойчивее сжимая в руках чужое.

Каким-то чудом сдержался. Выстоял. Отбросил хрупкое создание, утратившее всякую подвижность, на подушки и прикрыл одеялом.

Пошатываясь, встал с постели. Провел дрожащей ладонью по стене, путаясь в пространстве знакомой до последней розовой оборки спальни. Варх, не похожа она на поклонницу рюшей, но в тихом омуте... Пожалуй, это все же не самая ее дурная черта из всех.

Скользнул спиной по холодной стене, осел на подгибающихся ногах, выдохнул протяжно в темный потолок. Надо уходить.

Прямо сейчас, не дожидаясь рассвета. Попросить оплату и скрыться в ночи. И первым же рейсом лететь в Анжар, Керроу в академии уже места себе не находит. Данн слишком тут задержался.

Оплату.

Это слово терзало его который день. Дикая мысль снова проникла в измученное темной болью сознание и прочно обосновалась в голове. И все его существо, каждая клеточка ее поддержали. Невероятная глупость. Мало Данну проблем?

Он привстал с пола, пошатнулся, вернулся к постели и присел на край. Откинулся на подушку и машинально набросил на себя одеяло,

пытаясь унять постыдную дрожь. Сам бы не смог с точностью определить, отчего его так колотило.

Всего пара минут. Он переведет дыхание и уйдет, не общаясь с папашей и ничего не прося за спасение дерзкой упрямцы. В конце концов, раз в жизни королевский мастер может сделать исключение из правил.

Он уже приподнялся на локтях и откинул в сторону одеяло, собираясь встать. Как вдруг девица потянулась, выгнулась, что-то неразборчиво пробормотала... и нырнула ему под руку. По-хозяйски обустроилась на плече, уткнулась вздернутым носом в подмышку. И заснула прирученной саблезубой виррой. Крепко и беспощадно. Варх, за что?!

Данн недоуменно уперся глазами в потолок, положил на девчонку свою отяжелевшую руку и набросил одеяло обратно. Смиренно вздохнул, принимая неизбежное. В конце концов, его рейс только утром, и шататься ночью по пахнущему деревней Аквелуку – то еще развлечение.

Небольшую комнату заливал серый свет, просачиваясь сквозь идиотские занавески с рюшами и красиво очерчивая изгибы лежащей на Даннтиэле заразы. За окнами уже собирался рассвет. Но не спешил, позволяя еще задержаться.

Данн аккуратно выбрался из нежного капкана, убрал тонкие бледные руки со своей подушки и уложил по обе стороны от чернявой головы. Провел большим пальцем по почти белым губам. Скоро они станут розовыми, а на щеках разыграется румянец.

Ладно, к гхаррам... Он был горд собой. Впервые за Варх знает сколько лет на службе при дворе сделал что-то полезное. Устоял, выдержал.

Думал, сорвется. Давно Данн не испытывал такой муки. Жилы до сих пор крутило болью, по языку растекалась сладкая горечь – до отвращения знакомый вкус Тьмы. Тело все еще звенело кипящим напряжением и отравляющим жизнь желанием.

Он окинул блуждающим взглядом девчонку. Красивая, зараза. Вбил кулак в розовую подушку, нагнулся низко к обкусанным губам. В конце концов, задолжал ему не только ее папаша. Уж один поцелуй он может позволить себе украсть на память.

Словил ее робкий выдох, остановился. Аквелукской девице и без того надолго воспоминаний хватит. Если она, конечно, хоть что-то восстановит в памяти.

Рэдхэйвен потер гудящий висок. В голове разом играло несколько оркестров, и они никак не могли договориться между собой. Была ведь какая-то важная мысль во всей этой драной какофонии? Ах, да...

Если она вообще вспомнит его.

Так и завис в какой-то паре миллиметров от нежной кожи. Вдохни девчонка поглубже, шевельнись немного – и сама бы его коснулась. На секунду даже представил, как ее приоткрытый рот вдруг смыкается с его собственным... И тут, к Варху не ходи, Данн бы точно сорвался. Не каменный.

Но зараза лежала смирно и прикасаться к нему добровольно не собиралась. Вот кто бы сомневался. Дикарка деревенская! Бешеная, кусачая, с длинными острыми когтями. Упрямая, нахальная и излишне говорливая. Дикая вирра...

Нужна ему эта головная боль? Пусть даже одуряюще пахнувшая и обладающая незаконно нежной, шелковой кожей... Одно слово – зараза.

Пора уходить. Прямо сейчас. Все ведь так просто! Встать, собрать с пола вещи, привести себя в порядок и выйти из варховой спальни. Спуститься вниз, предельно вежливо пообщаться с издергавшимся папашей, принять благодарности и оплату...

И никаких ошибок. Больше они с ней никогда не увидятся. Так будет лучше для обоих. Девчонка и дальше продолжит подрабатывать в сельской книжной лавочке, а он больше носа не сунет в Аквелук. Хватит, надышался местным дивным воздухом. До сих пор легкие тьмой горят.

Пора сделать то, за чем приехал. Встретиться с давним другом, отдать долг старому профессору, содрать парочку заковыристых проклятий с академических дверей... А потом вернуться к столичной суете, напитанной смесью парфюмов, шорохом дорогих платьев и смехом доступных женщин.

Рэдхэйвен сполз на край кровати, свесил ноги, поднял с пола порванную рубашку. С силой потер лицо. Размял шею, почесал недельную щетину. Нащупал след от укуса... Ухмыльнулся. Ничего, он за него отомстил.

Скосил голову набок и очертил глазами две изящные ступни, торчавшие из-под подола длинной сорочки. Самой плотной сорочки в Эррене! Из такой ткани шьют свои платья послушницы в храме Имиры Сиятельной. И где ее умудрился раздобыть нервный папаша? Данн бы не удивился, узнай, что тот все аквелукские магазины обошел, понимая, с кем предстоит оставить ночью единственную дочь.

Сомневался в нем. А кто бы не засомневался? Он и сам в себе, раз уж на то пошло... Тьма пьянит, дурманит. И даже королевский мастер подвержен ее влиянию, пусть и в меньшей степени.

Данн задумчиво пересчитал смешные маленькие пальцы, торчащие из-под подола. Приподнял ткань, провел рукой по хрупкой щиколотке, отмеченной паутиной побледневших вен. Прорисовал каждую, запоминая витиеватый узор. Через пару часов они исчезнут совсем, он этого уже не застанет.

Девчонка дернула ножкой: щекотно. Данн развернулся, просунул руку под ее затылок и приподнял голову над подушкой. Притянул к себе безвольное тело в последний раз.

Невесомая тряпичная кукла, выбившаяся из сил, измотанная борьбой... Это сейчас зараза прикидывалась покорной. Потому и лезли в голову идиотские мысли об «оплате». А ты пойдешь к зеркалу да пересчитаешь все отметины, оставленные варховыми когтями...

Забыв об осторожности, Данн ткнулся носом в ароматную шею, вдохнул, вздрогнул, мгновенно захмелев. Отбросил девчонку обратно на подушки и резко поднялся с постели. Проклятье!

Чем выше поднималось солнце над Анжарской провинцией, тем явственнее Рэдхэйвен понимал, что не может уйти отсюда с пустыми руками. Хозяин дома сказал, что за спасение зеленоглазой заразы Данн может взять все, что пожелает. Оставалось теперь понять, чего он хочет.

Внизу его дожидался старинный родовой артефакт – вполне достойная оплата недельных трудов. В окно стучалась ветка с резными красными листьями, отбивая секунды. Хрясь! Хрясь...

Не глядя больше на полуобнаженное тело, Даннтиэль подхватил одежду, пересек спальню и вышел вон. Первым делом отыскивал владельца дома, который, как и раньше, обнаружился в библиотеке. Вряд ли он за ночь сомкнул глаза.

– Тьма отступила. Барьер полностью восстановлен. К завтраку ваша дочь должна проснуться, – невозмутимо оповестил Данн. Старик выдохнул с облегчением, но что-то во взгляде гостя заставило его нахмуриться и воинственно сложить руки на груди. – А теперь поговорим об оплате.

Глава 6

Глава 6

Эйвелин

Колючее солнце щекотало веки, заставляя открыть глаза и подняться с постели. Чего делать решительно не хотелось. Потому как поворот тела вправо или влево карался болью в каждой мышце – это я уже опытным путем поняла. Какого гхарра со мной произошло?

– Па-а-ап... – язык во рту ощущался сухим и шершавым.

Пальцы первым делом потянулись к саднящей шее, ощупали ее аккуратно. Это что, укус?!

Нет, у меня бывали, конечно, провалы в памяти. Пару раз, после самых забористых Тейкиных экспериментов.

А еще один раз я попала под книгопад в лавке сирры Фэрвей. Разрыв материи случился на той стороне улицы, но и нас тряхнуло прилично. Отец потом долго охал, разглядывая фиолетовую шишку, что моя тяга к знаниям доведет до беды.

Но вот такого, чтобы проснуться в постели с укусами и синяками и ничего не помнить... Нет, такого еще не бывало. Впервые.

И ощущения, видит Варх, занятные. Будто по тебе стадо гхарров проскакало, старательно потоптавшись на особо мягких поверхностях. Еще и на изогнутых рогах, гады, покрутили. Для забавы.

Но в магическом родео я бы точно не стала участвовать! Вейн говорит, приличным девушкам там делать нечего. И тут я с ним совершенно согласна.

На помятом лице ощущались следы рюшей и кружева. Боги Эррена, как мы с мамой ругались из-за глупого интерьера! Помню, я комплект с глупыми оборками даже сжечь хотела. Но потом гормоны перестали устраивать бунт, и я смирилась.

Глаз я все-таки приоткрыла. Один. На большее способна не была. Кое-как дотянулась до стакана с соком альта-цитрона. Половину ожидаемо пролила на подушку, но несколько капель ядерного восстанавливающего настоя все же попало на губы. Их защипало, я зашипела. Больно!

Попыталась сесть, взвыла от острой головной боли. Вспышкой в сознании мелькнули черные глаза. Злые какие-то, обвиняющие. Как если бы я у их владельца что-то ценное украла, а он нашел меня и теперь требовал расплаты. Полный мрак.

Проморгалась, прогоняя жуткий образ из головы, потеряла висок. Вперилась взглядом в бордовые листья за окном. Так, вернемся к вопросу: какого линиялого гхарра со мной вчера произошло?

Или не вчера?

Анжарский клен-зубец совсем раскраснелся. А когда я приехала, удлиненные резные листья только начинали рыжеть. Проклятье! Значит, валяюсь я тут не меньше недели. И это невыносимо обидно, потому как, выходит, я и мамин день памяти проспала, и шанс подержать в руках трактат Милезингера упустила.

Началось все там, в парке... После спора с противным желтоглазым мужиком, предложившим облобызать его грязную мантию. Брр! Потом мы гуляли с Вейном к фонтану, я зачем-то лежала на траве, и вокруг было много начищенных ботинок...

Я испуганно схватилась за запястье. Точно! Мне было больно, вот здесь. Я вспомнила, как прямо по коже расплзалась паутинка странных черных вен. Она кололась, тянула жилы, заполняла рот горечью. И было страшно от мысли, что я умираю. А все вокруг шептались, что это Тьма меня карает, и значит, я заслужила.

Но вот она я – живая, с совершенно чистой кожей, утопаю в дурацком розовом зефире. Неужели мне все приснилось?

– Па-а-ап?! – проорала в приоткрытую дверь спальни.

Но никто не отозвался. Я медленно сползла с постели и, хватаясь за штору, двинулась к двери в ванную. Варх Всемогущий... Если я проспала неделю, то завтра уже учебный день! А я отдохнувшей себя не слишком-то ощущаю. Вот вам и «дополнительные каникулы». После такого отпуска еще отдыхать и отдыхать.

Плеснула в лицо ледяной водой и с силой потеряла бледные щеки. Надо попытаться вспомнить. Итак, трава, ботинки, горящий контейнер Марисы... Желтые глаза. Недобрые, будто предвещающие беду.

Вот что я видела последним: тот надменный квахар с жутковатыми джантариками стоял на другом конце парка. А что было дальше, не представляю, потому как я зажмурилась от резкой боли и, видимо, отключилась.

Потом мне целую вечность снились неправдоподобные сны. В них был мужчина. Рычащий, нервный, сильный... Незнакомый и знакомый одновременно. С черными, как сама Тьма, глазами. С ним было и страшно, и спокойно. Но больше все-таки страшно.

Картинки из снов, что мелькали перед глазами, были такими стыдными и смущающими, что я потрясла головой, надеясь вытряхнуть их в раковину. Но они остались внутри, только шея сильнее разболелась. Гадство!

Эти ладони... Крупные, сильные, загорелые. Сжимающие нагло то, что сжимать совершенно не положено! И черные-черные глаза, в которые проваливаешься, как в межмировые воронки. И хриплая брань, сдобренная ярким столичным акцентом. Совсем уж нереальные фантазии. Мне такое никогда не снится, Вархом клянусь!

А еще запах... Сильный, пряный, дразнящий, дерзкий. И жаркое дыхание, оплавливающее шею. И губы, сжимающие кожу так яростно, словно проучить желают. А взгляд голодный такой, что страшно делается!

Незнакомый мужчина со мной, в моей постели, в родительском доме? Глупости какие. Этому должно быть какое-то объяснение. Нормальное объяснение, а не та чепуха, что лезет в голову.

И огромным багрово-синим кровоподтекам, осыпавшим плечи, бедра и шею, его тоже найти хотелось бы. Как и запекшейся крови под ногтями... Как и новой сорочке, перешитой, по ощущениям, из фермерского мешка...

Я накинула домашний халат и на дрожащих ногах спустилась в столовую, где за накрытым столом дожидался отец. Рядом суетилась Долия, разливая по чашкам горячий фруктовый взвар.

– Папа?

Его трудно было узнать. Мы будто лет десять не виделись, и ему эти годы дались непросто.

– Эйвелин... Я все-таки тебя разбудил? Я не хотел.

– Сир Ламберт просто каждые десять минут заглядывал в твою спальню, – рассмеялась экономка. – Но совсем не для того, чтобы разбудить, да.

Я плюхнулась на стул и поморщилась. Ой! Не знаю, как остальное тело, но моя пятая точка точно всю неделю участвовала в варховом родео.

– Папа, что произошло?

– Ты заболела, дочка. Твое тело по каким-то причинам открылось Тьме, – подбирая слова, приглушенно пробормотал отец. Он так старательно прятал глаза, что даже доверчивая служительница храма Варха заподозрила бы неладное. – Тебя вылечил... один человек.

– Целитель?

Я зажмурилась, выгоняя из головы черные глаза. И жаркие лапы, и дразнящий запах... Это просто кошмар. Дурной сон. Я слышала, что Тьма любит путать своих жертв и внушать им всякую чепуху.

– Скорее, наоборот, – отец накрыл лицо рукой и потер брови. – Проезжий. То, что он встретился на твоём пути...

– Наверное, я должна выразить ему благодарность, – перебила неуверенно.

Должна ведь? Варх с ними, с синяками – вылечил же?

– Он уехал на рассвете. И обойдется без благодарностей, – строго припечатал отец и медленно выдохнул. – И так дорого взял за свои услуги.

Память, измотанная Тьмой, снова утянула меня в ловушку кошмаров. Сны и воспоминания смешались, и теперь вдруг показалось, что эти черные глаза были чем-то похожи на желтые... С той лишь разницей, что были черными, да.

Но тот столичный квахар помогать бы не стал. После всего, чего я ему наговорила? Да прямо! Бросил бы умирать и равнодушно прошагал мимо. Знаю я эту породу.

– Пап... – я прочистила горло, захлебнувшись взваром.

– Мм?

– А как он меня лечил? – поерзала на стуле. Варх! Больно!

– Не имею представления, малышка. Этот маг запирался в твоей спальне каждую ночь и...

Поймав мой ошарашенный взгляд, отец сухо кивнул. Мол, да, запирался. Да, по ночам. И делай с этой ценной информацией, что хочешь. Живи, радуйся и вот это все.

Я начала медленно сползать со стула и лишь за секунду до падения спохватилась и вползла обратно. Это же сны, просто сны... Фантазии измотанного болезнью разума.

– Но было тихо, я подслушивал, – заговорщицки добавил папа. – Если бы ты кричала, я бы сразу ворвался, нарушив слово. А ты совсем

ничего не помнишь?

Я старательно – даже слишком – помотала головой. В шее опять захрустело, но я продолжала мотать, пока не убедилась, что отец мне поверил.

Да что за медицина такая странная, от которой щеки краснеют и сердце припускает в бодрой анжарской польке?

– Сейчас меня больше волнует другое, Эйви, – выдохнул папа, и тело как по команде натянулось до треска. – Ты крепкая девочка и всегда была хорошо защищена. Как могла Тьма найти лазейку? Из-за чего надломился барьер сразу по возвращении из академии?

Тело мое расслабилось и растеклось по стулу. Наши с папой волнения касались разных вещей. То есть все, о чем он говорил, было, конечно, важно. Но не важнее варховых лап «проезжего целителя», сжимающих мои бедра до синяков.

– Я написал Керроу и рассказал про твой случай, – продолжил папенька. Варх побери! – Он пообещал привлечь лучших специалистов и хорошенько проверить твою защиту. Виданое ли дело, что по невинным студенткам Тьма ползает?

– Это совершенно лишнее, пап. Не стоит дергать ректора по пустякам, – простонала, с ужасом представляя «диагностическую процедуру».

Знаю я этих специалистов. Хуже сира Райса только доктор Граймс будет. С этими его вечными шуточками на тему сияющей ауры и прочими язвительными намеками. Уж лучше сразу ампутацию мозга, право слово.

– Это не пустяк! – взвился отец. – Я не самый влиятельный человек в Эррене, но какие-то связи у меня остались. И я планирую ими воспользоваться.

Хоть в чем-то мне повезло: чемоданы, собранные впопыхах в академии, разобрать я так и не успела. Так что к приезду ученического вояжера мне нужно было только стащить их обратно вниз.

Спускаясь, отметила пустую каминную полку с мерцающим куполом с функцией «антипыль». Раньше на ней стоял древний артефакт, принадлежавший маминому роду. Старинному, кстати, и уважаемому.

Наверное, из-за трепета перед маминой аристократической фамилией и из-за признания ее выдающихся заслуг и от меня ждали чего-то подобного. Открытий, достижений. Все три года в академии надо мной витал дух бесстрашного мага-экспериментатора. Мамино имя всегда во мне отзывалось гордостью, но я точно знала, что я – не она.

На пороге дежурил Вейн, весь какой-то растрепанный, необычно лохматый и взбудораженный. За ним недовольно гудел академический маг-вояжер, дожидавшийся только меня.

– Эв! Я уже издергался. Ты в порядке?

– Я ничего... вроде бы, – поправила волосы, наскоро убранные в хвост.

Проверила пуговицы на воротничке. Вроде все застегнуты, а все равно такое чувство, что с чем-то я промахнулась. Вот что бывает, когда собираешься, раздумывая совсем не о том, о чем положено.

– Этот придворный хитанец запретил тебя навещать, пока Тьма совсем не выйдет, – объяснил друг виновато.

– Хит-танец? – прошептала с запинкой. – Который?

– Который тебя всю неделю спасал, крикетка. Не помнишь разве? – Вейн закинул мои чемоданы на крышу и пристегнул их магическим лассо. – Он из тебя в парке всю тьму высосал, пока ты без сознания на траве валялась.

– Как высосал? Так, Диккинс, давай-ка в подробностях, – прошипела в его ухо, озабоченно косясь на заинтересованные лица однокурсников, прилипшие к окнам.

Лучше покончить с этим вопросом тут, на улице, чем болтать на щекотливую тему внутри.

– Натурально. Из шеи, – Вейн говорил с такой гордостью, будто сам меня с того света вытаскивал. Или, как минимум, ассистировал. – Как змеиный яд или вроде того. А потом велел мне тебя в дом перетащить. Ты бы, кстати, на пирожные поменьше налегала... Еле донес!

В его честных глазищах прыгали буйные смешинки, и я решила не обижаться. Спишем на нервное. Но запомним и потом, если что, отомстим.

Доля вот, напротив, насильно в меня еду запихивает и сетует, что «тощую Эйви» даже ветер не замечает. Кто-то из этих двоих точно

привирает!

– Вейн, ты не перепутал, именно тот хитанец, не какой-нибудь другой? – с увядающей надеждой протянула я, подавая парню последнюю сумку.

Ее можно было и в руках довести, но тогда пришлось бы забираться внутрь.

– Ты так говоришь, будто темные мастера из столицы пачками тут разгуливают! – профыркал Диккинс, с легкостью забрасывая поклажу вверх и помогая мне подняться по ступенькам.

– Ты только не вздумай в академии рассказывать, что из меня кто-то что-то высасывал, – строго поглядела на парня, хватаясь за поручни.

– В этом нет ничего стыдного, Эв...

– Не вздумай!

Я помахала отцу и Долии, выглянувшем из окна гостиной, и уселась на свободное кресло. Восьмиместный вояжер вальяжно тронулся. Миновал парк, горевший красной листвой, прокатился по главной улице и направился к выезду из города.

– Остановите на секунду! – крикнула водителю, увидев очертания знакомой книжной лавки. Не прочитаю, так хоть пощупаю напоследок!

Не дожидаясь, когда вояжер затормозит, выпрыгнула наружу и скрылась за витражной дверью. Вихрем пронеслась к «застеколью» сирры Фэрвей. Где же вы, достопочтенный сир Милезингер? Готовьтесь, я сейчас буду вам глазки строить и умолять меня дожждаться.

Может, до следующих каникул никому не приглянется бесценное сокровище, каким-то чудом оказавшееся в Аквелуке? Не так тут много фанатов прикладной артефакторики, право слово.

Но на полке было пусто. То есть вообще! Даже пыль кто-то стер.

– А где?.. – растерянно поискала глазами рыжую шевелюру.

– Купили несколько часов назад, Эйви, – выдохнула сирра Фэрвей и развела руками. – Предложили хорошую цену. Очень хорошую, сумма покрыла все наши издержки за полгода. Прости, я не смогла отказать.

Я всхлипнула – не от обиды, а от варховой несправедливости – и, помахав рукой хозяйке книжной лавки, вышла на воздух.

Папа сказал, что я выжила только чудом. Наверное, сразу много чудес в одни руки выдавать не положено.

Глава 7

Глава 7

После недельного сна тело бодрилось и требовало деятельности, но на самом деле у меня почти ни на что не было сил. Сир Милезингер, так и не дождавшийся свидания со мной, стал последней каплей. Предатель! Я же лучше какого-нибудь престарелого коллекционера. Аккуратнее, симпатичнее. Но, может, он пытался сопротивляться, и я зря наговариваю.

Я влезла в вояжер, расстроено упала на сидение возле Диккинса и уложила голову ему на плечо.

– Отдыхай, крикетка.

– Не называй меня так... – по привычке проворчала я, хотя против этого прозвища вот уже который год ничего не имела.

Крикетки водились в местных лесах, на заболоченных озерах. Редкие представители местной фауны – странные водоплавающие птицы, не умеющие летать. Хотя крылья у них были и довольно приличные. Кто знает, может, крикетки ни разу не пробовали? Или просто не хотели?

Зато они шустро бегали, забавно подпрыгивая на кочках, превосходно ныряли и заполняли лес своим звонким «Кри-кри». Вейн меня так прозвал из-за их оперения – бледно-зеленого, лоснящегося, в цвет моих глаз.

– Эв... Я хотел поговорить с тобой про бал, – сдавленным шепотом выдал Диккинс, прижимая меня к себе. – Еще в парке хотел, а тут обморок этот твой так некстати... Ламберт, ты спишь, что ли?

Я усердно засопела, изображая похрапывание. В том, что Тьма в меня влезла в совершенно неудобное время, я была с Вейном согласна. Но вряд ли у меня будет возможность ей об этом рассказать. Я надеялась больше никогда-никогда с ней не встречаться.

Интересно, будет ли вообще этот Бал Варховых даров? Не удивлюсь, если Керроу решит его отменить. Вдруг кто-нибудь в проклятье вляпается во время танцев? Там работы явно не на неделю было. Вообще мутная история с этими дверями, ей Варху!

Вот зачем бы старику Мюблиуму, нашему магистру темных проклятий, навешивать черные чары на двери аудиторий? Профессор, конечно, не от мира сего, но вполне безобидный. С виду.

Сам же от своих шуток и пострадал. Словил рикошетом проклятие забвения и теперь валялся в больничной палате без памяти и шансов принять у нас зачет. Последнее было самым обидным.

– Ламберт, хорош притворяться... – Диккинс легонько пихнул меня в бок, но я не поддаюсь и захрапела громче.

Рисса, как истинная мастерица греть уши об чужие двери (но исключительно об те, что не запятнаны проклятиями), «обнадежила» нас перед самым отъездом. Мол, Керроу вызвал из столицы жутко важного проклятийника, работающего при королевском дворе. И тот прямо из Хитаны частным судном в Анжар вылетел. Может, уже отмыл там все?

И с чего вдруг такая именитая задн... персона согласилась посетить наши стены, потрепанные неудавшимися огнешарами? Может, он тоже считает, что что-то с грязными дверями нечисто?

Я горестно вздохнула на плече у Диккинса. Не дай Варх, эту важную шишку на замену к нам определяют! Ясен гхарр, требовать он будет побольше Мюблиума. Старик мог забыть про зачет и без всякой магии.

Я приоткрыла глаза, когда поняла, что Вейн и сам задремал. Развернулась к окну и разомлела от видов Анжарской провинции. Дорогой хотелось жмуриться от яркости трав и листвы. Вся территория между Анжаром и Аквелуком была отдана под поля и сады.

Это в Хитане строились заводы для производства бытовых артефактов крупного и мелкого калибра, разводились диковинные животные, основывались центры экспериментальной магии. А мы... Что с нас возьмешь? Куда нам до столицы?

Анжарцам их изумрудные поля и душистые сады милее. Здесь магическое сельское хозяйство возведено в культ. И это единственные земли, где гхарров поминают чаще, чем Варха Всемогущего.

Стада винторогих – хуже плотоядной саранчи. Сами не едят, но копытами, каждое из которых с мою ладонь, топчут все подряд. Труженики из сельхозмага не успевают поднимать ростки, как уже

новый набег... Расплодились на вольных хлебах! Злости, Варховой милости и стаи саблезубых вирр на них не хватает.

У ворот академии случился затор из маг-вояжеров. Первокурсники долго копошились со своими вещами, мешая подъехать следующим. Кто-то, как обычно, лез без очереди и тут же отхватывал крепкими чарами по пятой точке. Сир Райс и заместитель ректора Джонас пристально следили за соблюдением правил на территории. Словом, привычный дурдом, ничего нового.

Над острыми шпилями академического комплекса парило воздушное судно. В этом не было ничего удивительного: в Анжаре обучались ребята и из Тарлина, и из Либтоуна, а кое-кто прибыл из самой Хитаны.

Из толпы, подпрыгивая, показалась Рисса. Точнее, ее отчаянно машущая рука и кусок светленькой головы. Зажатая со всех сторон, она могла двигаться только вверх, чем и занималась, привлекая наше с Вейном внимание.

– Они ничего не отмыли, Эв, – из соседнего вояжера выплыла Тейка и придала породистому лицу изможденный вид. – Стоило нас катать туда-сюда? Я половину вещей в суматохе дома забыла.

У меня лицо само по себе было изможденным, и придавать вид не пришлось. Шесть часов поездки превратили мою и без того несчастную пятую точку в гудящий со всех сторон камень.

– Чем же этот жутко важный проклятийник занимался, что ни гхарра тут не отмыл?

Видимо, приглашенный мастер оказался так себе. И куда только королева смотрит, набирая себе персонал?

– А он не занимался! – Рисса наконец пробилась к нам и принесла на хвосте порцию новостей. Ткнула пальцем в небо, попав в покачивающееся на облаках воздушное судно. – Пару часов назад прибыл. Шепчутся, что его задержали «дела короны»...

– Угу, знаем мы эти «дела»... Нам обратно паковать? – флегматично простонала Тея, не решаясь принять свой чемодан у Фила Экрю. Может, снова на крышу закидывать придется.

– Вот еще! И пропустить все интересное? – Рисса схватила ее под руку и отобрала у Фила Тейкин багаж. – Ну да, проклятья как висели, так и висят. Это минус. Зато прибывший мастер час назад огородил их

такими крепкими экранами, что никто не провалится. Вляпаться нет шансов.

Крепкими, не крепкими... Я решила, что лучше все равно к этим жутким дверям не подходить. Вдруг Граймс про ампутацию мозгов не шутил. Достаточно с меня потрясений.

Диккинс остался дожидаться наших чемоданов, а меня отпустил с подругами. Все-таки он очень хороший друг, мой среднестатистический принц. И вполне заслуживает чего-то большего, вроде танцев на балу и этих всех поцелуев за статуей Имиры Сиятельной. Мне ведь нетрудно, если ему хочется.

Следуя за толпой, мы устало ввалились в прохладный просторный холл.

– Наш красавчик ректор как будто приболел, – выдохнула Тея, разглядывая фигуру Керроу вдалеке.

Он что-то живо обсуждал с высоким темноволосым мужчиной и указывал на ближайшую к нам дверь за радужным экраном.

– Ну еще бы! На него столько всего навалилось, – сочувственно протянула Рисса, подталкивая нас вперед. Я пыталась, конечно, упираться каблуками, но быстро проиграла ее упорству.

Мне совсем не хотелось напоминать ректору о себе и своем «необычном случае». Может, он в суете забыл про папино письмо?

Фигура второго мага тоже казалась знакомой. Как-то уж слишком. До зубной боли. До магрени, бьющей в виски. И еще почему-то шею саднило.

Я сразу поняла, кого увижу, до того, как он развернулся. Проклятие! «Вляпаться нет шансов», так говорила Рисса? Вот еще как есть, и по самые кончики ушей!

Нет-нет-нет... Мне срочно надо назад, к вояжерам, к багажу. Я испуганно обернулась и поняла, что пробиться к Диккинсу уже не выйдет. Толпа с чемоданами напирала со всех сторон.

Снова перевела взгляд на вархового хитанца, поджала губы. Толку с них, если дар речи закопался во мне намертво и, вероятно, навсегда. Да и мне решительно нечего было сказать этому незнакомому человеку. Не-зна-ко-мо-му, и точка.

Кроме того, что с черными глазами ему определенно лучше, чем с желтыми. Прямо даже почти не страшно. Если у него есть выбор, я бы посоветовала ему эти навсегда оставить, а те куда-нибудь выкинуть.

Мужик удивился мне не меньше. Это я поняла и по дернувшемуся кадыку, и по тому, как жадно он сглотнул. Чуть не подавился. Вот словно порцию изощренных ругательств проглатывал, чтобы при Керроу ненароком не брякнуть.

Чья-то сумка под одобрительный гул полетела в экран и отскочила в сторону, выбив пучок ярких радужных искр. Защита и впрямь на совесть сделана!

Ректор гневно зыркнул в толпу и, обнаружив зачинщика, двинулся на таран. Рисса с Тейкой полетели следом, боясь упустить горячее. И я поняла, что вот он – идеальный момент, чтобы ретироваться.

Скользнув якобы невидящим взглядом по фигуре, замотанной все в тот же заляпанный плащ с эмблемой, я развернулась... и узрела толпу, бравшую штурмом лестницу. Так, наверх попасть сейчас без шансов, значит, остается библиотека и магический питомник. Фидж наверняка успел по мне соскучиться...

– Вы меня так быстро забыли, девица из Аквелука? – проникло вкрадчивое прицельно ухо. Пришлось обернуться, отшатнуться и мысленно закатить глаза. Ага, забудешь тут.

Хитанец явно быстрее взял себя в руки и теперь чему-то ухмылялся. Странно и предвкушающе. Полный мрак! Вне зависимости от цвета глаз.

– Что? – глупо выдохнула, разглядывая темно-карие радужки. Утопая в этих бесконечных омутах с самым отборным мраком на дне и ловя ртом ускользающий воздух.

– Правда совсем не помните?

– Я...

Мягко говоря, у меня нынче вообще проблема с тем, чтобы отличить реальные воспоминания от выдуманных.

– Мы столкнулись в книжной лавке на той неделе, – хладнокровно напомнил маг, распахивая плащ.

Согласна, как-то очень жарко тут стало в одну секунду. Я потянулась к воротничку, но быстро передумала и сунула руки в карманы юбки.

– Эмм...

– А затем в парке... Вы покупали яблоко, – убил он последнюю надежду на то, что это был какой-нибудь его желтоглазый брат-

близнец. С таким же заляпанным плащом, высокомерным нравом и надменным выражением холеного лица.

– Ах да... Припомина-а-аю, – промямлила, скользя взглядом по широким плечам и вниз, к краям рукавов. Все, лишь бы в глаза не смотреть.

Но сделала только хуже, потому что залипла на крупных ладонях с сильными пальцами. Тьма меня!.. Хотя нет, больше не нужно.

– Вы еще крепко меня оскорбили, забыли? – развлекался столичный гость, разглядывая меня с не меньшим любопытством. В основном мою шею, спрятанную под легким темно-зеленым шарфиком и плотным воротником. Уши мои от его интереса разгорелись до самых кончиков. – Что-то про линияющих гхарров...

– М-даа... – протянула, медленно кивая.

Было дело, каюсь. Жизнь в Аквелуке накладывает неизгладимый отпечаток на лексикон.

– Какая короткая память у нынешних студенток, – удрученно покачал головой мужик и перевел глаза на мой рот.

Застрыл там надолго, видимо, ожидая каких-то звуков. Которые спустя полминуты все-таки пришлось издать.

– У вас глаза были другие, – сдавленным хрипом обвинила хитанца. Отличная у меня память, как у любого теоретика! Порой хочется похуже. – Сейчас черные.

– Черные, – спокойно согласился мужчина.

– А были желтые.

– Разве? Вам виднее.

И вот тут я окончательно смутилась. Бесповоротно.

– Мисс Ламберт! – вернулся ректор Керроу как раз не вовремя. Я мечтала о спасении, но точно не о таком. – Ваш отец прислал письмо и описал необычный случай. Это же надо, впитать столько тьмы... Невероятное везение, что все обошлось. Как вы себя чувствуете?

За исключением прожигающего щеки румянца, чувствовала я себя... Да нет, все равно паршиво. Так, что под землю провалиться хотелось, смешаться с камнями и никогда оттуда не выползть.

– Отец преувеличил масштаб проблемы, – почесала затылок.

Этот хитанец не может отвернуться хоть на минуту?

– Вам нездоровится, мисс... кхм... Ламберт? – подал голос черноглазый плод моих фантазий.

Явно же мне приснилась половина. Осталось понять, которая.

Стоп, так мы не договаривались... Мисс Ламберт? Срочно возвращаемся к «девице из Аквелука»!

– Я в порядке, – выдавила еле слышно.

– Одной Варховой милостью и молитвами вашего отца! – нахмурился Керроу, и я остервенело почесала зудящий кончик уха.

Да если бы одними молитвами... Беспокойство ректора было приятно, но мне не нравилось привлекать к себе лишнее внимание. Особенно всяких там черно-желтоглазых.

– Нет, Эйвелин, – ректор придвинулся ближе и понизил голос. – Сломанный барьер – это серьезно. Связи, вероятнее всего, нарушились еще здесь, в академии. Вы могли случайно угодить под одно из проклятий, разбросанных полоумным... в смысле, магистром Мюблиумом.

– Аккуратнее, Найджел, – напомнил о себе хитанец. – Магистр Мюблиум – безмерно уважаемый человек. Что бы он ни натворил – а нам еще предстоит разобраться, зачем, – Финиус остается...

– Знаю, знаю, Данн, прости, – хлопнул того по плечу Керроу. – Забыл в суете, что вы поддерживали с наставником отношения и после того инцидента. Но вы давно не виделись и... Тебе все же стоит знать, что в последнее время старик вел себя странно. То есть... еще более странно, чем обычно.

Я покивала задумчиво. Да, на позапрошлой неделе Мюблиум заставил нас вместо правильных простейших проклятий создавать плетения с ошибками. Причем чем больше было ошибок, тем выше ставил балл. И все бормотал про какой-то свет, что воссиял на маяке, указывая путь тем, кто заблудился.

– Главное, что пока никто из учеников не пострадал, – нервно продолжил Керроу. – Возможно, Королевский образовательный совет войдет в положение и не предъявит ему обвинений... Но если будут жертвы...

– Жертв не будет. Ради этого я и прилетел, разве нет? – хитанец дернул плечом и скосил глаза на сверкающий радугой прочный экран.

Похоже, королева его все же не за красивые глаза держит. Хотя бы потому, что они у него жутковатые.

Первый этаж академии гудел сотнями голосов, но нас словно купол окружил. Каждое слово проклятого хитанца прилетало ровно в

ухо. Притом что говорил он негромко и вообще не со мной, а с Керроу. Мистика!

А Тейка права: наш красавец-ректор за неделю сдал. Сегодня мы с ним могли поспорить за титул «Мисс Бледность». Причем у него были все шансы на выигрыш.

Рисса предвидела, что Королевский образовательный совет прилично пощиплет ему хвост из-за случившегося. Не знаю, как хвост (на самом деле, он выглядел неплохо – блестел привычной маслянистой чернотой, повязанный синей бархатной ленточкой у затылка), но вот сам Керроу казался пощипанным.

В глубоких темно-синих глазах не было той задорной искры, с которой он провожал нас к вояжерам. И морщинка на лбу стала заметнее. Так, словно он постоянно думал. И в академии творилось нечто посерьезнее спятившего профессора.

– Что касается мисс Ламберт, то это не проклятье. Уж я бы заметил... – пробормотал задумчиво сноб в грязном плаще и судорожно кашлянул в кулак. – Остаточные следы заметил бы, да. Но началось все здесь, теперь в этом нет сомнений.

– Загадок меньше не становится, – устало выдохнул ректор. – Я рад, что ты нашел время приехать, Данн. Надеюсь, Ее Величество простит нам твое отсутствие. У меня уже руки опускаются...

Непривычно было видеть Керроу таким растерянным. Обычно он строгий, подтянутый. Породистый красавец-аристократ, шикарный мужчина, мечта студенток, гроза первокурсниц и вот это все. Полный комплект. Рисса с Тейкой из-за него чуть не передрались в начале учебы – обе вздыхали ночами так, что шторы в нашей спальне ходуном ходили.

Нет, былой лоск, так будораживший сердца учениц, остался. Но теперь к нему в комплекте шли серые тени под глазами и выражение скучающей тошноты от ежедневного чтения гневных писем королевы.

– Ее Величеству придется смириться с тем, что у меня бывают и личные дела, – проворчал хитанец. – Я не ее карманный фамильяр...

– А в газетах пишут обратное, – едко хмыкнули за нашими спинами.

От голоса сира Райса, сочившегося ненавистью ко всему существу, начиная с синего анжарского неба и заканчивая томно вздыхающими

молодыми преподавательницами, комок в моем горле обернулся колючим камнем. Вечно он пугает одним только присутствием.

Едва Райс с нами поравнялся, воздух наполнился противным ароматом настойки Эшерских dwarфов. И я тут же вспомнила, почему обычно стараюсь обходить мага с другой стороны коридора. Потреблял он ее без меры и без всякого уважения к своей должности.

Резкие, грубые черты лица не так сильно портили мрачную внешность, как он бы хотел. Рисса рассказывала, что он терпеть не может женское внимание и «пустую трескотню». Живет замкнуто в дальнем крыле и никому не открывает дверь в нерабочее время.

Жуткий, в общем, человек. Затворник. Говорят, у него по ночам из-за разрывов сплошные стрессы – слишком большая ответственность.

Если вдуматься, Райс был ровесником этого вот... квахара загорелого. Но выглядел прилично старше из-за сизых теней на бледном лице и бездны, плескавшейся в острых глазах. И я бы поспорила с Диккинсом насчет того, у кого из этих двоих аура чернее.

– Мастер Рэдхэ-э-эйвен, какая встреча... – пробормотал язвительно, скользя по нам усталым взглядом.

Его короткие темные волосы топорщились во все стороны и просили расчески. Определенно, и женское общество, и «пустая трескотня» пошли бы магу только на пользу.

– Сир Райс... Исходя из аромата я бы рекомендовал вам пойти проспаться, – брезгливо скривился столичный гость и отошел на полшага.

– Финиус все уши прожужжал про лучшего ученика. Интересно будет посмотреть, сколько способностей вы растеряли на сытой службе при дворе, щедрой на увеселения, – севший голос мага больше напоминал хриплое рычание простуженного зверя. – Впрочем, раз ректор уверен, что вы еще способны отличить морок от...

– А я слышал, сир Райс, вы как раз метили на место Мюблиума. Что, техники штопанья рваной материи не пользуются у студентов популярностью? Хуже только некромантия... Соболезную, – равнодушно покачал головой хитанец. – Понимаю, как вы раздосадованы, что решать проблему с зачарованными дверями вызвали именно меня.

– Лучше некромантия, чем исследовательские экскурсии под юбкой Ее Величества... Меньше неожиданностей, – сухо уведомил Райс и плотно сжал губы.

Смотрел он на гостя с неприкрытой неприязнью, разве что темный яд по квадратному подбородку не стекал.

– Я передам Ее Величеству ваши опасения, сир Райс, – нахмурился столичный мастер. – Уверен, она найдет способ их развеять.

– Кейр, Данн, уймитесь, – Керроу болезненно закашлялся и сжал пальцами переносицу. – Бодаетесь, как два гхарра за молодую самку!

Ректор требовательно посмотрел на Райса, мрачного и грозного, как анжарские тучи, вызванные тружениками из сельхозмага. Никакие молодые самки его точно не интересовали.

– Посмотрим, посмотрим... – недоверчиво проворчал темный маг, не желая сдаваться. – Если Рэдхэйвен все же не справится и падет смертью самодовольных глупцов, я рассчитываю, что ты дашь мне допуск к варховым дверям.

– Тебе работы мало? За ночь два разрыва...

Мужчины продолжали спорить, и я чувствовала себя совершенно лишней в этой беседе. Но и уйти не могла: взгляд темно-карих глаз с золотыми искрами на дне не отпускал. Натурально не отпускал, как сказал бы Вейн. Он словно на аркан меня взял – не дернуться!

– Можете отмывать двери в свое удовольствие, «мастер», – сир Райс поправил черный воротник, плотно обнимавший его шею. Задумчиво постучал пальцем по круглому зажиму с блестящим желтым топазом, заменявшему верхнюю пуговицу. – А я возьму на себя брошенных студентов. Они обеспокоены, и новые лица сейчас будут только...

– Я охотно заменю Финиуса, пока он выздоравливает, если в том есть необходимость, – черный взгляд снова вбил в меня, отдавшись болью в шее и бедрах. Ох, не к добру это все.

– Какой в том интерес королевскому мастеру, избалованному благами жизни при дворе, – натужно вспоминать программу третьего курса? – фыркнул насмешливо Райс.

Тут я с ним согласилась. Не нужно никаким столичным квахарам программу третьего курса вспоминать!

– Ошибаетесь. Мне вдруг стало очень, очень интересно, – вкрадчиво заверил того хитанец, опасно шурясь. – Если ректор не возражает, я займу кабинет Мюблиума, разберу его последние записи и возьму на себя его курс. На то время, что я здесь. Мисс Ламберт, вы на третьем? У вас есть «Защита от проклятий»?

Определенно, «девица из Аквелука» было лучше. Зря я не ценила, пока был шанс. И как все так быстро переменялось?

Я медленно кивнула, так и не обнаружив в себе дар речи. Из этих двух жутких зол выбирать было трудно. Оставалось молиться, чтобы Мюблиум пришел в себя поскорее.

Может, он уже через пару дней очухается, сам снимет черные чары и отправит важного проклятийника домой? А мы вернемся к повышенным баллам за допущенные ошибки? Мне, видит Варх, понравилось!

– Замечали что-нибудь необычное в последнее время? – деловито уточнил этот Рэдхэйвен. Глаза его искрились неподдельным интересом, тут он Райсу не соврал.

Я нервно кивнула, ощущая, как затягивается петля на шее. Знали бы Керроу и Райс, сколько всего «необычного» я в последние дни наблюдала. Вот начиная от смены цвета глаз вархового хитанца!

– Прекрасно. Тогда нам нужно будет подробно об этом побеседовать. Наедине. Инстинкты мне подсказывают, что обычно вы куда разговорчивее, чем сегодня, – ухмыльнулся мужик, явно не забывший про тот гхарров прыщ. И кто меня за язык дергал?

Последнее, чего я хотела – оставаться с *этим* наедине. У меня еще прошлые синяки не сошли! И я до сих пор точно не знаю, кто приложил к ним лапу. И зачем.

– Это плохая идея, Даннтиэль, – скривился ректор, и я вознесла ему мысленную хвалу.

А этого мужика так и зовут – Данн-ти-эль? За что с ним так матушка? Язык ведь в узел закрутится, пока выговоришь.

– Уверен, это поможет расследованию, – пояснил тот равнодушно. – Лучше всего странности в поведении Финиуса заметили бы его ученики.

– Мисс Ламберт нездорова, Данн. Ее отец просил взять девочку под наблюдение, – мягко объяснил Керроу. – Сначала нужно провести диагностику, проверить крепость барьера, а уж потом изматывающие

допросы устраивать. Кабинет твой, должность тоже, записи мы не трогали. Опрашивай кого угодно, кроме Эйвелин.

– Спасибо, ректор! – вырвалось благодарное, и я тут же прикусила язык.

Надо было как-то спокойнее выразить восторг. Хотя... перебьется. Я даже заулыбалась от счастья, что «беседы наедине» отменяются. Вон, Рисску пусть допросит, она все про всех знает.

– Я поприсутствую на диагностике? – испортил все настроение хитанец. – Любопытный случай.

– Мы будем рады услышать экспертное мнение, – охотно закивал ректор, и благодарности во мне поубавилось.

Наверное, мою кислую мину все заметили, потому что у столичного сноба уголок губ зачем-то вверх пополз. А Керроу придвинулся ко мне и зашептал так тихо, словно мы что-то секретное замышляли.

– Эйвелин, срочность и серьезность вашего вопроса не вызывает сомнений. Вот только главный целитель отлучился в Хитану за редкими медикаментами. Он из староверов и терпеть не может воздушные суда, так что... ждем.

– Я совсем не спешу, – заверила его и уверенно потрясла головой, ловя черные искры перед глазами.

– Как только доктор Граймс вернется, вас вызовут в больничное крыло на диагностику. Не упрямитесь, это для вашего блага, – похлопал меня по плечу Керроу и, подманив к себе Райса, отошел к радужному экрану.

Попасть на прием к нашему светилу – циничному, зловредному Граймсу – скорее наказание, чем награда. Но отца не переспоришь, а уж если Керроу с ним согласен... Придется смириться и перетерпеть. В конце концов, это просто диагностика. Что может пойти не так?

– Так вот, как вас зовут, – тихо выдохнул мой аквелукский «невинно оскорбленный» знакомый. – Эйвелин. Что ж... Оно вам подходит.

– Что? – недопоняла я, задумавшись о часе мучений в кабинете Граймса.

И еще зачем-то о юбке Ее Величества. Что с ней не так, что столько разговоров? И какие в ней могут найтись неожиданности? Может, и зря я не читаю эрренских газет.

– Имя.

– А... – заторможенно поморгала. – Вам ваше тоже подходит. Очень.

Не стала уточнять, что это вовсе не комплимент. Как еще могли звать столичного сноба с черно-золотыми глазами? Естественно, так, чтобы все вокруг об него язык ломали. Даннтиэль Рэдхэйвен. Ну надо же!

– Отдыхайте, Эйвелин. Вы выглядите... помятой.

Кончики ушей вспыхнули так, словно в каждое послали по крепкому огнешару. Я стремительно отвернулась от проклятого хитанца.

Нашла глазами Риссу, вцепилась в светлые кудряшки, как в вархов ориентир в бушующем море человеческих тел, и решительно пошла на таран. Если меня затопчут, это будет не самым худшим выходом из сложившейся ситуации.

Глава 8

Глава 8

Ни до Риссы, ни до Тейки я так и не смогла добраться – их зажевало толпой и утащило вверх по лестнице. Я же перед тем, как пойти в спальню и завалиться в постель, сначала хотела сбегать в крыло магической зоологии.

Именно туда ректор велел отнести наших фамильяров на время отсутствия хозяев. Некоторые, конечно, не послушались, как Рисска, и тайком запихали питомцев и духовных спутников в рюкзаки. Но мой мизаур плохо переносил тряску в маг-вояжере. Он вообще от путешествий и замкнутых пространств становится нервным и кусачим и может неделю потом со мной не разговаривать.

В питомнике было необычно темно. Левая дверь, ведущая в лабораторию, была огорожена радужным экраном – очередным творением хитанца. Значит, Мюблиум и сюда добрался со своими проклятыми чарами... И как студентам теперь пользоваться лабораторией? Ну, тем, кто ей раньше пользовался. Не мне.

– Фидж, подай голос, вредина, – прошептала в темноту, отшатываясь от клеток с неясным содержимым. Видит Варх, не все фамильяры были безобидными, особенно если их забывали покормить.

– Эйфф... – басисто мурлыкнуло вдалеке, и я потопала на голос. Недовольный такой, предвещающий, что я снова буду покусана за долгое отсутствие и ужасные условия содержания.

– Я сейчас тебе все свои синяки покажу. Меня без тебя уже покусали, – пообещала мизауру, протискиваясь мимо двух ташерских дикобразов-близнецов.

Их хоть и разделили клетками, но фиолетовые иглы опасно торчали из прутьев. Один принадлежал Филу Экрю, а второй – его брату Эрвину. Как и парни, животные разительно отличались характерами, и главное было не перепутать, который из них добряк.

– Покашши... – потребовал гаденыш, когда я встала напротив коричневой глазастой морды за серебряной перегородкой. Явно не с тем просил, чтобы меня пожалеть. А чтобы убедиться, что добавка не требуется.

– Вот, – я отодвинула шарфик от шеи, демонстрируя сочный кровоподтек с красноречивыми следами зубов. Хоть магический слепок делай, чтобы определить кусавшего! – Доволен?

– Ну кто же так кусает? – разочарованно протянул лопухий мерзавец. Он-то в этом деле был профессионал.

Мою хамоватую редкость заперли в одной из самых крепких клеток. Не потому, что он был особо опасен, когтист или ядовит. Просто единственный экземпляр в Эррене стоило беречь. Ценный был у меня «чубурашка».

Так его мама называла – «Чубурашкой». Когда объясняла, откуда у нас в доме появилось ушастое коричневое нечто. Милое, лохматое и безобидное с виду, но кусачее, как стая бешеных вирр, если не в настроении.

Уж не знаю, какого эффекта добивались ученые с Сеймура, когда выводили этот экспериментальный образец по описанию из какой-то хавранской книжки, но... Шесть дней из семи я завидовала подругам, что у их фамиляров все было поменьше. И уши, и острота зубов, и аппетит. Потому как Фиджеруус, в те славные времена, когда не кусался, или грыз все вокруг, или подслушивал.

Поскольку мизауры у нас не водились, то и инструкции к ним никакой не прилагалось. Ни по питанию, ни по приручению. Иногда мне казалось, что сеймурчане – ученые из мира порталов и открывателей – подарили его матери в качестве шутки. Или даже в наказание.

Отказаться она не смогла (научные связи в Междумирье и без того хлипкие, никто не бежит первым делиться опытом). Так что этот лохматый гаденыш живет у меня с двенадцати.

Мизаур активно шевелил круглыми локаторами, что не предвещало ничего хорошего. Сейчас на мордочке Фиджа уже пробивался светлый пух. Еще пара недель, и он окончательно сменит шоколадную шерстку на белую, как обычно случается по осени.

– И что за диагностика, Эйфф? – пылливо уставился Фидж большими голубыми глазами. Отсюда услышал! – И какой еще Рэдхэйвен?..

– Такой Рэдхэйвен! – нервно фыркнула, жмурясь от дурацких ночных видений. Это просто сон. Просто сон. – Какой надо Рэдхэйвен!

– Кому надо? – с интересом уточнил гаденыш, аккуратно прикусывая мой просунутый палец. Не больно, так что это можно было расценить как ласку.

– Кому угодно, кроме меня, – прошептала сердито, выковыривая несносное создание из клетки.

– А Эйфф уверена? – прищурил голубые окуляры. – Тогда зачем Эйфф такая красная, как керрактская каэра о четырех плавниках?

Я закатила глаза: фамильяр у меня тоже был теоретик. Обожал проверять факты и делать всякие дурацкие выводы.

Только если я по ночам читала научные труды, Фидж получал знания иначе. Попросту подслушивал все, о чем говорят вокруг – начиная с ученых на Сеймуре, продолжая маминой лабораторией и вот, заканчивая академическим питомником.

Порой подкрадывалось отвратительное ощущение, что это ушастое чудовище (ладно, допустим, чудо) знает больше меня. Особенно о маминой работе. Она брала его с собой, пока жива была... Но он никогда не делился воспоминаниями.

Я слышала, что до меня у него была другая хозяйка, но о ней Фиджеруис тоже никогда не говорил. Маленькая девочка лет четырех или пяти, что однажды провалилась в спонтанный портал и не нашлась. Родители-ученые вывели «чубурашку» ей в подарок. Он тогда был совсем крохой. Может, даже не так больно кусался.

Опасная это штука – гулять между мирами. От ставшего ненужным мизаура, напоминавшего о беде, избавились. Передали его в Эррен – «хоть на опыты, хоть в зоопарк», так Фидж к маме и попал.

– Эйфф просто устала и местами сильно... «помята». Некоторыми. Местами, – объяснила я.

Прижала к себе шоколадную тушку и двинулась мимо дикобразов, угрожая дребезжащих длинными иглами.

– Покашешшь, где помята? – гаденыш расплылся в предвкушающей улыбке. – Обещала показать... Все-все синяки...

– Надо найти тебе подружку, – проворчала, удрученно вспоминая, что мизаур в Эррене в единственном экземпляре.

Без понятия, когда у них случается половое созревание, но судя по намекам и плоским шуточкам, лопухий Фидж уже был достаточно взрослым. А с подружкой имелась загвоздка. Вот не могли с Сеймура прислать этих тварей в паре?

Я отрешенно смотрела, как Рисса достает из рюкзака свою белую ящерку и та начинает шустро перебегать по ее рукам. Эти двое вовсе не расставались и даже на лекции ходили вместе. Тейкина каффа надменно взирала на нас с самой высокой книжной полки, распушив длинный рыжий хвост, как метелку, которой Доля обычно стряхивает пыль с артефактов.

Фидж плохо ладил с другими магическими существами, но к соседям уже привык. Каффу великодушно игнорировал, с рисскиной ящеркой даже ладил, так что запирать его не требовалось.

Фенрисса что-то говорила, но все мои мысли занимал вархов проклинатель. Вот зачем ему участвовать в диагностике ауры? Я точно без его «экспертного мнения» обойдусь. Это и без столичных снобов малоприятная процедура.

– Имира Сиятельная, покровительница юных дев... Варх Всемогущий, дарами своими... Торум Громовержец, кара небес... Пошлите здоровья магистру Финиусу Мюблиуму... – донеслось до меня рисскино бормотание. Она жмурилась анжарскому небу, посылая молитву к невидимым золотым облакам.

Я в такие моменты старалась ей не мешать: каждый ищет покой там, где обычно находит. Я в библиотеках, Фенрисса – в храмах. Тейка... Судя по звону ее любимой шкатулки, она продалась богу дорогих побрякушек.

– Эта твоя религиозность, Рисс... – протянула Галлатея, когда та открыла глаза и затихла. – Какой в ней смысл?

– Смысл в том, что если ты не можешь с чем-то разобраться сам – попроси помощи, – миролюбиво улыбнулась подруга.

– И как, помогают? – флегматично подняла бровь Тейка. Они с каффой сейчас имели одинаковое выражение лица, и это немного смешило.

– Я верю, что помогут. Потому и молюсь всем богам на всякий случай. Это... кхм... практично, – пожалала плечами. – Не только Варху Всемогущему, но и сестре его Имире Сиятельной, и брату его Торуму Громовержцу...

– Гномовержцу! – фыркнула Тея, азартно роясь в коробочке с украшениями.

– А ну как он тебя сейчас молнией шандарахнет, – сурово пригрозила пальчиком практично-верующая Фенрисса.

– Это вряд ли, – расслабленно заявила Галлатея, выуживая добычу – серьги с кроваво-алыми агонитами. – Фух! Я боялась, что забыла их дома...

– Ты невозможна!

– Я привязана к вещам. Они не предадут, – Тейка завалилась на подушку и принялась разглядывать, как алые блики перебегают по крошечным агонитам. – Скоро бал... Я не могу уступить Килире и Лети. Сама понимаешь...

– *«Дир Папиллон никогда не проигрывают»*, – заунывно протянула Рисса и, уложив локти на подоконник, уставилась в окно. – Это девиз твоего пра-пра-пра... Варх знает, сколько там этих «пра», Тей! Оно того стоит?

– Стоит. Эти квахарки много на себя берут, – воинственно сощурилась Тейка. – А Гномовержца твоего самого уже... «шандарахнули». Только Варх и остался. Но и он вряд ли прикроет наши голые задн...

– Тея!

– Все самим, все самим. Никто не придет на помощь, как ни кричи, – вздохнула трагично Галлатея, последняя наследница рода дир Папиллон, и притянула к себе шкатулку с блестящими побрякушками. Задумчиво достала из нее ожерелье из ташерского хрусталя и аквамаринов. – Или все-таки «лёд»? Не люблю огонь...

– И какой в этом смысл? – обернулась к ней Рисса. – Огонь, лед... Красное платье или голубое... Фил или Джи-Роуз...

– Смысл в том, что сейчас решаю я, – упрямо объяснила Тея.

Мы с Рисской синхронно вздохнули. Комната заполнилась тишиной. И только мой мизаур чем-то бодро хрустел под столом.

– Пока меня не продали в брачное рабство, как твою драгоценную Имиру, – пояснила подруга. – Сидит она сейчас на окраине какого-нибудь жуткого Керракта, третья в гареме справа. И едва ли слышит твои молитвы. Так что ты особо не напрягайся, Рисс. И рассчитывай только на себя.

– Я хочу верить, – пробубнила Рисска, укладываясь щекой на сложенные руки. – Это моя зона комфорта. Эйви, ты с Вейном идешь на бал?

– Как обычно, – пожала плечом, падая в постель и подгребая к себе Фиджа за огромное ухо.

Он недовольно завозился, всем видом намекая, что мизаур – не какая-нибудь каффа хвостатая, исключительно для глажки созданная.

– Ты меня уже зачубурахала, Эйфф... – проворчал гаденыш, с мученическим видом подставляя шоколадное пузо.

– Он пригласил? – уточнила Рисс.

– Он пытался, – улыбнулась собственному коварству и покосилась на чемоданы, доставленные Диккинсом в нашу спальню.

Зря я так с ним. Глупая шутка вышла. Надо будет сходить и самой его на бал позвать. Не фарфоровая, не разобьюсь.

Глава 9

Глава 9

В голову всю ночь лезла отборная каша. С участием черных глаз, сверкающих из-под хмурых широких бровей. И твердых губ, грубо касающихся шеи, так, что хотелось вскрикнуть. И ладоней, сжимающих кожу – пьяняще и одновременно отрезвляюще. И хриплых проклятий, непристойно щекочущих ухо...

Во сне я сама тянулась к этим рукам и губам, требуя защиты. И не только защиты. Прижималась к гладкой, кошмарно горячей груди, в которую словно керрактский вулкан запихнули.

Удивлялась одурманенным мозгом, почему на его щеках так много растительности, а на теле – почти что нет... Тут требовалось больше фактов, чтобы выдвинуть хоть сколько-нибудь приличную теорию.

Очнулась я с дрожью в коленках. Живот скручивало томной болью, пальцы до скрипа сжимали простынь, а сорочка липла к телу. Тьма! Да что со мной такое? И что забыл в моих кошмарах вархов проклинатель? Его туда совершенно точно не звали.

Страхнув с себя морок, я поднялась затемно и, пока подруги сладко похрапывали на подушках, достала из-под кровати коробку с формой. Тихонько, стараясь не разбудить соседок, втиснула ноги в мягкие обтягивающие брючки светло-серого цвета.

Просунула голову в темно-зеленую «защитную» кофту с высоким воротником. Поерзала в ней, ощущая, как непривычно обнимает тело плотная ткань. На босые ступни натянула тапочки для бега.

Это секретное сокровище я раздобыла еще на первом курсе, выменяла у знакомой с боевого. Ей потом новую форму выдали, а эту списали как пострадавшую на полигоне.

По корпусам в таком одеянии бегать запрещалось, костюм предназначался строго для магических тренировок, но в столь ранний час мало шансов с кем-то столкнуться. Так что я выскочила за дверь и припустила по серым коридорам, вдыхая запах родной академии.

Бегать я любила. Очень! Чувствовала себя в этот момент крикеткой, несущейся по заболоченному лесу. Свободной водоплавающей птицей, что если подпрыгнет повыше – непременно

сможет полететь. Просто она пока не хочет расправлять крылья, вот и бегаёт.

Форма у боевых магов была чудесной. Замечательной! Тело дышало, коленки не путались в юбке, пятки не уставали от каблуков... Только ради этого стоило поступать на стихийное.

Сделав три круга по большому академическому кольцу, соединявшему корпуса, я притормозила, чтобы отдышаться. Измотанный неизвестной хворью организм пока не желал приходить в себя.

Перед глазамиплыли черные пятна. Некоторые из них сменялись розовыми, желтыми и голубыми, как в калейдоскопе. Я проморгалась, фокусируясь на двери, ведущей в аудиторию «Защиты от проклятий». Она была со всех сторон закрыта выгнутым экраном, это он сверкал переменчивыми цветами.

Прищурившись, я подошла ближе. Что-то там, за прозрачной преградой, не отпускало. Восстановив дыхание, я нагнулась к экрану, чуть не ткнувшись в него носом. Попыталась разглядеть черное плетение, опутавшее дверь. Что-то в нем не давало покоя. Какая-то... ошибка.

– Не бойтесь, что отрастут рога? – густой шепот пробрался в ухо, и я чуть вслед за носом не полетела в экран целиком.

Отпрыгнула в ужасе. Явно зря. Потому как влетела затылком во что-то твердое, ощущавшееся... как проклятый Рэдхэйвен, да. Откуда-то я точно знала, что он ощущается именно так. Наверное, из дурацкого сна.

Сразу за моим прыжком раздался не то стук, не то хруст, и вслед за ним – пачка ругательств. Я медленно обернулась. Судя по ноющей макушке и недовольной физиономии столичного мастера, я угодила ему прямо в надменный нос. И теперь он занимался любимым делом – проклинал все на свете.

– Опять вы за свое... – проворчал мужчина, потирая лицо. А нечего так подкрадываться!

– Какие еще рога? – побыстрее сменила тему, отходя подальше от мрачного побитого мага.

– У вас? Зеленые, под цвет глаз.

– А у вас тогда какие? – вздохнула сердито. – Один черный, другой золотой? Или в полоску?

Вот надо было налететь именно на него? Я не делала ничего дурного, но все равно ощущала себя пойманной с поличным.

Это вообще не очень-то прилично – в обтягивающих брючках и форменной кофте с чужого плеча стоять перед одетым с иголки мужчиной. Я ведь не на магическом полигоне. Я вообще теоретик и никогда там, слава богам, не окажусь.

– Мужчинам, мисс Ламберт, рога не к лицу, – холодно заметил вархов проклинатель. – Если они, конечно, не имеют отношения к линияющим гхаррам.

– Слушайте... Ай, ладно, извините, – я подняла руки в сдающемся жесте.

Не фарфоровая. И рациональная.

– Вы серьезно? – поперхнулся он, поглядывая с подозрением. Радужки у него все еще черными были, и эта загадка становилась все интереснее.

– Я правда перешла границы в Аквелуке. Не знаю, почему так завелась, – я закатила глаза, избегая пронизательного взгляда. – Точнее, знаю, но вы тут не причем. У меня на всех богатых столичных снобов аллергия, не на конкретно вас.

– Приятно слышать, – скривился маг, выдавая, что ему совсем не приятно.

– Вы определенно никакой не прыщ, – я пригляделась к нему получше и утвердительно кивнула. – И задница того гхарра не линяет, – добавила, не увидев пока на проклинательском лице должного эффекта. – Шерсть густая, блестящая... Все, как положено. Превосходный экземпляр.

Нет, его снова не пробрало.

– Но она не имеет к вам никакого отношения! – замахала руками на случай, если он не так меня понял. – Задница отдельно, мастер Рэдхэйвен отдельно.

Кажется, я только хуже сделала. Иначе отчего у него глаз задергался?

Ну, да, я шесть лет живу в Аквелуке, где гхарров и их филейные части поминают почаще Варха. Простые работяги не следят за языком, и это несколько обогащает словарный запас. Ну так нам с ним не жить, к чему этот вид страдающий?

– Не думал, что вы учитеесь на боевом, – он недоверчиво оглядел мой рукав, на котором красовалась эмблема огненной стихии. – Хотя... Драться вы любите.

Я нервно сглотнула. Признаваться в том, что пользуюсь списанной формой чужого факультета, было плохой идеей. Но и врать я не умела. Красные уши тут же выдавали меня с потрохами.

– На теормаге, – пробубнила, глядя поверх его плеч. – Одежду у подружки одолжила. На денек-другой.

– Одолжили... – он задумчиво постучал пальцами по губам. А у него очень сильные руки... Очень. – У вас кончики ушей порозовели. Замерзли?

Проклятье! Я сложила губы колечком и медленно выпустила воздух. Уффф... Жарковато стало.

– Вы, кстати, и сами могли отойти тогда с прохода. В книжном, – напомнила хитанцу, расстегивая молнию на воротнике.

Душно тут, в коридорах этих. Совсем не проветривают.

– Мне стало любопытно, как долго вы сможете кашлять. Хотя, едва вы открыли рот, подумалось, что лучше бы вы ограничились «кхе-кхе»... – признался тот, тоже распахивая форменный удлиненный пиджак.

Он у него красивый был, чем-то напоминал маг-гвардейский парадный мундир. С золотой витиеватой эмблемой на груди и гладкими сине-золотыми пуговицами. Только сшит был явно из более дорогой и приятной ткани и длиной доходил до... до середины бедер, в общем. Которые к линияющим гхаррам не имели никакого отношения!

– Вы всегда наряжаетесь, как на смотр Ее Величества? – выдохнула растерянно, чувствуя себя в своих брючках той еще деревенской замарашкой.

Его челюсть дернулась, как от судороги, и плотно сжалась. А я ведь не имела в виду ничего дурного. Даже про королевские юбки не собиралась шутить. Просто мастер проклятий выглядел так, словно на парад собирался. А какие в Анжаре могут быть парады?

– Я взял с собой мало вещей. Не предполагал, что придется *так* задержаться, – с укором проворчал Рэдхэйвен и пояснил: – Керроу выдернул меня с одного приема. Туда принято приходить в соответствующей одежде.

Я проморгалась, подумывая, как бы так украдкой себя ущипнуть. Не ожидала, что он всерьез что-то объяснять начнет. Кому? Малоознакомой третьекурснице?

А он, оказывается, вполне обычно говорить умеет. Без этого надменного хитанского тона, словно его от всего вокруг подташнивает.

– Почему вы мне это объясняете? – потрясла головой.

– Вы спросили, – королевский мастер сощурился пытливо, словно в душу заглянуть пытался. – Вам не стоит подходить близко к экрану, он здесь не для красоты. Эйвелин.

Я дернулась от звука своего имени и резко застегнула кофту до самого подбородка. Так он его произнес – вкрадчиво, бархатно, с хрипотцой – словно владел какой-то тайной. И от этого ощущения по лопаткам полз озноб.

Я скользнула глазами по его щеке, покрытой щетиной. Тоже зачем-то прищурилась. Наверное, чтобы царапину лучше рассмотреть, что тянулась от его уха до подбородка, прикрываясь черными волосками. А чуть за ней, ближе к шее, мне померещился красноватый след от укуса. Боги Эррена... На него тоже ночью кто-то напал и синяков наставил?

– Как ваше здоровье? – вернул меня в реальность пострадавший, потирая ушибленный нос.

И столько любопытства плескалось на черных донцах зрачков, что захотелось выкрикнуть: «Да помню я вас! До сих пор синяки кое с каких мест не сошли!»

Но вместо этого я скосила взгляд на беззастенчиво сверкавшие пуговицы его пиджака и зажмурилась. Пыталась развидеть кое-что, что мне ночью пригрезилось... С участием этих вот сильных лап и грубоватых губ.

– На подобную одежду у вас тоже аллергия? – он прищелкнул по золотой пуговице, как-то неправильно истрактовав мою реакцию.

Ну не объяснять же, что мне полночи снилось, как он меня повсеместно ощупывает и обкусывает? Нездоровая у меня фантазия, ей Варху.

– Ничего такого, – проскрипела чужим голосом, отчаянно моргая. Всеми силами отводя взгляд от варховых пальцев. Они меня словно преследовали!

– Мой багаж доставят на днях. Поищу что-нибудь попроще, чтобы не смущать девицу из Аквелука сиянием королевского мундира.

– Да сияйте вы, сколько влезет! – фыркнула, отряхивая невидимую пыль с колен. – Чем-чем, а одеждой вы меня не смущаете...

Тьма! Отвернулась от него порывисто и побежала дальше по коридору. Варх с тем, что это выглядело неприлично.

То, что мне снилось, тоже, между прочим, неприлично выглядело. Я же с этим как-то живу? Пытаюсь.

Глава 10

Глава 10

На полном ходу я подрулила к библиотеке и, почти не тормозя, приложила к пропускному оракулу свой ученический жетон. Он что-то пробубнил и щелкнул замком, пропуская внутрь.

Благо, книги у нас были в свободном доступе всегда, в любое время. Поэтому ни боевая форма, ни взмокшая от бега спина, ни начинающийся за окнами рассвет меня не остановили.

В виски колотилась мысль – странная, не оформившаяся. Что-то об ошибках в проклятиях... И, как истинный теоретик, я не могла проигнорировать кричащее чутье. Есть у нас такое правило: не проверишь гениальную идею сразу, потом непременно забудешь.

В ушах звучал голос Мюблиума, неделю назад поставившего мне высший балл по «Проклятиям». *«Такой ошибки не совершит даже первокурсник... Поздравляю, мисс Ламберт, вы превзошли себя».*

Я уже плохо помнила, что там наплела... Эта дисциплина одна из немногих мне давалась со скрипом. Не было у меня склонности к темным материям! А любая защита предполагает владение предметом, от которого надобно защищаться.

Я пошла мимо стеллажей. Второй курс, первый... Вот она, «Теория и практика простейших проклятий».

Вытащила из книжки магкарту и приложила к ней именной жетон, оформляя заказ. На карточке тут же проявились мое имя, номер комнаты и дата возврата.

Зажав книгу подмышкой, я собралась на выход, пока меня кто-нибудь в боевом обмундировании не застукал. Но застряла у следующего стеллажа с биографиями известным магов-экспериментаторов. Пробежалась пальцами по корешкам.

Измененное с учетом всех новшеств расписание нам еще не выдали... Свободных аудиторий на всех не хватало, половину кабинетов закрывали экраны. Так что вряд ли сегодня будут занятия. И я успею почитать.

Книги меня всегда успокаивали, так с детства повелось. Библиотекари и хозяйки книжных лавок легко опознавали во мне

родственную душу и подпускали к закрытым разделам. Ветхие томики отвечали взаимностью. Открывались на нужных страницах и даже умудрялись сильно не запылиться, если я забывала положить их в шкаф.

Мама, когда брала меня в лабораторию, выдавала какой-нибудь трактат с картинками, чтобы я сидела тихонько. В тот день, когда грянул взрыв, мы с Фиджем листали «Основы работы с материей изнанки»...

С тех пор я никогда не мечтала оказаться в лаборатории. Не грезила практикой в Хитане. И очень не любила, когда что-нибудь взрывается.

Мне нравилась моя спокойная жизнь без сюрпризов и нервных потрясений. Когда все под контролем и все предсказуемо. Я недурно разбиралась в бытовых плетениях, и мои научные амбиции ими ограничивались. Кто-то должен заниматься и этой довольно скучной работой, зато полезной миллионам.

Вряд ли годы спустя будут помнить ту девушку, что изобрела действенный способ избавляться одним плетением от известкового налета в ванной... Зато им все будут пользоваться. А признание мне не нужно, я не настолько честолюбива.

Никогда не хотела оказаться в центре какого-нибудь скандала. И сказки про принцесс, похищенных демонами, меня не привлекали. Это Рисскина стезя, она у нас фантазерка. Несмотря на большую религиозность, она совсем не против, чтобы ее похитил какой-нибудь выходец из пламенного Керракта.

Тейка в мечтах летает поменьше, но предопределенность собственного будущего ее тяготит. Быть наследницей древнего магического рода – не сахар.

Что до меня, я сознательно предпочла предсказуемость и скуку. То неподконтрольное, что случилось за прошлую неделю, пока я спала... Оно нервировало. Выбивало из колеи. Я едва могла думать о чем-то, кроме дурацких снов с участием черноглазого «целителя»!

Лишнее доказательство, что все эти приключения и волнения – не в моей натуре. Плохо мне от них! Грудь печет, живот ноет, дыхание перехватывает. Этак я все экзамены завалю.

Выбрав себе еще пару книг и с трудом удерживая их под мышкой, я теперь точно направилась к выходу. И ушла бы, если бы жуткие

звуки не слышала. За соседним стеллажом кто-то всхлипывал, самозабвенно сморкаясь в платок.

Я прильнула к книжной полке и аккуратно выдвинула толстый томик «Родовых проклятий». Сначала надо выяснить, кто ревет, а потом уже идти успокаивать. Может, этот тот самый случай, когда деликатнее пройти мимо?

– Он совсем не узнает меня. Совсем. После стольких лет работы, сир ректор! – шептала, хлюпая на всю библиотеку, мисс Донован. Это была ассистентка Мюблиума, только благодаря ей он помнил, в какой аудитории у него занятия. – Все про какой-то свет на маяке бормочет. И еще про яра...

– Яра? – между книг возник наморщенный лоб Керроу. Судя по синякам под глазами, он вообще не спал на этой неделе. – Какого еще яра?

– Да откуда же мне знать? Я пыталась выпросить, помнит ли он, где какие проклятия развесил... Может, хоть отметки делал, какие чары использовал... Простите, сир, я так помочь надеялась.

Плечи молодой женщины вздрагивали в такт шмыганью, и ректор успокаивающе по ним похлопывал.

– Здесь вы видели магистра той ночью? – сосредоточенно уточнил Керроу, кивая на раздел «Изнаночных материй», что располагался между стеллажами с «Доварховой литературой» и «Существами древнего мира». – В этом самом месте?

– Именно тут и стоял. Совсем один, как будто заблудился, – закивала уверенно мисс Донован, громко вздыхая. Даже в столь ранний час ее темные волосы были гладко зачесаны и собраны в тугой пучок на макушке. – Зачем он это все натворил?

– Одному Варху известно, – покачал головой ректор, устало опираясь на стеллаж. – Мастер Рэдхэйвен примется за двери сегодня же. Может, удастся что-нибудь выяснить.

Вновь чувствуя себя лишней, я попятилась к двери и тихонько вышла в коридор. Поправив форму и поудобнее перехватив книги, побежала в обратном направлении.

Добралась до кабинета «Защиты от проклятий», притормозила, разворачивая голову на ходу. Радужного экрана перед дверью больше не стояло. И мрачное проклятие, что просматривалось под ним полчасом ранее, было аккуратно снято.

Хотя... Ну, как «аккуратно»? Посреди дверного полотна шла широкая, до сих пор тлеющая черная борозда. Похоже, мастер Рэдхэйвен решил первым делом очистить свою аудиторию. Пожав плечами, я опять припустила трусцой...

И подскочила от внезапного грохота, выронив все библиотечные книги. Опять испуганно покосилась на дверь, за которой кто-то негромко постанывал. Тьма! Да что там вообще происходит?

Первыми я увидела глаза. Охристо-золотые, искрящиеся, будто в них зажгли по лампочке. Как застывший мед, через который просвечивает яркое анжарское солнце. Они смотрели прямо перед собой, разгоня сиянием сгущавшуюся вокруг черную бездну. Она-то, эта бездна, как раз и постанывала.

Я застыла, напоминая себе, что любопытство мое сугубо теоретическое. И ко всяким беспокойным вещам не тяготеет. И все равно засмотрелась на королевского проклятийника из-за приоткрытой двери. Наш свеженький магистр стоял посреди аудитории и выглядел... совсем не свеженьким.

Посеревшее лицо, напряженно сжатые губы, обострившиеся скулы, которые будто судорогой свело... Рэдхэйвена окутывал сладковатый туман – черный, дымный. То там, то здесь темную муть прорезали ярко-фиолетовые нити.

Мастер сосредоточенно, будто от этого зависела судьба мироздания, накручивал их на запястья. Медленно, но упрямо подтаскивал жуткий морок к себе. Так близко, что уже носом в его окунулся и чуть весь целиком в черноту не всунулся.

Показалось даже, что он умудряется впитывать отрывающиеся от исчадия мрака плотные сгустки. Будто в его рацион темная материя очень даже входит. Не то что у анжарцев.

Да нет, не может нормальный человек переносить столь тесный контакт с дитем изнанки! Я зажмурилась и потеряла глаза. Явно ведь мне это все мерещится.

– Уходи отсюда! – прорычал шепотом. Сам же не отрывал цепкого взгляда от клубящегося по аудитории мрака.

Да я бы и рада была взбесившимся гхарром поскакать прочь. Куда угодно, хоть к Варху на кулички. Во всем мои беговые тапочки виноваты. Они словно примерзли к порогу!

И еще туман, бесстыдно вившийся вокруг мастера и хищным удавом оплетавший его тело, гипнотизировал. Они словно общались без слов, покачиваясь в невидимом танце.

Я скосила голову набок, прищуриваясь. Субстанция, сотканная из черной тени, явно была разумной. Тело ее, непривычно кривое, прозрачное и изменчивое, все же имело подобие головы и конечностей. А когда существо обернулось в мою сторону, то и глаза нашлись. Черные, с узким желтым зрачком. Истинно демонические.

Я тонко вскрикнула, когда черное облачко вдруг шевельнулось. Неспешно вытянуло ко мне изменчивый «хоботок», удлинившийся до безобразия, и почти коснулось им онемевшего лица. Оно издавало эти странные подвывающие звуки, с которыми ветер гуляет по пустому дому. И как будто принималось изучающе.

– Пошла вон! Быстро! – прорычал мастер и резко сбросил с пальцев длинную фиолетовую нить.

Петлей накинул на туманную длань, тянущуюся к моей шее. Заарканил вархову пятерню, собравшуюся сдавить мое горло, и оттащил негодника обратно.

– Вон!

Я пришла в чувство, отпрыгнула назад и захлопнула дверь. Уткнулась ошарашенным взглядом в поврежденное полотно. Мое любопытство абсолютно и бесповоротно уступило место страху, и я, забыв на полу книги, понеслась вперед по коридору.

Нет, к гхаррам такие развлечения. Оно же меня... Ко мне... Почти притронулось!

И что это вообще за «оно» такое, глазастое?

Сбивчиво дыша, я завернула за угол, и только тут вспомнила про библиотечные книги. Пробитое гхаррово копыто! Придется вернуться. Осторожно и не привлекая к себе внимание.

Обреченно прибежала обратно, присела, сгребла рассыпавшиеся томики. Прижала к груди, требуя от книг немедленного успокоения. Я не трусливая, нет... Просто это все слишком для меня, тяготеющей к покою и предсказуемости.

С той стороны двери раздался новый подозрительный звук. Такой, с каким падает на пол тяжелое человеческое тело. Мужское, загорелое, самодовольное. И упакованное в парадный мундир.

Имира Сиятельная, Торум Гномо... *Громовержец*... За что ж вы так со мной? Видит Варх, я себе завтра затычки куплю, чтобы ничего жуткого не слышать!

Сложив книги у стены аккуратной кучкой, я робко дотронулась до проклятой (во всех варховых смыслах) двери. И, пугливо жмурясь, потянула за ручку.

Потому как падать там мог только некто очень конкретный, а не абстрактный. Едва ли пойманный мастером туман мог наделать столько шума! А значит, наделать его мог лишь сам Рэдхэйвен. И, кроме меня, в гхарровом коридоре в этот ранний час никого нет.

Просунулась в кабинет на одну пятую и оглядела поле боя. Надменное тело столичного сноба, валявшееся на полу без чувств, умудрялось даже лежа задирать небритый подбородок!

Вокруг отключившегося мага клубился все тот же черный дым. Только вел он себя, ей Варху, странно. Окутывал мужчину пушистым одеялом, облизывал «хоботком» заросшие щеки.

Будь я необразованной простачкой, понятия не имеющей об опасностях, что таят в себе «дети Тьмы», решила бы, что морок сожалеет о содеянном. И заботливо пытается привести Рэдхэйвена в чувство. Серьезно, этот черный дымок выглядел виноватым!

Впитывая изумленно удивительную картину, я приблизилась осторожно к телу. Подтянув узкие штаны в коленях, присела, пригляделась. Морок был увлечен лобызаниями и на меня внимания не обращал.

Столичный квахар в «сияющих доспехах» был совсем плох и бледен. Даже загар сполз. Похоже, поединок с темной сущностью его прилично вымотал. Или не он, а другое что-то.

Почему-то пятую точку закололо чувством вины. Но в отличие от черного облачка с хоботком я лобызать магистра не собиралась.

– Эй... сир, – прошептала, подбираясь на коленях ближе. «Мистером» его сейчас назвать язык не повернулся.

Сир не шелохнулся, продолжая хранить на высокомерном лице выражение холодной учтивости. Очень, надо признаться, раздражающее. И я, окончательно спятив, принялась ладонями отмахивать черную жуть от бездыханного тела.

– Брысь! – шикнула на исчадие, перенимая хамоватые интонации хитанца. Должно же это хоть с кем-то работать? – Пошел прочь!

Морок оказался тягучим, вязким. Тут же прилип к пальцам, и пришлось стряхивать его, как какую-то слизь. Брр! Дымчатые комья полетели в стены, что-то шлепнулось на пол.

На ладонях остались темные разводы, и я брезгливо вытерла их о парадный мундир королевского мастера. Надеюсь, у него еще есть. Он ведь говорил что-то про багаж.

Туман смотрел на меня со снисходительным любопытством. Как на слабоумную, точно. Решившую голыми руками без всяких фиолетовых ниточек его прогнать.

Но я и не надеялась от него совсем избавиться. Хотела только с самодовольной физиономии сдвинуть. Мое теоретическое чутье подсказывало, что эти лобызания только усугубляют ситуацию. И чем усерднее морок будет вылизывать пострадавшего, тем дольше тот пробудет в отключке. А мне одной тут сидеть совсем не нравится.

– Мастер Рэдхэйвен... Давайте уже просыпайтесь, хорош дрыхнуть!

Ценное пространство над побледневшим хитанцем освободилось, и я с невиданным усердием похлопала его по колючим щекам. Ему полезно.

Мужчина приоткрыл глаза, плывущим взглядом сфокусировался на мне и выдавил нечто, сильно напоминающее проклятье. Но раз у меня не отросли лоснящиеся метровые рога, оно было «понарошку».

На меня снова глядели черные агаты вместо желтых джантариков, но я решила не удивляться. После тесного общения с мраком галлюцинации вполне нормальны.

Я замахнулась, и мастер резко поймал мою руку, настроившуюся на новый удар. Немного отвел от своего лица. Слотнул, карябая мутноватым взглядом прикушенные губы.

– Опять дерешься? – прохрипел бархатно.

– Что значит «опять»? – резонно удивилась, пытаюсь выпутаться из захвата.

Не для того, чтобы ударить снова. Просто хотелось свободы: ощущать кожей его жаркое прикосновение было в высшей мере неловко. Очень. И шея опять саднить начинала. И пятая точка предательски заныла.

Но он крепко держал. Пялился на нависшую над ним меня. И щекотно, волнуяще поглаживал пальцем запястье.

– Эйвелин...

– Ум? – теперь уже я сглотнула.

Нельзя так на людей смотреть! Обычных, неподготовленных. Прожигая глазами до самых внутренностей.

– Пошла вон... отсюда... – прохрипел мастер защиты.

Я даже не сразу его поняла. Потому как цепкий, магнитящий, арканом хватающий взгляд очень расходился со словами. И явно меня никуда не отпускал.

– Все-таки вы невозможный хам, – покачала головой удрученно. И чему я удивляюсь? Он же хитанец. Там все такие. – Я тут вас спасаю, между прочим.

– Превращая мое лицо в отбивную? Уходите, мисс Ламберт, – вспомнил столичный квахар про любезности. – Здесь неспокойно. Морок Кхи-Гарда успел прорваться.

– Ах, во-о-от как его зовут...

– Кого? – удивился мастер, соскальзывая взглядом с моих губ на шею.

– Того, с хоботком.

Я поискала глазами виновника происшествия, но гаденыш успел улизнуть за шкаф и как раз в этот миг подтянул за собой волочащийся «хоботок». Но, может, это у него хвост был.

– Он местами размазался по стенам. Не знаю, как это убрать, – призналась, украдкой вытирая об мастера свободную руку, на которой еще остались темные ошметки.

Рэдхэйвен приподнялся на локте и недоуменно заозирался. А потом с тяжелым выдохом упал обратно на лопатки.

– А он вас тут, кстати, всю облизывал, – осуждающе покачала головой. – Как преданный пес. Выглядело гадко. Что вообще случилось?

– Слом проклятия привел к разрыву, – проворчал маг. – Хаотический морок прорвался и вышел из-под контроля.

– А-а-а... – протянула, придавая лицу понимающее выражение.

Что-то сломалось, где-то разорвалось, кто-то прорвался... Что тут непонятного?

– Обычно мы ладим, и он слушается... Как правило, – хрипло рассказывал Рэдхэйвен, перехватывая мою грязную ладошку и принимаясь старательно оттирать пятна своими шершавыми пальцами.

Настолько старательно, что я до кончиков ушей мурашками покрылась. – Но случаются кризисы в общении. И мы... повздорили.

– Огхарреть, – выдохнула, глядя на ошметки черного тумана, уползавшие в щели между стен. – А у вас опять глаза золотом светились.

– Вам виднее, Эйвелин, – ухмыльнулся проклятый мастер, не торопясь выпускать мои ладони из теплых рук.

Глава 11

Глава 11

Кожа на запястьях горела, затылок до сих пор атаковали непослушные мурашки. А ведь я уже десять минут нервно топала по этажам, пытаюсь пустынными коридорами добраться до ученического крыла.

Еле сбежала от проклятого мастера, прикрывшись необходимостью срочно переодеться и получить новое расписание. Судя по цепким пальцам, меня ему понравилось ощупывать куда больше, чем исчадие мрака.

Едва я просунула голову в форменное платье, ящик для ученической почты предательски зазвенел, будя заспанных Риссу и Тейку.

– Проклятье! – воскликнула в сердцах, рассматривая лист с расписанием теоретиков.

– Оно самое, да... – сонно проворчала Галлатея, запихивая себя в идеально выглаженный наряд.

У нее никогда ничего не мялось и не пачкалось. И я подозревала какой-то родовой заговор на личные вещи. Такой крепкий, что даже если Тейка захочет измазаться, ни гхарра у нее не выйдет.

– Еще и первым! – простонала, ловя понимающий взгляд подруги.

Мы синхронно положили в тканевые мешки по увесистой «Защите от проклятий».

– И чего ему не спится? Рэдхэйвену этому? – зевнула Тейка, на автопилоте наматывая волосы на завивающий артефакт.

Несмотря на небрежные движения, ее шоколадные локоны ложились один к одному. Точно заговор!

– Видно, утро выдалось уж очень бодрящим, – я пожала плечами, вспоминая свои оплеухи и вылизывания морока.

Сверившись с расписанием, вложила в мешок и остальные конспекты. С Тейкой мы вместе шли только на первое занятие, а потом она уходила в стихийное крыло, а я топала к своим теоретикам.

– Идете смотреть на новенького магистра? – Рисса была раздражающе спокойна и давно собрана. – Мне только ко второму.

«История доварховых времен», скукота.

Да я на этого «новенького магистра», Тьма свидетель, за нынешнее утро уже насмотрелась!

И ведь какое занятное совпадение: вархов проклинатель назначил занятие ровно в той аудитории, из которой я только что совершила побег. Сколько шансов, что он за время завтрака вытащит из шкафа непокорное облачко? Или мы прямо на нем практиковаться будем?

К моменту, когда мы с Тейкой приняли положенный прилежным ученицам вид, Рисса уже восседала на горе подушек и штудировала «Занимательную теологию доварховых времен».

– Слышала, на дэс Морган и тэль Диаз уже ставки делают, – пробормотала она, не отрывая глаз от страниц. – Расскажите потом, у кого больше шансов. Я хотела сотню поставить на Лети.

– Мм? – я оттянула ее «Занимательную теологию» за корешок, требуя внимания к себе. Тоже вполне занимательной.

– Килира много на себя берет, – «объяснила» подруга, невинно хлопая огромными голубыми глазами. – И, если верить газетам, она не в его вкусе. Но свежий взгляд мне не помешает.

– В каком смысле ставки? Кто делает? – уточнила сипло, так и не отпустив ее учебник.

– Так они со вчерашнего вечера словно две вирры вокруг раненого гхарра вьются, – хихикнула смущенно Рисса. – Планируют брать измором. Сто йоргенов – сумма небольшая, но ты, как теоретик, все-таки просчитай шансы, ладно? Мне на карманные в этот раз совсем немного выдали.

И почему все ждут от теоретика магии аналитических выкладок на любой чих?! «Эйви, как полагаешь, сколько у меня шансов пробраться в кабинет Керроу и выкрасть табель с оценками?», «Эй, Ламберт, какова вероятность, что в выходные подадут альта-цитроновый пудинг?»... Мысленно зарывчав, я кивнула Рисске. Просчитаю.

За дверью, пострадавшей от слома проклятия, гудел рой анжарских пчел. Никогда еще предмет Мюблиума не был столь популярен, как сегодня. В аудиторию набились даже те, у кого «Защита» не была обязательна к посещению. Явно тоже хотели... «шансы просчитать».

Мастер Рэдхэйвен с невыспаным видом перемещался по залу. На самом деле, он вполне собранный был. Подтянутый и уже не бледный. Загар вернулся на законное место, зубы сверкали белизной, а парадный мундир, заляпанный моими ладошками, был снят и небрежно накинут на спинку стула. Так что вид его усталый замечала, похоже, я одна.

– Я бы его съела, – мурлыкала сидевшая рядом с нами Килира, в то время как я безуспешно боролась с приступами тошноты.

Я дурно спала и недавно притрагивалась к мраку, потому и мутило. Наверное.

– Не боишься, что в зубах застрянет? – ехидно профыркала Тейка, сидевшая по другую сторону от меня.

Они вечно перебрасывались остротами, используя меня как разумный буфер. Не сиди я между двумя наследницами знатных родов, те бы каждый раз выходили с занятий со сломанными ногтями и выдранными клочьями волос. Я с этой ролью давно смирилась, но сегодня она давалась нелегко.

– А я по кусочкам слопаю, – Килира дэс Морган облизнула губы и поправила пышную гриву медных волос.

Нет, не из-за мрака меня подташнивало.

– Не для тебя ягодка зрела, – задрала голову Лети, сидевшая на нижнем ярусе.

– А это у ягодки надо спрашивать, – пожала плечами ее извечная соперница.

Ягодка чертила... Тьфу! *Рэдхэйвен* чертил на мерцающей символами доске какое-то заковыристое плетение, которое должно было защитить нас от «Проклятия мгновенной старости».

А он и впрямь потрудился вспомнить программу третьего курса! Начал ровно с того места, на котором остановился Мюблиум. И, стыдно признать, объяснять у него получалось ловко. Даже мне многое стало понятнее из того материала, который раньше никак не давался.

Я с любопытством следила за движениями загорелых пальцев, губкой впитывая новые знания. И от его вибрирующего, чуть хрипловатого тона, аккуратно вкладывавшего информацию мне прямо в уши, предмет становился еще интереснее.

Я старалась не отвлекаться на бубнящих соседок, решавших, откуда лучше начинать поедать магистров – сверху или снизу. И стоит ли их предварительно связывать, чтобы проклятье не наслало.

Игнорируя шум, следила за резкими взмахами ладоней Рэдхэйвена, вычерчивающего схему. От его запястий по рукам тянулись выразительные вены, опутывая кожу до локтей и убегая под закатанные рукава.

Я зачем-то вспомнила свои, черные, жгучие, те, что в парке появились. Задумчиво потерла шею. Разве это возможно – из человека Тьму высосать?

– Интересно, что там у него под рубашкой, – прошептала Килира, и меня чуть не вывернуло прямо на конспект. – Умираю, как хочу узнать, гладкая у него грудь или с волосками. Эв, тебе дурно?

– Прекр-расно все, – помотала головой, загоня горечь обратно в горло. – Кили, ну какая, к гхаррам, разница, насколько преподаватель лохмат?

– Интересно! – она пожала плечами и мечтательно закатила глаза. – Я же только посмотреть. Пощупать. А там как пойдет...

Ох, что-то мне совсем поплохело! Вовсе не потому, что представилось, как дэс Морган съедает королевского мастера, отхватывая зубами куски посочнее. Я много чего повидала, так вот это не самое страшное.

Но то, что я откуда-то точно знала, что гладкая... И очень, очень горячая, как сердце пламенного Керракта... Вот это настораживало. Подобной «бесценной» информации в моей голове быть не должно.

Но она там есть.

– Ламберт, тебе бы к Граймсу, – участливо посоветовала Иллона с нижнего ряда. – Ты белая, как скатерть. А ты, Кили, забрось пустые надежды. Он с Ее Величеством роман крутит.

– Ой, мало ли что пишут в «Вестнике»! – взвилась Килира обиженно. – Эта Дафна Мэтьюз-Грейс та еще выдумщица.

– У меня точные сведения. Разве не знаешь, кем мне приходится Ее Величество?

Едва ли в академии остался человек, который не знал, что полненькая Иллонка – троюродная племянница коронованной особы. Так часто она об этом всем напоминала.

– Вчера – с Ее Величеством, завтра – с моим... кхм... «высочеством», – прыснула Килира, красноречиво поправив пуговичку на блузке. – Она, говорят, избирательная. Значит, наш мастер проклятий – высший класс.

– Ты бы не задавалась, Кили. Тебе до Ее Величества – как Аквелуку до Хитаны, – не удержалась Тея.

Они всегда с легкостью находили повод повздорить. Обычно я была на Тейкиной стороне, но в этот разговор не хотелось встречать даже мизинцем. И вовсе не потому, что мне приснился вархов проклинатель... Совсем не из-за этого!

– Я помоложе буду. И посимпатичнее, – гордо вздернула нос Килира.

Девчонка она была видная, породистая. Медные волосы до пояса, большие ореховые глаза. Как выглядит Ее Величество я, к стыду своему, до сих пор не узнала, потому что вместо «Вестника» продолжала читать скучные научные трактаты.

– Судя по дворцовым сплетням, он падок на блондинок. Так что шансов у тебя, Кили-Шмили, ни-ка-ких, – лукаво протянула Летисия тэль Диаз и демонстративно перебросила на плечо светло-золотые локоны. – А грудь у него волосатая, как у керрактских демонов, ташерских воинов...

– ...и анжарских грузчиков, – с усмешкой договорила Килира.

– Ставлю четыреста йоргенов.

– От меня сто на гладкую, – кивнула Иллона, зажигаясь идеей. Достала блокнотик и принялась записывать ставки.

Я рухнула лбом в конспект, сотрясаясь от чего-то между истеричным смехом и немymi рыданиями. Да хорошо же сидели! Пока я напрочь не растеряла способность соображать.

Раньше я не так остро реагировала на девчачьи глупости. Каждый убивает скуку на занятиях, как может. Кто ж виноват, что мне одной из немногих не скучно и я бы еще пару дополнительных лекций отсидела? Не потому, что на проклятого Рэдхэйвена плююсь, а потому, что интересно, Варх побери!

– Двести – волосы, – кашлянула в кулак Галлатея.

Варх Всемогущий, и эта туда же! Я закатила глаза, но вслух осуждать не стала: пускай развлекается. Лишь бы меня не втягивала. Мне еще для Рисски «шансы просчитывать».

– Да как же гладкая, если вон какая шерсть на лице? – зашептались со всех сторон, заглушая речь Рэдхэйвена.

– Да разве ж это шерсть?

Бардак! Вархов бардак!

– А что скажут теоретики? – пихнула меня в плечо Килира. – Есть какие-то факты, указывающие...

– Теоретики промолчат, – я спрятала нос за учебником и стекла под стол, притворяясь предметом интереса.

Тем более, что стройных теорий на этот счет у меня не имелось. Маловато фактов. Только ничем не подкрепленные ночные фантазии.

– Триста – гладкая, – вспыхнула Кили, доставая из кошелька хрустящие купюры.

Не знаю, как там в Хитане дела обстоят, но в Анжарской академии неделя без каких-нибудь ставок считалась прожитой зря. Очень уж азартным было молодое поколение магов. Спорили на всякую чепуху, отвлекаясь от будней, наполненных зубрежкой.

Ученики передавали свои варианты в записках со свернутыми купюрами. И к концу лекции у Иллоны вышел список из пятидесяти двух фамилий. Блокнотик прилично распух от зажатых между страниц желтых банкнот. Ненормальные!

Я – пятьдесят третья, последняя из присутствующих – «задумчиво» косилась в окно, намекая, что в мракобесии не участвую. Разве что не насвистывала, чтобы внимание не привлекать.

– Как проверять-то будем? – похрюкивала от смеха Летисия, в азарте растерявшая весь свой надменно-холодный образ.

– А вот Килира и проверит, раз она у нас краше самой королевы, – фыркнула Тейка.

За озорным хихиканьем мы даже не заметили, как аудиторию накрыла подозрительная тишина. Только в моем мешке с учебниками кто-то азартно хрустел крекером: похоже, Фидж не пожелал остаться в спальне. И тоже тайно отправился глазеть на «новенького магистра».

Под чавканье мизаура на стол с заветным пухлым блокнотом поползла черная тень. И над Иллонкой нависла статная фигура мастера проклятий, о чьем присутствии на лекции мы уже как-то успели позабыть.

– Мамочки... – выдохнула Иллона, накрывая ладошками список и стопку мятых йоргенов.

– С вашей матушкой, мисс тэль Меер, я знаком, – хищно ухмыльнулся хитанец, наклоняясь к нашему ряду.

Я спрятала лицо за учебником и задержала дыхание. Его аромат – все еще вкусный, несмотря на невозможность сменить одежду –

знакомыми нотками разносился по аудитории.

Сегодня утром, пока он в мороке ковырялся, запах забивался приторной сладостью темной стороны. Но теперь вновь ощущался прежним, свежим и дерзким, как в парке Аквелука. И нахально лез мне в ноздри.

Рэдхэйвен скинул побелевшие руки Иллоны с блокнота, подтянул список к себе и заинтересованно всмотрелся в текст. По рядам прошелся синхронный сдавленный стон, разбавляемый монотонным хрустом из моего мешка. Гадство!

– Иллона, ты квахарка, – зашипела Кили. – Не могла написать шифром?!

Тут даже я не удержалась и высунула нос из-за учебника. Перегнулась через руку Рэдхэйвена, засмотрелась, как его палец скользит по неровным строчкам.

Захотелось взвыть, но вместо этого я поперхнулась и закашлялась в кулак. Ох, Имира! Наш самоназначенный секретарь уж очень старательно зафиксировал предмет торгов. С фантазией, с огоньком.

«Есть ли у нового шикарного магистра волосы на загорелой груди? Да... Нет...».

Побеждало «Да», причем с приличным отрывом. Но это им просто сны не снились. Смущающие.

Как есть, квахарка! В кои-то веки даже спорить с Килирой не стала. Хитанец, впрочем, даже бровью не повел. И ничуть не удивился предмету спора. Будто при королевском дворе все только и делают, что его обсуждают. А может, им там правда больше заняться нечем? Не одни же мы скучаем.

– А вы, мисс Ламберт, почему не поставили? Одного голоса не хватает, – сдержанно, в духе проводимой лекции уточнил Рэдхэйвен.

Резко оторвавшись от страниц, он цепко ухватился за меня взглядом. Темно-карим, почти черным радужкам было очень любопытно. Проклятье!

«Потому что вы мне приснились и я знаю правильный ответ, а это нечестно»?

Пожалуй, так говорить нельзя. Но он продолжал смотреть, а я не знала, что сказать... Так что полезла за кошельком. Перегнулась через ряд, невозмутимо сунула между страниц триста йоргенов и торопливо вписала себя под столбцом «за гладкую».

– Эв! – Тейка пихнула меня ногой под столом и картинно закрыла лицо руками. То ли плакать собралась, то ли смех сдерживала. Пойми ее, эту актрису.

Надо было, конечно, поменьше ставить: это мои карманные на две недели. Но я разнервничалась из-за пронизывающего взгляда и одуряющего аромата. Невозмутимость, с которой засовывала банкноты в блокнот, показной была.

– Вот, сир. Теперь полный комплект, – выдавила севшим голосом.
– Вы довольны?

– Более чем. Лекция, кстати, закончилась, все свободны. На следующем занятии будет проверочная работа, – задумчиво ухмыльнулся мужчина, постукивая пальцами по списку. – Посмотрим, что вы за сегодня усвоили.

Я опустила глаза и шикнула на мизаура, продолжавшего бесстыдно хрустеть у меня в ногах. Пакостник мохнатый!

Что мы за сегодня усвоили?

Лично я – что мне в присутствии хитанца становится слишком жарко. Душно. Грудь распирает, дыхание сбивается. Шею саднит, пятая точка ноет.

А все потому, что он смотрит на меня, как будто владеет тайной, в которую меня забыли посвятить. Неприятное, тревожное ощущение.

Глава 12

Глава 12

Из открытого всем анжарским ветрам корпуса магической практики хорошо просматривался опустевший полигон.

Звездосвод окрасился темно-синим. Стихийники, потрепанные пульсарами, устало возвращались в здание академии. Притулившись к квадратным колоннам и лоя ртами вечерний воздух, пахнувший сыростью, мы с Риссой дожидались Тейку.

– Смотри-ка, Граймс вернулся, – подруга ткнула пальчиком в темноту, из которой едва проступали очертания ворот. – Как думаешь, он раздобыл в Хитане снадобье для Мюблиума?

Я поерзала на каменном ограждении и с опаской перевесилась, устремляя взгляд вдаль. И правда, Граймс нервно семенил по усыпанной листвой дорожке, на ходу приглаживая непослушную темно-медную шевелюру. Настолько темную, что казавшуюся черной, когда он не попадал в потоки фонарного света.

– Осторожнее. Свалишься – загремишь к Граймсу в первых рядах, – предупредила Тейка, появляясь за нашими спинами.

– А я и так загремлю. Может, если больно упаду, он хотя бы издеваться не станет? – протянула без особой надежды в голосе.

– Это вряд ли, – Тейка присела рядом и призналась со вздохом, потирая ссадину на щеке: – Я сегодня снова провалила бой на ледяных кинжалах. Лети меня отделала, как младенца.

Она потеряла руки и принялась тренировать ледяное плетение. Кружева «быстрой заморозки» растеклись между тонких пальцев, струясь серебристыми потоками. На ее ладошке рождался слабо заметный узор: цветок о восьми лепестках, искрящийся серебряной пылью.

– Скорее бы уже сдать экзамен на сирру, – бормотала Галлатея, сосредоточенно выводя пальцами завитки.

Работа со стихийными потоками требовала максимальной концентрации. Одно неловкое движение – и мы все тут сосульками покроемся. Так что Фидж предусмотрительно забрался под мою юбку и... да, теперь оттуда чем-то хрустел. Надеюсь, не каблуками

неудобных туфель. Прошлую пару он бесстыдно сгрыз, в чем до сих пор не признался.

В голову бессовестно и без какого-либо предупреждения вползали тягучие, щекотные мысли о мастере проклятий. И о предстоящей диагностике, на которую этот квахар в парадном облачении намерен был заявиться.

А мне от одних воспоминаний о его цепком черном взгляде дурнело! И еще о своем, вечно падающем то на загорелые руки, то на сильные пальцы... Вот точно такие, какими удобно оставлять синяки на тонкой девичьей коже. Особенно, если нахально забраться под сорочку, усилив... кхм... тактильный контакт.

Тьма! Слишком много неловкостей для первого дня учебы. И все, за каким-то гхарром, связаны с проклятым Рэдхэйвеном.

Закралась идея добровольно сдаться Граймсу этим же вечером, чтобы он меня без свидетелей ощупал. Плохая затея, к Варху не ходи. Потому что быть ощупанной Граймсом поздним вечером и без свидетелей – куда хуже, чем быть просто ощупанной при свете дня. На такую глупость решится только отчаявшийся. Или попросту спятивший.

А если учесть, что, судя по отметинам, меня и так всю неделю ощупывали с максимальным усердием... И это может некстати вскрыться на диагностике... Да я лучше в спонтанный портал провалюсь, чем на своих двоих в целительский корпус притопаю!

Давно, в детстве, это было моим самым сильным страхом – ухнуться в межмировую воронку и очутиться Варх знает где. Прямо как та девочка с Сеймура, бежавшая за мизауром. Наверняка мама специально рассказала страшную байку, чтобы навсегда отбить желание путешествовать.

Но сейчас, намертво застрявшая мыслями в черных глазах и сильных пальцах, я полагала это не самым паршивым вариантом. В конце концов, меня может выплюнуть на Саци. А там – океаны зеленые, птицы райские, кулинарные изыски со всего света и вот это все, запредельно дорогое, курортное...

Не то, что здесь – синяки, глаза и пальцы. Пальцы, глаза и синяки. И полнейшее беспамятство по этому поводу.

– Эв, ты чего? – Тейка схлопнула на ладони ледяной цветок и пихнула меня в плечо.

Я отрешенно проморгалась и перестала глазеть в черноту под собой. Всунулась обратно за ограждение.

– Портал на Саци... визуализирую, – призналась смущенно.

Рисса уверяет, что если долго и старательно что-то воображать, оно вполне может появиться. Но черная дыра под нами, в которую превратилась вся территория академии за исключением мест, освещенных бодрыми рыжими фонарями, так и осталась черной дырой. И никакого вам, мисс Ламберт, Саци. Гхаррушки!

– Фидж... Ты меня тоже уже зачубурахал, – проворчала, стряхивая с туфли ушастое недоразумение.

Мохнатый гаденыш, прикончив крекеры, таки добрался до новеньких каблуков.

– Голодный, – неправдоподобно жалобно призналась откормленная тушка, нехотя даваясь мне в руки. И принялась жадно высматривать, что еще можно сточить в зоне доступа.

Растерявшись под алчущим взглядом голубых глаз, я аккуратно пересадила мизаура на ограждение и отошла. Видит Варх, с его растущими аппетитами мне все страшнее засыпать с Фиджем в одной кровати. Кто знает, кто еще меня к утру понадкусывает? Это популярное занятие, как выяснилось.

– Эй, Ламберт! Пссс! – принесло в мое ухо из-за дальней колонны.

Хотела уже стусеваться, но Вейн выдал себя спутанной светлой копной, торчащей из-за серого камня. Его бы подстричь, расчесать... и да, на бал пригласить тоже надо. Моего принца среднестатистического.

Широкое плечо выдавалось из-за колонны вместе с бледно-желтыми, хаотично лежащими прядями и темно-зеленой эмблемой «природников». Не работать ему под прикрытием, ей Варху.

– Диккинс, я тебя вижу, – призналась, скрещивая руки на груди.

Собраться, не трусить, пригласить. Не фарфоровая.

Что-то во всей этой затее с балом, Вейном и статуей смущало. Клубилось за плечами неявной, смутной дымкой. И снова предательски ныла измятая пятая точка.

Но ведь это просто бал. Да что может пойти не так? Мы же с Вейном туда постоянно парой заявляемся.

Хотя в этом году будто изменилось что-то. Взгляды Диккинса стали тяжелее, объятия – теснее... Вместо привычной легкости они рождали оцепенение и неловкость.

Вот почему не вернуть все как было? Когда мы дурачились по-приятельски без этого двусмысленного подтекста?

Я ведь не глупая и как истинный теоретик давно выстроила версию, куда он клонит. Но готова ли я сама туда склониться? Понятно ведь, что поцелуями за статуей Имиры дело не ограничится.

Граймс, конечно, много всего мне завтра скажет по поводу «все-еще-сияющей-Эйвелин». Непорочность «вымирающего вида студенток» – любимая тема нашего вредного, грубого и «деликатного», как толпа портовых грузчиков, доктора.

«Ваша аура слепит мне глаза, мисс Ламберт, – тон обычно колеблется между ворчливым и остро обвинительным. – Я бы советовал разобраться с этим вопросом, пока еще есть желающие ее запачкать. Они, знаете ли, со временем переводятся». И прочее «бла-бла-бла». В этом весь Граймс.

Так... стоп! Ведь аура моя до сих пор сияет, как положено? И никто ее не перепачкал своими загребущими лапами, пока оставлял синяки и укусы повсеместно?

Имира Сиятельная!

Да нет... Я бы заметила. Наверное.

– Эв... Ты сегодня с утра такая бледная, что Рисса на твоём фоне загорелой кажется, – потрясла ошарашенную меня Тейка.

Варх побери!

– Я просто... Я... – задохнулась в узком лифе форменного платья. Свежестиранного и потому казавшегося нестерпимо тесным.

Воздух стремительно заканчивался, грудь раздувалась от его нехватки. Верхняя пуговичка с опасным треском натянула нитку. Еще немного – и отлетит Тейке прямо в глаз.

Да нет, я бы заметила, если бы он меня... Со мной... Воспользовавшись беспамятством и вдохновившись чистыми сорочками...

Или в темном бреду, в котором бултыхалось, отчаянно перебирая лапками, мое болезненное сознание, и не заметила бы?

Тело у меня повсюду ноет. То есть прямо вообще повсюду! Словно я ночами трактором в магсельхозе подрабатывала, вспахивая задом фермерские плантации. Проклятье!

Почему я сразу об этом не подумала? Мало ли какие лекари проезжие по Аквелуку шастают и к честным девушкам в спальни под

благовидным предлогом пробираются...

И как он из меня выгонял Тьму? И откуда, ради святого гхарра, мрак высасывал? И что за медицина такая, о которой постыдится написать даже «Либтоунский Вестник», известный своими свободными взглядами и вольными трактовками?

– Эв! Псс! – не унимался Вейн. Про которого я в панике так накрепко забыла, что сейчас вообще с трудом вспомнила, откуда знаю низкий, журчащий голос.

Подошла к нему на подгибающихся ногах, оперлась на колонну, из-за которой торчала половина Диккинса. Ну, ладно, треть. Парень в смысле плеч был выдающийся. В основном, из-за колонн.

– Вейн, у меня сейчас в голове какая-то анжарская мультизлаковая, – помотала ушами, некстати вспомнив любимый рецепт Долии для сытного завтрака. В духе «всего понемножку, долго взбалтывать и усердно смешивать».

– Бал, – строго выдохнул парень, и мой живот резко скукожился и прилип к ребрам.

Ну, вот и оно.

Воздух выходил из губ со свистом, заставляя меня сдвигаться резиновым шаром, напоротившись на острый шпиль ректорского корпуса.

– Ага, да.

– Со мной. Как обычно.

– Ладно, – как можно спокойнее пожала плечами, негодуя на себя.

Я же сама хотела позвать, так откуда внутри этот липкий протест?

– И еще проект, – улыбнулся шире Диккинс, покончив с формальностями и, в отличие от меня, выдохнув с облегчением.

– Умм? – сглотнула свои недавние подозрения о своей уже-не-сияющей-ауре.

Тот способ проверить догадку, что закрался в голову – вот вообще не лучший. Нельзя так сильно смущать Имиру Сиятельную, даже если она просто статуя.

– Тебе еще не прислали? – он удивленно почесал затылок, задирая голову и обнажая острый кадык на покрытой вечными мурашками шее.

– Просто скажи, – выдохнула измотанно.

– В первые дни зимы пройдет Магическая конференция по стихийному равноправию. Тут, в академии. Приедут всякие... всякие. Из Хитаны, – к концу речи Диккинс тоже сдулся, как тот самый шарик. – Природникам и теоретикам велено объединиться и подготовить проекты.

– И ты решил объединиться со мной? – пытливо сощурила глаза.

– А с кем мне еще соединя... объединяться, Эйви? – поправился Вейн, подмигивая смело и хитро.

Я надула щеки и медленно впустила воздух: «Уффф».

– Я только получил задание и сразу пошел тебя ловить, крикетка, – он развеселился и шумел на всю открытую галерею. – Натурально, все сейчас за тебя биться будут. Но ты моя, и копыто гхарра в печенку всем, кто решит с этим поспорить!

– Кхмм... – в беседу Вейна с самим собой вторгся кто-то лишний, черной проклинательской тенью выплывший из мрака, скопившегося у стен. – Стало на мгновение любопытно, может ли гхарр достать копытом до собственной...

– Сир Рэдхэйвен? – мне пришлось приложить немалое усилие, чтобы достать голос из сжавшегося горла.

Да разве ж можно так жутко подкрадываться? Это противозаконно! У нас тут личные беседы, несколько этого квахарацилителя не касающиеся.

– Сир Рэдхэйвен, – согласился проклятый магистр и учтиво кивнул всем присутствующим.

Ну, то есть как всем. Тейке и Риске – вот им точно учтиво. А на меня его взгляд шлепнулся тяжелой гирей, какими пользуются на анжарском рынке для развеса гхарровых туш. Даже странно, что никто не заметил, как я распласталась под ним тонким, почти невидимым трисольским кружевом.

– Разве Бал Варховых даров не должен был состояться на той неделе? – деловито уточнил проклятый хитанец у Вейна, с необычным интересом рассматривая парня. Все больше его шею и место, где та смыкалась с головой.

– Так перенесли, сир... Из-за дверей варховых, – пожал плечами Диккинс.

– И на него, как и при дворе, принято приходиться парами, облаченными в одну стихию? – зачем-то расспрашивал мастер, буравя

взглядом мою пуговку, вновь норовившую оторваться. Теперь уже в его черный глаз.

– Ага, – залихватски кивнул Вейн и идиотским жестом указал на меня. – Я как раз пригласил мисс Ламберт составить мне компанию в танцах и... прочих развлечениях. Приходите. У нас, конечно, не Хитана, но бывает очень весело. В том году был конкурс «Ужасных Преобразований Тыкв». Победила бешеная королевская карета, но вообще, как по мне, лучше всех напакостила Рисска... Мы еще долго отскребали от потолка оранжевые ошметки... Помнишь, Эв?

Я на секунду окунулась в воспоминания и мечтательно ухмыльнулась. Я так и не призналась Вейну, что это был наш с Рисской совместный проект. Местами даже научный. Я отвечала за теорию, Фенрисса – за практику.

Внезапно поймала взгляд Рэдхэйвена и без труда догадалась, что он шутку не оценил. Кто знает, есть ли вообще чувство юмора у самодовольных хитанцев. Я бы поставила свои карманные на то, что нет, но... Да, верно, я уже поставила все свои карманные. Дико стыдно вспоминать, на что.

– Присоединюсь непременно, – пообещал Рэдхэйвен с тем самым видом, будто у него что-то украли и он наконец нагнал преступника. И теперь планировал медленную и коварную расправу.

Темно-карие радужки не отпускали. Хотелось поджать хвост молодой и неопытной виррой, струсившей при виде более крупного хищника. Нет, он не квахар. И при попытке ощипать может оттяпать ладошку.

О да, Эйви, очень своевременное наблюдение! Заметка на будущее: ладошки Рэдхэйвену больше не давать. Опасно.

Он сам как исчадие Тьмы! С сурово сдвинутыми бровями, густой колючей щетиной на загорелых щеках и чернильно-черными зрачками, в которых купается самый отборный мрак Эррена. Сейчас он как раз непокорным фонтаном изливался на меня, заставляя присмиреть под гнетущим взглядом.

А ведь еще недавно там сияло золото. Прозрачный застывший мед, собранный в разнотравье. Но кто мне поверит?

Больше всего смущало, что этот, стыдно сказать, «лекарь» позволяет себе *так* на меня смотреть. С укором и предвкушением. Как

если бы я крепко нашкодила, и он имел полное право меня отшлепать. Пятая точка снова заняла... Ей Варху, не к добру!

Зажав мизаура подмышкой, я вернулась с подругами в нашу спальню. Путь до ученического корпуса показался бесконечным, и только плюхнувшись на родную постель я смогла расслабить плечи, спину и все к ней прилегающее.

Мне теперь в черных тенях, ползавших по стенам, вархов проклинатель мерещился. А еще не покидало ощущение, что за нами наблюдает некто третий. Могу поклясться гхарровым копытом, я пару раз заметила ускользящий в черном сумраке хоботок!

– Тея, оставь ты это плетение. На полигоне потренируешь, – с опаской выдохнула Рисса, расплетая светлые узелки на голове, в которые утром собрала свои непослушные кудряшки. – Мне в прошлый раз не понравилось спать на обледенелой койке.

– Да всего разок промахнулась! – фыркнула Галлатея, но послушно схлопнула очередной ледяной цветок. Вид она имела воинственный. – Я его приручу, вот увидите. Стану сиррой, переведусь в высшую школу боевых магов и...

– ...будешь поймана папенькой, возвращена в родовое имение и выдана замуж за тощего прыщавого аристократа, – договорила скучающим тоном Рисса.

– Видит Варх, буду... Нет мне спасе-е-ения! – с театральным стоном Тейка упала на подушку и взвыла уже по-настоящему, стукнувшись затылком о шкатулку с побрякушками.

– Больно?

– Терпимо. Откупятся мной, как той же Ими-и-ирой! – трагично провыла в потолок. – Нет, я понимаю, да... Жертва на благо Эррена и все такое. Когда керрактские демоны с войной приходят, тут не до сентиментальностей. Что еще Варху оставалось? Но все равно богиню жа-алко. И себя жа-а-алко. Себя – осо-о-обенно.

– Тей... Все ведь еще не решено, – я похлопала ее по холодной ноге, свесившейся с кровати. – Может, тот принц вовсе не будет прыщав и тощ...

– Ррр! – подруга вернулась к воинственному настрою.

Ее вечно кидало между ролей, я не успевала привыкнуть к смене настроений. То начинала горько рыдать в подушку, то вдруг

заканчивала коварным хохотом. Жаль, Тейкины родители не позволили ей заявиться в театральный кружок.

Ледяная королева на людях и уязвимое, хрупкое, эмоциональное создание в нашей комнатке на троих, Галлатея виртуозно владела магией холода. Как и недюжинным драматическим талантом. И то, и другое ее родители старались не замечать, пытаясь подобрать для Тейки самую выгодную партию и «осчастливить» ее нерушимыми брачными узами.

Они вообще оберегали мисс дир Папиллон от всякого пагубного влияния – начиная запретом сомнительных кружков и заканчивая выбором подруг. Мы с трудом осилили их семейный ужин на первом курсе. Аппетит пропал, едва за стол уселись. И поняли, что главное блюдо тут не запеченные в альта-цитронах крикетки, а мы с Риссой.

– И если бы ради всего мироздания! – продолжала драматично причитать Галлатея. – Я бы, может, тогда не сопротивлялась. Сдалась бы добровольно, позволив под белы ручки увести себя под венец. А так... Во благо процветания Трисольских заводов семейства дир Папиллон...

Даже в нашем прогрессивном обществе роль женщин чаще всего сводилась к быту и удачному замужеству. Дочерьми откупались от проблем и «объединяли капиталы»...

В Хитане ведущие должности отдавались магам-мужчинам без какого-либо конкурса. Ни разу не видела там женщину-хирурга или ректора. Моей матери пришлось очень долго выбивать себе доступ в экспериментально-магические лаборатории.

– Нет, все-таки «Лёд», – стремительно переключилась Тейка, не окончив слезную речь, и трянула в воздухе прозрачно-голубым колье. Момент, когда в ее руках снова оказалась шкатулка с украшениями, я прозевала. – Ох, но тогда придется идти с Джи-Роузом...

– Она невыносима, – мы с Рисской переглянулись и рассмеялись.

– Но это правда гадко, – взволнованно добавила я. – Если бы меня насильно мужчине отдали, не оставив выбора! И вместо моих проектов и бытовых плетений усадили в башне и заставили розочки вышивать...

Да я бы сразу взорвалась, оставив от себя неглубокую ямку на месте крушения всех надежд! От одной мысли пробрало холодом, горло заполнилось горечью.

К счастью, у меня был очень четкий план на свою предсказуемую «жизнь без потрясений», и я ему следовала пункт за пунктом. И с папой мне повезло.

Слава Варху, отец был небогатым магом, известным в очень узких кругах. Так что перспективные женихи вокруг нашего дома хороводов не устраивали. Демоны войной не ходили и апокалипсисы от меня не зависели. И я могла сама выбирать свое будущее.

Вот Тейке с родословной не повезло. У нее аристократизм в каждую черточку лица вписан. Этакая классическая дир Папиллон – смуглая, темноглазая, с очень пухлыми розовыми губами и высокими скулами. Если Рисса больше походила на пушистое светлое облачко, то Галлатея – на знойный закат. И ей грозило несчастье быть отданной какому-нибудь захудалому принцу, как минимум. Тут мы не шутили.

А у меня был Вейн. Во всяком случае, он так считал, а я не спорила. Я относилась к парню с большой симпатией и доверием, а отсутствие сильных, разрушительных эмоций меня даже радовало. Ни к чему мне эти страсти и экстремальные отношения. Гораздо важнее ощущать поддержку, деликатную заботу... Да и предсказуемость – это вовсе не плохо.

Так, я давно знала, с кем пойду на Бал Варховых даров. Знала, что Диккинс предложит нарядиться в природной стихии, потому что в курсе, как мне идет зеленый. Была уверена, что он уже заказал себе костюм в изумрудных тонах и маску, потому как пары должны гармонировать – в этом весь смысл.

В моем чемодане, прокатившемся туда-сюда, тоже было сложено новенькое темно-зеленое платье, расшитое серебряной нитью. Я его еще летом приготовила. Очень удобно – знать все наперед.

Тейке было сложнее. Унаследованный титул обязывал наследницу рода дир Папиллон выбирать разумно, трезво, прагматично...

– Не могу решить! Если пойду с Филом Экрю, придется переступить через себя и нарядиться в красное, – Тея снова всхлипывала над своими агонитовыми сережками. Актриса! – Он классный парень, но всегда выбирает огненную стихию. В ней я провалюсь на балу, сто процентов. С Джи-Роузом Берроу можно надеть любимое ледяное и стать королевой. Но сам Берроу нервный, как оципаннный квахар.

– Мне бы твои проблемы, – мрачно промычала Рисса и прикусила губу.

– Рисс, а ты с кем пойдешь?

– Тот, кто мне нравится, вряд ли пригласит, – она тихонько вздохнула. – То есть... точно не пригласит. Но это не страшно, многие же будут без пар.

– Пойдешь со мной и Вейном. Втроем, – решительно заявила я, как-то даже обрадовавшись этой идее.

– То-то он счастлив будет! – покачала подруга светлой головой. – Он третий год пытается остаться с тобой наедине в укромном углу за статуей Имиры, Эв. Нехорошо получится.

– В угол – тот, который укромный, – мы тебя не возьмем, – я показала подруге язык и подумала, что, может, еще и сама не пойду. В угол этот. Я пока не решила.

Глава 13

Глава 13

Эльза Хендрик, она же «зануда Хендрик», она же просто «мисс Хендрик», прохаживалась по аудитории. Гулко цокала закрытыми туфлями с ужасающими квадратными носами. И профессионально внушала привычную сонливость.

Я подавила зевок, прячась за обложкой «Теории магии для третьего курса». Стыдно клевать носом на любимом предмете! Но я опять всю ночь провертелась. И опять видела дурные (очень дурные!) сны с бесстыжим черноглазым «целителем».

Вообще-то наша теоретичка была сиррой, со всеми положенными дипломами. А до «просто мисс» ее низвел Королевский образовательный совет, когда Эльза отказалась от практического применения магии. Мол, сирр-теоретиков, имеющих смелость преподавать в академии, в природе не существует. А вот «мисс» бывают вполне.

Но она даже как будто не обиделась. И продолжала упрямо стучать низкими толстыми каблучками, перемещаясь между рядов и нервно поправляя неаккуратный пучок русых волос.

Из него торчал одинокий, вызывающе длинный «квахар». Так в Анжарской провинции называли непослушные локоны и пряди, вылезавшие вперед прочих и нарушающие строгость причесок. Эльза Хендрик являла их нам каждое утро в самых заковыристых вариациях. Челка ее, тоже не покорившаяся выпрямляющему артефакту, смешно топорщилась над тонкими бровями.

Чему я ежедневно поражалась, так это ее стойкости духа. Несмотря на смешки за спиной, лекции мисс Хендрик всегда доводила до конца. А внешнему виду уделяла так мало внимания, потому что считала его неважным, до самых кончиков ушей увлеченная магическими теориями.

Аллергия на книжную пыль не мешала ей коротать ночные часы в библиотеке. Если слышишь, как кто-то чихает – беги! Или жди, что сейчас из-за стеллажа покажется вечно шмыгающий красный нос. И

его обладательница строго напомним про позабытую работу, которую надобно было сдать еще вчера.

В аудитории вдруг повисла тишина. Куратор направления теоретической магии остановилась и откашлялась, нервно одергивая на себе светло-голубую блузу. Все, кто успел задремать под монотонный перестук каблучков, лениво зашевелились.

– Все вы знаете: киты, на которых зиждятся основы бытовых плетений, – завела она певуче, – это безопасность применения и доступность для слабо одаренных магов. Но...

Мисс Хендрик шмыгнула носом и быстрым жестом протерла круглые стеклышки запотевших очков. Носила она их скорее для защиты от внешнего недружелюбного мира, чем для зрения.

На ее щеки наплыл яркий румянец, словно в словах о китах и плетениях было что-то непотребное. Способное вогнать в краску даже дам лет тридцати.

Неужели я тоже стану такой? Все к тому идет, Эйви! Все к тому идет... Может, и стоит поторопиться к статуе Имиры, пока еще есть желающие меня туда сводить?

– Киты китами, но... – вернулась она к мысли и резко дернулась на звук открывшейся двери. Растерянно проморгалась за стеклянными линзами. – Ректор Керроу?

– А... Я, да, – виновато признал вошедший и пробежался цепким синим взглядом по кабинету. На мне затормозил. Кивнул удовлетворенно.

Едва поборолла желание снова залезть под стол и прикинуться мебелью.

– У нас лекция, – дергано заявила Хендрик.

Очки ее снова запотели, пришлось снять их и отбросить на стол. Вид Эльзы без круглых стекляшек на носу стал еще более растерянным и уязвимым. Словно она вмиг лишилась брони.

– Я заберу у вас мисс Ламберт ненадолго. Доктор Граймс приглашает ее на общую магическую диагностику.

– Таковую срочную, что до конца занятия не потерпит? – фыркнула преподавательница.

– Не потерпит.

– И такую важную, что ректор заявился лично? – в ее голосе неожиданно зазвучал металл, проявляя глубоко припрятанный

стержень.

– Очень важную.

Могла поклясться, что Керроу мне подмигнул!

– Хорошо. Мисс Ламберт... – Эльза нашла меня на ряду. – Ну, вы слышали. Идите.

Я неохотно поднялась и подхватила с пола сумку с учебниками. Сунула в нее потрепанную «Теорию», сомневаясь, что успею вернуться до конца занятия.

– Что такое, Ламберт? Дурнеет от магии? – хихикнула какая-то квахарка с верхнего ряда.

– Ты ей не увлекайся. Практика – страшная штука, – поддакнула ей вторая.

На «Теорию» они ходили факультативно, так что я в упор не помнила имен. А вот они меня откуда-то знали. Но это не удивительно: я часто тяну руку и первой отвечаю на семинарах.

– Я слышала, ее папаша просил проверить...

Тьма! Да как про это вообще узнали? Будто у каждого в сумке сидит по ушастому мизауру, ей Варху.

– Она что, беременна?

– Ламберт? От кого? От духа-покровителя Академии?

Замечательная идея, ректор! Заявиться на самый скучный предмет и подкинуть студентам такую аппетитную пищу для размышлений.

Прожигая глазами Керроу и мысленно желая ему быть покусанным кроватными мошками, я спускалась вниз. Перешептывания и перекрикивания не прекращались, пока я не сошла с последней ступени.

– Успокаиваемся! – вскрикнула раскрасневшаяся Хендрик. – Так хочется поговорить? Хорошо. Я сопровожу мисс Ламберт, а у вас полчаса, чтобы изучить пятую и шестую главы. Вернусь – устрою беглый опрос всем, кто сейчас болтал.

Удрученные «охи» и «ахи» заглушили реплику Керроу о том, что теоретичку никто к Граймсу не приглашал.

– Я – ее куратор, – напомнила та чуть истеричным тоном, не отрывая упрямого взгляда от ректорского носа. Подтолкнула меня к двери и вышла в коридор следом. – И должна знать, что происходит с моей ученицей, раз за ней явился сам сир Керроу с приглашением к Граймсу...

– Да ничего особого не происходит, – замялся тот.

– С прилюдным, громогласным приглашением, Найджел! – запыхтела Эльза, поддерживая мое негодование. – Ты зачем так девочку подставляешь? Представляешь, сколько разговоров будет?

– Не подумал, – выдохнул Керроу. – Прошу прощения, мисс Ламберт, если поставил в неловкое положение.

Я закатила глаза и медленно выпустила воздух. Уффф! Кажется, ставить Эйви Ламберт в неловкое положение – это уже какая-то местная забава. Каждый пытается преуспеть.

Нестройным табуном мы двинулись к целительскому корпусу. Против компании мисс Хендрик я ничего не имела. У них с Граймсом давняя неприязнь, может, он на нее отвлечется.

Едва мы приблизились к кабинету, Эльза понеслась вперед ужаленной каффой. Собиралась войти первой и высказать пару ласковых Граймсу, похищающему студенток посреди лекций.

– Я намеренно забрал вас с занятия, – признался Керроу негромко. – Подумал, что лучше вам пройти диагностику без лишних свидетелей.

– Вы тоже не хотите, чтобы сир Рэдхэйвен присутствовал! – воскликнула с пониманием, и ректор на меня шикнул, призывая к тишине.

Внезапная мысль так ошарашила, что я даже рот приоткрыла.

– Я бы хотел первым услышать вердикт Граймса. А уж потом решать, посвящать ли в него Даннтиэля.

Ректор притормозил, не дойдя нескольких метров до обители несносного доктора. И я тоже встала и притулилась к стене, покручивая на плече лямку от сумки. Кожей чувствовала, что меня ждут странные заявления.

– Все, о чем знает он, знает и Ее Величество, – не оставил меня разочарованной Керроу. – А значит, и образовательный совет. Меня не покидает дурное предчувствие по вашему случаю, Эйвелин.

– Он разве не ваш друг? – сощурилась с подозрением. – Из тех, кому безоговорочно доверяют и все такое?

– Друг. Конечно, друг, – торопливо согласился Керроу, тоже облакачиваясь о стену. Ему бы выспаться хорошенько, может, и синяки под глазами исчезнут. – И я бы хотел, чтобы так оставалось и дальше.

Потому не готов ставить Данна перед выбором между долгом и дружбой.

– Думаете, он выберет «дела короны»? – догадалась сочувственно. Вот тебе и друг!

Но Керроу прав. От самодовольных хитанцев в перепачканных плащах можно всякого ожидать. Я помнила, как мастер проклятий решил вопрос Марисы и ее грязных фруктов.

Чужие проблемы Рэдхэйвена не волновали, это легко читалось по учтиво-равнодушному лицу. Разве что в тех редких случаях, когда казались интересными и разбавляли скуку.

Что за помутнение случилось с ним в парке – Варх знает. Но на новый приступ человеколюбия я бы не рассчитывала.

– Мастер Рэдхэйвен очень... кхм... непростой человек, – ректор поправил низкий темный хвост, небрежно собранный на затылке. – И я бы рекомендовал вам быть с ним осторожнее, Эйвелин. И избегать... эмм... неловких разговоров по душам. Лучше вообще держитесь от него на расстоянии.

Так он на меня красноречиво поглядел, что сразу догадалась: папенька переусердствовал с откровенностью. И выложил душе-ректору все, о чем мне не рассказал. Иных причин говорить загадками у Керроу нет.

Тон был скорее снисходительным, чем обвинительным, и я с обидой закусил губу. Проклятье! Да будто я лично сорочку перед «целителем» задираю и подставляю те места, на которых желаю занять синяки!

Ректор отлепился от стены и поманил меня за собой. Мы миновали экран, за которым покоилась дверь в индивидуальную палату. Он был не из тех, радужных, что Рэдхэйвен повсюду рассовал. Защищал не того, кто снаружи, а того, кто внутри.

– Но вы сами вызвали мастера разбираться с проклятиями, – напомнила Керроу с долей недоумения.

– Потому что Данн в этом деле лучший. Он быстро справится и вернет нам кабинеты в лучшем виде. Быть может, даже добьется, чтобы Мюблиуму сохранили должность, – ректор кивнул на защитный экран.

Так в этой палате отдыхает наш спятивший профессор? Виновник нового развлечения «найди свободную аудиторию без страшного

проклятья»)?

– Думаете, сохраняют? – недоверчиво повела плечом, исследуя калейдоскоп теней на лице «красавчика Керроу».

Мюблиум столько дел наворотил. И, по словам ассистентки в библиотеке, до сих пор не пришел в себя.

– Слово мастера Рэдхэйвена имеет определенный вес в некоторых кругах...

Почему-то брезгливо подумалось про юбки Ее Величества. В этих самых кругах? А там точно нужны слова?

– ...И ради своего наставника он использует все нужные связи, – ухмыльнулся Керроу уверенно и снова мне подмигнул.

Начала подозревать нервный тик. Уж больно странное поведение. Да что такого отец в письме начирикал, плотоядных мошек ему в кровать?!

– Мне не показалось, что ему легко дается взаимодействие с темной стороной, – пробормотала, послушно семеня за широкой спиной.

– Вы что-то видели? – ректор напрягся в плечах и повернул ко мне лицо.

Бледное, измотанное, но все еще скульптурно прекрасное, выточенное по лекалам какого-то неземного божества. Одни синие, в цвет анжарского неба, глаза чего стоили...

– Ничего такого, – пожала плечами. – У него усталый вид. И у вас тоже, сир Керроу.

Рассказывать про липнувший к рукам морок в мои планы не входило, а то диагностикой Граймс не ограничится. Уложит в соседнюю с Мюблиумом палату. И плакали тогда бал, Вейн, платье, тыквенный конкурс и вот это все.

«Что-то» я, конечно, видела. Перед глазами снова встала картина: черная пакость, облизывающая бледного мастера своим любознательным хоботком. Сильнейший маг, валяющийся на полу без сознания. Глаза, из золотых вновь ставшие темно-карими. Жуткое зрелище!

Выглядело так, будто «целительство» в Аквелуке и Рэдхэйвена измотало. И теперь обычные проклятия забирали остатки сил.

К гхаррам! Королевский мастер уже очень большой мальчик и сам разберется со своим здоровьем. Если он что-то откуда-то высасывал

(опустим что и откуда), то наверняка знал о последствиях. И был к ним готов.

Я ведь не сиделка – ходить за взрослым мужчиной и морок с него стряхивать, если еще раз в обморок шмякнется? Я вообще вечно страдаю из-за своей жалостливости! Мизаур так и вовсе из меня веревки вьет, делая голубые глаза размером с блюдца и выпрашивая крекеры в три ночи.

– Не волнуйтесь за Даннтиэля, – ректор покосился на меня с усталой усмешкой.

Совсем не так он понял мои эмоции. Ни за кого я не беспокоилась. Ни капельки!

– И не думала волноваться, – нахмурилась сердито.

– Мы учились в Хитанской Академии, за его мастерство я могу поручиться головой. Недостаток трудолюбия Данн компенсировал природным даром и нешуточными амбициями. Там произошел один печальный инцидент. По вине моего товарища и при моем постыдном участии... Не уверен, стоит ли рассказывать.

Теперь уже я напряглась, и не только плечами. Задействовала по большей части свою нижнюю половину. Не люблю чужие секреты! Такие, за знание которых потом приходится расплачиваться.

– Это не конфиденциально, просто неприятно, – пояснил Керроу, хватаясь за ручку двери, но не торопясь нажать. – Мы сглупили и устроили разрыв материи посреди академии. Вызвали морок, крепкий, оформленный. Такой, какой мог там все к гхаррам разнести и нас погубить.

– Боги Эррена...

– Но Даннтиэлю удалось приручить порождение Тьмы и при этом остаться в сознании.

– Приручить исчадие мрака?! – поперхнулась словами.

Так он не прикалывался, когда говорил, что «обычно они ладят»? А я уж было заподозрила в мастере чувство юмора.

– Данну в тот день понадобилось все хладнокровие, какое только может быть в человеке. Вы не видели, мисс Ламберт, как он боролся! – Керроу закатил синие глаза. – Я благодарен ему за спасение. Я в долгу. В отличие от второго мальчишки, на пять лет загремевшего в магический сон, я отделался парой дырок в магрезерве. Но после увиденного ни за что не хотел бы встать у Рэдхэйвена на пути.

Ректор дернул ручку, и дверь распахнулась, являя нам взлохмаченную Хендрик и напряженно сопящего Граймса. Они привычно ругались, стоя по разные стороны столика с инструментами.

Количество «квахаров» в пучке Эльзы увеличилось. Они словно сами выпрыгивали из прически от нервного перевозбуждения.

Сонной мухой по просторному диагностическому кабинету летала незнакомая рыжая целительница. Новенькая ассистентка, совсем молоденькая. Вид у нее был... Ну, как у меня примерно. Словно ее тоже квахар желтоглазый полночи мучил. Но вряд ли сира Рэдхэйвена хватило на нас обеих.

Подбодренная взглядом ректора, я смиренно взобралась на высокую кушетку, скинула с плеча сумку и с шумным вздохом опустила плечи. Сдаюсь.

Керроу подпер собой дверь, чтобы сбежать не вздумала. Но я, признаться, и сюда на подгибающихся ногах еле дотопала: всю дорогу подташнивало от дурных предчувствий. Обрато и вовсе поползу, если переживу диагностику.

Ректор явно выбрал неудачную позицию. Потому как в следующую секунду отлетел в центр отделения, огласив пропахший снадобьями воздух заковыристым пассажем.

– Я тоже поприсутствую, если никто не против, – хладнокровно выдал возникший в проеме Рэдхэйвен.

Тьма!

Да стоило расклеить афиши и продавать билеты на диагностическое шоу! Я бы быстро вернула себе все йоргены, так глупо растраченные на бессмысленное пари.

Глава 14

Глава 14

В диагностическом кабинете мгновенно стало тесно, и душно, и жарко... и вообще невыносимо, едва внутрь вошел Рэдхэйвен. Своей широкоплечей фигурой он заполнил все пространство и вытянул кислород даже из легких. В глазах потемнело, намекая, что дышать начинать надо вот прямо сейчас. Не откладывая в долгий ящик, пока я сама в него не сыграла.

Темная аура, вползшая в помещение вместе с небритым хозяином, давила. Ощущалась кожей. Да как этот вархов телепат вообще узнал, что Керроу забрал меня с занятий? Или то чувство, что за мной неустанно подглядывают – вовсе не признак начинающейся паранойи?

Я инстинктивно схватилась за ремешок сумки, вновь накинула его на плечо. Сползла к краю кушетки, высматривая в частокоче преподавательских тел просвет для побега. К гхаррам такую диагностику!

– А вы-то с каких пор подались в целители? – скептически уточнил Граймс, оглядывая гостя. Желчь с его языка прямо капала.

– С недавних, – ухмыльнулся хитанец, не утруждая себя расшаркиваниями.

Пересек комнату, подошел прямо к кушетке, настойчиво потянул мою сумку на себя, заставляя выпустить ремешок. Лишив меня бесценных конспектов и книг, положил лапы на мои бедра и собственническим жестом усадил на место. Так глубоко, что я чуть в обратную сторону с кушетки не навернулась.

Надо было все-таки заставить себя прикрыть рот. И перестать ошалело пялиться на сильные загорелые пальцы. Они все еще сжимали мою юбку железными тисками, и та от подобной наглости как будто бледнее сделалась.

– Побег отменяется, мисс Ламберт. Не расстраивайте папашу, – прохрипел проклятый Рэдхэйвен, усаживая меня удобнее и «успокаивающе» похлопывая по коленке.

Я от этого жеста так «успокоилась», что чуть не лягнула столичного мастера. Хитанские нравы!

– Прости, Данн, – сокрушенно выдохнул Керроу, напоминая, что мы тут не одни.

Рэдхэйвену об этом особенно полезно было вспомнить: он резко сделал шаг назад, освободив все мои части тела.

– За что? – вкрадчиво уточнил мастер, прекрасно понимая, за что. По глазам посмеивающимся видела.

– Я решил, что мы лучше сначала сами, – отмахнулся ректор. – Письма Ее Величества меня в последние дни не радуют. И вряд ли Королевскому совету есть дело до наших учениц...

– Мне есть дело... до ваших учениц, Найджел. Но прощаю, – скривил губы в усмешке Рэдхэйвен. – Ее Величество в личные проблемы мисс Ламберт обещаю не посвящать.

Плечи ректора облегченно опустились, и он, обмякнув, устало рухнул в кресло за письменным столом. Махнул рукой, разрешая Граймсу начать.

Для описания нашего циничного докторишки хватило бы нескольких слов: видный мужчина с мерзопакостным нравом. Граймс был высоким и худощавым, узким в плечах. Со слегка курчавящимися темными волосами, отливающими медью, и острыми серыми глазами.

Пальцы его – длинные, музыкальные – всегда действовали резко, быстро и хирургически точно. Уверена, он мог с повязкой на глазах провести какую-нибудь сложную операцию. Но восторга от общения со «светилом медицины» я не испытывала.

Рисса рассказывала, что Граймса давно зазывают в Хитанскую клинику, но он не любит перемен. Привык, мол, к анжарскому воздуху и безропотным студенткам, над которыми можно всласть поиздеваться. И над мисс Хендрик в придачу.

– Я против, – буркнул Граймс запоздало, косясь на мастера проклятий с неприкрытой неприязнью. – У вас аура чернее некуда. Отвлекает.

– Специфика работы. Потерпите, – равнодушно бросил Рэдхэйвен. – Хочу убедиться, что я не ошибся насчет проклятий.

– Ладно, присутствуйте, – закатил глаза настоящий целитель. А не этот «самоназначенный» поклонник нетрадиционных методик. – Тогда вы, мисс Хендрик, выйдите. Это кабинет диагностики, а не постоянный двор.

– Не надейтесь, Альвар, – прошипела Эльза, со щек которой до сих пор не сошли розовые пятна.

– И чем же неоципанная квахарка с теормага поможет в диагностике защитного барьера? – зашелся в скрипучем, язвительном смехе наш док. Словно песок на металлический стол рассыпал.

– Защитит свою ученицу от нападок одного не в меру болтливого умника, – процедила Хендрик. «Квахары» на ее голове окончательно разбушевались, пытаясь друг друга перепрыгнуть. И Эльза демонстративно отвернулась от Граймса. – Найджел, зачем мы здесь? Что произошло с мисс Ламберт?

Керроу вздохнул устало, закатил глаза к потолку и еле слышно пробубнил: *«По нескольким вопросам»*.

Пятая точка вновь предательски заныла, привлекая мое внимание к этим вот «нескольким»... Что еще попросил выяснить отец? И переживу ли я эту диагностическую процедуру?

– Отойдите хотя бы, – док передернул плечами, препарируя теоретичку взглядом. – Вы мне своей бесстыдно сияющей аурой девчонкину загораживаете...

– Альвар! – вскрикнула Эльза и стала пунцовой целиком.

Температура в отделении резко подскочила на несколько градусов, и я оторопело приоткрыла рот. То есть как сияющей? Прямо ярко, чисто и как у меня? А ведь это твое будущее, Эйви. Во плоти.

Взгляд уперся в квадратные носы чужих туфель, и я уже почти представила в них себя. Лет через десять. Но не успела дорисовать очки и пучок с «квахарами», как на коленку снова легла горячая лапа. Скользнула выше, переместилась на шею, аккуратно подлезла под шарфик, который я с некоторых пор носила на занятия.

– Тише. Не дергайтесь, – пробормотал Рэдхэйвен, подлезая под шарфик и второй рукой. Тоже горячей. Очертил большими пальцами мой подбородок, чуть надавил подушечками на кожу за ушами. – Потерпите, это неприятно. И у меня совсем небольшой опыт в целительстве. Действую... кхм... «по наитию».

Я бросила в него исподлобья тяжелый взгляд, но мастер под ним даже не дернулся.

Уши прорезал звон, перед глазами заплясали пестрые пятна. В голове будто что-то натянулось до скрипа, готовое в любую секунду

оборваться. Две черные бездны перед носом слились в одну, всосали меня в себя, чуть не лишив остатков чувств.

– Говорил же, не проклятье. И не наследственное... – бормотал мастер, до мурашек вдавливая в меня свои ладони.

Если бы не пальцы, возмутительно сладко наминающие затылок, точно бы отключилась. А так решила задержаться в сознании. На секундочку. Ммм!

– Я позволил вам остаться... – мужчину резко оторвали от меня и бесцеремонно отодвинули от кушетки. – Но не позволял ощупывать мою пациентку! В этом кабинете у меня всегда, кхе-кхе, «право первой ночи». Уяснили?

Вот у королевского мастера взгляд на пару тонн тянул. Всех в округе мог в лепешку расплющить, вместе с пятью академическими корпусами. И Граймсом по центру.

– Что ж, ми-и-илочка, – зловеще протянул док, испытующе вглядываясь в мою ауру. – Сейчас, когда нам, наконец, никто не мешает и ничего не загоразживает...

Холодные пальцы грубовато подняли мой подбородок и покрутили в разные стороны. Граймс поискал что-то в одном ухе, и во втором... Чуть шею не свернул, пытаюсь рассмотреть затылок, зудящий от прикосновений проклятого Рэдхэйвена.

– Все еще сияем? – едко усмехнулся Граймс, отпуская мой подбородок на свободу.

Сияем... Наверное. Откуда же мне знать?

Я взволнованно поерзала на кушетке, некстати припоминая жгучие ночные фантазии. Но ведь это просто сны, плоды буйного воображения. Они никак не могли повлиять на мою ауру. В отличие от того, что происходило в моей спальне на самом деле... Знать бы еще что.

Видеть ауры могли далеко не все маги. На их чтении специализировались целители, «темные» и ментальники. Лишь изредка «второе зрение» открывалось прочим сирам.

Маги среднего звена довольствовались неявными ощущениями. Я была почти уверена, что вокруг Рэдхэйвена клубится концентрированная, отборная чернота, но глазами уловить ее не могла.

В теории я знала, что светлая, искрящаяся серебром аура намекает на невинность, а черная, мутная – на постоянную работу с темной

стороной. Оттенок могла накладывать и работа со стихиями.

– Что ж... Мисс Ламберт не беременна, – выдал вердикт Граймс, и я почувствовала, как медленно заваливаюсь набок. – И даже все еще совершенно непорочна. Вымирающий вид в кругах третьекурсниц. Так что, Керроу, папашу можете успокоить. Теперь займемся твоим барьером, ми-и-илочка...

– Что?! – я вспыхнула и покосилась на ректора, прикрывшего ладонью рот. Он там смеется, что ли? Да какого гхарра тут вообще происходит? – Так мой отец... просил вас... выяснить *это*?!

Не верю. Не верю, что папа мог так со мной!.. Взять и опозорить перед ректором, перед куратором, перед язвой Граймсом? А если это выплывет наружу?

Да почти уверена, Фидж в коридоре уже развесил уши! И меня вечером ждет допрос с пристрастием и кусательной пыткой.

Королевский мастер – мошек ему плотоядных под заляпанный плащ! – красноречиво хмыкнул. Настолько красноречиво, что кончики моих ушей вспыхнули двумя сигнальными факелами. Вроде тех, какие зажигают в воздушной гавани, давая судам ориентир для приземления.

Вот тут-то я по достоинству оценила идею Керроу похитить меня посреди лекции. Гениальную, потрясающую. Жаль, ни гхарра не сработавшую.

Как затравленная росоха, я забегала глазами по просторному диагностическому кабинету. Поймала сочувствие в глазах рыженькой ассистентки, растерянность в прикушенных губах мисс Хендрик...

Взгляд упрямо магнитило к застывшей фигуре Рэдхэйвена, но я, сосредоточенно сопя, отводила его в противоположный угол. Там стоял стеклянный сервант, набитый какими-то серебряными шариками. Закрытый таким же защитным экраном, как у палаты Мюблиума.

Будь я сейчас получше сконцентрирована и не так обескуражена, обязательно спросила бы, что за ценность в этих блестящих безделушках.

– Мисс Ламберт, вернитесь на кушетку, – строго велел Граймс, и я осознала, что стою посреди комнаты и опасно озираюсь.

Тьма! Желание сбежать огненной плетью обожгло живот. Я закашлялась, изо рта вырвался странный свистящий хрип.

– Займемся барьером, ми-илочка? – ехидно протянул док таким тоном, словно предлагал форменную непристойность.

– А? – ошалело взгляделась в серые глаза. Умные, проницательные. Все для себя уже решившие.

Причем тут вообще барьер? Да кому интересна причина его поломки?

Куда любопытнее причина, по которой папенька дошел до неприличной мысли, что по возвращении в академию я могу оказаться в положении! Варх!

А ведь мой отец достаточно разумный человек. Рациональный. Консервативный, конечно, и не большой фанат прогресса, чем его мама вечно попрекала... Но на коленке выводов обычно не делает.

Каким таким потаенным мыслям ухмылялся сейчас Рэдхэйвен – и думать не хотела. Но «проезжий целитель» явно догадывался, что подтолкнуло отца к поспешным умозаключениям.

Проклятье!

Все-таки чувствовалось, что папа не теоретик. Я вот с выводами не спешила. Мусолила непроверенные «факты» в голове всю ночь. Перебирала их даже во сне – старательно, упрямо, проснувшись к рассвету на сбившихся влажных простынях.

Утром в ванной рассматривала пожелтевшие синяки и отметины. Сверяла данные. Искала причинно-следственные связи, выдвигала адекватные гипотезы...

Потому что поторопиться с выводами может любой дурак. А жить с ними потом как?

Понятно ведь, что сны – это сны. И в них правды нет. А реальность – она всякой бывает. И в ней вполне могут найтись разумные объяснения синякам, ночевкам и новым сорочкам, перешитым из фермерских мешков.

Разумные. Объяснения. А не вот эта чушь, которая лезет в голову при одном взгляде на черноглазого мастера!

Я невольно потеряла саднящую шею и позволила себе столкнуться непонимающим взглядом с Рэдхэйвеном. Тот едва заметно кивнул, уголок губ дрогнул в мимолетной улыбке. Всем своим невозмутимым видом напоминал о вердикте Граймса: что бы там ни навывдумывал папенька, аура моя сияет. Это успокаивать должно. Наверное.

– Барьером. Займемся, – тихонько просипела и заползла задом обратно на кушетку.

– Вот и умница, – похвалил док, сжимая мой затылок цепкой, как металлическая клешня, рукой.

Да гхаррово же копыто... Рэдхэйвен касался куда приятнее. Ласковее, ей Варху.

Я быстро, поверхностно задышала, пытаюсь проглотить подступившую тошноту. Она уже в горле булькала, и вот только моего завтрака на полу и не хватало. Для полного унижения.

– Осторожнее, Граймс, – взвизгнула Хендрик и перехватила его запястье. – Одна из моих лучших учениц, а вы ей мозг в кисель превращаете!

– Ей не навредит. Меньше шансов через десять лет остаться старой, никем не тронутой девой, – парировал циничный док, нагоняя на щеки Эльзы очередной поток пунцовой краски. Вытащил свою руку из захвата и брезгливо вытер о халат. – Так-с, мои выводы... Сир с черной аурой прав: это не проклятье. И не родовая хворь. Ломали вручную, при личном контакте, чуть больше недели назад.

– Огхарреть... – я качнулась в его равнодушно-холодных руках.

– У вас есть враг, ми-илочка. Где-то здесь, в академии.

Это его «ми-илочка», вытянутое скрипучим тоном, наждачной бумагой проскребло по ушам.

Зачем кому-то понадобилось ломать мой защитный барьер и предлагать меня Тьме? Это ведь... жестоко. Очень. Я помнила, как страшно мне было в том парке в окружении чужих начищенных ботинок. И больно. И беспросветно.

Керроу с товарищем обменялись красноречивыми взглядами. Ректор, морща лоб, словно проговорил: «Что-то такое я и подозревал». И взволнованно покосился на эмблему, венчавшую мундир Рэдхэйвена.

– Обычно слом барьера – это больно, – бормотал целитель, с инструментальной точностью орудуя пальцами на моем затылке. – Чувствительность снижали артефактом. Вроде такого, одноразового, – кивнул на стеклянный шкаф, заполненный серебряными шариками. – Вы могли ощутить магрень, головокружение, усталость.

Пальцы Граймса неприятно вдавливались в кожу. Хотелось жалобно захныкать и потребовать прекратить измывательство.

– В день отъезда, – кивнула, покусывая губу и сдерживая рвущийся стон. Больно! И жутко неудобно. – Когда все рассаживались по маг-вожерам. Раскальвалась голова, и никак не получалось сконцентрироваться.

– Кто с вами был рядом, Эйвелин? – прохрипел Керроу, доставая из кармана темно-синюю записную книжку.

– Да почти вся академия, – выдохнула, вспомнив толпу учеников, заключившую меня в удушающие объятия.

То утро, наполненное шумом молоточков в висках и отрезвляюще ярким светом, легко всплыло в памяти. Граймс горланил про ампутацию мозгов, преподаватели контролировали посадку. Ректор обещал, что через неделю учеба возобновится. Эльза беспокойно наматывала круги у ворот, выжидательно поглядывая в небо.

Водители оглашали воздух зычной анжарской бранью, толкаясь вожерами на узкой подъездной дорожке. Пока Диккинс помогал мне с чемоданами, Тейка о чем-то спорила с Кили и Лети. Рисса прятала свою ящерку в рюкзак и, мечтательно вздыхая, разглядывала кого-то в толчее.

Фил и Джи-Роуз так бурно спорили за Тейкину поклажу, что в итоге случайно распотрошили одну из сумок. Иллона назвала их квахарами, мисс Донован призвала всех к спокойствию, и понеслось...

Началась суматоха. Вслед за криками в ход пошли пульсары начального ученического уровня... Сир Райс вовремя подоспел и распихал всех дерущихся по разным вожерам. Мы с Вейном чудом умудрились в один втиснуться.

Перед глазами поплыло почти сразу. И всю дорогу до Аквелука вид за окном размазывался пятнами, а голову разрывал грохот.

Значит, тогда это и произошло... Перед самой посадкой. Значит, тогда... Кто-то взял и разрушил мою естественную защиту от темной стороны. Кинул меня Тьме, как аппетитную кость, чтобы та сделала всю работу.

Значит, тогда, да... Значит, тогда меня убили.

Мир снова плыл перед глазами, намекая, что уже не станет прежним. Понятным и предсказуемым. И от этого делалось больнее, чем от неделикатных манипуляций Граймса.

В кабинет без стука вошел сир Райс, но, потрясенная, я даже не возмутилась безбилетнику. Может, там за дверью вообще целая очередь на диагностическое шоу. И он с трудом прорвался «только спросить».

– Сир Райс, вы чего-то хотели? – со слащавой улыбочкой уточнил док, глазами убивая новоприбывшего. Он безбилетникам тоже не радовался.

– Магрень меня сегодня добьет. Крупный разрыв прямо за полигоном. Напирает, гадина, – сухим, шершавым, пропесоченным голосом выдал Райс. – Всю ночь с Джонасом латали. Дай, Альвар, не ерничай. Мне сейчас не до танцев.

Серые тени размазывались по его скулам. На внушительном носу запеклась не то кровь, не то грязь. Влажные темные пряди падали на глаза. Вид, будто маг на том свете побывал. А лучше бы в душе.

На секунду подумалось, что мой растрескавшийся мир все еще не так плох. В конце концов, ночь я провела в своей постели, предаваясь нездоровым фантазиям. А не в болоте за полигоном, восстанавливая материю.

– Возьми сам, – фамильярно бросил целитель и кивнул на шкафчик все с теми же шариками. – Тебе нужен абонемент на обезболивающие, коль скоро введут ограничение на «нектар» эшерских дварфов. Боюсь, такого количества, какое ты потребляешь, не покроет лицензия.

– Ха-ха, – скупно пробурчал Райс, небрежным жестом смахивая защитный экран со шкафчика. – В следующий раз, Граймс, возьмем тебя с собой прорывы латать. Ты ведь умеешь штопать, док? Там, на болотах, красота.

– Не смешно, – передернул плечами тот, поправляя белый отутюженный халат без единого пятнышка. – Закончу с девчонкой, могу вас, сир Райс, осмотреть. Поищу, что заштопать.

– И королевского мастера пригласим, – язвительно протянул Райс, щедро нагребая шариков себе в карман. – Не видали, небось, Звездносвод из двухметровой канавы, сир Рэдхэйвен?

Пошатываясь из стороны в сторону, маг направился к выходу. Перед самой дверью налетел на рыженькую ассистентку, задумчиво разглядывавшую пейзаж за окнами. Она перепуганно ахнула и отшатнулась.

– Вы еще кто? – выдохнул мужчина, удивленно проморгавшись.

– Мисс Лонгвуд, младший целитель-ассистент, – она вжалась в дверь плотнее.

– Так вот, «мисс Лонгвуд, младший целитель-ассистент»... Никогда не стойте на пути у мага, пережившего убийственный откат, – прорычал Райс неприязненно и сдвинул растерянную девушку с пути.

Дверь за магистром гулко хлопнула, и Граймс, насвистывая, вернулся к моему затылку. Все в голове нервно вздрагивало при каждом его прикосновении. Он будто постукивал крошечным металлическим молоточком по извилинам. По коже бродил холодок, я ежилась и морщилась.

– Мисс Лонгвуд, подайте сшиватель энергетических потоков, – пробормотал под нос. – В правом верхнем ящике.

Девушка, уже снова успевшая уплыть взглядом за окно, дернулась, услышав свое имя. Ожесточенно тряхнула головой, выгоняя не то мысли, не то воспоминания.

Хорошенькая, даже очень. Большие зеленые глаза, изящный носик, россыпь золотых веснушек. Мертвенная бледность удивительным образом выявляла ее хрупкие черты.

– Шустрее. Вы нынче чрезвычайно рассеянны, Алисса, – без энтузиазма отчитал ее док. – Я не для того забрал вас из Тарлинской лечебницы, чтобы...

– Простите, сир, – выдохнула ассистентка, с силой растирая необычно серое, безжизненное лицо. Подбежала к шкафу у стола, достала ужасающий металлический прибор. Не пора ли завязывать с диагностикой? – Я задумалась...

– Прекращайте заниматься этим неблагодарным делом. У нас и без вас передозировка теоретичек на квадратный метр, – проворчал док, принимая из белых рук сшиватель. И с тяжелым выдохом опуская его на кушетку. – Так-с, сиры, мисс и теоретички... Кажется, я слегка переусердствовал.

– Альвар! – из уст Эльзы его имя звучало как ругательство.

– Выпишу вам сегодня освобождение от лекций, мисс Ламберт. Кто проводит девчонку в спальное крыло, чтобы не растянулась по дороге?

– Я, – подался вперед мастер проклятий, отпихнул Граймса и аккуратно стащил меня с кушетки.

Глава 15

Глава 15

Из кабинета мы вышли практически в обнимку. Рэдхэйвен придерживал меня за поясницу, а я аккуратно опиралась на его плечо. Но едва мы миновали последнюю палату и отделились от целительского крыла, я отпрянула от проклятого мастера, словно обожглась всем телом.

Нервно скомкала юбку, не зная, куда надевать освободившуюся руку, и припустила дальше по коридору. До ученического корпуса путь неблизкий, сил у меня немного, но ползти впритирку к *этому мужчине* я больше не могла.

Потому что меня трясло. Потому что «молоточки» Граймса расшатали остатки и без того неустойчивой психики. Потому что до меня наконец дошло. Все, вообще все.

Вот этот самый мужчина оставался в моей спальне те семь ночей. Один на один с бредящей мной, моей сорочкой и розовым бельем с оборками. И как он этим богатством распорядился – знает лишь Варх. Ну, может, еще Тьма – она там тоже присутствовала.

Рэдхэйвен ночевал со мной. В моей постели. Вытягивал темный яд, а потом...

Проезжий придворный хитанец... Диккинс подтвердил, а он не трепло. И сны мои путанные легко находили свое подтверждение, стоило только опустить взгляд на сильные загорелые пальцы.

Да и глаза черные... вот же они! Самые настоящие, жутко материальные. Можно, конечно, ткнуть в них пальцем хорошенько, чтобы проверить. Но вряд ли королевский мастер обрадуется. А так я бы ткнула, да.

– Мисс Ламберт, вы в порядке? – с отстраненной учтивостью бросил мастер, и захотелось заорать, что ни в каком я не порядке. Вообще нет!

Почти уверена, Рэдхэйвен знает все те ругательства, которые мне в уши по ночам забивались. Наши аквелукские работяги так не закручивают, и сама бы я не додумалась.

И раз синяки и укусы мои – ровно в тех местах, где меня в снах кусали и щупали... То самый первый вывод – что они именно от щупанья и кусания возникли. Чертовски логичный, к прискорбию.

Ты теоретик, Эйви. Аналитик магии. Давно пора вспомнить, что первый напрашивающийся вывод обычно самый верный. Значит, и в снах была неприлично большая доля правды. Тоже неприличной. И никакие это не фантазии.

С чего бы мне фантазировать о жутком проклятийнике Ее Величества? Вот она пускай и фантазирует, если ей очень хочется. Пока он тут в чужих спальнях прохладается на розовых простынях.

Меня снова затошнило, я оперлась о стену и нагнулась над каменной урной. Но все мои страдания остались при мне. Вместе с завтраком. Гадство.

– Граймс переусердствовал, – сокрушенно признал Рэдхэйвен и подал мне руку.

– Не трогайте меня! – вскрикнула, сама себе удивляясь, и отпрыгнула от мужика затравленной виррой.

Потрогал уже. Хватит с меня впечатлений.

– Эйвелин...

– Не может этого быть. Не может...

Может, Эйви. И было именно так. Сколько еще ты планируешь бегать от правды?

Голова кружилась. Только теперь я окончательно призналась себе: он был там. В моей постели. Все семь ночей. Без рубашки, без этого своего парадного одеяния... Быть может, и вообще без всего. Мамочки!

Прикасался, прижимал к себе, забирался вот этими самыми пальцами под сорочку. Кусал, сжимал, «лечил» Варх знает как... Трогал меня всю. Везде. Совершенно незнакомый мужчина. А мне теперь с этим знанием как-то жить?

Тьма! А я ведь так славно держалась последние пару дней. Даже перестала считать себя спятившей. Мало ли что придет в бредящее, измотанное темным ядом сознание?

А теперь совсем расклеилась. Тряслась, как мокрая вирра среди зимы. Пялилась на магистра, жалобно подвывая. Губы дрожали, зубы отбивали чечетку. Мне так дурно не было, даже когда я в лесу поскользнулась и в студеное болотце плюхнулась.

– Тише, тише. Успокойся, – он вдруг рывком приблизился и прижал меня к себе так крепко, что не вырваться. – Все не так кошмарно, как кажется.

– Откуда вы знаете, *как* мне кажется? – бросила с вызовом, стирая с щеки выкатившуюся слезу.

Мир снова пошатнулся и треснул сильнее. Это слишком. Мне нужна моя зона комфорта, а не вот это все.

– Откуда-то знаю, – вздохнул, вминая свою лапу в мою лопатку. Там у меня синяков еще не было. – Я весьма проницательный. И как раз хотел спросить...

– Мм? – всхлипнула обреченно, распластанная мокрой щекой по чужой груди.

Спросить он хотел! У меня вот тоже вопросов накопилось... Но стыдно ведь задавать.

– Что вы помните, мисс Ламберт? О своем... кхм... выздоровлении?

– Ничего не помню! – резко мотнула головой.

Ну, попыталась мотнуть, поелозив ухом по его мундиру. Вкусный запах негодяя опять бессовестно пробирался в ноздри.

– Эйвелин... – неодобрительно покачал головой Рэдхэйвен. – Вы потеряли шею, когда речь зашла о необычной просьбе вашего папеньки. Весьма идиотской, кстати. Не думал, что выгляжу столь беспечным.

– Столь беспечным для чего? – я вырвалась из его рук и, пошатнувшись, притулилась к стене.

– Вы поняли, мисс Ламберт.

– Ни гхарра я не поняла! – возмутилась, разглядывая столичного сноба. Загорелого, заросшего, белозубого, надменного. Абсолютно чужеродного в моей жизни. Лишнего.

Я правда не поняла. Для чего он не был столь беспечным? Для того, чтобы попортить «девицу из Аквелука» прямо под носом у ее отца? Или чтобы оставить ее в положении, обеспечив себя нежеланным наследником с сомнительным генофондом? Какова у мастера допустимая норма при посещении девичьих спален?

Рэдхэйвен молчал, пока я гневно сопела, но глаз не отводил.

– Не обижайтесь на отца, – выронил сдержанно. – Из-за моих методов возникла двусмысленная ситуация. Он пришел к неверным выводам, когда я заговорил об оплате.

Я недоверчиво сощурилась: он еще и денег попросил? Королевский мастер, летающий на частных судах?

Хотя... Да, все логично. Он хитанец. И взял он оплату не йоргенами, а маминым фамильным артефактом. Теперь все сложилось.

– Не оправдывайте его, – я резко втянула ноздрями кипящий воздух.

Злилась я сейчас на отца ничуть не меньше, чем в кабинете Граймса. Бесилась до зубовного скрежета, содрогаясь от внутреннего «кляц-кляц». Папе очень повезло, что до Аквелука от академии шесть часов езды.

– Вы посмотрели на меня, когда дотронулись до шеи. Мне повторить вопрос?

– Почти ничего не помню, – зажмурилась, не в силах выносить ввинчивающийся в меня взгляд. – Вы были в парке, смотрели издалека. Потом я отключилась. Проснулась через неделю вся в синяках. Отец ничего толково не объяснил, только выглядел каким-то... скрытным. И нервным. Диккинс сказал, что меня спас хитанец из парка.

– Диккинс... – мрачно повторил Рэдхэйвен. – Ваш близкий друг?

– Близкий, да, – согласилась, судорожно вздыхая.

Ко мне за утро еще трое природников подошли по поводу совместного проекта. Но я отшутилась, что отдалась Вейну с потрохами. Они так ухмылялись потом, явно как-то неверно меня поняли.

– Не настолько близкий, – уточнила, чтобы мастер того же, чего природники, не подумал.

– Это Граймс нам уже подтвердил, – сосредоточенно кивнул.

Он о моем сиянии, да? Я начинала привыкать, что ежеминутно оказываюсь в идиотском положении. Но все равно остервенело потерла зудящие кончики ушей. Проклятье!

Сейчас, когда мастер не прижимал меня к себе, я ощутила, как же мне странно рядом с ним. Очень, очень странно.

Страшно. Будто он опаснейший хищник, а я детеныш гхарра, только вчера вставший на неокрепшие копыта. Черную муть, сочившуюся из ауры, я ощущала каждой клеткой.

Раздражающе. Как в первый день знакомства. Надменный, хамоватый сноб, которого вечно хочется поколотить за дурацкие

намеки.

Волнительно. Из-за варховых снов и невнятной истории моего лечения. Что он успел увидеть? Потрогать? И, что уж мелочиться, понадкусывать?

И невозможно любопытно. Он словно хранил какой-то секрет, улыбался одними глазами. Посмеивался, что я не в теме. И утаивал от меня самые интересные факты.

– Еще мне снилось... кое-что. Неправдоподобное, – призналась Рэдхэйвену, горестно вздыхая. – Поэтому я поначалу не поверила Вейну.

– Так уж и неправдоподобное? – ухмылка тронула его губы. Красивые, но, как выяснилось, опасные.

– Слушайте, я и без вас запуталась! – всплеснула руками, делая шаг к мужчине. – Что было... Чего не было... Где реальное, а где просто сон. Дурной.

– Очень дурной? – осторожно уточнил гад, смущая меня все сильнее. – Или местами все-таки ничего?

– Кош-мар-ный, – по слогам процедила, не отрывая глаз от клубящейся черноты зрачков.

– И почему не поверили своему приятелю?

Он смотрел так пристально, так прожигаяще остро, что мурашки поползли по пояснице вниз. Туда, где им было совсем не место.

– Потому что глаза у того мужчины, который мне приснился, были черными, как сама Тьма, – выпалила, чувствуя, как щеки начинает лихорадить. – А в парке я запомнила золотые.

– Можно еще вопрос? – он довольно ухмыльнулся.

Квахар самовлюбленный! Я же сказала, что кошмарный сон был. Кош-мар-ный. А не такой, какой он себе вообразил.

– Давайте сюда свой вопрос, – буркнула, предполагая подвох. И мастер оправдал мои ожидания с лихвой.

– Когда вы делали ставку на моем занятии...

– Я не собиралась ставить!

– Тем не менее, в блокнот вы себя вписали... Триста йоргенов – крупная сумма для девицы из Аквелука. Вы рискнули лишиться карманных денег на пару недель, – он ухмылялся уже в открытую. – Или не рисковали?

– Вы намекаете, что я знала ответ? – возмутилась со смесью ужаса и обиды.

Не лучше ли нам разойтись в разные стороны и оставить все как есть? Сбежать от неприличной правды. До своей спальни я как-нибудь и сама доползу. Не нужны мне такие помощники, от которых только хуже делается.

– Спрашиваю. Знали?

– Возможно.

– И много заработали? – а улыбка у него красивая, когда открытая и не язвительная. – Судя по распределению голосов, коэффициент должен быть хороший.

– Пока несколько, сир, – сдвинула брови сурово.

– В чем же загвоздка? – мастер чуть подтолкнул меня к стене, взял за плечи и настойчиво «помог» опереться.

Хорошая, в целом, идея, потому что мир вокруг не останавливал вращение, а ноги непослушно подгибались в коленях.

– Так проверить никому до сих пор не удалось, – просипела негромко, ощущая на плечах теплые лапы. – Хотя, видит Варх, Килира с Летисией все утро стараются...

– Я заметил, – он хрипло закашлялся, отвернув от меня лицо.

Внутренности защекотало рвущимся наружу смехом. Как же неловко-то!

– Вот если бы вы пришли на следующее занятие без рубашки... – проворчала, всеми силами стараясь не рассмеяться на весь коридор. – Тогда я вернула бы свои деньги. Под вашим, между прочим, давлением потраченные! Вы не ошиблись, это мои карманные на две недели.

– Королевский образовательный совет не одобрит такого подхода к преподаванию.

– Целитель из вас тоже вышел сомнительный, – буркнула шепотом.

– Я что-нибудь придумаю, – с серьезным видом пообещал хитанец, оказавшийся ко мне непростительно близко. Тяжелый черный взгляд упал на мою нижнюю губу, и голос мужчины резко подсел. – Мисс Ламберт, мне, вероятно, стоит успокоить вас, что в те семь ночей ничего предосудительного... Разве что самую малость. Я все ж не мраморная статуя и не деревянный истукан.

А похож, будто и впрямь каменный. По ощущениям. Мы ведь шли куда-то. В спальное крыло, точно. Но почему-то застряли в воздушном переходе между корпусами.

– Кто вас поцарапал? Вот тут, возле уха? – я ткнула пальцем в его щетину, твердо обещая себе, что это первый и последний откровенный разговор между нами.

Скоро я войду в спальню, закрою дверь и все забуду. И мы больше никогда не вернемся к смущающей теме. Мой мир станет прежним – без потрясений, нездоровых фантазий и дразнящих запахами магистров. Только учеба, бытовые плетения и среднестатистический Диккинс. Вот так, и никак иначе.

– Одна непослушная зеленоглазая дикарка, не желавшая выздоравливать.

– Мастер Рэдхэйвен!

– Вы, мисс Ламберт. Вы меня поцарапали, – признал спокойно, без ноток осуждения. – И не только «вот тут, возле уха».

– Кошмар...

– Не волнуйтесь, я живучий.

– Да я не за вас волнуюсь! – я с ужасом посмотрела на свои ногти, из-под которых все первое утро засохшую кровь выковыривала.

Имира Сиятельная... Это что ж надо сделать, чтобы я драться стала? Я же махровый теоретик. Самое мирное создание на факультете.

– Почему вы остались тогда в Аквелуке?

Я очень ясно помнила те желтые глаза по другую сторону парка. Бесконечно далекие и равнодушные к чужим бедам.

– Вы не позволили мне уйти, – пожал плечом. – Ни тогда, ни позже.

– Я благодарна вам за спасение, – на мгновение прикрыла веки, ощущая расплзающуюся по венам вину. – Мне следовало сразу сказать это.

– Вы были смущены.

Он улыбнулся. Странно очень. Понимающе, покровительственно, как старший брат или дядюшка. Только вот смотрел на меня совсем не по-родственному, и из-за этого сердце подпрыгивало в бодрой анжарской польке.

– Я и сейчас смущена. Именно потому, что ничего не помню, – прошептала доверительно. – А то, что вдруг всплывает в памяти...

– Это просто лечение, мисс Ламберт. Ничего интимного, – успокоил Рэдхэйвен, прокатываясь ладонью от моего плеча к запястью и осторожно сжимая.

Эти его руки... Да просто невозможные руки!

– Л-ладно.

Ничего интимного – это хорошо. Хотя мне ночами все виделось в ином свете. И мой теоретический ум подсказывал, что когда «ничего интимного», люди так не стонут. Глухо, хрипло и задыхаясь в волнах отборной ругани.

– Хотя распространяться об этой... кхм... «экспериментальной методике» все же не стоит. Барьер затянулся, Тьма сдалась. Все.

Он подтолкнул меня дальше по подвесному коридору, соединяющему академические «крылья»-корпуса. В молчании мы добрались до моей спальни, за которой кто-то громко хрустел крекерами. Или новыми туфлями. Лишь бы не Тейкиной каффой – не простит.

– Эйвелин... – мои лопатки снова вмялись в дверь, а ухо наполнилось волнующим шепотом. – Поломка барьера вручную – это не нелепая случайность. Тот, кто это сделал, все еще где-то здесь, трется вокруг вас.

Пуговка на платье предательски оттопырилась, целясь в загорелую проклинательскую шею. Прямо в выпирающий кадык. Дурная, ей Варху.

– Я понимаю, да.

– Точно понимаете? – черная бровь недоверчиво поползла вверх. – Это попытка убийства. Жестокого, мучительного. Хорошо продуманного (вспомните про обезболивающий артефакт). Будьте осторожны. Вряд ли он отказался от своего плана.

Лопатки поехали по двери вниз, и я инстинктивно ухватилась за королевский мундир, сжала пальцами плотные отвороты. Боги Эррена! Он думает, это может повториться? Жуткие черные вены и дурманящий яд?

Несколько минут назад я давилась смехом, представляя, как Рэдхэйвен заявится на лекцию в одних брюках... А теперь внутри все

сжалось, сердце принялось пропускать удары. Бум... Бум... И длинная пауза.

– Боюсь, сейчас из всех людей в академии полностью доверять вы можете только мне.

– Потому что вы меня спасли?

– Нет, мисс Ламберт, – он старательно стер с моей щеки какое-то пятно. – Потому что я единственный, кого здесь не было в день вашего отъезда. А теперь идите в постель.

Я шумно вдохнула, мысленно себя успокаивая. Это просто жест учтивой заботы, а не что-то интимное. И в постель он мне предлагает пойти одной. Чтобы поспать, отдохнуть после диагностики, похрустеть с мизауром о вечном и все такое.

Глава 16

Глава 16

– Диккинс, еще раз объясни: какого линиялого гхарра мы забыли на полигоне?

– Тут романтично, крикетка. Ты не находишь? – заржал парень, указывая рукой на сгущавшуюся вокруг нас темноту.

Я бы предпочла и дальше пялиться в потолок спальни под монотонный хруст поглощаемых крекеров. Вот-вот с занятий должны были вернуться Тейка с Риссой. Но вместо них с бесцеремонным барабанным стуком появился Вейн и потащил «объединяться». Прознал откуда-то, что меня от занятий освободили.

Практика силовиков и стихийников окончилась час назад. Рытвины кое-где еще не успели зарости, местами тлели искры спонтанных пожаров. Поэтому мы с Вейном не стали забираться глубоко в боевую зону, притормозили у самых ворот.

Пока Диккинс объяснял мне суть задуманного проекта, под который я должна была продумать связную цепочку плетений, я замороженно косилась на лес. Он начинался сразу за полигоном и изобиловал болотами. Где-то там вчера случился разрыв, заставив Райса и Джонаса всю ночь просидеть в канаве, а наутро изнемогать от магического отката.

Тьма впереди клубилась, то сгущаясь в плотный туман, то разделяясь на хоботки и затейливые щупальца. Словом, после диагностики у меня начались форменные глюки. Главное исчадие мрака мне пока не мерещилось, но я знала, что оно со всеми своими руками и глазами заявится ночью. Прямо в беспокойный сон.

– Ты, главное, не паникуй, – вещал уверенно парень, очерчивая палкой зону эксперимента. – Вся практика на мне. С тебя только аналитическая выкладка и подгон плетений. Стартовое я уже придумал.

Диккинс закрутил в ладонях зеленый вихрь и сбросил его в центр земляного круга.

– Ускоренный рост, повышенная копытоустойчивость, самоподъем... То, что док прописал для анжарских угодий, – сбросил с

ладоней еще пару рунических символов, и они впитались в землю. Но ничего не произошло: чары не закрепились. – И вот в этом месте у меня натуральный затык, Эв. По ходу, они конфликтуют, да?

– Еще бы... Ты же хочешь всего и сразу, – поморщилась, выгоняя из экспериментального круга лишние руны.

– А то! – он вдруг дернул меня за талию и притянул к себе, вбивая животом в каменные мышцы. – И самого лучшего...

– Вейн!

То, что Диккинс про романтику не шутил, догадалась я с опозданием. А то бы ни в жизнь не пошла с ним поздним вечером к болотам.

– Не дергайся, маленькая, – шутливо припугнул парень, скатываясь лапищами вниз по талии.

Я так оторопела от этой наглости, что не сразу вскрикнула, когда его пальцы коснулись моей пятой точки. Естественно.

– Я тебя сейчас прямо тут прикопаю, если не отпустишь. И без всякого «самоподъема», – угрожающе выдохнула в его опускающийся подбородок. Нашелся тут самый большой!

– Минутку потерпи. Потом разрешаю прикапывать, – хохотнул белобрысый гад и ткнулся своими сухими губами в мои. Смял осторожно, опасаясь, что укушу. Но я сегодня была в некусательном настроении.

Вовремя вспомнила свое обещание уступить Ровейну. Хорошему парню, три года таскающему мои чемоданы. Среднестатистическому принцу, у которого внезапно и красивые медовые глаза, и выдающиеся плечи были мной обнаружены. И как раньше не замечала?

– Ну вот. Стоило так напрягаться? Приятно же? – хмыкнул Вейн ровно в тот момент, когда я только собралась послушно обмякнуть и отдаться ощущениям. А все уже, все. Поздно.

– Ммуугум, – согласилась, промакивая губы рукавом. Они едва влажные были, но я все равно решила вытереть.

Нет, точно там хоботок какой-то волочется по полигону, ей Варху!

– Платье же у тебя есть, Ламберт? Зеленое, как обычно? – Диккинс смущенно улыбнулся, почесал затылок и скосил глаза на экспериментальный круг.

Дважды кивнула, понимая, куда он клонит. За статую Имиры он клонит. Демонстрирует, чего лишусь, если отказаться вздумаяю.

Глупый. Разве так девиц за статуи заманивают? Хотя откуда мне знать.

– Эй, Ламберт! – крикнули из-за огороженного периметра. За забором расплывалось круглое лицо Иллонки, просовывающей в щель свернутую пачку йоргенов. – Держи, твои.

– Это что?

– Ставка твоя, помноженная на коэффициент, – заулыбалась троюродная племянница монаршей особы.

Я приблизилась к забору, подсунула руку, и на ладонь упал увесистый рулончик. Тянул йоргенов на восемьсот. Огхарреть можно.

– Кили или Лети? – сипло пробормотала, запихивая деньги в карман, пока нас не поймали преподаватели и не подумали чего дурного.

Под ногами явственно ощущалась зияющая дыра, в которую стремительно проваливалось тело. Кому-то из девочек удалось, да? Стянуть с него рубашку, «посмотреть, пощупать, а там как пойдет»? А как головой вертел... словно ему неприятно излишнее внимание. Квахар недощипанный!

Сразу подумалось на Килиру. Она хоть и не может похвастать золотыми косами, зато целеустремленная, как стадо ужаленных гхарров. То есть, мне все равно, конечно, но...

– Да кому нужны эти крикливые квахарки, когда есть Ее Величество? – заступилась Иллона за родственницу. – Бруксберг и Шеппард столкнулись с мастером в ученической душевой. Ума не приложу, почему не пошел в преподавательскую. Но нам же лучше, да?

– Парни утверждают, что он Варх как хорошо сложен, – пропела Килира, вывываясь медным облаком из темноты. – А значит, игра стоит свеч...

– Спрятала бы ты уже свой язык за кривые зубки, Кили, – прошипела возникшая рядом Лети. – И свои «высочества» так не выпячивала. Пока я их тебе хорошенько не примяла. Спроси Галлатею, на что я способна.

Воображаемая дыра под ногами разрасталась неумолимо. И мне уже добровольно хотелось в нее провалиться, лишь бы в дискуссии не участвовать. Не то с меня опять какую-нибудь аналитическую выкладку на Рэдхэйвена потребуют, а при всех имеющихся у меня данных она может оказаться не очень приличной...

– Ровейн, тебя Хендрик искала, – Элодия Хаммер с теормага показала четвертой и просунула нос между железных прутьев.

Да сколько еще их там в темноте прячется?

– Ааа... зачем? – Диккинс пригладил растрепанную копну.

– Проблемы с твоей заявкой на конференцию. Какие-то возражения... по оформлению проекта... – смущенно сообщила она парню, старательно отводя от меня глаза.

Из-за сгущающейся темноты ее обычно мягкие, плавные черты очертились резче. И тут я начала подозревать, что наш поцелуй не остался незамеченным.

Хотя вряд ли кому-то есть дело до наших с Вейном невнятных отношений. И стыдиться мне, пожалуй, нечего – мы уже третий год общаемся. И я не такая уж маленькая, как обзывается Диккинс. Разве что интерес к укромному уголку за статуей Имиры питаю пока сугубо теоретический.

– Да внимательно вроде оформлял! Аж голова заболела, – он растерянно почесал затылок и быстро клюнул меня в висок. – Подожди тут, крикетка, я быстро. Пойду выясню, что за дела.

– Иди, я еще поколдую над твоими каракулями...

Вейн правильно сделал, что поторопился с заявкой. Чем быстрее ее одобрят, тем скорее мы получим доступ к лаборатории и свободные часы. И не придется морозить пятую точку вечером на полигоне. С пространством для магических практик нынче вообще напряженка, спасибо Мюблиуму.

Парень вышел за ворота и исчез в темной дымке вместе с хихикающими девушками. А я вгляделась в расчерченную им землю.

В этом весь Диккинс – сунуть в один круг заговора на урожай и «самоподьем», и «супер-рост»... и еще вархову тучу всякой чепухи. Я подтерла носком туфли ненужную руну, полностью убрав «копытоустойчивость». Дорисовала палкой четкий хвостик к чарам подъема. В общем-то, должно сработать, если не бежать за всеми крикетками разом и остановиться на какой-то одной.

Если наш проект удастся, труженикам из магсельхоза не придется поднимать ростки вручную после набегов. Вполне полезное изобретение. Но над последовательностью плетений придется плотно посидеть, чтобы это не осталось пустой картинкой на грунте.

По полигону, жалобно подвывая, гулял осенний ветер. Я поежилась и подняла ворот форменного жакета, но теплее не стало. Вгляделась в черную дымку на болотах. А сир Райс точно хорошо тут вчера заштопал?..

Не то чтобы я не доверяла его мастерству. Я вообще не имею привычки соваться в чужие специализации. Просто тот глюк с черными щупальцами вдруг поплыл по воздуху в мою сторону, и я занервничала. Совсем недавно мы с Рэдхэйвенем выяснили, что не все то фантазия, что нереально выглядит.

Существо приближалось, все меньше напоминая галлюцинацию. И я, резко свернув мыслительную деятельность, припустила к воротам. Завозилась с щеколдой, скользя потными пальцами по магическому замку. Прорбитое гхаррово копыто!

Ну давай же! Оно ведь не обниматься летит. А даже если и так. Рэдхэйвен вон пообнимался уже – все ладошки отбила, пока в чувство привела. Найдут меня завтра утром у ворот, в отключке и с отмороженным всем. И это еще в лучшем случае.

– Ууу... – подвывал ветер, подгоняя дитя изнанки.

Замок не поддавался.

Не паникуй, говорил Вейн, затаскивая меня на полигон. Я все сделаю сам, говорил Вейн. Я скоро вернусь... Тоже, да, говорил вархов Вейн!

Я в панике обернулась и замахала перед собой руками, отгоняя сумрачную тварь. Земля под ногами дрогнула, с пальцев слетела фиолетовая паутинка и вляпалась в морок. Крепко так вляпалась. Я дернула пальцем – морок дернулся ко мне.

Отскочила в сторону, отбежала от ворот к укреплениям. Существо как на привязи потащилось следом, хаотично размахивая щупальцами, как торгаш-зазывала на анжарском базаре. Проклятье!

В отчаянии попыталась стряхнуть сверкающие нити, паутиной налипшие на пальцы. А их только больше сделалось.

Кое-как отцепив от руки фиолетовый моток, я спряталась за мешком с камнями. Их сложили тут для имитации тактического боя, и мне сейчас как раз нужно было укрытие.

Уселась в лужу, оставленную водниками, обхватила колени и зажмурилась. Диккинс, ну где же ты ходишь? Я сейчас хоть куда согласна. Даже за статую.

Дыши, Эйви. Ты не в лаборатории, тут совершенно нечему взрываться – земля да лужи. Твой привычный мир на месте, крепок и стабилен. Ты просто дыши и... Варх!

Я на боевом полигоне. Тут все время что-то взрывается! И я совсем ничего не знаю про штуку с щупальцами и ее привычный рацион.

Догадываюсь лишь, что она, как и прочие, успела пролезть во вчерашний разрыв и ускользнуть из-под носов Райса и Джонаса.

Уффф!

Я махровый теоретик, так что как защищаться, знаю только в теории. И то на лекциях по «Общей практике» речь шла о крупных хищниках и нетрезвых магах. Никак не о детях Тьмы! С щупальцами и сверкающими глазами!

– Уууу? – то не ветер выл, а изнаночная нечисть, вальяжно огибавшая мой окаменелый мешок-укрытие.

На ней еще болтались обрывки мерцающих нитей, так некстати сорвавшихся с моих пальцев. Судя по нервной «походке», сущность они дико бесили. И та ползла ко мне «натурально прояснить ситуацию», как выразился бы Вейн.

– Уууу! – простонала я в ответ, надеясь на взаимопонимание.

Вархом клянусь, я больше не буду с магическими мотками баловаться. Сама не поняла, откуда что взялось.

– У-у-у-у... – с обидой провыло исчадие, качнувшись в темноте, и двинулось на меня.

Я зажмурилась и выставила руки вперед. Инстинктивно, без особого плана.

Пальцы обожгло огненным хлыстом. Распахнула глаза и увидела, как с ладоней срываются ярко-фиолетовые руны и зависают в воздухе перед самым носом.

Сущность удивилась не меньше. Возможно даже, как и я, открыла рот. И тоже зависла перед моим носом. С мерцающих рун скапывало черное нечто и тут же всасывалось в землю. Огхарреть. Просто огхарреть.

От черной лужицы полз узкий изворотливый ручеек, воздух над ним прорезало розоватыми разрядами. Этакие молнии в стиле клубничных леденцов.

Меня мутило так страшно, словно я эти руны из живота исторгла. А лучше бы завтрак. Он давно наружу просится. Ей Варху, если бы не вердикт Граймса, сама бы начала подозревать себя «в положении».

Земля дрогнула, материя над ручейком слегка надорвалась. Поток завывающего ветра распахнул «дверь в изнанку» пошире и втянул в нее исчадие мрака. Все целиком, до последнего щупальца.

– Уууу! – провыло оно напоследок не то возмущенно, не то с благодарностью.

И дверь захлопнулась. Натурально.

Ни разрядов кукольно-розовых, ни блестящего черного ручейка. Ни напугавшей меня сумеречной твари.

Все галлюцинации разом решили меня покинуть. Осталась лишь дикая слабость, магрень и желание поспать. Тело склонилось к луже, веки закрылись, а нос уткнулся во влажную землю академического полигона.

Глава 17

Глава 17

– Хмм...

Перед тем, как услышать голос, я почувяла гаденький аромат эшерской настойки. И мой сонный ум пришел к выводу, что в данном конкретном случае запахи распространяются быстрее звуков. Ноздри мои сжались от ужаса, и тело инстинктивно попыталось отползти.

– Уууу... – по привычке провыла в лужицу, не спеша разлеплять глаза. Хотя вряд ли у моего собеседника были щупальца.

– Вам нужен новый куратор, – меня резко оторвали от земли и поставили на ватные ноги. – Обопритесь на меня, мисс Ламберт.

– Это какой же новый? – вяло уточнила у сира Райса, бесцеремонно повиснув на его локте.

И хоть щупалец у нашего темного магистра и впрямь не имелось, на дитя изнанки он походил даже сильнее, чем напугавшая меня тварь.

– Какой-то вроде меня, – выдохнул источник феерического аромата, и меня его парами чуть обратно в лужу не уложило. – В крайнем случае, вроде Рэдхэйвена. В самом крайнем.

– Нет-нет, не надо «вроде Рэдхэйвена». Меня вполне мисс Хендрик устраивает...

А с исчадиями мрака я уже наобщалась, еще одного не перенесу!

– Мисс Хендрик – теоретик, – глубокомысленно заявил Райс и подтолкнул меня к открытым воротам.

Я запнулась и ни на шаг не сдвинулась. Коленки дрожали, будто в них сотня мелких шариков перекатывалась.

– Ох, дьяволова воронка... Я так от старости помру, – скривился темный магистр. – А мне предсказывали совсем другое. Идите сюда.

Ароматный сир подхватил меня на руки. Не знаю, как он, а я вот точно сегодня помру от нехватки кислорода.

В остальном было комфортно. Уютно даже. Видимо, я головой приложилась о каменный мешок, раз добровольно к Райсу приблизилась. Он же... Райс.

– Мисс Хендрик теоретик. И я теоретик, – напомнила темному. – Мы будто созданы друг для друга, правда?

– В бездну Хендрик. С вашим новым пробуждающимся даром понадобится много, очень много практики, – он угрожающе сдвинул брови, и меня привычно затошнило. Готовая распрощаться наконец с завтраком, я резко отвернулась от мага и чуть не вывалилась из рук. – Мисс Ламберт, вы, случаем, не огхаррели вырваться? Я без того не в восторге от вашего общества. Сейчас обратно в лужу уложу.

Он споткнулся на рытвине и чуть не завалился вместе со мной. Кого из нас сильнее шатало – еще вопрос.

– Вы ни от чьего общества не бываете в восторге, – резонно заметила, устраиваясь обратно. Завтрак все еще был со мной. Упертый. – И меня тошнит. Живот крутит.

– Сильно? – две пытливые темные воронки уставились на меня из черноты.

– Как если бы из меня собиралась вылезти та штука с щупальцами. Через рот, – скривилась от собственной фантазии. – Она не могла в меня что-нибудь отложить?

Я запоздало задумалась: а Райс вообще видел дитя Тьмы? Или мой глюк был все же плодом фантазии?

– Вы начитались «Ужасных рассказов о чужой изнанке» мисс Ридли Гхарр? – глухо хохотнул Райс и подкинул меня в жилистых руках.

Закатила глаза: такого я не читаю. Рисса рассказывала как-то вечером... Мы с Тейкой до утра потом зубами стучали.

– У вас сильный магический откат от применения темных чар, – сжалился Райс и перестал надо мной похмыкивать. – В первый раз он особенно неприятен.

– Я ничего не применяла, – заверила пахучего затворника.

Мы приблизились к академии, и он пронес меня в целительский корпус через отдельный преподавательский вход. Пятая точка взвыла от дурного предчувствия. Уж не к Граймсу ли мы снова?

Внушительный нос Райса расплывался перед глазами, в горле побулькивала горечь. Я зажмурилась и откинула голову. Уффф...

– Совсем паршиво? – спросил, поднимаясь со мной по лестнице.

– Будто стухшего гхарра съела. Целиком, с копытами, – призналась доверительно. – Но в то же время очень пусто внутри. И тяжесть на груди каменная.

– Сейчас... Тихо, не дергайтесь.

Темный магистр бегло пошевелил пальцами, вызывая на ладони золотистый игольчатый шарик. Втер затейливое плетение в мое горло, и с его пальцев по коже побежали щекотные ручейки.

Что за манипуляцию он провел, не знаю, но захотелось хихикать. Настолько сильно, что я себе это позволила. Прыснула. Потом хрюкнула. И совсем громко расхохоталась.

– Легче? – дернул губы в чем-то, очень отдаленно напоминающем улыбку.

– Высший класс!

В животе теперь не тухлый гхарр перекачивался, а порхали самые настоящие бабочки. Штук сто, не меньше. По венам растекалось чувство восторженной влюбленности – хоть сейчас беги и «ягодке» на шею вешайся. И в лапы его загорелые закутывайся.

Тьфу!

Вейну... Диккинсу на шею. И в лапы. Да.

Придет же в тяжелую голову!

– Это плетение «Эйфории», неискушенным и начинающим магам временами помогает при откатах, – сухо бросил Райс.

По хмурой морщине, расчертившей лоб, легко догадалась, что ему золотые шарик не помогают уже давно.

– Постарайтесь болтать поменьше, иначе завтра будет стыдно. «Эйфория» развязывает язык.

Я плотно сжала губы, мысленно их зашив. И опять глупо улыбнулась. Ну не гадство?

– Вас шатает, как подбитого гхарра, – поделилась наблюдениями. – Тоже последствия отката «лечили»?

Вообще Райс ощущался достаточно крепким и стойко боролся с силой притяжения. Но по коридору мы пробирались «змейкой», знакомясь близко то с одной, то с другой стеной.

– Не вздумайте меня жалеть, – предупредил маг. – А то еще влюбитесь ненароком и себе жизнь испортите...

– У вас мало шансов завладеть сердцами учениц, пока в Академии есть ректор Керроу, – хихикнула, не задумываясь о деликатности. – Вы его глаза видели? Синие-синие! А хвостик...

– Спасибо, – от души поблагодарил Райс. – Вы меня успокоили.

– Хотя вы тоже ничего. Нос такой... такой... породистый, вот, – пригляделась к самой внушительной части его лица. – И глаза

засасывают, как воронки... Глубоко-глубоко...

– ...И снова напугали. Помните, я советовал вам поменьше болтать?

– Вас бы откормить. Совсем щеки впали, – вздохнула сердобольно, вспоминая Долию. Она бы быстро его привела в форму. – Уверена, вы тоже забываете про еду. Моя мама все время забывала.

– Мисс Ламберт... Я вас тут сейчас брошу, и ползите сами.

– Вот если убрать эти жуткие тени под глазами и забыть про настойку дварфов... – сощурилась, набрасывая в голове план реабилитации. – Вы, кстати, в курсе, что она пахнет, как продукт жизнедеятельности винторогих гхарров?

– Я использую ее как духи, – профыркал сир Райс, пряча подбородок в объемном темно-сером свитере.

– Чтобы вас обходили по другой стороне коридора? – хихикнула, ощущая в животе подозрительное шевеление. Там заводились все новые бабочки.

Либо тварь с щупальцами из рассказов Риссы...

– Какая догадливая.

– Почему вы так нелюдимы?

– Какой длинный коридор... бесконечный просто.

«Эйфория» не просто развязывала язык. Она делала желание поболтать нестерпимым. Казалось, закрою рот – тут же умру.

– А почему вам не нравится мастер Рэдхэйвен? – поерзала в руках мага.

– Магистры темных искусств не обязаны друг другу нравиться, – строго выдохнул Райс, и я в который раз пожелала себе задохнуться поскорее. Чтоб не мучиться. – Мы не цветы и не детеныши пушистой каффы.

А жаль... Жаль.

Будь Рэдхэйвен детенышем каффы, я бы его почесала за ушком. По пузику мохнатому погладила. Это даже мой «чубурашка» любит. А так – не дай Варх.

– Если его природный дар так велик, как рассказывал Мюблиум, то Даннтиэль тратит свой талант впустую, протирая штаны при дворе, – разоткровенничался вдруг Райс. – Он мог бы решать куда более важные вопросы. Помогать сотням, тысячам. А не ежедневно

настраивать защиту двора от проклятий и еженощно поправлять юбки на Ее Величестве...

– Дались вам ее юбки! – вспыхнула, размазываясь взглядом по черному потолку. – Так ворчите, будто лично с ними знакомы.

– О, мы знакомы.

– С юбками?

– С Ее Величеством, – нахмурился Райс. – Меня приглашали на ту же должность немногим раньше, чем Рэдхэйвена.

– Поправлять юбки? – поперхнулась слюной и отчаянно закашлялась. Райс зашатался сильнее, и мы притормозили у левой стены.

Я по-новому, оценивающе проехала по породистому носу. Если бы не вызывающе резкие черты лица, словно природа совсем не напрягалась, вытачивая суровый профиль... Да, он был бы вполне ничего. Может, не каноническим красавцем, но точно источающим харизму, энергетику и какую-то мрачную, суровую притягательность.

– Защищать двор, – поправил строго. – Но я отказался. Если все талантливые мастера темных искусств будут протирать штаны на бархатных диванах и валяться на шелковых простынях, то некому будет латать дыры в материи под Аквелуком.

– Так вы благородны...

Фальшивые бабочки внутри издали одновременный «Ах!».

– Не люблю людей, – Райс торопливо убил их мечтательный настрой. – А при дворе их толпа.

– Так вы просто сбежали от общения?

– Рэдхэйвен тоже сбежал, когда согласился работать при дворе, – задумчиво произнес мужчина. – Просто он прятался от других проблем. Убить дар и закопать талант – всегда легче, чем примириться с тем, что ты можешь больше других. И это какая-никакая ответственность.

– Не похож он на беглеца, – протянула с недоверием.

Столичный сноб явно дорожит своей жизнью. И наверняка стремится поскорее в нее вернуться.

– Все мы ищем, где комфортнее. Где нас меньше достает... наше прошлое, – философски заметил Райс. – Все от чего-то бегут, мисс Ламберт. Я, вы... И даже та новая рыжая ассистентка Граймса – тоже от чего-то бежит, по глазам видно.

«Эйфория», растекавшаяся по телу, не давала всерьез задуматься над его словами. Бабочки сменяли один бодрый танец на другой, разгоняя радость по венам. Хотелось улыбаться чудесному вечеру и щекотным мыслям о черноглазом королевском мастере, а не вот это все.

– А вы когда успели изучить высшие приемы работы с темной стороной? Этих книг нет в свободном доступе, – нахмурился вдруг Райс, пока сердечко внутри подпрыгивало взволнованной крикеткой. Того и гляди, с кем-нибудь обниматься полезу. – И те чары, что вы применяли на полигоне...

– Не применяла!

– Я свой первый раз тоже смутно помню, мисс Ламберт, – признался Райс. – Но это потому, что заранее обезболил себя до полной потери чувств.

– Разумно, – задумчиво закивала и осеклась. – Ой, нет... не разумно! И давайте не будем про ваш первый раз? Мне, право слово, неловко. А куда мы идем?

– В диагностическое, – пожал плечами маг, вызвав во мне очередной приступ тошноты. – Граймс по вам соскучился.

– Там только Граймс? – протянула с опаской, вспомнив предыдущее шоу с кучей безбилетников.

– Не только. Ваши выкрутасы не остались незамеченными, мисс Ламберт, – хмыкнул Райс, толкая ногой дверь в отделение. – Из этого крыла, знаете ли, отличный вид на полигон.

– Наконец-то! – меня резко вырвали из рук Райса и переместили к другому телу.

Оно, тело это, пахло не в пример лучше. И знакомо до боли в... везде, в общем.

Перед тем, как повернуться к хватавшему, успела отметить язвительную ухмылку Райса. Довольную такую, издевательскую. Словно он чудом умудрился обойти главного конкурента в забеге года.

– Как видите, господин королевский мастер, у меня руки растут вполне из правильного места, – насмешливо бросил Райс. – И никого я по пути не уронил, несмотря на осложняющие обстоятельства.

Я закончила разворот и коротко выдохнула, узрев небритый подбородок Рэдхэйвена. Давно не виделись, да.

Мои ватные конечности, измученные откатом и расслабленные коварной «Эйфорией», болтались, как ветки плакучей гавы. Губы искривляла глупая улыбка, которая растягивалась еще шире, стоило мне упереться глазами в напряженно дергающийся кадык.

– У девицы сильный откат, – пояснил Райс. – Дал ей «Эйфорию», чтобы не залила коридоры недавним ужином.

Завтрак. Там был только завтрак и крекеры, с трудом добытые в битве с Фиджем.

– Теперь понятно, почему она так рада нас видеть, – ехидно протянул Граймс, нарисовавшись с другой стороны. – Что ж, ми-и-милочка... Весьма интересный случай.

Я инстинктивно прижалась к Рэдхэйвену. Сквозь пелену восторженных эмоций, танцующих в животе бабочек и скачущих по всему телу мурашек протолкнулось тревожное чувство. Что мне надо немедленно бежать, пока эти трое не приступили к очередной диагностике. Уж больно лица у всех трех были... многообещающие.

– Знаете, мне уже хорошо, – соврала, выпутываясь из крепких лапиц. – Я пойду... к себе... ладно? И провожать меня в этот раз не надо.

– Идите, милочка, идите, – спокойно кивнул док и велел Рэдхэйвену отпустить зачастившую пациентку. Тот, хмыкнув, поставил меня на ноги.

Предатели тут же подкосились, заставив почувствовать себя мягкой игрушкой на бесконечных тряпичных ходулях. Существом из плюша без намека на мышцы и кости.

Я пошатнулась без опоры и плюхнулась грудью на кушетку перед собой, оказавшись носом прямехонько в подушке. И неприлично оттопырив зад перед проклятым мастером.

– Вы еще идете или уже лежите? – флегматично уточнил Граймс, позвякивая инструментами.

– Еще иду... – упрямо промычала, показательно шевеля вялыми конечностями.

Кушетка поехала на колесиках в сторону двери, и моя верхняя часть поехала вместе с ней. Прекрасно, туда мне и надо. Подальше от этих... «диагностов». Мне с целителями, видит Варх, вообще не везет.

– Мисс Ламберт... А давайте вы проявите свой тяжелый, изматывающий нрав в другой раз? – недовольно прорычал

королевский мастер.

На мою пятую точку легли чьи-то сильные пальцы, и кушетка остановилась. Рэдхэйвен развернул меня к себе, подкинул в воздухе и уложил на нее сверху. Откатил обратно к черному окну, под задумчивые очи варховых диагностов.

Новенькая рыжая ассистентка отрешенно перебирала папки на письменном столе и спасать меня не собиралась. Никакой солидарности. И Хендрик нет! Бежать, срочно бежать... Хоть ползком.

– Все, Граймс. Лечите, – строго приказал Рэдхэйвен, и в его голосе впервые послышалась сталь. – А вы, зараз... *мисс Ламберт*, лежите смирно. Иначе...

Наверное, как-то так он и командует подчиненными при дворе. Должны же быть у главного королевского мастера подчиненные?

Док закатил глаза, но промолчал. Достал из серванта пару обезболивающих шариков и, приподняв меня над подушкой, сунул их под затылок. Приятный холод металла мгновенно растекся по коже, заставив онеметь даже мысли.

– Не шевелитесь десять минут, сейчас отпустит, – сухо проинструктировал Граймс, отошел к платяному шкафу и достал из него кожаный чемоданчик. – И в следующий раз, милочка, ищите более безопасное место для поздних романтических встреч. Мое рабочее время давно закончилось!

Граймс запихнул свое тощее, высокое тело в длинное серое пальто и склонился над ассистенткой, закопавшейся в бумаги.

– Я проведу восьмую палату, мисс Лонгвуд, и домой, – поднял воротник, спрятавшись в пальто по самые кончики ушей. – Если что-то срочное – пишите экстренное в «ящик», адрес я вам оставил. И заприте все, как закончите дежурный обход.

– Хорошо, сир Граймс, – заправив рыжую прядь за ухо, деловито пробормотала целительница. – Обезболивающие артефакты сдам на подзарядку перед уходом. Вы за них сами распишетесь или?..

Она бросила неприязненный взгляд в Райса. Пробурчала себе под нос, что *«мрачный тип еще за утреннее обезболивающее не расписался»* и что *«в Тарлинской лечебнице не было такого бардака, за который в итоге прилетит именно ей»*. Чем заслужила долгий и тяжелый взгляд темного магистра. И, судорожно вздохнув, снова уткнулась в бумаги.

– Сам. Утром, если не забуду, – док подошел к моей койке и, небрежно сдвинув волосы, проверил шарики. Кивнул удовлетворенно.
– Лежите, лежите. Утром явитесь ко мне на осмотр. Сами.

За Граймсом захлопнулась дверь, и я облегченно выдохнула. Минус один диагност – это уже что-то.

Рэдхэйвен набросил на меня одеяло и, к прискорбию, никуда из поля зрения не делся. Так и нависал, загораживая потолок и рассматривая мое лицо. Плотно сжатая челюсть намекала на недовольство. Или это было желание придушить?

– Мы оба поспешили на полигон, едва увидели морок, – проворчал мастер, стряхивая со своего плеча комья серебристой паутины. – Но я недооценил чувство юмора сира Райса. Зато, пока ждал, тоже вспомнил пару интересных шуток...

С чувством юмора тут у всех беда. Даже у меня уже начинает отказывать.

Зато щекотные бабочки, онемевшие вместе с телом, все еще лениво ползали в животе. И я продолжала глупо улыбаться, глядя в строгие темные глаза.

Глава 18

Глава 18

Нащупав в кармане свернутую пачку йорганов, я вспомнила встречу с Иллонкой. А ведь пока та штука с щупальцами на меня не полетела, вечер складывался не так и плохо.

Я поцеловалась с Вейном, вернула свои карманные, нашла кое-какие зацепки по совместному проекту. Ужас от встречи с мороком, непонятно откуда взявшиеся чары и болезненный магический откат стерли все приятные ощущения. Но теперь они потихоньку возвращались.

– А вы ловко придумали с душем, – прошептала еле слышно и вряд ли разборчиво: язык тоже онемел.

– Знал, что вам понравится, – мастер почесал щетину и поправил на мне одеяло.

Приятный жест. Необязательный совсем – в кабинете было жарко, как в летний парад светил. Бабочки внутри затрепыхались усерднее, сбрасывая оцепенение от обезболивающего.

Видит Варх, мне было трудно поверить в существование хитанца, заботящегося о ком-то, кроме себя.

– А я сначала решила, что это Кили вас в коридоре зажала... «высочествами» своими... – призналась, плавая в сладком дурмане «Эйфории».

Потянулась к нависавшему Рэдхэйвену пальцами. Пуговички на его рубашке – такие же черные и блестящие, как его глаза, – казались ненастоящими. Бабочковое войско подталкивало меня проверить, точно ли они реальные. Или снова грезятся.

– Высочествами? – недоуменно переспросил он и поймал мои пальцы в воздухе. Положил на свою рубашку, ровно туда, куда я целилась. К черной пуговке. И я аккуратно ее поддела.

Рэдхэйвен даже не дернулся. Словно лучше меня понимал, зачем я эту дурость затеяла. Не для того вовсе, чтобы опередить Килиру и первой заглянуть ему под рубашку. Совсем нет!

Но несносные бабочки устроили своими крыльями в животе форменный пожар. Раз мой карман прожигает увесистая пачка

незаслуженных йоргенов, значит, я угадала... Но я не угадывала и не «взвешивала факты». Я знала ответ.

– Летисия их ей потом примет, она обещала... – задумчиво пробормотала, наблюдая, как он осторожно перемещает мои пальцы ко второй пуговице.

Проклятый мастер смотрел прямо в глаза, жегся взглядом. Грудь под его рубашкой стала вздыматься чаще и хаотичнее.

Я поморгала растерянно. А ведь глаза у него – как тот же Звездносвод. Черные-черные. Но временами – золотые, когда там случается собственный «парад светил».

Игнорируя разум, истошно подающий сигналы бедствия, я расстегнула и вторую пуговицу. И чуть-чуть сдвинула ткань, убеждаясь, что на коже – ни волоска. Еще одна загадка, которую мне точно не стоит разгадывать. Целее буду.

– Здесь есть, – хрипло сообщил Рэдхэйвен, плавно опуская мою руку себе под пупок.

Ощущалось, будто мастер кирпич проглотил – такой твердый был под тканью живот. Варх Всемогущий, что еще входит в его рацион?

– П-проверять не будем, – охнула, одергивая ладонь.

– А я думал, теоретики магии всегда проверяют факты, – бархатно удивился проклятый, вытаскивая нагретые шарики из-под моего плавающего затылка.

– Так, похоже, с «Эйфорией» я переборщил! – гаркнул откуда-то Райс и, прищелкнув пальцами по моему виску, резко забрал всех ошалевших бабочек назад.

А мы с ними уже почти сроднились, ей Варху!

Подумалось, что они все переместились теперь к нему в живот. А то, что Райс мрачный такой, как будто у нас прямо в кабинете дождик собирается, – так это просто шифруется. Боится выдать, что у него там фейерверк из чешуекрылых.

– Рэдхэйвен, отлепитесь от моей студентки и возвращайтесь к юбкам Ее Величества, – хмуро бросил темный и опекающе положил руку на мое плечо.

Королевский мастер влетел в него черным взглядом, разбивая вдребезги сгустившийся воздух между ними.

– «Вашей студентки»? – процедил таким тоном, что, останься у меня в животе бабочки, они бы упали замертво.

– Ну не вашей же? – Райс наморщил свой внушительный нос. – У мисс Ламберт большое будущее. Не вздумайте ей его испортить шутки ради, Рэдхэйвен. Скуку убивайте в Хитане, здесь, в Анжаре, другие порядки.

– Вы забываетесь, Райс, – сухо выплюнул проклятийник и наглухо застегнул свою рубашку.

Я мало понимала происходящее, но стало слегка обидно за Рэдхэйвена. Сир Райс ведь не в курсе студенческого пари и не подозревает, чем вызван мой сугубо теоретический интерес к проклятой рубашке и пуговицам. И потому думает о мастере что-то дурное. Но ведь тот сразу сказал: ничего интимного!

Уффф...

Я приподнялась на кушетке на локтях, огляделась, вздохнула, потеряла гудящий висок. Слишком много потрясений для одного дня.

– Она, быть может, новый неограниченный джантарь! – грубым жестом рубанул воздух Райс. – Первый за пятнадцать лет практики действительно одаренный ученик, плетущий темное кружево чар по наитию, по природе.

– А вы, значит, «огранить» ее задумали? – раздул изящные ноздри Рэдхэйвен и встал между кушеткой и магистром.

– Меня интересуют ее способности, а не юбка, – Райс все-таки сплюнул на чистенький пол кабинета Граймса, и мисс Лонгвуд изумленно ахнула. Снова забормотала что-то про «Гарлинскую лечебницу, в которой за такое рты зашивают».

Ну что за нелепость?

Райс отчего-то считал, что у меня пробудился темный дар. Станный он, ей Варху! Откуда бы во мне, толком ни разу сильную магию не практиковавшей, способности к его дисциплине?

Тех, кому легко даются темные искусства, в Эррене вообще немного. Единицы. Те, кто с трудом, но все же смог освоить «работу с изнанкой», идут в маггвардейцы, инспекторы, мастера защиты... или вот, как Райс, страдают от бестолковых студентов, а ночами латают разрывы.

Но мой мир – это библиотеки, научные трактаты и теории бытовых плетений. Точно не канава на болотах и твари с щупальцами!

– Завтра до занятий жду вас в своем кабинете, – пожевал губу Райс. – О вашем переводе с теоретического я с Керроу договорюсь.

– Вы тоже о тот каменный мешок стукнулись, да? – поинтересовалась участливо.

Он верит, что я добровольно в это впутуюсь? Наивный. Мне первого и последнего опыта «работы с темной стороной» за глаза хватило. До сих пор мутит.

– Хендрик, конечно, упираться будет... – не слыша меня, бурчал Райс. – Но мне не помешает хоть один одаренный ученик, не навевающий тошноту и чувство безнадежности.

– Так, стоп! – я сползла с кушетки и сдвинула с пути проклятого мастера, каменным истуканом испепелявшего Райса. – Я остаюсь на теоретическом. И точка.

Вспомнила короткую дыхательную гимнастику, возвращая себе видимость спокойствия. Сделала пару шагов от мужчин в сторону двери. Ноги уже держали, и это радовало. Сейчас я скажу им все, что думаю, и убегу. Такой вот план. Замечательный!

– Вы ошиблись, сир Райс, – заявила максимально твердо.

Ему не одаренный ученик нужен, а душ, трезвый образ жизни и хорошая заботливая женщина, которая будет кормить супом по вечерам. А то чем дальше, тем больше он в тень изнанки превращается, даже внешне.

– У меня нет никакого дара. То, что случилось на полигоне... – я покосилась в черное стекло, за которым и впрямь хорошо проглядывались очертания ворот боевой зоны. – Просто сработал инстинкт самосохранения. Выброс гормонов в стрессовой ситуации. Никакого «наития» и «природы».

Я спиной пробиралась к спасительной двери, сжимаясь под двумя мрачными взглядами. Аккуратно подбирая слова в надежде, что еще могу спасти свой стабильный мир без потрясений. Такой отчаянно нужный и важный, что дыхание перехватывало.

– Мама часто брала меня в Хитанскую лабораторию, – призналась шепотом, вспоминая самый кошмарный день в моей жизни. – Давала что-нибудь почитать, пока завершает эксперимент, чтобы мы с Фиджем не путались под ногами. В тот раз это были «Основы работы с материей изнанки».

– В тот? – нахмурился Рэдхэйвен, делая шаг ко мне.

– В последний, – тяжело вздохнула, упираясь локтями в дверное полотно. Еще немного, и я на свободе. – Легкое чтиво для

развлечения... Мы с мизауром просто картинки смотрели, схемы всякие. И я... Знаете, я просто очень хорошо помню все, что тогда случилось. Каждый звук, каждый запах. И плетения те со страниц тоже в память вьелись... после взрыва...

– Эйвелин...

– Я повторить не смогу. Честно, – расширила глаза, придавая себе самый искренний вид на свете. И отчаянно надеясь, что кончики ушей не видно в полумраке палаты.

Потому что я хоть и не откровенно врала, но не договаривала. Я действительно листала ту книгу с Фиджем. И плетения рассматривала.

Но не припомню, чтобы там было хоть что-то про фиолетовые ниточки, выпрыгивающие из пальцев. И уж точно там не имелось инструкции, как создать разрыв в материи и отправить монстра на изнанку бытия!

– Мисс Ламберт...

Нет! Не надо этого успокаивающего, снисходительного тона, с каким обычно обращаются к тем, кто не в себе. Кто потерпел крушение надежд и теперь готов разразиться бурной истерикой. Со мной точно так говорил в Хитане мамин начальник. Такой же загорелый эгоистичный сноб, думающий только о себе и своих интересах.

Я в отчаянии махнула рукой, намекая, что Рэдхэйвену лучше остановиться. Перестать аккуратно подбираться ко мне, как хищник к новорожденному гхарру. Но родилась я не вчера и осторожной быть умею.

Фиолетовая дымка сползла с пальцев и за клубилась в воздухе плотной взвесью. Да гхаррово же пробитое копыто... Ну как некстати!

– Это не то, что вы подумали! – чуть не плача, покосилась на ладошку-предательницу, с которой скатывался новый фиолетовый моток.

Нет, нет, мне такое совсем не нужно... Засунься обратно!

– Да что за проклятье? – взвыла возмущенно, размазывая клубок по стене.

Нечисть, что на меня надвигалась, все равно этими ниточками не заарканить.

– Это дар, – выдохнул уверенно Райс, про которого я, видит Варх, уже и забыла.

Рэдхэйвен занимал своей энергетикой все пространство. Все-таки Райсу с ним не тягаться, это сейчас отчетливо чувствовалось.

– Темный дар от природы, – поправил Рэдхэйвен, наполняя на меня черной тенью. – Вот почему вы не пострадали, дотронувшись до морока Кхи-Гарда. Но больше так все равно не делайте.

– Поздновато он пробудился, – бормотал озадаченно наш темный магистр. – Третий курс... Почему сейчас?

– Возможно, это связано со сломанным барьером и экскурсией Тьмы...

– По значным местам, – устало потер лицо Райс.

Вот кто бы говорил!

Набрав побольше воздуха в грудь, я собралась возразить. Но, зацепившись взглядом за задумчивого Рэдхэйвена, решила, что идея с побегом была лучше.

Чем быстрее я неслась по темному коридору, тем проще было поверить, что я смогу убежать от проблем. Ноги пружинили и легко отталкивались от пола, грудь разрывало от шумных вдохов.

Бегать я любила. И сейчас стремительно удалялась не только от двух жутких магистров, но и от ненужного дара. От темных плетений, от тварей с щупальцами, от канав на болотах. От проклятий, разрывов и маггвардейского будущего. Премного благодарна одарившей меня Тьме (или кто там постарался), но не на такую компенсацию ущерба я рассчитывала!

Миновав магистерский корпус, я припустила к очередному коридору-переходу. Здесь было совсем плохо с освещением, и мне снова начали мерещиться расплывчатые тени с хоботками и желтыми глазами.

Зажмурилась, чтобы прогнать видение. И вскрикнула, когда на локте сжались чьи-то пальцы.

Он подкрался совершенно бесшумно. Словно из стенки выпрыгнул или из сгущающейся в углу темноты!

– Мы с вами еще не договорили, Эйвелин, – Рэдхэйвен рывком оттеснил меня к стене, вжал лопатками в черную тень. Навис перед самым носом и тяжело задышал.

– Ваше общество становится слишком навязчивым, сир, – строго посмотрела на проклятого мужика.

Он меня до чертиков напугал своим внезапным появлением из темноты.

– Привыкайте, – фыркнул тот, сверкая глазами. Вид такой, словно я снова в чем-то проштрафилась.

– Отпустите!

– Не отпущу. Я могу, стиснув зубы, пережить кураторство Райса. Преподает он лучше, чем пахнет, – прохрипел Рэдхэйвен, сжимая мои локти. – Могу перетерпеть мучительно долгие дни, пока вы ко мне привыкаете. Пока дергаетесь из-за ерунды, краснеете до ушей и старательно изображаете амнезию.

– Не изображаю я ничего...

Сердце в груди ходуном ходило, сжимаясь от дурных предчувствий. *Так* проклятый хитанец на меня еще не смотрел.

– Могу дать вам время... много времени... Сколько выдержу – все ваше, – горячий палец грубо прошелся по моим губам. – Но, Варх дери, какого гхарра вы творили на полигоне?!

– На полигоне? Я ведь сказала уже, что эти магические нитки сами появились, – сдавленно прошептала, с опаской демонстрируя Рэдхэйвену чистые ладони. А ну как фиолетовый моток опять из них выпрыгнет.

– Я не про чары, – он сурово сдвинул брови и ткнулся своим загорелым носом в мой. Не рискнула отталкивать мужчину. Пах он не в пример приятнее Райса. – Ровейн Диккинс.

– А что с ним не так?

– Все с ним не так!

Вообще, он прав, конечно. С Диккинсом вечно все не так. Я бы и хотела, чтобы было «так», но не выходит почему-то.

– Вы не будете с ним готовить совместный проект. Это не обсуждается, – он оторвался от меня и сложил руки на груди.

– И те возражения по заявке...

– Это мои возражения, – кивнул проклятый маг. Практически смертник без двух минут. Так меня с научным проектом еще не опрокидывали. – На бал, разумеется, ему тоже придется пойти с кем-то другим.

– Вы, часом, не огхаррели? – сощурила глаза.

За плечами Рэдхэйвена возвышалась та самая статуя Имиры, загадочно на нас поглядывая из-за волн золотистых волос. Всем своим

соблазнительным и слабо одетым видом намекая на непотребства, которые тайно происходят за ее спиной.

Я ведь тоже туда собиралась... с Вейном.

– Предупреждаю, мисс Ламберт: если вы еще хоть раз позволите ему к себе прикоснуться, мне придется лишиться его... кхм... способности прикасаться. Со мной шутить очень опасно. Очень.

Остолбенев от немыслимой наглости Его Проклинательства, я даже дар речи на миг утратила.

– Точно огхаррели, – закивала изумленно, глядя в черные воронки, наполняющиеся мраком.

Самодовольный квахар!

Да будь он даже детенышем каффы, я бы его гладить не стала!

– Вы меня вынудили, – Рэдхэйвен резко выдохнул и завел руки за спину. Поджал губы, прокряхтел какие-то ругательства. И, сделав несколько шагов по коридору, толкнул дверь в кабинет Мюблиума. – Входите, я вам объясню расклад, мисс Ламберт.

– Здесь объясняйте, – с опаской заглянула в темное нутро небольшого помещения, уставленного шкафами.

И тут же была требовательно пропихнута внутрь, несмотря на вялое сопротивление.

– Да что вам от меня нужно, сир?! – взвилась нервно и выдернула локоть.

Вспомнить бы те руны фиолетовые, что в воздухе полигона висели. Создать кро-о-ошечный разрывчик материи. И отправить треклятого Рэдхэйвена прогуляться по изнанке! Обычно я мирный теоретик, но не сегодня, не сегодня.

– Я ведь ясно выразился. Вынужден запретить вам тесное общение с этим... Ровейном, – имя процедил, будто ядом траванулся. – Ни проектов, ни танцев, ни поцелуев на полигоне. Доступно?

Доступно. Он тоже где-то обо что-то ударился. Бывает.

– И по какому такому праву вы мне все это запрещаете? – хмыкнула с жалостливой усмешкой.

– По такому, по такому... По законному праву, Эйвелин, – промычал себе под нос, зажигая настенные светильники.

В кабинете пахло бумагами, старостью и Мюблиумом. И еще немножко проклятым хитанцем, привнесшим свой аромат в пространство.

– Я обещал кое-что вашему отцу...

Ничуть меня не смущаясь, он бросил свой смятый мундир на письменный стол, расстегнул самую верхнюю пуговку на рубашке и размял затекшую шею до хруста. С силой потер лицо и уставился на меня тяжелым взглядом.

– Что обещали? – осела на хлипкий стул.

Слишком много с меня сегодня... всякого.

– Что сообщу вам «новости» позже. Как разберусь с делами и смогу вернуться в этот ваш... Аквелук...

Он подошел, оперся на спинку стула, уложив ладони по обе стороны от моих подрагивающих плеч, и нагнулся к самому лицу.

– Но в данных обстоятельствах не вижу смысла и дальше оберегать вас от реальности, – прошептал вкрадчиво. – Тем более, иногда мне кажется, что это реальность надо оберегать от вас. Ваш отец не намекал, какую оплату я потребовал за ваше спасение?

– Я не спрашивала. Но догадываюсь, – я гордо вздернула подбородок, обещая себе, что в этот раз ему не удастся меня смутить. Гхаррушки.

– Правда? – его голос искрил неподдельным удивлением.

– Родовой артефакт, принадлежавший матери. Между прочим, бесценный. Я понимаю, вы не знали о ее гибели...

– Знал.

– Тогда это низко и подло – забрать памятную семейную реликвию ради своих неведомых...

– С чего ж вы взяли, что забрал? – темная бровь недоуменно приподнялась.

– Да как это с чего? Артефакт пропал из-под защитного купола!

Я обвинительно ткнула пальчиком в его грудь, пытаясь от себя отпихнуть. Хоть немножко. Он решительно не отпихивался.

– Значит, ваш папаша отдал его в чистку, – Рэдхэйвен невозмутимо пожал плечами. – Артефакт впитал остаточные сгустки тьмы, что могло дурно отразиться на его свойствах.

– Так вы его не забрали? – для будущего ученого я слишком медленно соображала.

Что мамин любимый артефакт остался в доме – это хорошо. Но что тогда приглянулось столичному гостю? Особо ценных книг в

нашей библиотеке нет, да и случайного сундука с йоргенами под диваном не завалилось.

– Нет, мисс Ламберт. Я куда более эгоистичная сволочь, чем вы думаете, – его щекотный взгляд привычно упал на мои губы, и теплое дыхание согрело подбородок. Я заерзала на стуле: слишком близко! – Я потребовал для себя кое-что другое... Не мог не потребовать. Не справился с соблазном. Так уж вышло, Эйвелин. А теперь назад пути нет. Ни для вас, ни для меня.

– Вы меня немного пугаете, – призналась на выдохе.

– Бояться меня – вполне разумно с вашей стороны, – согласился Рэдхэйвен. – Ведь я планирую взять то, что попросил.

Он посмотрел так остро, словно каждым глазом насквозь проткнул. Тело, превратившееся в решето, завибрировало, отбивая стулом глухую дробь.

Что могло пригнуться самовлюбленному, избалованному столицей, отчаянно скучающему мужчине, оказавшемуся в Вархом забытом Аквелуке?

– Что п-попросили? – сглотнула обреченно.

– Вы все уже поняли. Вы же умная девочка. Лучший теоретик магии на курсе, – он позволил себе покровительственную улыбку.

Мой крепкий стабильный мир рушился под ногами. Разбивался на миллион осколков, оставаясь обманчиво надежным и цельным лишь с виду.

– Меня?

– Вас.

– Но зачем? – вырвалось из приоткрытого рта, привлекавшего сейчас все внимание Рэдхэйвена.

– Что «зачем»?

– Зачем вы попросили меня?

В голове не укладывалось! Разве способен один разумный, прогрессивно мыслящий человек попросить в качестве оплаты другого? Ослышалась я, может?

– Весьма неожиданный вопрос... Не представляю, что вам на него ответить, – мерзавец невозмутимо пожал плечом.

– Отец не имел права без моего согласия отдавать меня кому вздумается, – заверила проклятого мужика, Варх знает что о себе возомнившего.

Рабство в Эррене так-то отменили тысячу лет назад!

– Полагаете?

– Полагаю, – нахмурилась сердито.

– А магический контракт, который мы с ним скрепили, посчитал иначе, – и снова раздражающе ленивое движение варховых плеч. – И совершенно спокойно позволил заключить эту... кхм... щекотливую сделку.

«Щекотливую»? Боги Эррена, да что он туда вообще вписал?!

– Он не мог. Папа не мог! За что он так со мной?

Мастер проклятий дернулся, но тут же стер невнятную эмоцию с лица. Посмотрел на меня странно.

– Мистер Ламберт любезно предложил дать мне все, что угодно, за вашу спасенную жизнь, – обманчиво холодно выдал Рэдхэйвен. – Так вот... Мне угодно вас.

– Погодите! – воздух стал колючим и плотным и начал застревать в горле. – А в каком... ради святого гхарра... *смысле* вам меня угодно?

– В самых разнообразных, – он больше не улыбался. Ни губами, ни глазами. Не давая мне даже крошечного повода решить, что это все глупая шутка заскучившего хитанца. – И в том, о котором вы подумали, тоже.

Не то чтобы я думала до этой минуты о каком-то конкретном смысле. Но вот сейчас подумала, да. Ошеломленно поморгала, разглядывая профиль совершенно чужого, незнакомого мужчины.

– Ваши уши так забавно краснеют, – выдохнул Рэдхэйвен мне в лицо. – Как раскаленное железо. Похоже на островитянок с Маути. А щеки обычно совсем слегка розовеют... как цветочные лепестки. Но вот сейчас тоже абсолютно красные.

– Вы серьезно это все? Про разнообразные смыслы? – уточнила, пытаюсь сфокусироваться на его губах.

Представила, как они скажут, что Рэдхэйвен меня разыграл. Смутить захотел, на уши красные полюбоваться. Мало ли какие у них при дворе любимые развлечения?

– Серьезно, Эйвелин. Настолько серьезно, что... – его пальцы сжались на спинке моего стула, и та жалобно скрипнула, требуя пощады.

Я задохнулась от возмущения. Прямо почувствовала, как побелела от ужаса. Затем побагровела от ярости. И наконец стала совсем черной

от жажды немедленно осуществить удушение одного не в меру одаренного фантазией проклинателя!

– Я, конечно, благодарна вам за спасение, но если вы рассчитываете, что... – я снова продолжила радужные метаморфозы и покраснела до глубины души, пытаясь прилично сформулировать нечто абсолютно неприличное. – Что я пойду с вами в постель, чтобы эту самую благодарность выразить...

– Я вас не тороплю. Как уже сказал, я достаточно терпелив. Я дам вам время, много времени, мисс Ламберт, – сдержанно заверил столичный гад. – На данном этапе нашего общения мне достаточно того, что мы оба знаем расклад: вы – моя. И ничья больше. В этом плане я жутко эгоистичный, властолюбивый и...

– И недощипанный, – договорила очевидное. – Знаете, а я чуть было не решила, что вы нормальный. Что непохожи на других хитанцев и умеете хоть иногда думать о ком-то, кроме себя.

Грудь распирало сожалением: как жестоко я в нем обманулась. Знала ведь, что нет исключений из правил. И все равно на секунду поверила. Захотела поверить. А еще лучший теоретик на курсе!

– При первом знакомстве вам удалось вполне сносно меня прочесть, – он оттолкнулся от стула, сделал пару шагов назад и уперся спиной в высокий шкаф. – Попали в точку, как маг-сапер в отделе обезвреживания старинных артефактов. Я не слишком ценю жизнь – ни свою, ни чужую – и весьма эгоистичен. Я не герой и берусь лишь за ту работу, что мне интересна или для чего-то нужна. Чтобы не скучать, например. Впрочем, как выяснилось, никто не застрахован от глупостей.

– Вот смотрю на вас и уже ненавижу, хотя совсем не знаю, – пробормотала угрюмо, все еще слабо веря в реальность происходящего.

– Можете пока ненавидеть. Главное, не забывайте, что связаны контрактом и принадлежите мне согласно договору. Не создавайте проблемы своему отцу.

Он словно намеренно меня раздражал, взывая к демонам гнева, что живут на самой изнанке души!

– Это не так. И никогда не будет, – вскочила со стула и помахала указательным пальцем перед его самодовольным загорелым носом. – И

если вы вдруг решили таким нелепым образом наказать меня за слова, по глупости сказанные в парке...

– Ох, мисс Ламберт. Чем больше я вас узнаю, тем сильнее уверяюсь, что наказать я решил себя.

Он кивнул на дверь, намекая, что аудиенция у его сиятельной персоны окончена. И я могу с миром топтать по своим делам – переваривать «расклад».

Шумно выдохнув и передернув плечами, я направилась к выходу. Завтра же утром сообщу Керроу, что его приглашенный «мастер на все руки и не только» абсолютно спятил. И предлагает по ночам студенткам всякие непристойности.

Пускай ректор напишет Ее Величеству. И в Королевский образовательный совет заодно. Расскажет, что ее карманный страж отбил от рук и заимел виды на чужие юбки.

Совсем огхаррел!

В разнообразных смыслах ему меня, видите ли, угодно!

– Плохая затея, – прилетело в мою нервно дергающуюся спину. – Контракт заключен в соответствии с законами магии Эррена. Вам его не разорвать. Только лишнее внимание к деликатной теме привлечете. Вы ведь не хотите поставить всю академию в известность о нашем с вашим отцом соглашении?

Дышать. Глубоко, ровно, так, словно внутри надувается шарик. Уффф. И медленно сдувается. Фффух. И снова расширяет легкие, заполняя их легкостью, уверенностью, беспричинной радостью...

...и желанием убивать!

– И давайте без глупых затей. Я буду отстаивать свое право на вас, это вопрос чести, – укрепил это желание Рэдхэйвен. – В интересах своего друга, что бы у вас ни происходило с этим... Ровейном, заканчиваете это поскорее. И раз уж мы с вами предельно откровенны...

– Что-то еще? – обернулась возмущенно.

– У вас очень чистая, яркая аура, мисс Ламберт. Да, я тоже ее вижу. И рассчитываю наблюдать ее и дальше, до тех пор, пока мы...

Кажется, я совсем дышать перестала. И к финалу пафосной речи на тему «не вздумайте кувыркаться со своим поклонником» задохнулась окончательно. В глазах потемнело, и я наощупь выбралась из кабинета Мюблиума.

Мысли в голове взрывались и гасли, озаряя сознание короткими вспышками. Промелькнуло что-то про суп из жилистого квахара... И про отбитый в медовом сиропе филей аквелукского гхарра... И про поджаренных мастеров проклятий, нашпигованных незрелыми альта-цитронами... Видно, сказывалось отсутствие обеда и ужина: на одних крекерах долго не протянешь.

Чувствуя, что еще чуть-чуть – и платье порвется от распирающего грудь кошмара, я побежала к себе в спальню. В глубине души понимая, что вархов контракт – не та проблема, от которой легко оторваться, оставив далеко позади. Даже в беговых тапочках.

Влетела в нашу комнату и, не обнаружив соседок, распахнула окно. Освежающий запах ночи ворвался в спальню, ветер разметал влажные волосы по плечам. Я не придавала большое значение внешнему виду, но после обморока в луже на полигоне тело явно просило душа, а платье – стирки.

Резко рванула жакет, пара пуговиц отлетела на пол. Расправилась с застежкой платья, выправила нижнюю блузу и оперлась руками о подоконник.

«Дыши!» – приказала себе, завидев сонм черных точек перед глазами.

И я дышала – шумно, надрывно. С подступающей истерикой, с соленым привкусом слез во рту.

– Убью, – прохрипела, когда наконец появился голос, сползла на пол, накрыла щеки ладонями и обиженно разревелась.

Чем склеивать разбившийся вдребезги привычный «мир без потрясений», я не знала.

Глава 19

Глава 19

Нет, я не взорвалась. И маленькой ямки на месте крушения надежд не образовалось.

Утро над Анжаром случилось по расписанию. Бледное осеннее солнце размазалось по куполам, венчавшим академические корпуса. Несколько лучей заглянуло и в нашу спальню, сигналивая о том, что пора вставать, если хочу совершить задуманное.

Сумка была собрана еще со вчера. Наплакавшись всласть и заткнув Фиджа засохшим имбирным печеньем, я поспешила вернуться в зону комфорта. И принялась делать то, что умею: думать, сверять факты, составлять план действий и все такое.

Но все пункты упирались в один большой и жирный вопросительный знак. Мне не хватало данных. А те, что имелись под рукой, не мешало бы проверить. Что я за ученый такой, если всему верю на слово?

Так что, проигнорировав приглашение Райса и прием у целителя, я сунула в магпочтовый ящик записку для ректора. В ней говорилось, что *«мисс Ламберт покидает Анжарскую академию на два выходных по срочным семейным обстоятельствам и обязуется вернуться к учебному дню»*.

Ни одного ученического вояжера, как назло, на стоянке не нашлось. И за воротами царила такая же пустота. Понятное дело: раннее утро, водители спят, транспорт отдыхает.

До ближайшей общественной остановки – час пешком вдоль бесконечных заболоченных лесов. А оттуда – еще шесть по кочкам в разболтанном маг-вояжере. И на следующий день – столько же в обратную сторону, чтобы успеть вернуться к вечеру. Чудесное я себе выбрала развлечение на выходные.

Можно было просто написать отцу и прояснить нюансы «щекотливого расклада», но... Нет, я хотела посмотреть ему в глаза. Человеку, завтракавшему со мной за одним столом и даже не намекнувшему, что отдал меня «проезжему целителю»!

Я бросила сердитый взгляд в небо, пытаюсь разыскать внутри себя хоть каплю умиротворения. В груди kloкотало ничуть не меньше, чем вчера. В горле горько булькало чувство вселенской несправедливости.

Хотелось кричать, что такого со мной не могло произойти. А значит, и не произошло. Но подобная логика работала только в сказках.

Над шпилем самой высокой башни, венчавшей ректорской корпус, парило воздушное судно. Не то, что висело в воздухе в день приезда, другое какое-то. С подозрительно знакомой эмблемой, отдававшей во рту сладковатым привкусом тьмы. Загогулины эти я видела не раз на мундире одного квахара.

– Очередной побег? – хмыкнули в мой затылок, и я резко опустила голову и испуганно схватилась за сумку.

В ней всего-то ничего лежало – пачка йогуртов на билет, бутылка с водой, крекеры и... да, сонный «чубурашка», отказавшийся добровольно сдаваться в питомник. А на борьбу с Фиджем у меня не было с утра сил.

– Мне нужно в Аквелук. По личным делам, сир, – подчеркнуто вежливо ответила рабовладельцу.

Суп я из него потом сварю. Попозже, как рецепт у Долии выведаю.

– Аа... Решили проверить информацию? – хитанец расправил плечи и тоже поглядел в небо, улыбаясь новому дню.

Вид у мерзавца был такой, словно он, лишив меня сна, сам дрых как младенец и прекрасно отдохнул.

– Я всегда проверяю факты, – просопела в кулак. – Я учусь на теормаге, мастер Рэдхэйвен.

– Даннтиэль. Или просто Данн.

– Мастер Рэдхэйвен.

Сказал бы спасибо, что не гхарр линияющий! Квахар недощипанный!

Вздумал меня купить... для всяких там угодных ему смыслов!

– Любите путешествовать в вояжерах? – он недоверчиво сощурил глаза. – Путь неблизкий... А дороги тут препаршивые.

Я медленно вдохнула. Выдохнула. Ну какой же гад.

– Меня на частных воздушных судах не катают, – ележно улыбнулась мужчине.

Я вообще пару раз всего летала, и то в детстве. Еще с мамой. Отец небесный транспорт на дух не переносит.

– Как удачно, что меня... кхм... «катают». Пойдемте.

Рэдхэйвен потянул за ремешок моей сумки, но быстро одернул руку, когда из просвета показалась заспанная морда Фиджериуса. А тот спросонок выглядит не ахти. И легко может перепутать пальцы с печеньем.

– Аккуратнее, сир, – застегнула молнию на сумке, пряча любопытную голубоглазую морду. – Уверена, ваши конечности бесценны для короны. Все вместе и каждая по отдельности.

– Хмм?

– Оттяпает, говорю. Не суйте лапы, – поправила ремень на плече. – Вообще ничего не суйте, и нос тоже.

И зачем я забочусь о рабовладельце? Оттяпает – мне же лучше. А то, что Ее Величество не уследила за *своим* неугомонным питомцем – ее проблемы.

Рисса подтвердила: Иллонка не шутила про роман королевского мастера проклятий и, собственно, самой королевы. Даже «Вестник» про это, оказывается, писал. И из-за этого неприятное, горчащее ощущение расплзлось внутри. Вот ведь квахар.

– Так подбросить вас в Аквелук? Эйвелин? – одернул Рэдхэйвен и, не дожидаясь ответа, потянул за руку к крыльцу. – У меня срочные дела в Хитане. Должен отлучиться на все выходные.

– Срочные? – пригляделась сквозь ресницы к надменному профилю.

Уверена, он прекрасно умеет блефовать, и ни гхарра я не пойму, если врать начнет. У таких негодяев уши не краснеют.

– Я задержался тут дольше, чем рассчитывал.

Выходит, частное судно на службе Ее Величества и впрямь прилетело за проклятым магом. Чихнуть без него не могут, ей Варху. Вот какой незаменимый до последней конечности.

– Но обратно вам придется добираться вояжером, – увлекая меня вверх по наружной винтовой лестнице, прокричал Рэдхэйвен. – Я буду возвращаться поздно... и в весьма неудобное время.

Пользуясь тем, что он снова отвернулся, я скривилась. Не то чтобы меня ревностью укололо, нет. С чего бы? Просто... это как-то

гадко! Связать меня нерушимым контрактом, а самому по первому зову королевы в Хитану мотаться. На все выходные.

Даже моему мизауру понятно, что рабочие вопросы решают в рабочее время, а личные – в личное. А Фидж неместный. И вообще выведенный искусственно.

– Что стряслось в сиятельной столице? Ее Величество сломала каблук и уверена, что это проклятье? – предположила с усмешкой. – Надела корону зубцами вниз и поранила носик? Надо подуть, чтобы прошло?

И откуда во мне столько желчи взялось? Уверенность, что Даннтиэль, как и я, сорвался из академии по личному делу, крепла с каждой пройденной ступенькой.

– Маленькая зеленоглазая язва, – сжал покрепче мои пальцы и обернулся на ходу. – Иногда дела короны – это и впрямь дела короны.

– «Иногда». То есть нечасто, да? – прибила его тяжелым взглядом, но он даже не дернулся.

Значит, недостаточно тяжелым. В следующий раз взглядом не ограничусь.

Казалось, мы летим в золотых облаках, и где-то тут восседает Варх Всемогущий. Может, и не зря практично-верующая Рисса все время в небо смотрит, когда выпрашивает у богов всякие милости.

Воздушное судно слегка покачивало на встречных потоках. Иногда оно резко задирало нос, как анжарский скакун, вставший на дыбы. Раздавался хлопок, взрывалась очередная порция темного топлива. Чары, наложенные на транспорт, звенели, радуясь новой пище. И судно резво набирало скорость.

Каждый раз, когда это случалось, я негромко вскрикивала, зажимая рот ладонью. Глядела с сожалением вниз – туда, где остался мой «стабильный мир без потрясений», – и испуганно хваталась за поручни.

– Редко летаете? – когда я взвизгнула в третий раз, на мое плечо приземлилась рука.

– Никогда не летаю, – вытолкнула из похолодевших губ, прижимая к себе сумку с мизауром. Внутри нее было подозрительно тихо, и только на воздушных кочках раздавалась ругань, сообщающая о том, как Фиджа это зачубурахало. – Оно всегда так... прыгает?

– Я велел ускориться из-за небольшого крюка и посадки в Аквелуке, – пояснил Рэдхэйвен.

Я снова ахнула, когда судно резко накренилось влево, и я накренилась вместе с ним. Вляпалась щекой в проклинателя, и тот собственнически приобнял меня за талию, возвращая телу стабильность.

– Я попрошу сбавить обороты...

– Не надо, – аккуратно отпихнулась от мужчины и покрепче взялась за поручень. – Вы делаете крюк из-за меня и не должны опоздать.

Это все не укладывалось в голове. Совершенно пустое частное судно везет только меня и королевского мастера! Я заглядывала пару раз в воздушную гавань Аквелука, там народу битком, и все кричат, толкаются. А тут – тишина. Стой себе один у защитного поручня и смотри на облака.

Видимо, Ее Величество очень ценит своего мастера проклятий. За глаза, за профессионализм или еще за что-нибудь, о чем мне лучше не думать. Возможно, королеве Рэдхэйвен тоже угоден в самых разнообразных смыслах.

– Не скучайте, – нахально заявил незаменимый квахар, когда мы замедлились и начали снижаться.

Внизу стремительно рос аквелукский парк, усаженный краснолистыми турами, кленами-зубцами и плакучими гавами. С фонтаном в центре, застывшим бездвижно в ожидании весны.

Впервые видела, чтобы судно садилось прямо на лужайке. Посреди парка! Разметав под собой перепуганных прохожих и примяв пару кустов. Очень по-хитански.

В доме оказалось пусто. Доля, судя по оставленной на кухне записке, отправилась на главный аквелукский базар за свежим мясом и овощами. А отец...

Вряд ли же сбежал первым рейсом в Либтоун, прикрывшись делами? Лишь бы не объяснять, какого гхарра некий хитанец утверждает, что отныне я его собственность? Хотя рабовладельческий строй был упразднен в Эррене тысячу лет назад!

Но я намеренно не предупредила папу о своем визите. Значит, вернется.

Я взяла со стола позабытую Долией тряпку и принялась задумчиво стирать пыль с каминной полки. Артефакт, так любимый мамой при жизни, снова стоял под куполом. Чистый, блестящий... Сияющий моими грядущими неприятностями.

Меня укачало в варховом судне и клонило в сон. В ожидании отца я поднялась в спальню и собралась завалиться в кровать, но...

– Проклятье! – всплеснула руками, отбросив на пол грязную тряпку.

– Эйфф? – из сумки показалась заспанная мохнатая морда. – Мы уже дочубурахались?

– Дочубурахались, – выдохнула ошеломленно, скользя взглядом по покрывалу.

С трудом могла представить, что вот на этих розовых рюшах лежал полуобнаженный мужчина. Не какой-нибудь абстрактный, а конкретный очень. Вархов Рэдхэйвен, черноглазый мастер проклятий...

Клал тяжелую голову на кружевную подушку, вминался в нее заросшей щекой поудобнее. Накрывался одеялом.

Касался... меня.

Я мягко опустила сумку на пол, позволяя Фиджу выбраться и размять лапы. Подошла к постели, провела ладонью по шелковой глади покрывала.

Зажмурилась, и моя довольная память мгновенно подбросила пачку чувственных воспоминаний. Хрипы, вздохи, стоны, ругательства... Скольжение пальцев по моей голой спине. Жадные, требовательные, чуть грубоватые губы между ключиц.

Тьма!

Его язык на моей шее. Несущий муку, но в то же время волнующий... Укус, еще один. Я чуть не вскрикнула: так ясно все представила. Коснулась шеи, без труда найдя отметины зубов. Негодяй!

Снова сиплая ругань и ноющая боль в бедре, которое сжали безжалостно... Невыносимо вкусный запах, колючая щека. Скрип деревянного изголовья, из которого тянут последние жилы.

«Ох, зараза, за что ты так со мной?»

Коснулась пальцами изголовья, нащупала след от ногтей. Глубокий, словно его дикий зверь драл. Проследила кривую,

дерганную дорожку... и резко оторвала руку от кровати. Проклятье!

Живот крутило, глаза застилала чернота. Кожа горела, словно он вот прямо сейчас ко мне прикасался. Щупал везде. Сжимал яростно. Гладил невыносимо.

Ничего интимного, мисс Ламберт... Это просто лечение, мисс Ламберт!

Сжавшись в комок, я уселась перед кроватью и обхватила колени. Не могла заставить себя улечься на розовых рюшах.

Зефирный интерьер у меня раньше ассоциировался с мамой и беззаботным детством. Был этакой зоной комфорта, в которой можно спрятаться от невзгод. Но этот самодовольный квахар в парадном мундире и тут все испоганил!

Почему Рэдхэйвен попросил меня?

Хотя... Какое там «попросил»? Потребовал!

И в каких еще смыслах (кроме известного и даже новорожденному гхарру понятного) ему меня угодно?

Очнулась я только к вечеру. На полу. Все тело ныло, и я прокляла себя за то, что проигнорировала мягкую кровать. Очень неразумное поведение! Наверняка же Долия сменила простыни после нашего с «проезжим целителем» отъезда... Фидж вот без всякого смущения вольготно растянулся между подушек.

Ужинали мы с Долией вдвоем: отец должен был вернуться из Либтоуна только к ночи. Болтали о том о сем... В основном о загорелом сире в заляпанном плаще, что заявился в наш дом в день памяти матери и предложил свои услуги.

И еще о том, как Долия обыскалась плотных сорочек в магазинчиках Аквелука и в итоге прикупила их в лавке у храма Имиры. Почему-то хитанец потребовал, чтобы на мне всегда были новые, а сама я – свежая и искупанная. Мерзавец!

Потом экономка долго рассказывала мне любимый рецепт супа из молодого квахара. Подается со сметаной и ржаными тостами. И так загорелась идеей, что обещала завтра же его приготовить до моего отъезда.

– Эйви?

Мой сюрприз удался: отец поперхнулся, закашлялся и спал с лица, застряв на пороге кухни. Бросил нервный взгляд в темноту за окном.

Там как раз отъезжал маг-вояжер, следуя по маршруту.

– Я бегаю быстрее, – предупредила родителя, чтобы даже не думал бросаться к выходу.

– Знаю, малышка.

Я попыталась улыбнуться, но по тому, как папа отшатнулся, поняла, что ни гхарра у меня не вышло.

– Нам бы поговорить. Но можешь сначала поесть: Долия запекла филе гхарра в яблоках, – разрешила милостиво, буравя его глазами.

– Да что-то аппетит пропал, милая, – пробурчал отец, бросая на пол чемодан и свернутую трубочкой газету. Прошелся отрешенно по коридору, повесил плащ и, судя по скрипу, завалился в свое кресло в библиотеке. – Ты идешь, Эйви?

Вот так сразу? Иду... Конечно, иду.

– Если бы ты предупредила о приезде, я бы вернулся раньше, – он почесал седой висок и посмотрел на меня виновато.

Ну-ну... или бы скрылся в ташерских льдах.

– Па-а-ап... – я опустила на край стола, сдвинув бедром неразобранную стопку книг.

– Он сказал, да? – потер лицо, сгоняя с щек сонную расслабленность.

– Сказал.

– Вот и верь после того хитанцам. Обещал ведь дать время!

– Я надеялась, что сир Рэдхэйвен ошибается. Заблуждается. Нагло врет, – перечислила варианты, пытливо всматриваясь в его морщины. Я всегда чувствовала, если папа недоговаривает. – Он утверждает, что ты... Ему! Меня...

– Не ошибается, – выдал убийственно честно, откидываясь на спинку кресла. – Не заблуждается. Не врет. Эйви, ты не должна была узнать об этом сейчас. Вот так.

– Правда? – вскочила со стола и принялась наматывать круги по библиотеке. – А как бы я узнала?

– Как положено, – пожал плечами. – Официально. Он бы приехал с коротким визитом... Попросил бы для виду, как это всегда бывает.

– А это часто бывает? – ужаснулась дикостям столь прогрессивного мира. Многого же я не знаю об Эррене. – Они... хитанцы эти... вот так берут, приезжают, просят чего угодно... и им дают?!

– Ну отчего бы не дать? – вздохнул отец, вгоняя меня в шок. – Если официально и как положено. В тебе, между прочим, как и в матери, течет кровь тэль Лаэлей. Смешанная, конечно, и забытая в веках, но...

– Папа! – возмутилась с обидой. – Я ведь не какой-нибудь анжарский скакун, чтобы продавать меня первому встречному! И кому? Столичному выскочке, по выходным шуршащему королевскими юбками в поисках неожиданностей...

– Эйвелин! – резко осек меня отец. – Давай, пожалуйста, без грязных газетных сплетен и непристойностей в нашем доме? Я не мог отказать. Любого другого я бы послал к гхаррам в филейные закрома. А *этому* столичному выскочке – не мог!

В голове не укладывалось. Этот загорелый сноб потребовал меня себе для «всяких разных смыслов», а папа спокойно согласился? Подмахнул контракт не глядя? Еще и вид делает, что все в порядке!

– Я бы, конечно, намекнул тебе перед его приездом, что вот, мол... уговор есть уговор. И выбирать не приходится, – растерянно озирался отец, поглаживая взглядом стеллажи, забитые мамиными книгами. – Чтобы неожиданностью большой не было. А там, глядишь, до свадьбы и попривыкла бы к этой мысли. Бабку твою за деда тоже так выдали, и ничего. Очень счастливая была потом...

Я снова плюхнулась задом на стол, и книжная стопка пошатнулась.

– До какой... к гхаррам... свадьбы? – процедила, расширив до слез глаза. Но бешеные черные мошки, танцевавшие перед ними, никуда не исчезли.

– А они какими-то разными бывают, малышка? – отец ласково похлопал меня по коленке, и я дернулась. Одна из книжек с грохотом сорвалась вниз и шлепнулась на ковер.

Мошки, плясавшие перед глазами, ускорились. Вся эта круговерть теперь напоминала старинный анжарский танец. Шустрый такой, с выкидыванием колен и задиранием юбок.

– Ты ж сказала, что сир Рэдхэйвен оповестил тебя о своих... эмм... намерениях? – папа погладил меня по горячей щеке, и его рука показалась ледяной, колючей.

– Оповестил, – буркнула и гневно засопела, припоминая беседу о «самых разнообразных смыслах», в которых ему, этому сиру

Рэдхэйвену, было меня, видите ли, угодно. – Так он, выходит, меня... на мне...

– Женится? Разумеется, Эйвелин. Наш договор касался этого, – «успокоил» папенька.

Час от часу не легче! Даже не сразу поняла, хуже это или лучше. А потом как поняла... Конечно, хуже! Не в одноразовое пользование меня берет, а на целый абонемент претендует. Для всяких разных смыслов.

– И чем ты думал, пап, когда соглашался на свадьбу? – упрекающе покачала головой.

Мой отец не самый прогрессивный в мире мужчина. И не самый самостоятельный, без Долии и недели бы не протянул. Важные решения ему тяжело даются: раньше их принимала мама.

– Малышка... Не злись, – продолжил гладить по щеке. – В тот день мне казалось, что я ничего не теряю. Ты умирала, Эйви. Никто не мог тебе помочь, а этот мужчина... Он смог. Не знаю, право слово, как ему это удалось, но он вернул мне мою девочку. Я пообещал ему все что угодно. Пойми... за твою жизнь я бы и душу отдал.

– Ты и отдал... просто мою, – флегматично пожала плечами, скатываясь на его подлокотник и опуская гудящую голову на плечо своего старика.

Тейка бы сейчас тут спектакль устроила. Трагикомический. Но у меня после нескольких часов на полу ни на что не было сил. Да и актерского таланта у меня в разы меньше, чем у мисс дир Папиллон.

– Я дал слово, дочка. Я его сдержал, – вздохнул отец. – Кто же знал, что этот хитанец захочет тебя. Он утверждал, что ты категорически не в его вкусе!

Даже так? Ну и ладно! Он тоже не в моем совершенно.

А в моем... Диккинс, вон, в моем. Среднестатистический и неспособный мало-мальски удивить. Зато рядом с ним я всегда ощущаю почву под ногами. А с этим хитанцем кошмар форменный. Вот как на воздушном судне – туда-сюда качает. В основном в сторону злости и ярости, и лишь изредка – благодарности.

Обида скребла по ребрам. Если я не в его вкусе, то что за глупая прихоть? Еще и свадьба! Этому снобу в столице настолько скучно, что все прочие развлечения уже перепробовал?

У него ведь есть расфуфыренное величество, к которой Рэдхэйвен несется по первому зову. А если пожелает, комплектом к ней добровольно пойдут Килира с Летисией и их оттопыренные «высочества»... И еще Варх знает сколько девиц разной степени опытности и испорченности. Толку ему с меня, неприступно сияющей и ни разу за статуей Имиры не бывавшей? Даже Граймс, вон, кривится: стыдно такой быть.

Если ему срочно понадобилась жена, мог взять породистую, с родословной. Как Тейкина каффа. Или как сама Галлатея. Но не девицу же из Аквелука?

– Не мог ты, Варх побери, нарушить слово и ничего не подписывать? – засопела сердито. Всему папеньку учить приходится.

– Обмануть? Вот этого? Главного мастера защиты от проклятий при Королевском дворе? – папа устало потер переносицу. – Да он весь наш род с землей сровняет, наградив десятком наследственных хворей!

Отец тяжело поднялся с кресла, уступив его мне. Сходил на кухню, вернулся. И через полминуты оттуда явилась Долия с двумя чашками мятного чая. Но вряд ли напиток в состоянии расслабить нервы, натянутые магическими тросами. Тут нужна терапия посерьезнее.

– Ты думаешь, мне было легко принять это, Эйвелин? – пробормотал севшим голосом, протирая пальцем корешок на одной из маминых книг. – Она бы знала, как разрешить эту ситуацию... Или нашла бы правильные слова, чтобы тебе объяснить. Я так не умею, прости.

Он вернул книгу на полку и вздохнул. Расставил перед нами чашки с подноса.

– Честно говоря, после семи ночей, что тот хитанец провел в твоей спальне... – папа сипло закашлялся. То ли чаем подавился, то ли воспоминаниями.

– Можно мы не будем про это? – вскинула на него серьезный взгляд.

Я и так весь день купалась в забытых ощущениях. Прикосновениях, поглаживаниях, укусах. И наверняка всю ночь буду.

– Тьма отступала, Эв... Я спрятался в песок, как трусливая птица, – он покрутил в пальцах красивую чашку, но не отпил. – Старался не

замечать все эти синяки. И кровь под твоими ногтями, и порванные сорочки...

– Папа!

– Знаешь, дочка, будь я в другом положении, я бы сам настоял, чтобы он на тебе женился, – выдохнул строго. – И на какой-то момент мне показалось, что Рэдхэйвен тоже руководствуется вопросами чести...

– Да как ты мог такое вообразить?

Ладно, да, я и сама про это думала. Минуту, не больше. Но мне можно, у меня до сих пор тело местами ноет! Некоторыми местами. Особо помятыми.

– Ооо... Оно очень легко воображалось, Эйвелин, при одном взгляде на смятую постель и бледную тебя, лежащую на подушках без чувств! – припечатал папенька, и голос его зазвенел невысказанной яростью.

Он тоже не оценил методик «проезжего целителя». Эффективных, да... Но до одури смущающих.

Глава 20

Глава 20

Маг-вояжер устало перекатывался с кочки на кочку, приближаясь к окраинам Анжара. Фидж недовольно глазел в окно, смиренно перенося мои антистрессовые почесывания.

Мысли то и дело возвращались к Рэдхэйвену. Особенно интересовало, как он провел ночь. Вряд ли ведь на полу? И много ли величеств и высочеств было в его кровати? И были ли на них юбки?

Словом, я по понятным причинам снова не выпалась, чувствовала себя дурно и мыслила соответствующе. Злилась, как стая голодных диких вирр, не поделивших добычу.

Рейс в Анжар задержали, так что подкатывалась я к воротам Академии затемно. И еще издали стала высматривать на Звездноводе очертания королевского воздушного судна. Но над «ректорским» шпилем чернела пустота: Рэдхэйвен до сих пор не вернулся.

Твердо пообещав себе больше не думать о проклятом мастере, юбках и величествах, я пробралась в ученическое крыло. Стараясь не шуметь, вошла в спальню и завалилась на постель. Рассказывать подругам о «брачном недоразумении» не хотелось, а как объяснить свой спонтанный побег в Аквелук – ей Варху, не представляла.

– Эв? – над Рисскиной кроватью зажегся свет, осветив сонное лицо подруги.

– Приехала наконец? – тут же вспыхнула лампа над Тейкиной.

Тьма!

– Вот кто так делает, мм? – принялась отчитывать Рисса, мигом сбрасывая с себя сонливость и в прыжке усаживаясь на куче подушек.

– Нам пришлось к Керроу ходить... Спрашивать о тебе...

– «Пришлось»! – хмыкнула Тейка и с коварной улыбкой растянулась поперек постели. – Я бы, может, и не пошла, но кое-кому только дай повод... Серьезного человека потревожить в выходной, мм, Рисс?

– Ну, не сильно мы его потревожили! – хихикнула подруга и озорно потрянула светлыми кудряшками. – Зато выяснили, что Эв не в проклятье провалилась, а в Аквелук уехала.

– И что у сира ректора даже банные полотенца си-и-иние-си-и-иние, – мечтательно промурлыкала Галлатея. – Проблемы, Эв?

– Проблемы, – вздохнула горестно, вытряхивая Фиджа в уютный манежик для питомцев, где уже дрыхла хвостатая каффа. – Семейные неурядицы.

Возможно ли такое вообще в современном мире, чтобы девушку насильно кому-то отдали?

Ладно, да, я знаю, что возможно. Тейка третий год стонет, что ей выбора не дано с рождения. А Рисса вечно вспоминает сиятельную богиню, проданную собственным братом в демонов гарем. И еще Иллона как-то рассказывала, что прежде чем стать Ее Величеством, наша королева тоже побывала в наложницах. Не знаю, правда ли это, но звучит кошмарно.

Словом, да... мерзости случаются всякие. Но не со мной же?!

Насильно! Замуж! И за кого? За проклятого хитанца, который просто захотел... просто потребовал... в самых разнообразных смыслах... Разве ж это справедливо?

– Кого? – удивленно подняла глаза Рисса.

– Мм?

– Кого насильно замуж, Эв?

Я вслух сказала? Проклятье... Ох, Имира Сиятельная!

– Эмм... да богиню твою... проданную... – замялась, ерзая на кровати. – Меня после Тейкиного спектакля до сих пор не отпустило. Жалко.

– Ааа... это да, – с охотой согласилась Рисса, привычно поглядывая на темный Звездносвод. – Правда, ее не замуж отдали. Демоны Керракта, как известно, только потомственных демониц в жены могут брать. Таких, с рогами...

Я отрешенно покивала. Известно, известно... Кому-то наверняка.

Представила себе одного квахара, дорисовав ему на чернявую макушку рога в золотую полоску. Брр! Интересно, какое бы проклятье на наш род наслал Рэдхэйвен, если бы отец отказался подписать гадкую бумажку?

– Остальных, хоть даже богинь иномирских – только наложницами. Керракт жесток, – вздыхала подруга на любимую тему.

Я вслед за Фенриссой поглядела в небо. Может, и мне пора начинать практично молиться всем богам разом? Или сначала

подручные средства попробовать? Какое-нибудь бытовое плетение, избавляющее от хитанских паразитов.

– И вот зачем она этому квахару столичному... Тьфу! В смысле, демону керрактскому понадобилась? Имира твоя? – вовремя поправились я. – С чего его так припекло, что аж в другой мир за наложницей отправился?

Говорила вроде про богиню, а сама о себе думала. Какого размера пропасть между хитанцем в парадном мундире и девицей из Аквелука? Необъятная, как адова бездна!

– Говорят, богиня наша непорочной была, потому и дев юных опекала, – Рисса пожалала плечами и закуталась в одеяло. – Ну, как говорят? Пишут. В книжках старых, в легендах.

– Да мало ли в Хитане... Тьфу! В Междумирье непорочных девиц? И что ему с той невинности? – возмущенно засопела.

Вряд ли мастера проклятий моя непорочность интересует. Толку ему с неумехи, которая от мужчин шарахается и даже с Вейном ни разу нормально не целовалась?

А если у него вдруг пунктик какой, чтобы обязательно первым быть, так в столице полно родовитых девиц на выданье – спокойных, воспитанных, красиво выражающихся. Без фирменного аквелукского лексикона, намертво въевшегося в мой язык. Не понимает он, что ли, что я теперь специально про гхарров и их филейные части буду ляпать при каждом удобном случае?

– Наверное, божественная невинность дороже ценится, – Рисса поправила лямку на белой кружевной сорочке и покусала губу. Покосилась на Тею, сонно перебиравшую побрякушки в шкатулке. – Вы ведь знаете, девочки, для чего в доварховы времена дев использовали? Скорее всего, тот Верховный демон тоже из староверов был...

Предчувствуя очередной ужастик, от которого зубы стучать всю ночь будут, я тоже замоталась в одеяло. Я еще прошлые легенды о «чужой изнанке» не переварила. И все летние каникулы боялась, как бы какая тварь в меня чего не отложила.

– Не томи, Рисс. Спать пора, – промычала Галлатея.

– В общем, когда богов в Эррене много было, целый пантеон, они ссорились вечно, дрались... И потому искали любые способы, чтобы сильнее других стать, – зашептала таким замогильным голосом Рисса,

что даже у Фиджа крекер вывалился из приоткрытого рта. – Кто-то силы из иномирских чудищ вытягивал, кто-то души человеческие забирал... А были и те, кто невинных дев в жертву требовал. Для подпитки.

– Они их ели? – я не узнала свой тонкий, высокий голос.

– Девиц? Фууу... Нет, конечно! – захохотала колокольчиком Рисса.
– Они об них... подзаряжались.

– Трением? – я споро выдвинула научную теорию.

Ну а как еще энергию вырабатывать? Законы мироздания никто не отменял.

– И им тоже, – хихикнула подруга, густо краснея. – Чтобы в битве божественной победить, силы много надо. А за великой силой всегда стоят великие жертвы, принесенные добровольно и по любви...

– И по трению, – флегматично добавила Тейка, с любопытством расправив ушки и отбросив в шкатулку неинтересное украшение.

– Ну, девочки, что вы такие темные... – протянула недоуменно Рисса. – Я вот читала, есть целые миры, где такое вообще нормально. Среди обычных людей! Только так и подзаряжаются магией. Ходят по партэлям или в лесу девиц ловят и...

– Трутся, – договорила Тея, кусая подушку и захлебываясь то ли смехом, то ли рыданиями. Этих актрис не поймешь, в какую роль они вжились нынче.

– Не дай Варх туда провалиться! – прошептала я в изумлении.

Мы с Тейкой скривились почти синхронно. Неужто такие гадкие миры бывают не только в сказках?

– Ага... Нам с вами туда никак нельзя. Не отобьемся, – выдохнула Фенрисса, гася свет и оставляя лишь крошечный ночник над Тейкиной головой.

– погоди! – сон как рукой сняло, я даже из одеяла высунулась, пытаюсь рассмотреть подругу в темноте. – Ты сказала, что жертва должна быть добровольной. И по любви. Но будь тогдашний божок хоть каким раскрасавцем, я бы ни за что... вот вообще ни за что!

Опять зачем-то представился Рэдхэйвен. С во-о-от такими рогами! Какие бы «смыслы» он ни надеялся от меня получить, обломится. С рогами вместе. И рецепт супа из молодого квахара я себе в блокнотик переписала.

– Это потому, что ты религиозный неуч, а мама твоя – так вообще атеистка была. Вы, ученые-теоретики, часто этим грешите, – профыркала Рисса. – А деревенских девиц, дочек земледельцев да мельников, в доварховы времена специально воспитывали в религиозной строгости. Чтобы в случае чего, если «сверху» жертву потребуют, они добровольно отдали свою чистоту богу... из любви к богу.

– Уфффф...

Все же мой отец не настолько плох. Хотя бы воспитал меня без всяких строгостей.

К горлу подступила тошнота, и Фидж, давно перебравшийся из манежика на мою подушку, сердобольно протянул мне надкушенный крекер.

– Прямо натурально отдавали? – скептически протянула Тейка. Этой «натуральностью» она от Вейна заразилась. – То есть... терлись об настоящего бога, чтобы он победил в битве другого?

– Об настоящего, об настоящего... Не об статую же его мраморно-позолоченную? – хихикнула Рисса и смутилась. – Хотя... Точно никто не знает. Давно же было. Тот Верховный демон из Керракта, если верить легендам, для того и потребовал себе молодую богиню. Чтобы... ну...

– Энергию выработать. Тре-е-ением, – пропела Тейка, подначивая смущенную подругу.

Что я точно поняла из нашей странной беседы? Что ни на какое такое совместное «трение» с мастером Рэдхэйвеном я не согласна. Не то что добровольно и по любви... Вообще никак не согласна! Так что пускай этот квахар недощипанный трется где-нибудь в других, специально отведенных для этого местах.

– У демонов там какие-то жуткие битвы были между племенами, вот и искали по мирам, где бы сил набрать на великое сражение, – Рисса махнула Галлатее, чтобы та тоже погасила свет, и добавила совсем уж тихо: – Поначалу они просто по деревням шли и девиц непорочных требовали... Девы слезно просили помощи у всемогущих богов, но отозвалась только Имира. Позволила укрыться в своем храме и не пустила Верховного внутрь, несмотря на все его рога. А дальше...

– А дальше даже мы знаем, – сонно зевнула Тейка. – Рогатый гад потребовал себе саму богиню. Или, мол, демонова армия разнесет весь

Эррен в магическую пыль. И Варх вынужден был отдать сестру, чтобы они ушли. Ради спасения мира.

– Эмм... – Рисса замялась и вздохнула. – Есть непопулярные теории, что Варх не просто так от сестры избавился. Мешала она ему своими принципами... Мол, «девицы не топливо», «подзаряжайся в другом мире» и вот это все. А как не стало ее в Эррене, так он мигом победил Торума и прочих собратьев сияющих. Возвысился до самых золотых облаков. И стал единым во всех божественных проявлениях... и единственным.

– Подзарядился не на шутку! – хрюкнула Тейка, подзывая к себе сонную каффу и заматываясь с ней в одеяло.

Я тяжело бухнулась затылком в подушку и уставилась в темный потолок, твердо осознавая, что ни гхарра я сегодня опять не засну. Во-первых, потому что боюсь возвращения снов с участием черноглазого мастера проклятий... Во-вторых, видит Варх, до утра буду думать о «тренингах». И всяких разных смыслах.

Вейн мне напрямую никогда не говорил про близость. По взглядам я понимала, конечно, что он давно не против, но... Мы и целовались-то по-серьезному лишь раз. И то после дегустации Рисскиного неудавшегося зелья, усиливавшего концентрацию...

Оно, к неудовольствию Риссы и восторгу Ровейна, обладало обратным эффектом и на полчаса полностью отключало мозг. Я про тот случай мало что помню, поэтому для меня наш «первый» был на полигоне.

Однажды, проходя мимо раздевалок природников, я услышала, как над ним посмеиваются товарищи. Мол, «связался с недотрогой, ходи теперь и мучайся, пока все не отсохнет». Вейн послал их к гхарру в филейные закрома. А мне стало неловко. Не хотелось быть виноватой в том, что у кого-нибудь что-нибудь отсохнет. Даже думать не хочу, что именно.

Может, я и правда «вымирающий вид»? И через десять лет буду носить круглые очки и туфли с квадратными носами, размножая «квахаров» на немой голове?

– Рисс, а ты... с кем-нибудь... уже? В смысле трения? – прошептала, старательно глядя мимо зевающей подруги. Она тряхнула кудрями в нервном отрицании и зарделась пуще прежнего.

– А ты? Хотя могу догадаться... Вейн с тех пор, как бал перенесли, такой кислый ходит, словно у него любимый альта-цитроновый пудинг отобрали, – заулыбалась Фенрисса лукаво. – Кстати, Элодия собирается пригласить Диккинса на бал... Даже платье в его любимой песочно-земляной гамме приготовила.

– Он природную зеленую любит.

– Эв... Он тебя любит, потому и терпит. А стихия его – земля.

Рисса права, да. Я об этом вечно забываю, потому что Диккинс не возражает против моих цветов. Он вообще невыносимо терпеливый друг: я бы от себя давно сбежала.

– Элодия перебьется, – фыркнула, осознав, что такие парни на дороге не валяются. И на следующий год я вполне могу уступить ему выбор цвета. Земля так земля... Не фарфоровая.

Бал.

Я зажмурилась, чтобы не видеть темные пятна на потолке, отчаянно напоминающие глаза одного обнаглевшего квахара. Того самого, что запретил мне идти на бал с Диккинсом и заморозил наш проект еще на старте.

– Эйви, ты чего? Плачешь, что ли? – пробубнила Рисса из темноты, когда я всхлипнула громче, чем планировалось.

– Насморк замучил, – шмыгнула носом и спрятала лицо в подушке.

Наличие официального, задокументированного жениха касалось и Вейна тоже. Мой среднестатистический принц мог пострадать. Рэдхэйвен из тех, кто пройдет по головам, добиваясь желаемого. Не погнушается насрать какую-нибудь мерзость на моего друга. То есть парня. То есть...

Ой, к Тьме!

Этот линялый гхарр от меня никакое «топливо» не получит. Ни трением, ни каким-либо иным путем.

Не представляю, как, но я вылезу из этой рабской петли и вернусь к своей нормальной, скучной и предсказуемой жизни. В которой есть место для бытовых плетений, анжарских садов и усредненных терпеливых парней, и нет – для проклятых магистров и их большой фантазии.

Девочки сладко сопели, а я все ворочалась... и ворочалась... и ворочалась. Лежала с одним приоткрытым глазом, украдкой поглядывая в окно, и подсознательно чего-то ждала.

Наконец это «что-то» размытым силуэтом нарисовалось в небе. Частное судно Ее Величества вернуло проклятого хитанца в Анжар.

Осознав, что теперь уж точно не засну, я встряхнула сонного мизаура, сунула ему в зубы крекер и выбралась с ним в коридор. Если кто и знает, где выделили спальню королевскому мастеру, то это Фидж. Зря, что ли, такие уши отращивал?

– Эйфф... Ночь – не лучшее время чубурахаться по темным коридорам, – проворчал негодник, лениво перебирая мохнатыми лапами по полу.

– Я только и делаю, что где-то чубурахуюсь! – возмущенно топала следом. – Сначала на полигоне почубурахалась, потом на прыгающем судне, потом шесть часов в вояжере... Еще дважды в кабинете у Граймса... Так что давай, топай. И путь показывай.

Меня аж трясло, как хотелось рассказать Рэдхэйвену все, что я думаю о рабском брачном контракте, трении и прочем. И если этот мерзавец откажется слушать или, не дай Варх, дверь мне не откроет...

– Мисс Ламберт? – дверь распахнулась до того, как я поднесла к ней кулак. – Вы так громко топаете, что всех магистров перебудите...

Меня за локоток втянули внутрь темной спальни, оставив мизаура снаружи.

– Ну и что вы так сопите?

– Ничего!

Если правильно поняла, я застала его за попыткой раздеться и приготовиться ко сну. Рубашка была выправлена из брюк и расстегнута на пару пуговиц, ремень болтался двумя хвостиками. А еще Рэдхэйвен был босиком. И почему-то именно это вгоняло в ступор.

Странно для теоретика. Я ведь догадывалась, что пальцы у него есть не только на руках, но и на ногах. Просто обязаны были быть...

– Эйвелин?

Я резко подняла на него ошеломленный взгляд.

– Я ездилa домой, – сбивчиво объяснила, забыв всю отрепетированную речь.

Проклятье! Впервые со мной такое. Ни разу на докладах не сбивалась, всегда получала отличные баллы за публичные выступления.

– Я знаю. Я сам вас туда отвез, – Рэдхэйвен потер уставшее лицо, требовавшее подушки. Тени под его глазами стали отчетливее, так, словно за два выходных королева его прилично вымотала.

Точно... Ее Величество. Дела короны, юбки, неожиданности... Злость потихоньку возвращалась, забывая собой смущение.

– Ваш отец объяснил, насколько глубоко вы влипли с нашим договором?

– Объяснил, – буркнула, старательно хмурясь.

– И что вы об этом думаете? – Рэдхэйвен поглядел на меня странно. Будто опасался ответа, но в то же время отчаянно его ждал.

Что я об *этом* думаю? Ему правда интересно? Вспомнились все аквелукские ругательства разом, и я так сразу не определилась, которому отдать предпочтение.

– Я ничего об этом не думаю. Вообще, – отрезала уверенно. – Это глупость, а о глупостях я не думаю. Мою голову обычно занимают более серьезные вещи, а не всякая чепуха.

Врала, как торговка позавчерашней рыбой, ей Варху. Все шесть часов в вояжере «Аквелук-Анжар» перекручивала на фарш мысли о невозможной свадьбе.

– Чепуха?

Рэдхэйвен поднял бровь аж до середины лба, намекая, что мне к кошмарному положению стоило отнестись серьезнее. С уважением к рабовладельцу и его прихотям. Но я не собиралась ему подыгрывать.

– Вы не из тех, кто женится.

– Не из тех, – кивнул согласно.

Тут к Варху не ходи, все ясно. Даннтиэль из той хитанской породы «завидных холостяков», что коротают вечера в компании дорогих дам в трисольских шелковых сорочках. Такие не женятся. Никогда. Из этого правила нет исключений.

Эгоистичные, самовлюбленные, предпочитающие отношения «без лишних сложностей», разбавляющие скуку всем, чем придется. С легкостью срывающиеся с места, не ценящие жизнь ни секунды, не интересующиеся никем, кроме своей благословенной персоны...

– Но вы женитесь. На мне, – напомнила проклятому Рэдхэйвену.

– Именно.

– Вы ведь понимаете, что эти факты противоречат друг другу? – во мне истошно вопил неудовлетворенный результатами теоретик.

– Вам виднее, мисс Ламберт.

Ходячая загадка! Недощипанная. И ведь ни слова не вытянешь...

– Вам что, срочно нужна жена? – допытывалась в изнеможении. – Но для чего? Королева что, пытается сосватать вам свою крючконосую фрейлину, и вы решили спрятаться в Аквелуке от незавидной участи?

Остатки огненного запала рассеялись. Загадка по имени «Даннтиэль Рэдхэйвен» отказывалась сама себя разгадывать. И требовала моего пытливого ума.

А ведь пока по коридорам топала, рога ему откручивать собиралась. Те, что в полосочку...

– Женитьба не входила в мои планы, Эйвелин, – осек мои буйные фантазии мужчина. – А если бы вдруг собрался, то нашел бы себе деву спокойную, покорную, послушную, тихую. Не склонную к дракам и нанесению увечий...

– Ближе к делу. Не меня.

– Да, не вас, – он сделал пару шагов назад и увлекся агатовыми запонками на манжетах. – Но раз уж мое сознание в те семь дней так помутилось от темного яда, что я без сомнений подписал вархов договор...

– Сейчас вы еще скажете, что сами – жертва обстоятельств! – воскликнула с возмущением, приближаясь к надменному хитанцу. – Признавайтесь: невинность моя интересует? Добытая трением?

– Что? – поперхнулся Рэдхэйвен.

Ну да, ему Рисса лекций не читала. Темный!

– На добровольно и по любви даже не рассчитывайте! – помахала сжатым кулаком перед загорелым носом.

– Эйвелин... Могу вам признаться, что непорочные девы меня также интересовали мало, – закашлялся он. – До тех нескольких невыносимых ночей в Аквелуке. С девицами неоправданно много хлопот.

Уффф... «Неоправданно».

Это и Диккинс подтвердит: много. До гхарровой задницы хлопот!

– Не любите сложности в отношениях, да?

– Предпочитаю все упрощать.

– Со мной будет очень сложно.

– Не сомневаюсь, – хмыкнул проклятый мужик и дернул уголком губ, отбрасывая на прикроватную тумбу две блестящие запонки. – Но с вами я как-нибудь справлюсь. Скажем так: ваше приручение точно не даст мне заскучать ни на секунду.

Я ошалело уставилась на его запонки. Они выглядели куда безобиднее таких же блестящих глаз напротив. Наглых, уверенных. И планирующих взять то, что попросили.

– Я не зверюшка и не исчадие мрака, чтобы меня приручать, – прохрипела, залипая взглядом на его тумбочке и стараясь не смотреть на смятые простыни.

– Исчадие, исчадие... и еще какое, – рассмеялся мужчина, бесцеремонно усаживаясь на постель и принимаясь за остальные пуговицы. Тьма!

– Остановитесь немедленно, – велела невоспитанному хозяину спальни.

Разве можно плюхаться на кровать, когда принимаешь гостей? Невинных, неопытных и красных, как керрактская каэра о четырех плавниках.

– Я снова вас смутил? – он послушно поднялся с постели. И непослушно сделал пару шагов ко мне.

– Не перестаете этим развлекаться, – проворчала, отходя к двери. Плохая была идея заявиться к нему среди ночи.

Он не переставал, да... Подошел вплотную, нагнулся, выдохнул прямо в губы. Я напряженно застыла.

– У меня есть право вас целовать. Когда я этого захочу, – строго напомнил квахар.

Я принялась мысленно вспоминать ингредиенты для супа. Несколько разваристых клубней картофеля, перемолотые стручки молодого гороха, зеленый лук, нарезанный тонкими полосками...

– И у меня была возможность поцеловать вас, пока вы были в отключке, мисс Ламберт, – прошептал в прикушенные губы.

Ощипанная тушка квахара, морковь, нарезанная кружочками...

– Надеюсь, вам понравилось, – я скривилась от обиды, что по этой части ничего не помню.

– Я ей не воспользовался. Решил, что будет честнее дожждаться вашего разрешения, – он так и зависал над моим онемевшим лицом. –

Когда вы сами этого захотите.

– Да вы само благородство... – сглотнула, мечтая провалиться в адову бездну от смущающей близости. – Но я не захочу. Боюсь, тут вы промахнулись.

– Я не промахиваюсь. Раз говорю, что захотите – значит, захотите, – прошелся подушечкой пальца по нижней губе, словно хотел ее по лицу размазать. Или вовсе стереть.

– Прямо никогда-никогда не промахиваетесь? – уточнила с исследовательским интересом, украдкой косясь на его рот.

Да с чего он решил, что захочу? Губы как губы. У Вейна такие же. Разве что у Рэдхэйвена они были выточены четче. И вот эта кривая надменная ухмылка одними уголками придавала его лицу сложное, нечитаемое выражение.

В каждой черте хитанца сквозило чувство превосходства над окружающими, с чьими планами, желаниями и мечтами он не собирался считаться. И это отрезвляло. С моими он тоже считаться не будет.

– Может, пару раз всего ошибался, – хмыкнул он.

– Это – третий, – промычала сквозь горевшую под его пальцем губу. – Вы ведь понимаете, что наш гипотетический брак будет кошмаром?

– О да, я давно догадался, – признал королевский мастер, пряча неуместную улыбку. – Разводы в Эррене не запрещены, Эйвелин. Не понравится – сбежите, как вы обычно это делаете. И спрячетесь по уши в любимую книжную пыль.

Ей Варху, мне уже прямо сейчас хотелось сбежать и спрятаться в незаметной кучке книжной пыли. Подальше от прожигающих темно-карих глаз и сильных горячих пальцев.

– Райс сказал, вы тоже бежите, – повела плечом и отступила, ожидаемо упершись лопатками в запертую дверь. – Прячетесь в пышных складках королевских юбок. От чего?

– От себя, – хмыкнул этот... неоципаный... Даннтиэль. – Но не в данный момент. Как видите, я остановился. Больше не прячусь. Вы меня остановили.

Он встал передо мной и поднял лицо за подбородок – аккуратно, едва касаясь кожи кончиками пальцев.

– И что думают юбки Ее Величества о вашей «остановке»? – скептически поморщила нос, словно вся эта ситуация дурно пахла.

Не пропадало чувство, что меня используют с неведомой целью. Мой теоретический ум отказывался признавать, что столичный сноб вдруг влюбился без памяти в девицу из Аквелука. За каких-то семь ночей и десятков укусов! Или что ему так невыносимо захотелось «трения», что даже на брак согласился.

– Я не успел им сообщить.

– Были в Хитане по срочным «делам короны» и не нашли ни секунды, чтобы обмолвиться о невесте?

О-о-очень занятой мастер! Даже по ночам. Вон какой вид измотанный. Ничего себе аппетиты у королевы.

– Еще не время для громких заявлений.

– Вот как? – хмыкнула с издевкой.

– Вот так.

Ясно все с этим квахаром. Сир Райс был прав на его счет: он просто убивает скуку чрезвычайно специфическими методами. Для него это все шутка! Игра в «приручение деревенской дикарки», которую можно завершить в любой момент и выйти сухим из воды.

Может, Рэдхэйвен просто повздорил с Ее Величеством и решил отомстить? За мой счет и с разнообразными приятностями для себя.

– А вам бы хотелось первую полосу в «Вестнике»? – усмехнулся он. – У меня есть связи, могу устроить хоть завтра.

– Упаси Имира!

– Я тоже так подумал, – кивнул одобрительно. – Останетесь?

– Ч-что? – я оторопела и даже не сразу нашлась, что ответить.

И потом тоже не нашлась. Тьма!

Вот так сразу? Прямо... сегодня?

На глаза навернулись слезы, и я усердно поморгала, пряча свою растерянность. Я не наивная дурочка, знаю, что *такие* люди... они всегда берут свое. Выпивают до дна, выжимают без остатка. А потом ты еще и оказываешься им должен.

– Здесь, со мной, – уточнил очевидное и кивнул на постель. – Раз уж сами пришли...

Я до сих пор отказывалась вспоминать, что ввалилась среди ночи в спальню к холостому мужчине. Но с каждой секундой мой спонтанный визит выглядел все глупее. И опаснее. Потому что «самые

разнообразные смыслы» явственно пропечатывались на лице проклятого рабовладельца.

– Огхаррели? – сбивчиво прошептала.

– Соскучился, – улыбнулся мерзавец, расстегивая рубашку. Жадно втянул носом воздух и почесал короткие волосы у виска. – Два дня... Я был весьма наивен, когда думал, что смогу спокойно проработать тут неделю и лишь потом вернуться за вами в Аквелук.

Подошел ко мне, взял за запястья, магнитя взгляд просветом в расстегнутой рубашке. Он не соврал: под пупком и впрямь имелась дорожка волос.

Тьма! Зачем я вообще туда пялилась?

– Стоило захватить из дома одну их тех невозможных сорочек, – прошептал в самое ухо, потирая запястья и рождая внутри совершенно неуместную бурю. – Тогда бы тебе точно было нечего опасаться...

– А сейчас есть? – уточнила с опаской. И отчего-то шепотом.

Загипнотизировал он меня, ей Варху!

– Конечно, Эйвелин, – сдержанно кивнул Рэдхэйвен. – Тебе со мной очень опасно. Я не отравлен тьмой, но... Варх! Это все равно непросто. Как вспомню, какая ты...

– Не надо! – вырвала руки и отшатнулась. – Мне и своих воспоминаний за глаза. Аж мутит от избытка впечатлений. Умоляю, только своими не делитесь.

И что он хотел сказать? Какая я... что?

Сама попросила замолчать, а теперь стало невыносимо интересно. Хоть за отвороты рубашки хватай и правду из него вытряхивай.

– Вкусная, Эйвелин. Невыносимо, – с присвистом выдохнул, подавшись вперед. Черные глаза всосали меня бездонными воронками, колючая щетина проехала по виску к щеке. – Скоро двинусь от варховой пытки. Но я обещал: у тебя все время, какое я в состоянии дать. Считай это свадебным подарком.

По деревянному косяку проскреб его ноготь, намекая, что ни гхарра он не шутит. И вполне себе шустро движется в сторону сумасшествия.

Испуганно вскрикнув, я спиной толкнула дверь и выскочила в коридор. Чуть не придавила басисто охнувшего Фиджа.

Проклятье! Совсем забыла про дежурившего тут ушастого.

– Не смейте ко мне прикасаться! – крикнула застрявшему в проходе мужчине, оглаживающему меня мутным голодным взглядом. – И подарки свои свадебные приберегите для кого-нибудь другого. Доступно?

Боги Эррена, да нельзя так на людей смотреть! Я той твари с щупальцами на полигоне так не боялась, как теперь Рэдхэйвена. Казалось, он меня заживо съест может, в один укус.

Или не съест. Или не в один...

Стремительно покраснев всеми открытыми участками тела, я подхватила чавкающего мизаура и побежала по коридору. Хватит с меня ночных прогулок. Чтоб я еще хоть раз свою спальню в темное время покинула!

«Вкусная»... Ошалело похлопала глазами. Да нет, логично, в целом. Не зря же он меня всюду понадкусывал?

– Эйфф вкусная, – со знанием дела согласился Фидж, аккуратно прихватывая зубами мой указательный палец. Морда ехидная. И этот туда же!

Если меня все решат попробовать, эдак я завтра на Бал Варховых даров голым скелетом пританцую.

Глава 21

Глава 21

В зеркале рябило от пестроты. В него одновременно пытались втиснуться Рисса в бледно-голубом, Тейка в агонитово-красном и я, облаченная в привычную серебристо-зеленую гамму. Нижний угол зеркальной поверхности отражал самодовольную морду моего мизаура, а сверху с рамы свисал пышный рыжий хвост. Белая ящерка любовалась красивыми нами с Рисскиной ладони.

– Еще не поздно переодеться в лед и пойти с Берроу, – стонала Галлатея, примеряя длинные серьги, щедро усыпанные огненно-красными камнями.

– И Фил тебя испепелит от ревности, – хихикнула Рисса, которой было легче всего.

Она не стремилась в королевы бала, не металась между кавалерами, не рисковала жизнью Диккинса, соглашаясь пойти с ним на танцы, не игнорировала приказы королевского мастера проклятий... И даже от привычных осенних пакостей решила отказаться.

Если бы не задумчивые взгляды, раз в минуту бросаемые в окно, я бы ей позавидовала. Но сидящий внутри теоретик (весьма наблюдательный и проницательный товарищ, когда не надо) убедил меня, что ей сейчас тоже паршиво. Тоскливо, скучно и по-осеннему слякотно.

– Я могу тоже одна пойти, – неуверенно пробормотала, постукивая подругу по плечу. Куда она улетала мыслями, одному Варху известно.

– А давайте втроем пойдем? – вдохновенно ахнула Тея. – Этот выбор меня убьет!

– То страдаешь, что тебе не дают выбора. То мучаешься, что приходится выбирать, – закатила глаза Рисса и стряхнула с лица грустное выражение. – Я в порядке. И не надо меня нянчить. Встретимся внизу, там наверняка уже скульптуры оживляют!

Погода в Анжаре была непривычно морозной для середины осени, и вместо тыквенного конкурса ректор в последний момент

позволил устроить ледяной. У Галлатеи были все шансы победить, если ее огненный напарник не испортит все своим пылким нравом.

– Надо нам с Филом порепетировать, – покивала зеркалу Тейка и упрямо поджала губы. – Он классный парень, когда контролирует свои искорки.

Минуту спустя я осталась в комнате одна. За окнами вечерело, сгущались сумерки, подгоняя время праздничного бала. Я залюбовалась хрупкой взвесью снежинок, что кружились за стеклом и тут же таяли, оседая на подоконник. В Хитане зимой всегда белым-бело, а вот в Аквелуке снег большая редкость. По нему я скучала каждый год после нашего с отцом переезда.

Помахала рукой Диккинсу, стоящему внизу в одном светлом-зеленом костюме. Тонком, как моя юбка! Вместе с Джи-Роузом и Элодией они пытались вызвать из морозного воздуха ледяного голема и подчинить, но пока их шансы стремились к нулю. Разве что Вейн сам задубеет и в голема превратится.

Странная погода для южного, солнечного Анжара... Ей Варху, странная.

Будто некто надменный и бесчувственный, как глыба ташерского льда, притащил с собой северный хитанский климат. Привез сегодняшней ночью, на судне Ее Величества. Еще один «свадебный подарок», гхарровы рога ему в...

Только я вспомнила о женихе-самозванце, которому меня в разных смыслах угодно, как его самодовольная физиономия возникла в зеркале. Я уже собралась осенить себя ритуальным знаменем, которому у Риски насмотрелась. Привидится же! Но тут нашелся и второй экземпляр Рэдхэйвена, стоявший рядом с моей кроватью и в зеркале отражавшийся.

– Красивое, – согласился проклятый мастер, очерчивая внимательным взглядом мою фигуру. Ту, что в зеркале стояла, повторяя настоящую меня, замершую в напряжении. – Но это будет лучше.

На мою кровать легла белая коробка, ощутимо съежившаяся под требовательным взглядом Рэдхэйвена всеми своими картонными боками. Так и не дождавшись, пока я, «потрясенная его широким жестом», с радостным визгом открою подарок, он сам нервно сдернул крышку.

Ну, хотя бы не белое, слава Варху...

– И что это? – придала себе непонимающий вид.

Понимать тут было в самом деле нечего.

Сам мастер проклятий стоял передо мной в удлиненном пиджаке, черном, как бездна мрака. С нарядной золотой оторочкой, такими же блестящими пуговицами и маггвердейскими эполетами на плечах. Узкий воротник-стойка обнимал загорелую шею и был украшен затейливым золотым шитьем.

Не раздражай он меня одним своим существованием, я бы издала побежденный «Ах!». Как и положено любому существу женского пола при виде парадно одетого мужчины. Но я держалась стойко, даже не пискнула.

– Это ваше платье, Эйвелин, – изрек очевидное мой рабовладелец, кивая на черно-золотую ткань, свернутую в коробке.

С таким же шитьем, что на его воротнике. Уффф...

– А чье оно было до этого? – уточнила, сосредоточенно хмуря брови.

На моем зеркальном лбу отразилась морщинка, из уложенной прически выпрыгнул непослушный «квахар», и я вдруг напомнила себе мисс Хендрик.

Но сейчас был именно тот момент, когда до темноты в глазах хотелось побыть занудой, педантично перебирающей факты. Иначе бы я просто рассыпалась по ковру от избытка противоположных, рвущих изнутри эмоций.

Не так много имелось вариантов у занятого мага! Легко представлялось, как он стаскивает платье с какой-нибудь придворной дамы в темном дворцовом коридоре...

– Приобрел специально для вас в свой последний визит в Хитану, – оборвал мои мысли Рэдхэйвен, пока они не зашли слишком далеко. – На бал вы пойдете в нем. Благодарность можете не изображать, хотя мне стоило усилий заставить сира Жюфье работать над ним всю ночь.

Я молча покусала губы, одними глазами уверяя Рэдхэйвена, что еще больше усилий он потратит, пытаясь заставить меня его надеть. Тот невозмутимо расправлял ткань на постели, демонстрируя невыносимо прекрасный корсаж, вручную расшитый золотыми вензельками.

Я его, конечно, надевать не планировала, но втайне все равно залюбовалась. При всем своем прохладном отношении к дамским журналам, модам и прочей бессмысленной чепухе, я умела замечать красоту. Без всякого желания видела ее и в платье, и в хитанце проклятом. Последнее было особенно прискорбным.

– Оно черное, – выдохнула, когда Рэдхэйвен встряхнул юбку, позволив той стечь на пол шелковой волной. – Это не мой цвет. Не моя стихия.

– Зато это мой цвет. И моя стихия, – его взгляд застелило холодом, лишней раз доказывая, что с моими желаниями мастер считаться не собирается.

– Свою тьму таскайте сами, а меня в нее не впутывайте, – отвернулась от рабовладельца, складывая руки на груди.

В комнате вдруг стало нестерпимо холодно, щеки закололо морозом, а в груди вместо сердца забились ледышки. Запястья ныли от невидимых пут, которыми сковал меня вархов договор.

В виски колотилась мысль, что это просто вот такая забавная игра. Спасение от скуки избалованного хитанца.

– Вы уже в нее впутались по самые красные ушки, Эйвелин.

– Выпутаюсь, не сомневайтесь, – дернула плечом, скидывая с него согревающую ладонь.

– Правда? А мне показалось, сир Райс доступно объяснил, что темный дар вернуть не получится...

– Дело вовсе не в даре! – запыхтела сердито, оборачиваясь к столичному выскочке.

Да я про те фиолетовые ниточки и самопроизвольно разгорающиеся руны уже и забыть успела. Так меня закрутило в водовороте «новостей» от сира Рэдхэйвена и моего папеньки.

Пробудившийся темный дар стал казаться сущей ерундой, не стоящей и капли моего внимания. Его я могу забыть. Им я могу не пользоваться. А вот о рабском контракте и разнообразных смыслах мне позабыть не дадут.

– Да, не в даре, – подтвердил Даннтиэль. – Хочу утвердить свое право собственности, уж коль мистер Диккинс скачет вниз в зеленом.

– «Собственности»! – повторила зло. Он намеренно меня выводит из себя? Так я уже близка к тому, чтобы снова начать царапаться. – У меня есть платье, сир. И есть спутник на этот вечер. Я держу слово и

не меняю планов в последний момент. Это моя, вирра вас задери, зона комфорта!

– Вы пойдете в этом, мисс Ламберт, – он рывком привлек меня к себе за талию, просунул руку под волосы на затылке и требовательно потянул застежку вниз. Зашептал сбивчиво в ухо: – Или сама переоденешься, или я тебя переодену, Эйвелин... Но тогда не факт, что мы с тобой доберемся до бала. Можешь сама просчитать вероятность...

– Вы что, ради линялого гхарра, имеете в виду? – вскинула на него напряженный взгляд и уперлась ладонями в варховы эполеты. Красивые такие, украшенные по краю желтыми драгоценными камешками.

И сам он – глянецовый, лощеный, ухоженный, белозубый, с аккуратной короткой щетиной... Одним словом – столичный сноб, фаворит Ее Величества. Вне всяких сомнений, королева знает толк в привлекательных мужчинах.

– Что вам лучше переодеться без моего участия, – со свистящим выдохом он отпихнул меня от себя и сделал шаг к двери. – Вам необязательно ходить со мной за руку и изображать пару, но платье вы наденете черное.

– В цвет вашей жуткой ауры? Или как символ нашего грядущего «счастливого» супружества? – профыркала, по-новому приглядываясь к траурной ткани.

Если вдуматься, она полностью передавала разъедающие грудь эмоции. Овдоветь хотелось уже сейчас, не дожидаясь свадьбы. В голове прокручивалось с десятков способов, как это можно устроить.

– Это цвета моего рода, Эйвелин, – проворчал мерзавец. – Будете спорить – пойдете на бал еще и с рогами. Зелеными, раз вам так нравится.

– Ну, замечательно! – всплеснула руками, когда дверь с оглушительным треском захлопнулась, оставив нас в Фиджем недоумевать.

– Надевай, Эйфф. *Этот* больнее кусается, – посоветовал мизаур, выглядывая из-под покрывала. – И если ослушаешься, первой он укусит не тебя.

– Ты слишком мудрый для лопоухого недоразумения, – обреченно завалилась на кровать и притянула к себе коробку.

Рэдхэйвен не всегда носил черные тона. Я его и в белой рубашке видела, и в темно-синем плаще... Но сейчас каждый завиток на платье истошно кричал, что наши вещи из одного комплекта. И пошиты, скорее всего, в одном магическом ателье. В Хитане.

Оставалась надежда, что главные сплетницы академии не допустят и мысли, что Рэдхэйвен зачем-то купил мне платье. На благотворителя он похож так же, как я – на Ее Величество. Глянешь на эту самовлюбленную загорелую физиономию – и прямо пятой точкой ощущаешь, как он «жаждет» помогать другим.

Сколько шансов, что все поверят в нелепое совпадение? Что мисс Ламберт случайно пришила на черный лиф те же желтые камешки, что мастер Рэдхэйвен – на свои эполеты? Со всеми бывает! Естественно.

Мышцы моей спины были так натянуты под черной тканью, что еще немного – и судорогой сведет. Прерывисто выдохнув, я заставила себя спуститься с последней ступеньки.

Весь путь вниз убеждала себя, что ничего кошмарного не случилось. Это просто платье. Черное, зеленое – какая, к Варху, разница? А к Рэдхэйвену недооципанному я и на прыжок гхарра за весь вечер не подойду.

Имелась только одна серьезная проблема. Она как раз выплывала всеми своими выдающимися плечами из входной двери, изрядно подмороженная и вполне себе голема напоминающая.

– Эв?.. – взгляд Диккинса обвиняюще сполз с моего белого лица на расшитый золотом корсаж. – Зеленое. Мы говорили про зеленое.

Парень растер раскрасневшееся на морозе лицо и пригладил пятерней взлохмаченную светлую копну.

– У меня было зеленое, просто оно... – кончики ушей предательски закололо. Проклятье! – Я переделалась в последний момент.

– Ох, держите мои перышки... Хитанский фасон, Ламберт! Откуда достала? – бесцеремонно разглядывала меня Элодия, такая же красная и лохматая, как Вейн.

– Из коробки, – пожалала плечами, подходя к Диккинсу и поправляя на нем сбившийся пиджак. Добавила шепотом, сунув нос ему под мокрые пряди: – У Риски пары нет, и я подумала... Подумала, что ты поймешь.

Губы Вейна напряженно сжались, ноздри опасно раздулись. Ни гхарра он меня не понял, а врать не хотелось. И правду говорить не хотелось. Даже на бал идти уже не хотелось.

– Струсила – так и скажи, Эв, – прохрипел он в мое ухо и попытался улыбнуться. – В этот раз все не так, как раньше, верно, крикетка?

– Мне нравилось, как раньше. Не люблю перемены.

– Брось. Тебе же было приятно на полигоне? – он упрямо придерживал за локоть, не давая отстраниться.

А я зачем-то вспомнила об одном хитанце с раздутым эго. С которым мне было со всех сторон решительно неприятно! Но благодаря «разнообразным смыслам», ему по договору положенным, он теперь вообще не покидал мою голову. То есть совсем, даже на минуту. Влезал в нее и во время снов, и в период бодрствования.

А сейчас из-за черно-золотого платья, сидевшего на мне как влитое, казалось, что сам Рэдхэйвен вязкой тенью впитался в ткань. Забрался мне под кожу и наблюдает оттуда, как я с Диккинсом улаживаю «личные проблемы».

– Ээээв?

– Мгум, – сглотнула, припоминая полигон.

Холодная лужа, тварь с щупальцами, непрошенный дар, леденящий подмышки ужас... и вот это все. Забудешь тут.

– И дальше будет приятно, – заверил Вейн, но я давно потеряла нить беседы. – Чего ты дергаешься, Эв? Знаешь ведь, как облупленного. Я разве тебя обижал когда?

– Нет, – выдохнула виновато и поерзала в непривычном платье.

Пригляделась к своему принцу среднестатистическому. Все факты налицо: без головы ему будет некрасиво. Не то чтобы совсем кошмар... Но с головой определенно лучше. Она у него ничего такая.

Фидж верно сказал: проклятый хитанец укусит не меня.

– Танцевать-то будем? – игриво уточнил Диккинс.

– Будем, – решительно тряхнула головой, косясь на скривившуюся Элодию. Она была в землисто-коричневом платье и, похоже, без пары.

Я слышала днем, как мисс Хаммер предложила Вейну подумать над совместным проектом, пока наша заявка заморожена. Даже какие-то выкладки по плетениям ему показывала. Диккинс вежливо выслушал Элодию, а потом ответил, что уже выбрал себе партнера. Но

все равно не покидало чувство, что наши ценные дружеские отношения ускользают сквозь пальцы.

За окнами в сгущающейся темени восторженно суетилась толпа. Снег уже перестал, и укутанные в плащи студенты торопливо доделывали конкурсные работы.

По главному корпусу разносилась музыка. Она находила тебя повсюду – хоть за колонной, хоть в верхней галерее, хоть на лестнице. Заползала в уши и растекалась по телу, заставляя покачивать бедрами и притопывать ногой.

Зал для торжеств заполняли ожившие ледяные скульптуры. Они лениво перемещались вдоль стен, позволяя желающим рассмотреть себя и потрогать. И даже облизать, если кому вздумается ради шутки язык приморозить. За ними суетливо ползали заговоренные тряпочки, вытирая оставленные лужи.

Подносы с закусками и напитками лавировали между гостей, заставляя тех то и дело уклоняться от столкновения с бешеными канапе. Я увернулась от одного такого, особо ретивого, и ухватила Вейна под локоть.

Взгляд сам собой выловил вдалеке фигуру красавчика-ректора. И ладно бы, если только его! Но в паре метрах от Керроу нашелся и мой квахар-рабовладелец в таком же черно-золотом оперении. И нашелся он не один.

– Эв, ты готова смотреть куда угодно, только не на меня, – запыхтел Диккинс в ухо, заводя в медленном танце под поток голубого света.

Магия льда защекотала кожу морозом, изо рта вырвался белый пар.

– Прости, я...

Ноги машинально вторили его движениям, но глаза упрямо соскальзывали с щеки Вейна на загорелого хитанца. Тот кружил в танце Килиру, Варх знает по какому поводу тоже нарядившуюся в черное.

Квахар! Передел меня в цвета своего рода, нахально утвердил «право собственности», а сам...

Мелодия сменилась, и Диккинс, повинувшись моему строгому взгляду, послушно пританцевал меня к стене.

– Раздобуду нам что-нибудь менее... оранжевое, – пообещал парень, с подозрением косясь на проплывающий мимо поднос с бокалами. В них шипело и булькало что-то между тыквенным соком и густым апельсиновым киселем.

Кивнула ему с одобрением, стараясь хоть немного побыть правильной партнершей. Достойной того, чтобы ее выбрали. И для проекта, и для всего прочего. И мысленно напоминая себе, что такие терпеливые парни на анжарских болотах не валяются.

Ректор за что-то отчитывал Риссу, и ее взволнованно дергающиеся кудряшки даже со спины молили о помощи. Подхватив невыносимую юбку, я направилась в другой конец зала. Диккинс сообразительный, он меня везде найдет.

– Побег? – на локоть опустились горячие пальцы. Те, от которых вечно одни проблемы да синяки.

– Напротив: спасительная операция, – выдернула руку и упрямо потопала дальше.

– Вы не забываетесь, мисс Ламберт? – теперь в захвате оказалась вторая, та, которой я юбку поддерживала, чтобы ткань каблуками не порвать. Платье я планировала вернуть, и лучше бы без дыр. – Я вам вроде бы доступно объяснил: никаких танцев, балов, проектов...

– Вы совсем огхаррели в своей Хитане, да? – протянула сочувственно, вынужденно тормозя у круглой колонны.

Дела у Риски были совсем плохи, ректор уже багровел лицом, но до них еще топать и топать... Волочь упертого хитанца на себе через весь зал – крайне непростая задача.

– Напоминаю в который раз, пока еще словами: вы моя невеста, Эйвелин, – выдал глухим рыком, который, слава Варху, заглушила громкая музыка.

– Ваша, ваша... – успокаивающе похлопала по плечу этого сумасшедшего. – А вы, выходит, мой жених, – кивала заведенно, чуть не разрывая грудью тесный корсаж. – И потому танцуете с Килирой и ее «высочествами», а по выходным мотаетесь на личные аудиенции Ее Величества... Ясно, понятно. Да в линиялой заднице гхарра я видела такого...

– Мисс Ламберт! – осек Рэдхэйвен, заводя меня за колонну подальше от чужих ушей.

– ...Жениха, – договорила, сдувая прядку, упавшую на вспотевший лоб. – Но если так сильно протестуете, то можете сходить в не линияую. В ту, которая с шерстью густой и шелковистой. И свои рабские брачные договоры прихватить с собой. Доступно, сир?

– Доступно, Эйвелин, – дернул меня за талию к себе, окатывая нос ошпаренным выдохом. – Не хочешь, чтобы я танцевал с этими кваха... с твоими однокурсницами, просто скажи.

– Чего? – оторопела от неожиданности.

– Потребуй. Ты в своем праве, – кивнул мне этот полоумный и недощипанный, стискивая талию пальцами. – Скажи, если тебе это неприятно.

– Да танцуйте вы с кем хотите! – фыркнула с недоверием, ловя отголоски разочарования в его лице.

Вряд ли ведь в контракте оговаривалось двустороннее рабство? Да и не привыкла я людьми командовать. Этот проклятый Рэдхэйвен уже очень большой мальчик и в состоянии сам решить, с кем ему танцевать, за какую работу браться и как спастись от скуки. Лишь бы это все оплачивалось не за мой счет.

– Хорошо, мисс Ламберт. Буду танцевать, с кем захочу, – холодно процедил мужчина, перебирая пальцами мои ребра, обтянутые тканью. – А вам разрешено танцевать только со мной.

– Вы мне пока не муж, сир, чтобы диктовать, с кем общаться, а с кем нет, – терпеливо объяснила Рэдхэйвену «расклад», рассматривая гневные искры в черных глазах. – Я не видела договор, но почти уверена, что там нет ни слова о танцах. И о том, что до свадьбы я обязана отдавать их исключительно своему рабовладельцу. Поправьте, если ошибаюсь.

– Эйвелин... – недобрый рык пробрался в ухо.

– Мастер Рэдхэйвен? – похлопала глазами, ожидая аргументации.

Но он молчал, а значит, не было в договоре никаких танцевальных пунктов. Вот и славно. Рогами я папеньку пока не обеспечила.

Выпутавшись из чужих пальцев, я побежала спасать Риссу. Варх, надеюсь, она не натворила сама то, что мы на прошлый бал планировали вместе творить? В одиночку куда больше шансов попасться. Когда-то разносы от «красавчика Найджела» казались волнующими и безобидными, но на третьем курсе они уже грозили серьезными неприятностями.

– Что бы Фенрисса ни начудила, она не специально! – с заискивающей улыбкой вклинилась я в разговор.

Хотя на равноценную беседу это смахивало слабо. Керроу кипел, рвал и метал, и Рисса судорожно сжимала складки голубой юбки в потных ладошках и виновато глядела в пол.

– Мисс Ламберт, а я-то полагал, что вы обе уже вышли из возраста детского магсада, чтобы чуть что выгораживать друг друга! – прошипел разъяренно.

– Я просто заскучала, сир ректор, – Рисса взволнованно заглядывала в синие глаза, разыскивая в них понимание. – В магии льда я не сильна, скульптуры мне не поддаются, а для танцев у меня на этот вечер нет пары, вот и...

– Это был мой кабинет!

– Конечно, ваш... – она пожала плечами.

– Вы полагаете, мне мало проклятий на дверях, спятившего Мюблиума и ежедневных писем из Королевского образовательного совета? – Керроу стер рукавом испарину со лба. – Ваша ящерка... А я уверен, что это была *ваша* ящерка, просто увеличившаяся раз в сто после того, как пролезла под дверь... Так вот, вы сейчас сходите туда со мной и своими невинными глазками посмотрите, что она там натворила!

– Я все уберу, сир.

– Еще как уберете. И думаю, на сегодня бал для вас закончится, – Керроу развернул Рисску за плечи и подтолкнул к выходу, продолжая ворчать. – Вы думаете, чары увеличения питомцев просто так запрещены в Академии?!

Варх Всемогущий... Я в отчаянии косилась вслед уходящим Рисске и ректору. Хотелось броситься за ними и предложить свою помощь. Только переодеться сначала, чтобы драгоценное платье не изорвать.

Но что-то останавливало. Сначала это было неявное ощущение, что Фенриссе нужно разобраться самой, по-взрослому. А потом – вархова пятерня, снова требовательно сомкнувшаяся на моем запястье.

Глава 22

Глава 22

– Вы слишком рано убежали. Я не все сказал, – напомнил о себе Рэдхэйвен, явно раздосадованный моими теориями об отсутствующих пунктах в договоре.

– Вы чрезвычайно навязчивы, сир, – посмотрела на него с укором. Вспомнила его «привыкайте» и вздохнула. Пытаясь привыкнуть.

Вообще хитанцы в плане контрактов очень педантичны. Умудряются выстроить все так, что ты оказываешься им должен со всех сторон. Максимальная выгода для себя в каждом пункте.

Странно, что опытный столичный мастер не учел нюансов и не прописал все обязанности той стороны, которая я. Может, если внимательно почитать бумагу, там и другие лазейки найдутся. Касательно «разнообразных смыслов».

Рэдхэйвен поджал губы, напорвшись на холод, сквозивший в моем взгляде. Привычка, как ни пыталась, не вырабатывалась.

– Моя должность при дворе предполагает большую ответственность. Если меня перестанут слушать и подчиняться беспрекословно, завтра мы можем лишиться половины двора, – брови хитанца сошлись на переносице, и сквозь холеный загар проступила усталость. – Я бываю резок, уперт и непреклонен в том, что касается моих решений. И если уж я что-то...

– К чему эта исповедь, сир?

– К тому, что у меня сложный характер, но ваш, видит Варх, не лучше, – кашлянул в сжатый кулак. – Так и быть, в качестве исключения и из уважения к вашей «зоне комфорта», разрешаю вам сегодня танцевать с тем, с кем хотите. Не забывая о приличиях и моем здесь присутствии.

И все бы неплохо, но за снисходительный взгляд, сдобренный великодушным «разрешаю», его захотелось немедленно ошипать. И пустить на суп вместе с блестящими эполетами.

– Тогда я, в качестве исключения из собственных правил и из неуважения к вашей эгоистичной манере хватать все, что движется, и брать все, что нравится... – я задохнулась от сумбура в голове и

медленно выдохнула, формулируя мысль. – Так вот, я запрещаю вам сегодня танцевать с этими квахарками. С моими однокурсницами, то есть. Я, видите ли, не успела сделать ставку в новом пари.

– Что за пари? – пропустив пылкую речь мимо ушей, сдержанно поинтересовался жених-самозванец. – Мне стоит волноваться?

– Неважно. Ерунда, – отмахнулась, растирая щеки.

Это не стыдливый румянец вовсе, а так... попытка согреться. Чем больше появлялось в зале ледяных скульптур, тем явственнее ощущалось, что ткань платья могла быть и потолще.

– Хорошо, Эйвелин. Я вас услышал, – вдруг кивнул Рэдхэйвен и притянул меня за запястье к себе. Отпустил руку, оставив вот так стоять рядом с собой. Не удерживая больше. – Но один танец своему «рабовладельцу» вы точно задолжали.

– Разве что один, – выдавила хрипло.

Рэдхэйвен едва держал меня за кончики пальцев. Тянул в центр несильно, почти небрежно. А я все равно послушно шла за ним, ощущая невидимую ниточку, что связала наши пальцы нерушимо. Вархов контракт...

И все представляла, какими же рогами он наградит отца за мое непослушание. Витыми или ровными, в крапинку или в полоску? Может, не так уж и не к лицу они папеньке будут?

Рогатых мужчин я видела только на картинках, посвященных вторжению керрактских демонов. И не сказать, что выглядело совсем уж плохо. Вполне стильно, а папе не помешает немного освежить образ.

За те же кончики пальцев, которые от проклятых прикосновений то немели, то кололись, то будто искрили крошечными молниями, мастер притянул меня к себе. Я безропотно притянулась на пристойное расстояние. И заупрявилась, когда он попытался его сократить до непристойного.

А потом прикрыла глаза и просто понадеялась, что он не станет гонять меня по залу в одном из пафосных столичных танцев. Этим пусть на приемах Ее Величества балуется. А я, хоть и учила простейшие движения в школе, но без практики много лет. На теормаге мне и без танцев есть чем себя занять.

Воздала хвалу Имире Сиятельной, когда мастер повел меня под мелодию спокойно, неспешно и бережно кружа на поворотах.

– Так пойдет? – сощурился насмешливо. Негодяй!

То ли у меня снова уши покраснели, выдавая неловкость, то ли своим умом дошел.

Его теплая ладонь грела кожу через тонкую ткань, и я, изрядно подмерзшая в окружении ходячих ледышек, как будто не возражала. Даже незаметно прижалась к мужчине на одном из поворотов, выдав движение за случайный пассаж.

Чего у Рэдхэйвена не отнять – под распахнутым мундиром он был таким жарким, словно ему под ребра всунули керрактский вулкан целиком. Там, в прижатой ко мне груди, что-то опасно билось, бурлило и срывалось с цепи, грозя извергнуться кипящей лавой и испепелить все вокруг.

– Замерзла? – разгадал он мой постыдный план уже на следующем повороте. И прижал к себе теснее, игнорируя неуверенное сопротивление.

– И вовсе нет, – помотала кружащейся головой, ловя в фокус размытые силуэты танцующих вокруг пар. И косясь на верховы эпoletы, накрепко пришитые к плотной пиджачной ткани... Под которой наверняка очень, очень тепло.

Мысли закружило вместе с телом. Я зачем-то представила, как это, должно быть, приятно – быть целиком прижатой к проклятому мужчине. Обнятой сильными лапами. Быть нужной... в самых разных смыслах. Будто чары «Эйфории» случайно словила, ей Варху.

Музыка стихла, и Рэдхэйвен, перехватив мой задумчивый взгляд, с кривой ухмылкой принялся стаскивать с себя мундир. Этого только не хватило! Посреди зала, у всех на глазах!

– Не вздумайте! – захлебнулась шипением и отпрыгнула от него ужаленной каффой.

Да я лучше сама в ледяную скульптуру превращусь. Или в призванного из морозного воздуха голема. И растаю поутру, избавившись от проблем и расшатывающих мой мир потрясений.

– Мисс Ламберт, вы ведете себя, как...

– Долг отдан? Рабовладелец доволен? – поджала губы, загоня представившуюся чепуху поглубже в голову.

Авось она там сама потеряется, потонет под грудой известных фактов и больше никогда не всплывет.

На словах про «рабовладельца» ухоженное лицо хитанца дернулось, словно ему отвесили пощечину. Я вполне могла допустить, что ему это неприятно. Без всяких аналитических выкладок. Но, наверное, не стоило заставлять отца подписывать брачный контракт, пока я была в отключке, искусанная и измятая?

Поглаживая себя по замерзшим плечам, я вернулась к Диккинсу. Парень держал бокалы с чем-то розовым и малосимпатичным и один настойчиво протягивал мне. Но я покачала головой: она и без подозрительных напитков кружилась заведенным волчком.

Оглядела зал, поискав подруг. Тейка все еще возилась на улице с ледяным шедевром, Рисса, по всей вероятности, прибиралась в кабинете Керроу.

Ректор тоже до сих пор не вернулся. Пользуясь его отсутствием, студенты расслабились. В дальнем углу зала две скульптуры устроили бой, с треском рассыпая по полу ледяную крошку. Иллонка привычно принимала ставки.

Оркестр принялся наигрывать бодрую анжарскую мелодию. Летисия с Берроу вприпрыжку проскакали мимо нас, искристо смеясь и прорубая сложенными ладонями себе дорогу.

– Это же наша... аквелукская... – узнал Вейн, залпом допивая из обоих стаканов. – Керроу прибьет, если услышит.

За Лети и Джи-Роузом проскакали в неприличном деревенском танце еще три пары, и мой взгляд наткнулся на кривящегося хитанца. Смесь тошноты и недоумения так явственно пропечатывалась на загорелых скулах, что я просто не могла это игнорировать. Хотелось созерцать и созерцать, наслаждаясь видом.

План маленькой, но кровожадной мести складывался сам собой. Чем ниже сползала физиономия надменного королевского мастера, тем четче. Прямо по пунктам.

– Пойдем, Эв! Пока ректора нет, – хохотнул Диккинс и предложил мне вытянутую вперед ладонь.

– Прости, Вейн. Я обещала этот танец... Может, следующий? – пробормотала, обходя парня и направляясь напрямиком к хитанцу.

Тот явно скучал на анжарском празднике жизни. Может, даже мечтал провалиться в бездну мрака. Лишь бы не слушать истеричные подвывания бешеной скрипки, трель спятившего пианино и непристойный топот двух десятков ног.

– Знаете, сир, я бы еще потанцевала, – поймала ладонь удивленного хитанца, сомкнула наши пальцы в замок и вытянула руки вперед, готовая прорубать толпу импровизированным ледоколом.

Пусть Рэдхэйвен в полной мере осознает, что такое «девица из Аквелука» и с чем это сомнительное блюдо едят... Авось прямо тут и подавится. Овдоветь до свадьбы – идеально.

– Мисс Ламберт, не думаю, что мое присутствие там уместно, – он брезгливо покосился на танцевальный круг, по которому скакали мои однокурсники. – Эти дикие звуки...

Музыка стала громче, грозясь разорвать барабанные перепонки, и Рэдхэйвен поморщился.

– Разве я не в своем праве? – недоуменно вздернула бровь, подталкивая его вперед. Еще пара шагов – и нас окружит вместе с толпой. – Давайте, шевелите ногами, сир, что вы как гхарр умирающий... Отдавайте свой долг супружеский. Или какой там отдавать положено?

– Я вам потом расскажу, Эйвелин, – протянул с угрозой и сжал мои пальцы своими. – Какой положено...

А может, и не лучшая это была идея. Но поздно: нас подхватило взрывной волной и потащило вперед, в самую гущу скачущих тел.

Старинный анжарский танец больше напоминал коллективный припадок, в котором то и дело нужно было подпрыгивать, задирать ноги и громко вскрикивать. Если Долия не соврала, такими плясками по весне призывали урожай. Или другое плодородие, супружеское... Варх его вспомнит. Что-то точно призывали!

– Шустрее, сир Рэдхэйвен, иначе нас затопчут, – запыхавшись, поторапливала мастера. – Вам что, гхарр на ногу наступил?

– Эйвелин... – сопел сердито, явно записывая мне в долг еще сколько-то там смыслов.

Мое черное-золотое, до безобразия элегантное платье непристойно взмывало вверх, стоило задрать колени или подпрыгнуть. Струющаяся ткань легко поднималась и опускалась, заставляя лицо столичного сноба то темнеть, то бледнеть. То вовсе сползать в сторону пола.

– Расслабьтесь, сир рабовладелец. И попробуйте получить удовольствие, – фыркнула, продолжая скакать ужаленной самкой

гхарра в месиве студенческих тел. С энтузиазмом знакомя хитанца с древними анжарскими обычаями.

– Дикарка, – проворчал мастер, подкидывая меня синхронно с соседними ребятами.

Лети рядом залиvisto хохотала, приземляясь прямо в руки Джи-Роуза. И я тоже улыбнулась. Ну какая я дикарка, ей Варху? Самый скучный теоретик на курсе, фанат бытовых плетений и жизни без потрясений. С легко прогнозируемым будущим в виде квадратных носов, сияющей ауры и «квахаров» на голове.

Музыка не сбавляла темп, и моя спина уже взмокла под драгоценной тканью. Волосы сбились, щеки пылали... Зато я больше не мерзла.

В жар бросало от одного взгляда на Рэдхэйвена, не отводившего глаз от моих ухмыляющихся губ. Мрачного и сосредоточенного, как сгусток отборной тьмы. Наверное, ровно в этот момент он начал догадываться, что с «приручением» возникнут проблемы.

Музыка резко оборвалась, и проклятый магистр издал тихий стон облегчения. А потом глянул на меня так, что я уменьшилась в размерах. Раза в два минимум.

На лице хитанца отразилось острое желание меня покусать. Потом повсеместно ощупать с пристрастием. И в финале наградить десятком заковыристых проклятий. Прямо сейчас, не стесняясь Керроу, в пух и прах разносившего своевольный оркестр.

Не дожидаясь, пока мой «жених» от теории перейдет к практике, я ломанулась через весь зал в темный коридор.

Уффф...

На бегу, пробираясь сквозь толпу попритихших студентов, отметила, что Диккинса нигде не видать. И трехтонное чувство вины склонило плечи к самому полу. Тьма!

В теории я знала, как вести себя правильно. В смысле отношений с парнем, который немножко друг. Или с другом, который временами парень. Но на практике вечно все шло наперекосяк.

Стоило, конечно, и напиток для приличия пригубить, и на «анжарскую польку» с Вейном согласиться. Тем более, что рабовладелец сжалился и дал добро. И какого гхарра я опять к Рэдхэйвену потопала?

– Ты Вейна не видела? – спросила у Килиры, тяжело дыша после припадочного танца.

– Видела, Эв, но...

– Где?

– В магистерском корпусе, он шел к статуе Имиры, – повела плечом Кили, и я сделала резкий разворот в указанном направлении. – Слушай, ты бы не...

Я стремительно удалялась от Килиры, шурша юбкой по холодному полу. И наконец пышное сияние праздничного зала сменилось темнотой и тишиной.

Кому придет в голову шататься по учебным корпусам, когда в главном проходит Бал Варховых даров? Только «зануде Ламберт». Кому ж еще?

Диккинс обронил еще на первом курсе, что абы с кем к статуе Имиры никогда не пойдет. Что готов бродить по коридорам «одиноким грикхом» и ждать «ту самую крикетку» столько, сколько нужно. Ухмыльнулся тогда и щелкнул меня по носу. Но в голове крутилось какое-то плетение, и я не стала уточнять, о ком речь.

Позже поняла, конечно. А в этом году он открыто сказал, что будет терпеливо ждать за статуей Имиры меня. Фигурально. Образно. Имея в виду мою готовность к... «самым разным смыслам» и всему такому.

И я вроде как почти приготовилась. Смирилась с неизбежным. Даже собиралась туда с ним пойти – не образно, а прямо по-настоящему. Ногами.

А вдруг Ровейн и правда стоит в том темном коридоре, как «одинокий грикх», и отмораживает себе все, что на улице не успел? Ждет глупую крикетку, решившую записаться в вечные теоретички?

Далеко позади раздавались еще чьи-то гулкие, тяжелые шаги, словно по коридору шло двое или трое мужчин. Они переговаривались, и мне вновь померещился голос Рэдхэйвена. Но это обычное дело. Он мне все время мерещится.

До статуи Имиры оставалось несколько метров, но я уже отсюда заметила силуэт. Необычный, о четырех ногах и примерно с таким же количеством рук, диковинно переплетенных. Сердце испуганно трепыхнулось, но забило вновь. Это вовсе не очередная тварь

изнанки с извилистыми щупальцами. Просто парочка, решившая пообниматься.

Из-за светлых волос, торчащих во все стороны, так сразу было и не понять, где Вейн, а где Элодия. Но сделав еще несколько шагов и хорошенько проморгавшись в коридорном мраке, я нашла выдающиеся плечи. Они были слева и по ним ползали ноготки Элодии, легонько поцарапывая.

Сам Диккинс зажимал ее в углу, шерудил лапой под юбкой и... старательно облизывал ее ухо. Фу. Брр! Кошмар какой.

Я как-то резко замерзла, вернувшись к состоянию «до бешеного танца с Рэдхэйвенем». Выдохнула, продолжая глазеть на самозабвенно жмурящуюся парочку. Ноги хотели бежать, но изумленный теоретик внутри меня жаждал быть замеченным. Чтобы ему все объяснили. Чтобы дали хоть немножко фактов для новых выводов.

Те, что напрашивались сами собой, мне не нравились. Выходит, Вейн не дождался за статуей Имиры меня. Ни образно, ни по-настоящему.

Мой средненький принц умудрился мне изменить. Не то чтобы сильно. Как-никак, это просто ухо. Мне Фидж его постоянно языком по утрам полирует – гадость редкостная. Ощущение, будто уснул в ведре с улитками.

И не сказать, что я умирала от гнева. Во всяком случае, пока. По сравнению с прочими это потрясение было крошечным и почти не пошатнуло мой привычный мир. Может, потому, что Рэдхэйвен его уже до состояния магической пыли низвел, бесцеремонно потоптавшись на планах и мечтах.

Очередной пинок от богов воспринимался как дурацкая насмешка. словно ты по легкомыслию спросил у судьбы: разве может быть хуже? Да куда еще больше-то? А она, такая дотошная, решила тебе показать. «Ну, допустим, вот сюда».

В общем, измена получилась средненькой. На троечку. В конце концов, мы ведь ничего друг другу не обещали. И в верности не клялись.

Вейн заерзал под моим взглядом, въедающимся в его плечи. Дернулся, обернулся и медленно выпутался из рук мисс Хаммер. Счастливой и победоносно сияющей.

Сам Диккинс не сиял и вместе со мной мечтал провалиться в адову бездну. То есть не вместе, а по отдельности: ему в свою бездну, мне – в свою. Нечего нам с ним теперь делить.

Элодия ухмылялась, источая светящимся лицом превосходство. Даже слюни с уха не спешила вытереть, демонстрируя мокрую кожу как вархов трофей. Она, в отличие от меня, сделала решительный шаг прочь от квадратных туфель и «квахаров».

Вейн осторожно отстранился от нее. Но джентльменский набор средне-положительных качеств не позволил ему отпрыгнуть от объекта облизывания на два метра и притвориться случайным свидетелем чьего-то позора.

– Эв... – он сглотнул, продолжая раздирать меня отчаянным взглядом.

Пожала замерзшим плечом: ну как так-то? Было не насмерть больно, но обидно. Пакостно. На языке горчило, глаза наполнялись слезами.

Я ведь еще надеялась разобраться с рабским контрактом. Или лазейку найти, или заставить Рэдхэйвена самого от меня отказаться. Вот ради Вейна, между прочим. И ради себя, само собой.

Смотреть друг на друга и дальше было глупо, и я, решительно оттолкнувшись от пола, понеслась в обратную сторону. Бежала, впрочем, недолго. Уже через пять или шесть размашистых шагов влетела в твердое нечто, обтянутое черно-золотой тканью. Глаз уловил сверкающий эполет, и я зажмурилась. Гадство!

– Мисс Ламберт? – прохрипели над самой макушкой, пока мои слезы бессовестно размазывались по чужой нарядной одежде.

Спасу от него нет. Я проклятого магистра скоро по запаху узнавать начну. Да что там... уже начала. Он накрепко вьелся мне под кожу за время танца и обещал пробыть со мной минимум до рассвета.

– Прошу прощения, сир Рэдхэйвен... – я отлепилась от мужчины. – Я сегодня сама неуклюжесть.

Позади моего рабовладельца виднелась фигура Керроу. На загадочных лицах читалось, что шли они в кабинет ректора – побаловаться дымными камешками и за бокальчиком анжарского добба повспоминать академическую юность.

Красноречиво шмыгнув носом, я протерла щеки и обошла Рэдхэйвена. Кивнула Керроу, задрала подбородок и шатающейся

походкой поплелась к переходу в спальное крыло.

Завернула за угол, облокотилась на холодную стену и тяжело вздохнула. Фуххх! Мысленно прокляла всех, кто остался в коридоре. Кроме красавца ректора, он Риску за дело отругал. Это ж надо было додуматься. И, главное, без меня!

Желания вернуться на бал внутри не нашлось. Горло распирало рвущимся хрипом, в груди что-то рвано булькало. Пришлось с прискорбием сознаться себе: я вот-вот разревусь по-настоящему. Самым постыдным образом, даже не дойдя до своей комнаты.

Навстречу по открытой галерее шли квахарки с элитного боевого, шурша по полу шелками и задорно смеясь, и я резко взяла влево. Нырнула в проход, ведущий в корпус практической магии. Прижалась к колонне, мечтая остаться незамеченной.

По моей драгоценной юбке заплясали радужные блики. Еще одна дверь из тех, проклятых, красовалась прямо перед моим носом. Здесь Рэдхэйвен еще не успел поработать, и вход защищал экран.

Сквозь мокрые ресницы видела, как за сверкающим щитом серебрится голубая нить сотканного проклятия. Ажурный круговорот, начинающийся на свету и к центру уходящий в бездну. Мюблиум явно был в ударе, когда все это наворотил. В его возрасте непросто так точно соединять энергетические потоки.

И все-таки старый профессор допустил ошибку. Я видела ее ясно, теперь уж точно. Словно прозрела от слез.

Вот этот последний завиток, что чернел у центра, должен был хвостиком соединиться с начальной точкой. Замыкать плетение. Но он оборванно висел в воздухе коридора, как одинокий грикх. Наверное, тоже ждал «ту самую крикетку».

Я подошла ближе, присмотрелась к рисунку, подмечая все новые странности. Энергетическая нить, питающая чары, была намотана на основное кружево без всякого плетения-переходника. Так и вовсе без пальцев остаться можно!

До чего грубая ошибка. Такой даже я не совершу, разве что первокурсник какой. Но не Мюблиум же?

Может, старик пытался этим что-то сообщить? Выделить как-то проклятую дверь? Да нет, не складывалось...

Все мое теоретическое существо просило исправить чужую ошибку. Я замороженно протянула руку сквозь экран. Пальцы

защекотало непривычной магией, но та легко меня пропустила.

Поддела одинокий хвостик, зажала подушечками и аккуратно потянула к начальной точке. Еще немного...

По проклятой двери прошла дрожь. Плетение с треском разорвалось, скатившись на пол голубыми ошметками. По полотну пробежала глубокая черная трещина. Задымилась, заискрила красным...

Мать гхаррова!

Из разлома в двери на меня бросилась чернота.

Глава 23

Глава 23

Нет, нет... Только не это! Пустите!

Окутанная черной мутиью, я едва соображала. Барахталась в вязком тумане, то теряя сознание, то снова приходя в себя. И понимая, что меня все время куда-то тащат.

Я пыталась вырваться, истерично поскуливая и надрывно дыша. Тьма лезла в нос, отбивая всякое желание делать вдохи. Но без воздуха становилось еще хуже.

В глазах потемнело раз и навсегда. Настолько беспросветно, что уже и не верилось, что когда-нибудь зрение вернется. Запахи и звуки – вот все, что осталось со мной. И еще ощущения... Как вязкий мрак скользит по коже. Как сменяется руками, которые меня снова куда-то тянут.

Я билась в истерике, царапаясь и орудуя коленом, так кстати выпутавшимся из длинной юбки. Угодила во что-то твердое, ахнула одновременно с приглушенным стоном и хриплой заковыристой руганью. Следом жертву нашел мой локоть. И меня, наконец, оставили в покое.

Выплывать из черноты оказалось болезненно. Свет даже сквозь закрытые веки резал глаза. И я бы ни за что не стала их разлеплять, если бы не он. Запах...

Не было ничего желаннее на всем свете. Крепкий, анжарский, черный... Ммм! Я втянула носом ароматный воздух, сладко жмурясь. Повела головой в сторону его источника... и, соскользнув с подушки, ударилась обо что-то твердое. Варх побери!

Проворчав привычный пассаж о гхарровых копытах, я вернула себя в прежнее положение. Затылок блаженно окунулся в мягкость, и я открыла глаза. Пошевелила затекшей шеей, и та неприятно хрустнула.

Что-то было не так. А если точнее – все. Подушка не моя, одеяло – не мое... И потолок. Он тоже был чужим. И подозрительно отдаленным. Так, будто лежала я не в кровати, а...

– На полу? Почему я на полу? – просипела спросонок, вперив оба невидящих глаза в мастера проклятий, попивавшего на диване кофе.

На ректорском, между прочим, диване!

Этот кабинет я изучила еще на первом курсе: Рисса постоянно подбивала меня на мелкие пакости, будто специально желая попасть на разнос к «красавчику Керроу». Хотя... почему «будто»? Так и было, строго по плану: напакостить, попасться и со счастливой улыбкой получить нагоняй. Эх, славные были времена.

Мой внутренний теоретик, измотанный нестабильностью чуждого мира, вяло пришел к выводу, что я лежу именно на ректорском полу. Если вокруг стоит мебель Керроу, а со стены смотрит знакомая картина с прекрасным дамским ликом, стало быть, и пол, и потолок – тоже Керроу. И в отличие от Риссы, я в кабинет «красавчика ректора» сегодня совсем не стремилась.

– Вы упали, – выдал очевидное Рэдхэйвен, ерзая на мягкой бежевой обивке.

Мне тоже было не твердо. Об этом свидетельствовали затылок, с комфортом расположившийся на чьей-то подушке, и тело, прикрытое чужим одеялом. Черным. С золотыми вензельками.

Раньше в кабинете Керроу такого не валялось. Но и я на его полу, надо признать, валялась впервые.

– Я упала не тут, – заметила упрямо.

Вяло припомнила последние секунды до черноты. Ошибка в плетении, взрыв, трещина на двери... и опасная темная муть, сграбаставшая меня в свои объятия. Это было там, в коридоре учебного корпуса... Не тут точно.

– Вас перенесли.

– На пол?! – возмутилась вопиющей бестактности, сверля мастера заплаканными глазами. Ресницы до сих пор были мокрыми, а щеки сырыми и липкими. – Вы-то, как я вижу, с удобством расположились на диване!

– Вы тоже не без удобств, – Рэдхэйвен лениво поднялся, не выпуская вожделенную чашку из рук, присел рядом со мной на корточки и кивнул на одеяло. – Я, видит Тьма, пытался устроить вас комфортнее, но... Приближаться к вам, мисс Ламберт, опасно для жизни. И временами для психики.

Так, куда угодил мой локоть, понятно: на скуле королевского проклятийника расползлось розовое пятно. Почти не заметное из-за загара и плохого освещения, но все-таки... пятно, да. Рукотворное. Даже думать не хочу, где отметилось мое колено.

– Ну и зачем вы туда полезли? Кому и что пытались доказать? – строго отчитывал Даннтиэль, сопя так забавно... как старенький маг-вояжер, удрученный разбитой дорогой. Но понимающий, что с пути уже не свернуть и ему придется по ней поехать. – Я же предупреждал, что экраны там не зря! И проклятия очень сильные.

– Рога зеленые захотелось, – пробурчала, закатывая глаза к ректорскому потолку. Где прохлаждался сам Керроу – история умалчивала.

– А больше вам ничего не хочется?! – прошипел в гневе рабовладелец.

Расстроенный, видно, тем, что его «собственность» чуть попортилась. И без его участия! Хотя я не видела на себе никаких серьезных повреждений, тело ощущалось еще более помятым, чем ранее.

– Хочется, – выдохнула виновато. – Кофе ваш хочется... И поесть чего-нибудь. И поспать. В своей комнате.

Насупившись и нахохлившись, как квахарка на насесте, Рэдхэйвен все же протянул мне свою чашку. И покрутил перед моим носом указательным пальцем.

– Прольете на подушку, отрастет кое-что похуже рогов, – предупредил высокомерно. Да я и без его намеков догадалась, чьи эти золоченые вензельки.

Похуже рогов... Подумалось про грудь. Хотя какое же это проклятие?

Мне бы не помешало, стань она немножко увесистее и объемнее. Вот как у белокурой дамы на портрете. Привлекательной очень, светлоокой, с милейшими кудряшками у висков и немислимым узором из золотых косичек под... под...

Кофе пошел носом, и я закашлялась, в панике прикрывая рот свободной ладонью. Тьма!

Я не создана для рогов! И для потрясений. И для сна на полу под одеялом вархового Рэдхэйвена...

– Отдайте чашку, – велел рабовладелец, пытаясь отобрать то единственное, что вселяло в меня уверенность.

– Да тут пара пятен всего! – отмахнулась от самовлюбленного хитанца, торопливо допивая обжигающий кофе. И продолжая кашлять, но теперь уже в сторону. Подальше от бесценной ткани. – Уверена, у вас еще с десятков комплектов, и все в вензельках...

– И что такого необычного вы узрели в портрете Элси? – хмыкнул тот, оставляя нас с чашкой в покое.

– Элси?.. – я аккуратно ощупала голову. Фууух. Рогов там не появилось.

– Элсинор. Так ее зовут. Вы не в курсе? – он недоуменно наморщил лоб.

«Элси»! Ну и квахар... Потенциально оципаный.

– Раньше мне хватало «Ее Величества», – пожала плечом, искоса поглядывая на корону, приминавшую светлые волны волос. Раньше я этот аксессуар не замечала. А вот теперь как заметила, как сделала выводы... – Так это вы *ей* снимали проклятье с каблуков на выходных?

Я думала, она постарше. И поморщинистее. И вообще...

– Не с каблуков, – сдержанно улыбнулся вархов Рэдхэйвен и забрал у меня пустую чашку. – Вас это смущает, Эйвелин? Моя служба двору?

– Смущают меня наш контракт и всякие разные смыслы, – недовольно прошипела, подгребая одеяло повыше. Вот где носит Керроу, когда он так нужен? Разве можно оставлять обморочную студентку в компании проклятого хитанца? – Ну и какого гхарра я оказалась на полу под вашими бесценными вензельками? Что вообще произошло?

– Вы нарушили целостность плетения и грубо разбили проклятие, Эйвелин, – хитанец уселся на пол рядом со мной, согнул ногу в колене и уперся лопатками в низкий диван. Впрочем, от столь демократичной позы высокомерия в его надменном профиле ничуть не убавилось. – Вообще-то это моя работа... Ума не приложу, как вам удалось. Расскажите?

– Оно само лопнуло.

Я потрянула волосами, и голову наполнил колокольный звон. Огляделась повнимательнее, подмечая на этот раз на ректорском столе и наполненные стаканы с анжарским доббом, и россыпь серых

дымных камешков. Мое внезапное появление на полу явно нарушило чьи-то веселые посиделки. Да так, что королевский мастер перешел на кофе, а Керроу и вовсе исчез.

В груди отдалось неявной, смутной болью. Не столько горькой, сколько обидной. Я ведь налетела на него в том закоулке у статуи Имиры! И вряд ли Рэдхэйвен не понял причины моих слез. Уж больно красноречивая картина открывалась за спиной...

А может, он как раз и отмечал тут очередное крушение моих надежд? Или «жениху-самозванцу» попросту все равно? Второй вариант больше походил на правду: едва ли ему хоть до чего-то есть дело. Он тут просто гость. И в моей жизни, и в забытом Вархом Анжаре.

– Само? – переспросил мастер, пытливо разглядывая мой наморщенный лоб.

– В плетении была ошибка, – задумчиво прорисовала пальцем золотой узор на его покрывале, – и оно распалось, едва я прикоснулась к точке соединения. Как-то так.

К гхаррам этого гхарра! У меня есть проблемы и поважнее его равнодушия. Оно и вовсе не моя проблема. Чья-то чужая, может, той самой «Элси».

– Хмм... И как вы обошли *мой* экран?

Столько он вложил силы и напора в слово «мой», что я прониклась уважением. К экрану. Не чей-то там, а *его*. *Самого* Рэдхэйвена. Ну вы только подумайте!

– Шла, шла и обошла, – профыркала, припоминая свои истеричные блуждания по коридору.

– А потом?

– А потом неправильное плетение бабахнуло. Дверь разорвало, и на меня набросилась черная муть. Она меня всю облапала и куда-то потащила... И не только она. Облапала. Снова!

С укором покосилась на розовое пятно, изящным штрихом разметившее лицо Рэдхэйвена. Теперь мне ясно вспомнилось, как именно мое колено выпуталось из длинной юбки. Ему кто-то помог выпутаться, нагло под нее забравшись горячей пятерней!

– При сломе сильного темного проклятья в материи образуется небольшой разрыв, – с отстраненным видом вещал хитанец, игнорируя мой убийственный (я надеюсь) взгляд. – Поэтому важно быть

настороже: некоторые сущности только и ждут, чтобы получить такое приглашение и прорваться в Эррен. Вам повезло, мисс Ламберт. Вы наткнулись всего лишь на хаотический морок. Вполне дружелюбная субстанция.

– Всего лишь? Повезло? Дружелюбная? – вспыхнула возмущенно.
– То-то он ко мне так рьяно «обниматься» полез!

Да что там за проклятия такие наворотил Мьюблиум, что из них лезет не пойми что?!

– Вообще-то... – мастер смутился, выдохнул и продолжил: – Он именно это и пытался сделать.

– Это я упала и ударилась. Не вы, – напомнила хитанцу.

– Он, видимо, опять позабыл, что тесное общение с изнаночными сущностями вызывает у людей глубокий обморок. Даже у тех, кто обладает природным темным даром.

Моя челюсть никак не желала подниматься с пола, отряхиваться и вставать на место. И тут я ее прекрасно понимала. Я тоже так и сидела на ректорском полу, не рискуя лишний раз шевельнуться.

– Вы уверяете меня, что оно... это вот... черное и с хоботком... обняться со мной хотело? – недоумевающе хлопала ресницами.

– А кто бы не хотел? – задумчиво пробормотал Рэдхэйвен, подтягивая за кончик одеяло на себя. – Вы ему понравились.

– Я? Мороку?

– И мороку тоже, да, – сглотнул королевский мастер, цепляясь за меня чернеющими глазами. – Он даже доставил вас сюда, осознав, что натворил. Телепортировал прямо в ректорский кабинет, чтобы невольной жертве поскорее оказали помощь.

– Почему не в целительский корпус?

Керроу у нас явно не мастер первой помощи. Он больше по заковыристым наказаниям.

– Потому что я был здесь, – отрезал Рэдхэйвен, скидывая с меня одеяло до колен и поправляя сбившуюся лямку черного платья.

– Так это ваш старый приятель? – дернула плечом. – Тот, с которым вы повздорили?

– Он самый, – недовольно выдохнул мастер. – Морок Кхи-Гарда. Я его только нашел и вернул, а вы снова впустили...

– Да будто я специально!

– Прячется теперь в каком-нибудь темном углу и ждет, пока я в очередной раз найду и отправлю домой. Считает это варховой игрой. Забавой! – фыркнул он, наматывая уголок одеяла на кулак. Тот самый уголок, который с двумя кофейными пятнами. Ну ладно, может, и с тремя. – Для морока он весьма молод, непосредственен, непослушен... Опять ругаться будем.

– И как вы его отыщете в темном углу, если он и есть темнота? – втянулась в гипнотическую беседу.

– Я? Никак. Вы найдете, – ухмыльнулся Рэдхэйвен. – Сами выпустили, сами и разгребайте. Дар у вас есть – пользуйтесь. Заодно попрактикуетесь на вполне безобидной сущности. Его переезд на изнанку бытия теперь на вашей совести.

В повисшем молчании я нервно сглотнула и покосилась на стакан с доббом. Студентам его запрещают. Но конкретно сейчас я была готова нарушить правила. Более шатким мой мир все равно уже не станет.

Переезд на изнанку! Обнимающегося морока! На моей совести? И ведь это не самое сильное потрясение за сегодня...

Затылок щекотало неприятное чувство чего-то забытого. Важного, но ускользнувшего из-за суматохи. Мой теоретический ум встряхнулся и принялся за работу, разматывая скомкавшийся моток из воспоминаний.

Так... До того, как оказаться на ректорском полу, я была в коридоре. Глядела на дверь за радужным экраном. А до этого – пряталась от девиц с элитного боевого, размазывала слезы по щекам и старалась не разреветься сильнее. А до этого...

Точно. Вейн. И Элодия. И статуя Имиры.

Вот ведь гхарр блудливый!

Я прислушалась к организму, шмыгнула пару раз носом... Нет, плакать мне больше не хотелось. А вот крушить, кусать и царапать (чью-нибудь среднестатистическую физиономию, к примеру) – вот этого очень даже.

– Правильно, Эйвелин, – одобрительно кивнул Рэдхэйвен, про которого я на секунду позабыла. А вот он от меня взглядом не отлипал. И воинственный вид заметил сразу.

– Мм?

– Лучше злитесь. Вы же дикая вирра. Драчливая, упертая, гордая... А тут рыдать вздумали. И из-за кого? Из-за *этого*? Зеленого юнца, облизавшего первую подвернувшуюся девицу?

– То есть, если бы я плакала из-за вас, то все было бы в порядке? – насмешливо подняла бровь.

– Это я мог бы понять. У меня в некотором роде талант доводить до слез, – он серьезно кивнул.

– Вот не надейтесь даже, – профыркала, пытаясь определить, кого из этих двоих я сейчас ненавижу больше. Вейна или рабовладельца.

Диккинс, к прискорбию, лидировал. С солидным отрывом протяженностью в вархову бездну.

– И зачем вы прогуливались по темному коридору к статуе Имиры? – Рэдхэйвен смотрел на меня, поджав губы и о чем-то размышляя.

– Искала друга, – буркнула в ответ. – Что, шлепать будете? Или сразу кандалы нацепите?

Сунула ему под нос свои сложенные запястья. Но тут же убрала обратно под одеяло: глаза хитанца сверкнули плотоядно. Опасно. Словно он был совсем не против связать мои руки понадежнее и примотать куда-нибудь... к кровати изголовью, например. А потом, быть может, и отшлепать. Кто знает, чем там хитанцы развлекаются?

– До таких игр вы еще не доросли, мисс Ламберт, – рассмеялся над моим ошалелым видом негодяй и сам замотал сидящую меня в одеяло.

– А вы доросли?

Да Варх меня дернул такое спрашивать?

– Мне часто бывает скучно.

Да Варх его дернул мне ответить?

– Должен признать, что ваш бывший друг идиот.

– Нынешний. Друг, – пропыхтела упрямо. – Но что идиот – тут согласна.

– Он выбрал что попроще, подступнее, – продолжал Рэдхэйвен. – Решил, что с вами слишком сложно. Сдался, отказался от борьбы.

– Это не ваше дело. Вы вообще радоваться должны, что все так удачно сложилось! – воскликнула с обидой.

Проклятый хитанец сделал все, чтобы с Вейном получилось... как получилось. Запретил наш проект, нарядил меня в дурацкое платье,

танцевать потащил... В голову влез намертво, так, что не выкинешь! А теперь в свое одеяло в золотых вензельках заматывал. Как будто так и надо.

– Неужели вы всерьез расстраиваетесь, что этот патлатый юнец не ваше ухо слюнявил в варховом коридоре? – Рэдхэйвен придвинулся ко мне и понизил голос. – Я, конечно, не мисс Хаммер... Но сомневаюсь, что это было приятно.

Поглядела на него в упор, разыскивая подвох или насмешку. Не нашла и согласно вздохнула. Как истинный теоретик, я давно выдвинула гипотезу, что слюни и уши несовместимы. Но проверить на практике не довелось.

– Да, я тоже... сомневаюсь. Хотя откуда мне знать, – пожала плечом с напускным равнодушием. – Как вы верно заметили, в том коридоре была не я, а мисс Хаммер.

Опустила взгляд на черно-золотое покрывало с ажурным узором. Это действительно цвета его рода или мастер проклятий подбирает интерьер под изменчивый цвет своих диковинных глаз?

Подняла лицо слишком поздно, чтобы заметить его стремительное приближение. Тьма! В последнюю секунду отшатнулась, резко увеличив расстояние между моим ухом и загорелым носом. Он что задумал?

– Тихо, дикая вирра, – вкрадчивым, приручающим шепотом «успокоил» Даннтиэль и снова медленно подался ко мне. – Не бойся, драчунья...

– Сидите, где сидели! – сдвинула брови с угрозой.

– Всего одно прикосновение, – пробормотал гипнотизирующим шепотом. – Тебе понравится, Эйвелин.

– Да с чего вы это все берете? – засопела настороженно. – В Хитане все такие самоуверенные?

– Просто знаю.

Судя по темному взгляду, он нацелился на мое левое ухо. Движение ко мне – плавное, спокойное, – и вот уже мягкая щетина заскользила по щеке, а теплое дыхание защекотало волосы. Это показалось таким знакомым, что я замерла на вдохе...

...И резко ушла вправо, трусливо отпрянув от «дрессировщика».

– Вот зараза, – беззлобно проворчал тот, цепко ухватил за затылок и вернул к себе. Не успела опомниться, как его губы поймали ухо.

– Огхаррели?.. – поперхнулась ошеломленно. Похлопала ресницами и с силой зажмурилась, словив бешеный импульс, ударивший в затылок.

Точно огхаррел. Спятил. И меня за собой в эту бездну тащит.

...Кожу било мелкими разрядами каждый раз, когда он прикусывал мочку и с негромким рыком нежно оттягивал на себя. И когда скользил языком по ободку раковины. И когда ласково обхватывал губами внешний край... Теоретик внутри меня пытался все это анализировать, разыскивая подвох. Но быстро сдулся.

«Всего одно прикосновение»? Обманщик, негодяй... Хитанец! Тело тонуло в волнительных импульсах, лениво собираясь протестовать. Кошмар какой. Люди правда таким вот занимаются? Серьезно? Им больше заняться нечем?

– Ммм... – вырвалось из меня совершенно некстати, когда Даннтиэль принялся покрывать кожу за ухом торопливыми влажными поцелуями. Легкими, как прикосновения бабочек, но заставляющими шевелиться волоски на затылке.

– Вот как это делается, Эйвелин, – чужим, охрипшим голосом пробормотал он в мою шею.

Уткнулся лбом в мокрую кожу, выдохнул жарко, тяжело. К счастью, не видел паники на лице. Я как раз пыталась запихнуть обратно рвущееся с губ «А можно еще?».

– Больше так не делайте, – просипела, подтягивая одеяло повыше. Меня колотило непривычной дрожью (от возмущения, от чего же еще). Да и выглядела я сейчас не так прилично, как хотелось бы.

– Точно? – хмыкнул мне в шею и отстранился.

Варх Всемогущий... Он еще спрашивает! Проклятый искушитель!

Растерзанное ушко покалывало, живот томно подергивало.

– Эйвелин...

Напоролась на его мутный взгляд и не смогла отвести свой. Раскраснелась, уж само собой. Разнервничалась. Словно он смог все мои непристойные мысли в один миг прочитать.

– Т-точно, – выдохнула судорожно.

Мой растерянный вид и полная дезориентация в пространстве Рэдхэйвена явно развеселили. С вопиюще самодовольной ухмылкой он поправил мои волосы, спрятав под ними объект чувственных измывательств. Задержался пальцами на щеке, повернул к себе лицо.

– Ни гхарра не точно, колючка, – качнул головой, падая взглядом на мои губы. Выдохнул напряженно.

– Даже не думайте...

Хотя едва ли он сейчас о чем-то думал. Судя по мутнеющим глазам, королевский мастер стремительно терял остатки самообладания.

Окатил знающим взглядом накрепко прижатое ко мне одеяло. Словно ни секунды не сомневался, как все под ним выглядит. Схватил за шею и быстро потянул меня к своему приоткрытому рту.

Я извернулась, вцепилась рукой в мягкую подушку. Отрела ей мастера проклятий по самодовольной физиономии. В край огхаррел!

– Эйвелин!

– Вы переходите все возможные границы, сир, вы не находите?

– Не нахожу, – потер ушибленный нос. – Вы моя невеста.

– Это временное недоразумение.

– Ох, мисс Ламберт... Совсем вы меня...

– Зачубурахала? – подсказала с вызовом.

– Да... вот это... самое.

– Это ничего. Привыкайте. Мой мизаур постоянно жалуется.

Может, он бы и еще что двусмысленное сказал, но тут в кабинет вошел настоящий хозяин. Все такой же синеглазый и явно измотанный академическим праздником. Следом за Керроу недовольно трусил Граймс с чемоданчиком.

– Мисс Ламберт! У вас талант влезать в неприятности совсем не вовремя. Я, между прочим, ужинал, – сердито заявил док, и у меня в животе предательски заурчало.

Глава 24

Глава 24

Невозможные руки! Вот в самом деле невозможные! Разве можно так?.. И еще вот так... И вот тут... Вот тут – совсем нельзя!

Крепкие ладони продолжали гладить меня повсеместно, не слыша моих молитв, чтобы все неприличное скорее прекратилось. Я пыталась это остановить, честно! Просто язык совсем не шевелился, а мысли мои читать Рэдхэйвен не умел. И слава Варху.

Невыносимая пытка казалась бесконечной. Не знаю, есть ли на самом деле враги у короны, но если есть... Уверена, парочка таких ночей – и они выдадут все секреты. Потому что невозможно, и стыдно, и... ммм!

Кожа осыпалась мурашками с завидным постоянством. Они накатывали волнами, заставляя поджимать пальцы на ногах и мычать от беспощадного удовольствия.

Одуряющий запах лез в нос бессовестно. Я его еще на танцах прихватила, а после происшествия в ректорском кабинете у меня не осталось шансов на спасение.

Но запах не так сильно смущал, как пальцы, перебирающиеся от запястий к локтям, к плечам, к горячей от поцелуев шее. Сминающие кожу на лопатках, глядящие поясницу и все, что ниже... Говорю же: бесстыжий!

Наглый язык щекотно орудовал за ухом. Чужой теплый нос неприлично сопел, изредка чихая и путаясь в волосах.

Я вяло пыталась отпихнуть Даннтиэля. В голове крутилось что-то о том, что он мне пока не муж. И потом – тоже не муж. И не будет им никогда. И вообще он квахар недощипанный и гхарр линяющий, танцевавший с Кили и сбегавший на частном судне к Ее Величеству...

Но как ни отмахивалась, ловила руками только воздух. Словно Рэдхэйвен опять куда-то успел сбежать, оставив после себя горящую стыдом кожу и... и еще свой язык за моим ухом, да. Он там по-прежнему ощущался.

Я приоткрыла глаз и уткнулась в комок коричневой шерсти, уже местами побелевшей.

– Фидж! – взвизгнула возмущенно и резко села на постели. – Ну фууу!

– Тебя не добудишься, Эйфф, – проворчал мизаур, развалившийся на моей подушке. – Вертишься, как анжарский змей на сковороде, мычишь, как умалишенная, и ни гхарра не слышишь, о чем я тебе толкую...

– Облизывать-то зачем?! – истерично протерла ухо и скривилась.

Во сне все казалось куда приятнее. Неприличнее, да. Но приятнее.

– Шоковые процедуры. Ты проснулась? – флегматично уточнил мохнатый негодник.

– Да! – торопливо закуталась в кофту, потому что вид у меня был настолько же неприличный, насколько и сны. Вот какого гхарра Рэдхэйвен в них забыл?

– Эйви... Ты чего расшумелась? – Рисса подняла заспанную голову с подушки, и я все-таки осенила себя ритуальным знаменем.

Вся косметика на ее лице за ночь сползла на неположенные места. Дико хотелось позвать сира Райса, чтобы отправить нечисть восвояси.

– Простите, я думала, вы уже на завтраке.

– Завтрак... фууу... – простонала Тейка с постели. Она даже не разделась, так и лежала в алом шелке в обнимку с кубком за лучшую ледяную статую. Разглядев сквозь узкие щелочки меня, она вяло им помахала. – Мы с Филом победили... Ю-хууу! – и упала обратно носом в подушку.

Судя по заспанным лицам подруг, праздник продолжался до самого утра. И они, в отличие от меня, на славу повеселились.

– Ну что, кто-нибудь ходил к статуе Имиры? – смущенно прохрипела Рисска, умывая лицо очищающим плетением.

Я резко откинулась на кровать, чуть не прибив мизаура затылком. Статуя... Да. Кто-то ходил.

– Я, – призналась негромко. – И Вейн. Мы оба ходили.

– Да ладно! Эйви, вы с ним?..

– Мы по отдельности ходили, – пробурчала в потолок, напуская на себя максимально безразличный вид. – Сначала он. Потом я. На самом деле, там ничего интересного. Статуя как статуя, а слюнявить ухо надо еще уметь...

Глянула с укором на Фиджа: ему в этом плане еще учиться и учиться. Желательно, не на мне.

Но то, как это делал Даннтиэль, мне понравилось. Неловко думать про такое, но понравилось. Настолько, что я с утра пораньше начала жалеть, что не позволила Рэдхэйвену себя поцеловать. А после столкновения надменного носа с подушкой он вряд ли захочет рискнуть снова.

Это ведь просто поцелуй. Ну что я, как мисс Хендрик, в самом деле, от всего шарахаюсь и краснею? Он же меня не съел бы. Максимум – понадкусывал. Имела я право хоть на один поцелуй на Балу Варховых даров?

Я-то, конечно, на Диккинса рассчитывала, но он меня подвел. Тут мы квиты – я ведь тоже его подвела. Платье надела черное, коктейль не выпила, от танца отказалась... Но осадочек все равно был не в пользу Вейна.

Мотнула головой и зажмурилась, намекая подругам, что больше откровений от меня сегодня можно не ждать. Я еще сама все случившееся не переварила и не проанализировала, чтобы на общий суд вываливать.

Нет, все-таки «просто поцелуй» в случае Рэдхэйвена невозможен. Где один, там и второй, а дальше и до «всяких разных смыслов» недалеко... Гхаррушки.

Махать белой тряпкой я не намерена. И свой сугубо теоретический интерес утолю как-нибудь в другой раз. С кем-нибудь надежным, верным и среднестатистическим. Но уже не с Диккинсом... Нет, не с Диккинсом.

Утренняя пробежка мне сегодня не светила, так что я заменила ее прогулкой. Быстрой. Шла по коридорам учебного крыла так шустро, что в ушах свистело. Того и гляди, все мысли из головы выветрятся. Вместе с дурацкими снами и одним ухолобивым квахаром.

В этот час желающих потоптаться под дверями закрытых аудиторий было немного, так что я могла не следить за лицом. Оно меняло выражение с мечтательного на сердитое, с обиженного на воинственное... На щеки как раз наплывало смущение, когда из стены выползло *оно*. Без щупалец, зато с хоботком.

Я встала посреди коридора как вкопанная. Без труда узнала приятеля с изнанки. Нет, не ту обидчивую сущность с полигона, а первого... Темные ошметки которого я стряхивала с обморочного

магистра, разлегшегося на полу аудитории. Он, видно, и с Рэдхэйвеном решил «пообниматься».

А теперь его длинный хоботок, сотканный из изменчивого мрака, был нацелен на меня. Растягивался прямо на глазах, то уплотняясь, то становясь прозрачным... Отвлекая от двух желтых зрачков, мерцающих в темноте.

– Кыш! – я истерично потрясла в воздухе ладонями.

Никаких ниток из них не вывалилось.

Мать гхаррова... И где вархов дар, когда он так нужен? Вот говорила я Райсу, что его фантазии о моей природной одаренности сильно преувеличены. И совершенно беспочвенны.

– Только, чур, не обниматься! – вскинула руки перед собой, защищаясь от изнаночной жути.

Покосилась на пальцы, еще разок проверяя. Ну, вдруг? Нет, никаких фиолетовых ниток. Ни «по наитию», ни из чувства самосохранения. Я снова махровый теоретик с претензией на квадратные носы.

Черный туман приблизился, но в этот раз не стал бросаться на меня целиком. Выплюнул из своего изменчивого тела еще один хоботок и аккуратно проскользил двумя «лапами» вдоль моих плеч. Едва касаясь кожи, но не смешиваясь с ней, не погружая меня в себя.

Сглотнув опасения, я перестала дергаться. Чувствовала, что только хуже сделаю, если начну барахтаться в вязком и липком существе.

Обнимающий меня мрак был довольно теплый и чуть-чуть сыроватый. Если привыкнуть, становилось не так и противно от его касаний. Кожу просто покалывало, как если бы я сунула отмороженные пальцы под горячую воду.

Третья лапа-хоботок отделилась от основной взбитой облачной массы и потянулась к лицу. Я не шелохнулась: к чему злить разумную хаотическую субстанцию с неизвестными предпочтениями? Морок провел хоботком по щеке. Ласково, но жутковато. В обморок я пока падать не собиралась, что весьма обнадеживало.

– Мне надо тебя отправить домой, – сосредоточенно объявила, косясь на опущенные руки. Ни одной фиолетовой ниточки из них так и не показалось. – Но пока это затруднительно, так что... Ты еще тут погуляй, ладно?

Исчадие мрака потрепало меня по волосам, и они вздыбились в стороны, словно в голову молнией шандарахнуло. Матерь гхаррова.

– Морок Кхи-Гарда – это как-то пафосно, ты не находишь? – хрипло уточнила у пугающего «знакомого». От нервного потрясения во мне пробудилась невиданная болтливость. – Буду звать тебя Роком. Злым. Злой рок – это вот ровно то, что меня вторую неделю преследует. Символично, да?

Тот издал легкое завывающее «у-у-у», одобряя выбор, и убрал туманную длань от моего напряженного лица.

– Добрый мне, похоже, и не светит, – удрученно ему пожаловалась. – Да и не похож ты на приличного парня.

Туман покачнулся, кивнул хоботком. По темному тельцу прошла странная дрожь, словно он беззвучно смеялся. Пока я переваривала новый факт, что, похоже, у тварей с изнанки имеется чувство юмора, субстанция уплотнилась, застыла... и ринулась к ближайшей стене.

По коридору гулко разлетелись приближающиеся шаги, и морок нырнул в самый темный угол, растворяясь в тени.

– А я вам говорила! – трезвонила Иллона, отбиваясь голосом от стен и шурша сминаемой газетой. – Вот, слушайте: *«Ее Величество сообщила о запланированной поездке в Анжарскую провинцию. Пресс-служба Хитанского двора не раскрывает, какую цель имеет визит. Однако, по информации, полученной от придворных дам, поездка носит частный и, вероятно, романтический характер»*.

– Сплетни, домыслы, интриги... – уныло бубнила Килира, попевая за подругами. – Может, ее просто Керроу пригласил в почетное жюри этой вашей... конференции...

– Вот прилетит на частном судне, и лично ее спросим, – профыркала Летисия.

– Может, откажетесь от пари, девочки? – голос, заглушаемый топотом каблуков, принадлежал Элодии. У меня даже левое ухо разгорелось, стоило о ней вспомнить. – А то это уже... во вред короне.

– То, о чем «корона» не узнает, ей не навредит, – самоуверенно вещала Кили, показываясь из-за поворота и подпихивая в бок Иллонку. – Я такого вкусного парфюма в жизни не нюхала! Тут все, даже коридоры, пропахло Анжаром и гхаррами. А он... он... Ой, Ламберт, ты чего такая белая тут стоишь?

– Жду «Защиту от проклятий», – указала в сторону ближайшей аудитории.

– Ты этажи перепутала, – Элодия с показательно дружелюбным видом похлопала меня по плечу и кивнула на лестницу. – «Проклятия» сегодня на втором. Мы как раз туда...

Еще бы они были не «туда»! Я закатила глаза и протиснулась мимо девиц, разряженных даже сильнее, чем вчера на балу. Кили и Лети явно собирались биться насмерть за раненого и местами линялого гхарра.

Уши отчаянно пылали под топорщащимися волосами: знала я, на каком этаже занятие. И впервые за два с небольшим года планировала прогулять лекцию. Сколько можно глазеть на загорелого хитанца? Мне и во сне его хватило по самые... уши, да.

Направление я выбрала неверное и влетела в самую гущу пробудившейся студенческой массы. Меня грубовато отеснило к стене встречным потоком, чуть не смыв в открытое окно. Пришлось поплыть по течению, сливаясь с толпой, рвущейся к лестнице.

В шумном месиве я случайно наступила на чьи-то туфли, и позади ахнула мисс Хендрик. Я извинилась торопливо, думая, что хуже от моего вмешательства квадратным носам точно не будет. Спрятала глаза от сира Райса, мрачно стрельнувшего в меня взглядом. Врезалась в мисс Донован, о чем-то шепчущуюся с Керроу.

– Мисс Ламберт, обычно, когда идут вперед, смотрят тоже вперед! – вспыхнула ассистентка Мюблиума.

– Но раз уж вы сами угодили в наши руки... – ухмыльнулся ректор и подманил меня жестом. – Я читал записку сира Райса о вашем переводе на его факультет. Он это серьезно или?..

– Или ему надо меньше пить эшерской дварфовой! – догнала меня Хендрик. – Какая еще записка, Найджел?

Все вокруг шумело, кипело и бурлило, уши закладывало гулом, перед глазами прыгали лица. Голова закружилась, я сделала пару шагов назад и вжалась в холодную стену лопатками. Дышать.

В толчее мелькнула медная шевелюра Граймса, и я присела, подогнув колени. Авось не заметит. Он мне вчера опять настоятельно рекомендовал с утра явиться на диагностику. Так настоятельно, что

угрожал найти, поймать и на месте с пристрастием диагностировать, если самостоятельно не приду.

Тошнота подступила к горлу, странная липкость расплзалась по спине, и я передернула плечами. Что-то звякнуло, покатилося по полу прямо в ноги спешащей куда-то мисс Лонгвуд.

Рыжая целительница подняла серебристый предмет, недоуменно покрутила в пальцах. Заозиралась и напоролась на каменную физиономию сира Райса. Пробурчала что-то осуждающе и сунула предмет в карман халата.

– Это уже переходит все разумные границы, магистр! – прошипела ассистентка Граймса и, нахмурившись, зашагала к целительскому крылу.

Ведя ладонью по стенке, с раскалывающейся головой я выбралась из толпы. Вдохнула поглубже, стряхивая с себя болезненное состояние, сфокусировалась на фигурах прямо перед собой.

В нескольких шагах от меня размашисто шел знакомый силуэт с выдающимися плечами и светлыми нечесаными патлами. И я, сглотнув тошноту, побежала следом.

Вейна я догнала в открытой галерее, опоясывающей корпус магической практики. Могла бы и раньше поймать, но ноги едва шевелились, и приходилось заставлять себя их переставлять. В голове кто-то устроил целый набат.

Наконец Диккинс притормозил и, почуяв мой взгляд на плечах, дергано обернулся. Отошел спиной к колонне, привалился к ней плечом.

– Прости, Эв, я идиот... Не удержался, – выдохнул, не дожидаясь моих расспросов. – У нас с тобой все так запутанно, а Ди...

– Ди? – я приблизилась.

Вообще, я шла за ним, чтобы обсудить наш замороженный проект. Надо было внести какую-то ясность... Только за этим, да.

– Элодия... Она меня заинтересовала вчера. Ты колючая последнее время, нервная, странная, замкнутая, – он поджал губы. – А Ди нежная, мягкая, податливая, отзывчивая. Мне хотелось тепла. Кому бы не хотелось, Эв?

Ну замечательно!

Колючая, замкнутая, непонятная... Слова Вейна резанули по живому. Неужели, если я все же решусь на серьезный эксперимент и нечаянно помру во цвете лет, никто не придет меня оплакивать? И только какой-нибудь язва вроде доктора Граймса будет потешаться над моей бесстыдно сияющей аурой?

– Я не хочу быть гадом. Врать не хочу. Мне стыдно за произошедшее, но тут есть и твоя вина, – продолжал «объяснять» мой среднестатистический принц. – Я мужчина, у меня есть потребности. Если бы ты хоть надежду мне дала. Хоть какую-то определенность в отношениях!

– И как далеко ты зашел с «Ди» в удовлетворении своих потребностей? – я сложила руки на груди, обескураженно пыхтя.

Это точной мой Диккинс? Тот самый, среднестатистический?

– Ничего такого не было, Эв! Я тебя люблю. Слышишь? Вот, говорю, как есть, – он понуро опустил голову, завесив глаза светлыми прядями. – Хотя вроде и так все понятно. Всем вокруг, Ламберт! Ну, кроме тебя, конечно, лучшего теоретика на курсе...

Я поморщина нос: он нестерпимо чесался. Я, может, из-за своих бытовых плетений и научных трактатов многого вокруг не замечаю и в чем-то кажусь наивной... Но язык Вейна в ухе Элодии точно видела. И к выводам пришла правильным.

– Я ни гхарра не понимаю, что с тобой творится, – он с силой потер лицо и прочесал пальцами волосы на макушке. – Ты с самого отъезда в Аквелук избегаешь разговоров о бале. Спящей притворяешься...

– Ага, и еще умирающей. Тоже притворялась, – я сдвинула гудящие виски.

Моему миру показалось, что он еще недостаточно развалился, и теперь он ходил вокруг ходуном. Даже пол под ногами подрагивал.

– С полигона сбежала. Я нашу заявку у Хендрик полчаса отбивал! – перечислял обвинения Вейн. Наверное, ему так легче было. Что не он один виноват. – А когда вернулся – тебя и след простыл.словно в разрыв материи провалилась, ей Варху!

– Ты не поверишь...

– Наутро приперся к вам в комнату, как распоследний недобитый гхарр, а Рисса сказала, что ты еще на рассвете исчезла. И к вечеру не

появилась. Ты меня нарочно избегаешь, Эв? Я так навязчив? Неприятен?

– Не тебя... И вообще... Уффф! – медленно сдула щеки, представляя себя лопнувшим шариком.

– Потом узнал от Элодии, что ты уезжала в Аквелук. Естественно, Эв. На все выходные. Сама не могла мне сообщить? Что за привычка сбегать в любой непонятной ситуации?

– А Элодия у нас прямо новостное бюро! – пробубнила, разыскивая внутри раздражение к мисс Хаммер.

Но вряд ли разумно обвинять ее только за то, что ей нравится мой Диккинс. Это для меня он «средненький», а для нее, может, высший класс. Тем более, что наши с ним «скорее дружеские, чем любовные отношения» не дают мне особых прав ревновать. У нас с ним никаких рабовладельческих контрактов не заключено.

Элодия Вейна к той статуе веревками не приматывала и зельем вожделения не опаивала... Наверное. Просто была рядом, поддерживала безумные затеи, утоляла его желания... И справлялась с этим, похоже, получше меня. Так кто виноват?

– А платье? Из окна махала в зеленом, спустилась в черном... Ты за ним в Аквелук моталась? – допытывался Диккинс.

– У тебя паранойя, Вейн.

– Огхарреешь с тобой! – профыркал он осуждающе. – Смотришь мимо, вся в мыслях своих. В плетениях, в проектах. Готова с кем угодно танцевать, лишь бы не со мной, – он поднял руки, «сдаваясь». – Я понял твой намек, Эв. Очень доступный и прозрачный даже для таких не-теоретиков, как я.

– Ну... Прости, – выдохнула вместо сотни слов, которые могли бы объяснить череду варховых совпадений.

Они были лишними. Хотя бы потому, что части «происшествий» я не могла объяснить даже себе. И разговоров я избегала, и спящей притворялась, и даже не поинтересовалась судьбой заявки, утонув в собственных неприятностях.

– Я ни гхарра не понимаю, крикетка, чего ты сама хочешь. Если ты мне хоть намек дашь, я буду и дальше терпеть... сколько надо... Я смогу.

– Не сможешь, – пожала плечами. – Сколько надо – не сможешь. Мне, может быть, очень много надо. Я пока сама не знаю, Вейн.

В порыве сентиментальности уткнулась щекой в его грудь – теплую, уютную, пахнущую... Диккинсом. Обычный запах, но до слез знакомый. Привычный. Как розовые рюши на детской кровати, как вкус супа, сваренного Долией... Как весь мир, уплывающий из-под ног.

Я судорожно вздохнула и растерла влагу, сочащуюся из глаз, по его рубашке.

– Крикетка, ты чего, реवेशь, что ли? – Вейн прижал меня к себе. – Я кретин, я знаю. Тороплю, напирваю... Вижу, что ты не готова. Слушай, ну давай потихоньку? Все будет, как сама захочешь. И когда. С Ди это просто помутнение, от обиды, ревности и пары коктейлей... Я же не мерзавец какой, Эв!

– Вейн, я... – отстранилась от него и вытерла тыльной стороной ладони мокрые веки. – Знаю, что не мерзавец. По большей части. Я не могу сейчас... вот это все.

«И не хочу».

У меня и без сердечных неурядиц проблем выше крыши. Вспомнить нерабочий и ненужный дар, попытку убийства, глупую затею сира Райса, морок, разгуливающий по коридорам, рабский брачный договор о всяких разных смыслах... Голова пухнет и вот-вот лопнет!

Мой удобный, средненький по всем фронтам и склонный к изменам Диккинс в эту круговерть уже никак не впихивался. Ни целиком, ни выдающимися частями.

– Если хочешь делать проект с Элодией, делай, – махнула рукой, понимая, что отрываю от себя этот кусок. Добровольно. Да, пока это непонятно, но пройдет время, и все встанет на свои места. – Нашу заявку не одобрят. Будет нечестно, если ты из-за меня пропустишь конференцию. И все остальное.

Сказанное ощущалось горьким, гадким на вкус, прожигало язык, но в то же время было правильным. Вейн был мне хорошим другом: подстраивался под нужды, под вкусы, терпел заморочки. И мне тоже хотелось быть хорошим другом для него.

Я развернулась и пошла, оставляя в варховом коридоре остатки своего стабильного мира. Прощаясь с ними мысленно, понимая, что никогда к этому не вернусь. Диккинс меня не останавливал: он все понял тоже.

Размазывая невидящий взгляд по серым стенам, я лениво стряхивала со щек вялотекущие слезы. Брела по коридорам крыльев-корпусов, пока не пришла в магистерский.

Не то чтобы я снова хотела глазеть на статую Имиры, но ноги сами меня к ней несли. Хотелось спросить у проданной богини, покровительницы юных девичьих сердец, какого Варха вокруг происходит. Хоть я и знала, что белокурая красавица, заточенная в мрамор и золото, мне не ответит.

– Ой... – по ощущениям, мой гудящий висок врезался в стену, хотя ее никак не могло оказаться на середине коридора.

– В последнее время вы разводите многовато сырости, мисс Ламберт. С вами такое часто? – поморщился Рэдхэйвен.

Судя по морщине на лбу, он в эту самую секунду отчаянно жалел, что не внес пункт о количестве слез в вархов контракт. Который мне определенно стоило бы почитать, да...

– Осень, – пожала плечом, переводя взгляд в окно. – Вы разве не должны быть на своем занятии?

– А вы разве не должны быть на *моем*? – открыл передо мной дверь кабинета Мюблиума и пропустил вперед.

– Выходит, мы оба прогуливаем? – с интересом на него покосилась. А для кого тогда Кили с Лети так старательно наряжались?

Рэдхэйвен сунул мне в ладонь черный платок, украшенный с краю золотой эмблемой. И плакать сразу расхотелось: *этим* я шмыгающий нос вытирать не буду.

В кабинете Мюблиума не было ни смущающих кроватей, ни тумбочек с разбросанными запонками... Одни шкафы да стеллажи. Так что я почувствовала себя увереннее. Не то что позапрошлой ночью, когда завалилась к хитанцу в спальню.

Рубашка на нем была застегнута и спрятана под темно-синим пиджаком, и меня почти ничто не отвлекало. Я прошла по кабинету, огибая бедрами столы с возвышающимися на них стопками книг. Приблизилась к зашторенному окошку. Выглянула в щель, ощущая поясницей тяжелый взгляд.

Покрутилась у его стола и резко раздвинула шторы, напоминая и себе, и Рэдхэйвену, что сейчас утро, а не ночь. И я не росоха, а он не

опасный дикий вирр, поймавший меня в ловушку. Но ощущение западни не пропало.

Глава 25

Глава 25

– Будете так пыхтеть – платье лопнет, – подметил хитанец, не делая и шага от двери. Его устраивало положение конвоира.

– К гхаррам платье. И вас к гхаррам. И контракт ваш... туда же... в линияю... – я все-таки шумно высморкалась в нарядный платок.

– При дворе вам лучше помалкивать.

– Раздражает, правда? – ухмыльнулась ожесточенно.

Больше гхарров богу гхарров! Я уже готова быть представленной Ее Величеству. Вывалю ей весь свой драгоценный словарный запас за полчаса.

– Еще как. Вы специально? Ну хоть на этот раз вы ревете из-за меня? – с надеждой уточнил Рэдхэйвен.

– Я оплакиваю свой мир, – с силой дунула носом в черную ткань, косясь на столичного сноба. – Тот, что должен быть без потрясений, приключений и всяческих неприятностей...

– И без меня.

– Вы главная неприятность, – покивала, шмыгая красным носом. – Я на брак с вами никогда не пойду. И в постель к вам не пойду. И даже на занятия ваши ходить не буду.

– У вас истерика?

– У меня не бывает истерик. Я разумный... теоретик... а не какая-то...

Так, одного платка мне явно маловато: ткань уже промокла насквозь.

– У вас нет еще такой тряпочки? – помахала в воздухе сопливой золотой эмблемой.

– Эйвелин! – он подошел резво, развернул лицом к себе и старательно вытер щеки теплыми ладонями. – Я не так кошмарен, как вы себе надумали. Я не монстр изнанки, я обычный мужчина с...

– С потребностями, да, – покивала понимающе, пытаюсь утихомирить дрожащие губы. – Вы все с потребностями! Это только у меня никаких потребностей нет...

– Свадьбу не отменить, – строго заверил Рэдхэйвен. – Смиритесь. Вы никуда от меня не денетесь.

– Так уж и никуда...

– Ни-ку-да.

– Сбегу на изнанку! Нырну в подпространство, подружусь с темными тварями. В портал прыгну, ведущий в Керракт. Отращу себе модные изумрудные рога... Лишь бы вашу холеную физиономию рядом с собой не видеть, ясно? – задохнулась от торопливой, сбивчивой речи.

– Ясно.

Он насутился и поджал губы. А затем резко схватил мои руки за запястья, соединил их и вжал в свою грудь, распираемую рваными вдохами.

– Я не соседский мальчишка и не анжарский фермер. Вам не помешало бы хоть немного следить за своим языком, Эйвелин.

– С чего бы мне облегчать вам жизнь?

– Ради вашей же безопасности. Вы понятия не имеете, с кем имеете дело! – угрожающе прошипел гад, стискивая кожу так, словно воспринял мою шутку про кандалы всерьез.

Было не больно, но жутковато. Отсутствие в кабинете Мюблиума постели вдруг перестало казаться таким уж значимым. Тут, как минимум, был стол. И кресло, и подоконник, и парочка закрытых платяных шкафов...

– Следите лучше за своим. И не засовывайте его в чужие уши без разрешения, – насупилась, елозя по его груди схваченными в плен пальцами.

– Куда хочу – туда и засовываю, – надменно заявил избалованный хитанец и оттолкнул меня спиной к книжному шкафу, освобождая запястья.

– Вас просто ни разу мой мизаур не кусал. Тогда бы точно поостереглись, – сдвинула брови сердито.

– Вашего мизаура тут нет, – подошел куда ближе, чем выглядело бы пристойным.

– Я тоже кусаюсь.

– Я помню, зараза. Я помню, – выдохнул он и скользнул в мой рот бессовестным жаром.

Быстро, коротко, неглубоко... но, Варх дери, ощутимо. Соврала бы, если бы сказала, что ничего не успела почувствовать.

В груди затрепыхалсядохлый полк Райсовых бабочек, и я возмущенно ахнула. Слишком уж знакомое согревающее ощущение.

– Не смейте на мне эту дурацкую «Эйфорию» практиковать! – прикрикнула на ополоумевшего Рэдхэйвена и нырнула под его руку, выбираясь из капкана. – Никогда-никогда!

– Хорошо, Эйвелин. «Эйфорию» – не буду, – улыбнулся мерзавец, заставший меня врасплох. Я ведь укусить обещала. И где? – Никогда-никогда...

– Вы обещали ждать разрешения!

И на что я надеялась? Что столичный сноб, вот этот вот загорелый и самовлюбленный квахар, сдержит слово? Ну да, ну да, хитанцы именно так всегда и поступают.

– Это было не в счет. Я почти ничего не почувствовал, а вы? – развел руками.

Да чему он вообще ухмыляется?

– Совершенно ни-че-го, – пропыхтела сердито, пряча красные уши под волосами.

– Вернемся к беседе? – предложил Рэдхэйвен с невинным видом, словно только что вовсе не он вжимал меня в шкаф, бесстыже раздвигая непослушные губы. – Если вы попытаетесь сбежать от исполнения воли вашего отца...

– Вы наградите его рогами, – договорила сквозь зубы, украдкой ощупывая рот.

Рот как рот. Только его словно кипятком ошпарили: все внутри ощущалось чужим. Даже привычный вкус был другим.

– Это как минимум.

– А вы все предусмотрели, да? – подавилась желчью, прорвавшейся в горло.

– Ох, явно не все, мисс Ламберт, – косясь на сопливый платок, сокрушался рабовладелец.

– Я современная девушка, сир Рэдхэйвен. Моя мать была выдающимся ученым и мыслила прогрессивно. Я воспитана совсем иначе. Не так, как вам бы хотелось, – пар из ушей так и валил. – И я не какая-нибудь Имира, чтобы продавать меня первому встречному рогатому... гхарру!

– Воспитаны... – поперхнулся гад и гневно сдвинул брови. – Я заметил, да. Нет, вы точно не Сиятельная богиня, Эйвелин. Вы зеленоглазое исчадие мрака с нежной кожей и невыносимым запахом, посланное мне в наказание за Варх знает какие грехи!

Он так гулко рубанул кулаком по дверце шкафа, что у меня прижались уши и вся краска с них сбежала.

– Ну, вот мы и разобрались...

– Прокляли... Точно прокляли, – пробубнил он сквозь зубы, внимательно разглядывая носы своих начищенных ботинок. – Варх меня попутал это подписать?..

Я постаралась дышать ровнее: закралась надежда, что мы еще сможем договориться полюбовно. И не придется вдоветь раньше времени подручными средствами.

– Сир Рэдхэйвен... – приблизилась к нему с опаской. Он так и не поднимал глаз, сверля взглядом ботинки.

– Можно просто Даннтиэль, Эйвелин, – угрюмо напомнил он.

– Нельзя!

Вдох, выдох... Я ведь по жизни мирный, безобидный теоретик. А рядом с *этим* вспыхиваю, как факел пещерного человека.

– Вы же сами сказали, что это просто лечение. «Ничего интимного», – напомнила задумчивому мужчине. – Так какого Варха?

– Так и планировалось. Поначалу, – признался хрипло, приводя в порядок свое дыхание. – Но в какой-то момент я с чего-то решил, что засыпать и просыпаться рядом с вами – самое желанное и прекрасное, что может со мной случиться. Как жестоко я ошибся! Самое желанное – придушить вас здесь и сейчас, избавив нас обоих от грядущих страданий.

Ясно. Блокнотик с рецептами ему не показывать.

– Слушайте, я ведь вас раздражаю так же сильно, как вы меня. Это всякому заметно, даже Фиджу. Давайте отменим по-хорошему? – с мольбой глянула на рабовладельца. – Я не знаю, что руководило вами в Аквелуке. Может, темным ядом отравились или воздух там... специфический... Если вы решили вдруг, что как-то посягнули на мою честь или репутацию в те семь ночей...

Слова отказывались подбираться, а улыбка выходила какой-то вымученной. Не удивительно, что Рэдхэйвен не спешил поднимать на меня глаза.

– Что бы в моей спальне ни происходило, оно было во благо, – сглотнула осторожно и похлопала его по плечу. – И страдать вам за это совсем не обязательно. Видно же, что мое приятное общество вас тяготит.

– Какой благородный порыв... – подавился чем-то хитанец. – Я польщен, мисс Ламберт. Вы чрезвычайно заботливы. Но я почти за счастье немного помучиться.

– Да вряд ли «немного», – заверила смертника, не знавшего, что рецепт супа из молодого квахара тщательно переписан в мой блокнот.

– Вы даже не представляете, Эйвелин... – он кашлянул в кулак и поморщился. – Не представляете, на что я решился пойти, подписав те бумажки. Боюсь, вам меня уже не запугать.

– Поймите, я была без сознания! И если у вас сложилась иллюзия, что я не против... кхм... вашего общества... – щеки горели до самых висков и даже на лбу проступила испарина. – В общем, это была просто иллюзия.

– Я уже все сказал. Не тратьте свое время и остатки моих нервов.

– Сказали?

– Мне угодно вас. Во всех варховых смыслах, какие только можете себе вообразить. И в тех, которые не можете – тоже, – мастер поднял на меня взгляд, сияющий золотом, и я испуганно отшатнулась.

Да гхаррово же копыто, он бы хоть предупреждал, когда их меняет!

– Что не так?

– Все не так! – вспыхнула, забираясь за письменный стол. Не Вархом данная защита, но хоть какая.

– А конкретнее?

– Они опять желтые!

Чему я вообще удивляюсь после тварей с щупальцами и хоботками, фиолетовых ниток и горящих рун?

– Некрасиво? – Рэдхэйвен нахмурился.

– Красиво, – повела плечом, отчаянно моргая. – Наверное.

На самом деле, его глаза меня раньше особо не смущали. Светятся и светятся. Мне ведь с ними не жить?

Но вот теперь, когда вроде как жить... Они, может, еще и как фонарики в темноте могут функционировать?

– Отвечайте честно: вы чудовище? И планируете меня сожрать в первую брачную ночь? – я уткнула руки в бока и чуть выдвинулась из-за стола.

– Не чудовищнее вас, – он устало потер лицо, поморгал, зажмурился... и ко мне вернулись темно-карие радужки. Огхарреть. Ну просто огхарреть. – А в первую брачную ночь я планирую делать с вами кое-что другое, мисс Ламберт. И во вторую... И в третью... У меня на них большие планы еще с Аквелука.

Я переместила руки к лицу и накрыла пылающие щеки. Все-таки он чудовище!

– Как бы вы отнеслись, если бы вас кто-то купил, а потом говорил такие откровенные дикости?

– Ошибаетесь, я ни йоргена не потратил, – он перегнулся через стол и строго поднял мой подбородок к себе. Выдержал убийственную паузу. – Даром взял.

Нет, все-таки суп – это слишком гуманно... Да и морковку я резать не люблю. Нет у меня к тому склонностей.

– Просто откажитесь от меня. Пока я вас подушкой не придушила в первую... или вторую... или третью вархову ночь! – потребовала упрямо. – Возвращайтесь в Хитану, забирайтесь под юбки Ее Величества и живите свою привычную жизнь столичного сноба.

– Боюсь, не получится, моя маленькая зеленоглазая язва, – он оттолкнулся от столешницы, подошел к небольшому деревянному комоду и выдвинул верхний ящик. – Наш с вашим отцом контракт накладывал двусторонние обязательства. Я вляпался так же крепко, как и вы.

С сосредоточенным видом проклинатель – да будь он сам трижды проклят! – выудил из комода аккуратный, миниатюрный кинжал. Вещица явно дорогая, изящная, вся обсыпанная агонитами и какими-то розоватыми камешками. И чудовищно острая.

Рукоять дамского кинжала удобно легла в мою ладонь, и Рэдхэйвен принялся расстегивать пиджак, а за ним и рубашку... Зачем он ее все время при мне расстегивает?!

– Вот сюда, – навел лезвие в центр грудной клетки и слегка надавал, выпуская крошечную бисеринку крови. Обычной, человеческой. Красной.

– Спятели вы в своей Хитане от скуки, сир... – нижняя губа обиженно оттопырилась.

Все-таки мысленно ощипывать столичного квахара – это не то же самое, что по-настоящему.

– Надави сильнее (он очень острый и режет мышцы, как масло), и будешь совершенно свободна.

Острие дрожало на весу, так и норовя соскользнуть в проклятую (точнее, проклинательскую) грудь. И проделать в ней кошмарно глубокую дырку.

– Осмелишься? Дерзай. Такова цена твоей свободы. Не осмелишься – будешь моей, Эйвелин, – «объяснял расклад» королевский мастер, всем видом выказывая равнодушие к собственной жизни. – Только аккуратнее, сама не поранься.

– З-заберите его! – взмолилась, судорожно сжимая рукоять. И во все глаза пялясь на красную каплю, катившуюся по гладкой коже.

Я теоретик. Я вархов теоретик!

– Огхаррели... с-совсем... – задубевшие пальцы дрожали, пока он выковыривал из них кинжал.

– Ты чего так напугалась? Это просто кровь, – отбросил опасную игрушку на стол и сжал мои ледяные щеки.

Притянул лицо к себе, заставляя сфокусироваться на своих глазах. Двух черных точек в кромешной тьме, что захватывала мое сознание. Похоже, я планировала завалиться в обморок.

– Не шутите так больше, – прикусила губу, чтобы она не тряслась так, будто я ехала в разбитом вояжере по местным ухабистым дорогам.

– Обычная игра на доверие, – отстраненно пробормотал проклятый мастер. – Разве не должны будущие супруги доверять друг другу?

– Сами играйте! А меня не втягивайте...

– Сам я уже наигрался, – выдохнул Рэдхэйвен, успокаивающе поглаживая пальцами мои холодные щеки.

Глава 26

Глава 26

Даннтиэль

Пропыхтев с десятков заковыристых ругательств (явно местных, аквелукских) и снеся бедром несколько книг со стола, зараза сбежала. И Даннтиэль на этот раз не стал ее сдерживать, ловить, зажимать... Он и без того перешел черту, оставив отметины на девичьих руках. Хотел оставить. Чтобы она и через час, и через два помнила, кому принадлежит.

Решение сделать девчонку своей далось ему непросто: оно было связано с серьезными переменами в привычной, устоявшейся жизни. Но Данн его принял сам (поздно пытаться спихнуть вину на проклятие или отравление темным ядом). И будет отстаивать, пока Эйвелин не примирится с неизбежным. Ее неизбежное – он.

Рэдхэйвен подхватил острый кинжал со стола и вернул в ящик комода. Провел пальцами по лежавшей там же ветхой книге, стоившей ему нескольких королевских жалований. Так себе хранилище для бесценных вещей, но он никогда не испытывал трепета перед сокровищами. Он так по-настоящему и не научился ценить жизнь, так что у дорогих безделушек не было и шанса.

Хотя кое-что он себе присвоил... и делиться ни с кем не планировал. Два драгоценных зеленых глаза, идущих в комплекте с нежной шелковой кожей, одуряющим ароматом и невыносимым нравом... По отдельности они не предлагались, да и что отпираться – ему нравился весь набор.

Бунтарка... Так с ним никто не позволял себе общаться. Это выбивало из зоны комфорта, временами заставляло брезгливо морщиться, но в то же время натягивало душевные струны. Наполняло тело странным, доселе незнакомым звоном.

Данн позволял ей то, за что кого-то другого вполне мог убить. Без особых о том сожалений и мук совести. Но этой когтистой, упертой язве было можно.

Он внутренне улыбался, разрешая Эйвелин причинять ему боль, набрасываться, вымещая гнев, сравнивать с гхаррами... Своеобразное развлечение, навевающее мысли о собственном великодушии. Эйвелин права: он безмерно эгоистичен и мало задумывается о ком-то, кроме себя.

Он забыл, когда скучал в последний раз. Вероятно, на том воздушном судне, что несло его в Анжар, но волей случая высадило в пахучем Аквелуке...

Равнодушное сердце, привыкшее к грязи и серости всего сущего, нащупало красоту. Жизнь, ускользающую из его пальцев, но пока еще связанную с прекрасным телом. Вернувшуюся стараниями проходившего мимо чужака. И потому теперь бесценную... для него. Пусть не свою, а чужую, он все-таки научился немножко ценить жизнь.

Ведомый странным импульсом, Данн наврал девчонке. До этого утра он, напротив, был с заразой предельно откровенен, прямолинеен, прозрачен. В чем-то даже жесток и строг, не позволяя Эйвелин отдаться иллюзиям на свой счет. Но не сегодня.

Никаких двусторонних обязательств в договоре не было. Он мог легко отпустить девчонку – к ее бытовым плетениям, трусливым патлатым соплякам, теоретической раковине, в которой так удобно прятаться от большого мира.

Вот только Даннтиэль не был уверен, что бледно-зеленые глаза перестанут ему после этого сниться. А они делали это с завидным наглым постоянством! То загадочно темнея бутылочным стеклом, то становясь мутными от страсти, то очищаясь до хрустальной прозрачности.

Когда удавалось договориться с глазами и убедить их пропустить пару ночей, начинал приходиться запах. Приятнее всего пахла ямочка на шее между ключиц, из которой он когда-то пил тьму. Аромат нежный, свежий, слегка морозный, чуть приправленный знакомой сладостью... У Данна от одних воспоминаний шевелились короткие волоски на затылке.

Потом его мыслями овладевала шелковистая кожа, так податливо проминавшаяся под его пальцами, разгоравшаяся под грубыми ладонями... И даже воинственные коготки, до крови раздиравшие

грудь и спину, в снах не вызывали ничего, кроме желания их поцеловать. Зараза.

Вкусная... Очень вкусная девочка.

С такими изматывающе сладкими губами, что с одного глотка впору умом тронуться. Превратиться в то самое чудище, что сожрет ее в первую брачную ночь. Быть может, это было бы для нее лучшим и относительно гуманным исходом, в сравнении со всем прочим, что он уже себе нафантазировал.

Обещания выполнять становилось все труднее. Силу воли подтачивала грязная мысль, что он в своем праве. Что может пойти и взять *свое* в любую минуту.

Темная сторона души никогда не была новостью для Данна. У каждого есть изнанка, к своей он привык и не пытался прикидываться кем-то другим: так куда честнее.

Лишь напоминал себе временами, от чего бежит. И от кого. Прокручивал в голове всю цепочку, упираясь в точку невозврата. И начинал бежать усерднее, возвращаясь к тому себе, который его устраивал. К *«самовлюбленной эгоистичной заднице, способной на хорошие дела при условии, что они будут ему интересны»*. Так говорил о нем давний приятель Кольт и был, как обычно, до отвращения пронизателен.

Даннтиэль задвинул ящик комода и невидящим взглядом уперся в медную ручку. Вспомнил, как договаривался со стариком Ламбертом, требуя себе невинную девицу в невозможной сорочке.

Отец Эйвелин не сдерживался в выражениях, но Данн стойко перенес тираду отчаявшегося мужчины. Только кулаки опасно сжимал в карманах мундира, выслушивая ворох сплетен, почерпнутых Ламбертом из газет.

«Вы не выглядите хорошим человеком, сир. О вас пишут всякое... И что обязанности королевского мастера не ограничиваются одной лишь защитой от проклятий, и о Ее Величестве... Нам не нужны проблемы с Хитанским двором».

«Пока единственная ваша проблема – я и наш уговор, мистер Ламберт...»

«У меня всего одна дочь. Представьте себе, меня заботит ее счастье. И я очень сомневаюсь, что вас оно будет волновать так же сильно, как меня!»

«Все, что касается мисс Ламберт, – теперь мои заботы».

«Последнее, чего желает моя Эйви – это вернуться в Хитану. В столицу, убившую так много надежд, высосавшую жизнь из ее матери...»

«Ей нет необходимости перебираться в Хитану. Мы можем разместиться в фамильном имении Рэдхэйвенов. Это весьма живописное, уединенное место в землях, омываемых северным Эшерским морем. Я там вырос...»

Он действительно вырос там. Отца давно не стало, и у Данна отпала необходимость навещать те земли. Было время, когда они бродили со стариком Рэдхэйвеном вдоль побережья, пиная округлые белые камни и рассуждая о всякой философской чепухе. После его смерти роль наставника взял на себя Мюблиум.

Что до матушки... Она жила в другом месте, которое навещать у Данна не было ни малейшего желания. Как и отчитываться перед ней о своих решениях. После всего, что она натворила, мнение матери было последним, которое бы его заинтересовало.

Ее недавняя выходка, после которой Даннтиэль поклялся себе прекратить с ней всякое общение, до сих пор вызывала в нем желчные приступы раздражения. А следом за ними – острое желание пойти в душ, взять самую жесткую мочалку и поскорее содрать с себя незавидное родство.

Данн снова медленно потянул за ручку и заглянул в ящик, разыскивая там ответы. Но нашел только ветхую книгу и острый кинжал. Наука и магия, жизнь и смерть, запертые в старом, никому не нужном профессорском комоде.

Сам не смог бы объяснить, почему в последний момент вместо артефакта взял дочь старика Ламберта. Самоуверенно, нагло, бессовестно, не спросив мнения зеленоглазой девицы... Которая в выражениях уж точно не постеснялась бы, отправив его прогуляться в известном линиялом направлении.

Просто взял и все. Так вышло. Так было надо.

Все его существо просило вархову занозу. В том не было логики. Была лишь острая необходимость.

Темная сторона одержала верх на какое-то мгновение, и он поступил так... как поступали те, от кого он упрямо, без усталости бежал.

Взял то, что захотел. Присвоил, не думая о последствиях. По праву силы, без оглядки на чужие желания.

Что было в ней такого, что он не нашел бы в сотне других девиц в Хитане? Невинность? Едва ли этот момент его когда-то интересовал. Он не соврал Эйвелин: от непорочности слишком много проблем.

Но сейчас, вспоминая точеный силуэт заразы, волокущей объемную сумку с книгами, крекерами и кусачей нечистью, он понимал, что в самом деле готов попробовать. Готов усложнить свою жизнь. С ней.

Может, дело было в растерянных зеленых глазах, которыми она единственный раз глянула на него? Лежа на траве, полностью доверив свою жизнь неприятному незнакомцу из парка? Такая непривычно покорная, но в то же время готовая бороться до конца.

Или в том, как отважно она отбивалась от чужака всю неделю, будучи и без сознания, и без сил. Дикая вирра! Сколько крови осталось под ее ногтями...

Да он столько на последнем королевском турнире не пролил! Впрочем, там его едва оцарапали, но зато – зачарованной булавой, а это удовольствие сомнительное. Данн уже и не помнил, зачем туда пошел... То ли самолюбие потешить, то ли самому себе что-то доказать. То ли просто окончательно спятил от скуки.

А может, дело в том, как чудесно она пахла, когда сладковато-горькая тьма отступала? Невинностью, чистотой, прозрачностью льда, лучами зимнего, нежаркого солнца...

Эй-ве-лин.

С тех пор, как узнал имя, оно постоянно крутилось в голове.

Со стороны его поступок казался варварством. Но с собой примириться оказалось нетрудно. И маленькой колючке-теоретику придется свыкнуться с неизменным фактом, что теперь она принадлежит ему. Полностью. Вся до нежных белокожих пяточек.

Было в этой мысли что-то столь волнующее и приятное, что Данн на минуту закрыл глаза. Мог бы и не закрывать: в них все равно потемнело. Отшатнулся от приоткрытого ящика, согнулся, словно получив удар под дых. Оперся на подлокотник кресла и медленно выдохнул.

Он не имел привычки себя обманывать. Он хотел ее. Всю, целиком, без остатка. «В самых разнообразных смыслах», а не только в

том, от которого у девиц щеки приобретают стойкий томатный оттенок.

Глава 27

Глава 27

Эйвелин

Я всегда знала: как день начнется, так он да самой ночи и будет чубурахаться. Поэтому старалась никогда не отступать от привычных ритуалов – скучных, но вселяющих ощущение стабильности. Не нарушать зароки, данные самой себе. Следовать правилам и не выбиваться из потока.

Не прогуливать «Защиту от проклятий», к примеру. Не бросать с утра пораньше среднестатистических принцев. Не целоваться с наглými, высокомерными хитанцами и не пытаться их прирезать драгоценным кинжалом...

Теперь, нервно топая по коридору, я каждой мышцей ощущала: день пойдет в бездну мрака. Под гхарров хвост. Или еще в какое место малоприятное. Он уже туда несется на всех парах!

Лучше пойти в спальню, спрятаться под одеяло и проспять до следующего утра. А там начать все с чистого листа – ничего не прогуливать, никого не бросать, не целовать и не дырывать.

– Уффф! – мрачно выдохнула, вваливаясь в нашу комнату. Зашвырнула под кровать туфли и носом упала в подушку.

Нет, вы только подумайте! «Куда хочу – туда и засовываю»!

В пасть к эшерской акуле пусть засунет. В болото с плотоядными пиявками. В кипучий жизнедеятельностью анжарский муравейник.

А больше он ничего не хочет?!

Глупая, глупая Эйви... Конечно, хочет. В самых разных смыслах, в порядке очереди.

Одна мысль о том, что этот надменный квахар, прикрывшись брачным контрактом и отцовским дозволением, может заявиться ко мне в любой момент... То есть прямо в спальню! Прямо ночью! И потребовать исполнения контрактных обязательств...

Я снова задыхалась. Отчасти потому, что отчаянно вколачивала нос в подушку. До чего же несправедливо! Каких-то пару дней назад мы обсуждали незавидную участь Галлатеи, а я мысленно возносила

хвалу своему заботливому небогатому отцу, который бы меня никогда и ни за что...

Вот только он продал меня. В брачное рабство! Возможно, пожизненное!

Да нет, куда там... Даром отдал. Ни йоргена магистр, видите ли, не потратил. Почему-то от этой мысли еще обиднее стало: даже старость своему отцу не обеспечила.

Жизнью своей, пусть скучной и предсказуемой, я дорожила. Готова была хоть сотню раз сказать «спасибо» желтоглазому спасителю или еще как-нибудь проявить благодарность. Но не так же?

– Так, Эйвелин Ламберт, давай выкладывай, что у тебя стряслось. И никаких отговорок.

Я дернулась на подушке и наткнулась на две пары внимательных глаз.

– Все в порядке, – присела в кровати, неловко поправляя волосы. И почему мне показалось, что в спальне никого нет?

– Точно. А мы и не заметили, что счастье из тебя бьет, как шоколадный фонтанчик, – нахмурилась Тейка. – Выкладывай, говорю.

Я потеряла запястье, отмеченное красным продолговатым пятном, понуро вздохнула и на одном дыхании пробормотала:

– Мой отец заключил брачный контракт.

– Мистер Ламберт решил жениться? – подпрыгнула на подушках Рисса.

– Что? Тьфу, нет, конечно! – ошарашенно помотала головой. На ком бы ему? Не на Долии же? – Он меня... решил... это самое. Не спросив согласия.

– Ох, Имира Сиятельная, держи меня крепче! – трагично схватилась за сердце Тея. – Боги Эррена... За кого?

– Какая разница? – зажмурилась, сглатывая чужой привкус, навязчиво застрявший во рту. – Я почти не знаю этого человека. И ближе знакомиться не собираюсь.

– Но как же Вейн? – протянула жалобно Рисса.

– Да Варх с ним, с Вейном! – отмахнулась нервно. – Как же я?

– Верно. Как же ты? – Рисса вздохнула, покрутила головой, рассматривая пейзаж за окном... И вдруг ехидно подмигнула. – Какой у нас план?

– Превратим тебя в жабу квакучю, чтобы сам отказался? – подкинула идею Тея и, стряхнув с лица драму, состроила воинственный оскал. – Нашлем на его дом стаю летучих мышей, обремененных пищевым расстройством?

– Намажем исчезательным кремом, авось сам пропадет? – прыгала по подушке Рисска.

– Да, Эв, как будем тебя отбивать от жениха проклятого?

Вот и я говорю: проклятого!

– Не выйдет ничего, – надула щеки той самой квакучей жабой. – Он уверяет, что там обязательства... *«двусторонние»*. Только если...

Я рубанула по шее ребром ладони и закатила глаза, не спеша выкатывать обратно. Чтобы девочки прониклись безнадежностью ситуации.

– Надо так надо, – покорно согласилась Рисса, потирая белые ладошки. – Когда идем на дело?

– Втроем должны справиться. Потом прикопаем где-нибудь, – пожала плечами Тейка.

– Сейчас влажно, земля рыхлая... – согласилась с ней Рисска.

– Если по частям, то вообще без труда, – кивнула подруга, начиная пугать даже меня своим оскалом.

В дверь тихо, но уверенно постучали, и мы мгновенно захлопнули рты. Нехорошо получится, если вся академия будет в курсе, как я планирую овдоветь до брака.

Не дождавшись, пока кто-то из нас подойдет и откроет, визитер сам толкнул дверь. И на пороге появился мой «жених». Тот, который рабовладелец и вообще проклятое по всем статьям существо, но пока еще никем не прикопанное.

В руках Рэдхэйвен держал потрепанную книгу. И если скажу, что не узнала ее сразу же, по одному лишь позолоченному корешку с вязью коричневых букв, то бессовестно совру.

Хитанец обвел снисходительным взглядом всех присутствующих, сделал шаг внутрь и встал ровно передо мной. Я хотела было вскочить с кровати, но запуталась в ногах, сложенных «узелком», чуть не влетела лбом в его брюки... и приняла стратегическое решение не рыпаться.

– Сир Рэдхэйвен... – выпучила глаза Тейка, которой так-то тоже на «Защите от проклятий» положено было сейчас быть. – А мы с Эйви

как раз на ваше занятие...

– ...Не шли, – договорил тот, ехидно дергая уголком губ.

– Не шли, но из последних сил, оставшихся после бала, собирались, – положила руку на грудь, вдохновенно соврала Галлатея.

– Ни секунды в этом не сомневался, мисс дир Папиллон, – серьезно покивал мастер. – Увидев в аудитории столько... кхм... одухотворенных, выпавшихся и готовых к новым знаниям лиц, я принял решение отменить утреннюю лекцию.

– Как благородно! – восторженно всхлипнула Тейка, пуская настоящую слезу. – И как замечательно, что вы зашли сообщить нам об этом лично...

Нет, палку она все-таки перегибала. Это все кубок виноват. После побед в конкурсах Тея заражалась таким азартом и так энергично актерствовала, что всем вокруг хотелось прятаться.

– А это у вас что? – Рисса кивнула на книжку, зажатую в загорелых лапах.

Он подразниться пришел, что ли?

– Ах, это... – протянул мне ветхий томик. – Решил, что мисс Ламберт она пригодится больше, чем одному напыщенному сиру, пытавшемуся выкупить книгу в свою коллекцию. Вы ведь этот трактат собирались полистать в той лавке?

– Вы его что, украли? – поперхнулась, вспомнив пустоту на книжной полке. И пустоту внутри от потери вождя экзemplяра.

Я ведь думала, мы с сиром Милезингером больше никогда не увидимся!

– Купил перед отлетом из Аквелука, – насмешливо сдвинул брови хитанец. – Теперь он ваш.

– Единственный экземпляр? Стоимостью в половину лавки Фэрвей? Мой?

Для теоретика мой ум работал туговато, но сегодня тому была масса причин.

– Уверен, в столичной Королевской библиотеке найдется дубликат, – равнодушно бросил Рэдхэйвен и настойчиво сунул книгу в мои руки.

– Зачем вы это все? – недоуменно похлопала глазами. – В смысле... прямо сейчас? После нашего... нашей...

Боги Эррена, я не про поцелуй же! Чему он ухмыляется-то?

– Хотел отдать позже, но решил поднять вам настроение, – хмуро бросил мастер проклятий. – Что в этом непонятного? Подумал, что так вы меньше будете бояться... кхм... «монстров» под своей кроватью. И поверите, что съедать вас им нет никакого резона.

Ну да, конечно, все нормальные люди именно с таким лицом и дарят подарки. Хитанец! Может, он и мастер проклятий, но точно не мастер комплиментов и приятных формулировок.

Книгу я взяла и мигом спрятала под подушку. Если вдруг Рэдхэйвен думал, что я начну отказываться и носом вертеть... Стадо гхарров ему на пути и ветер в лицо! Так далеко мое демонстративное упрямство не распространяется. Я же не совсем еще тронулась.

Трактат Милезингера! Мой!

То есть... прямо вообще мой. Собственный. Огхарреть можно. И на полочку поставить – тоже можно.

– Спасибо, – сглотнула, пытаюсь распутать клубок из ног и все-таки встать. Загорелая гора имени королевского мастера, возвышавшаяся над моим носом, до чесотки смущала.

– Не думал, что вы увлекаетесь прикладной артефакторикой, Эйвелин...

Не думал он... Мог бы и получше узнать свою «невесту», прежде чем в контракты вляпываться. Двусторонние.

– Скорее теорией бытовых плетений, – сдержанно пояснила.

Ну, здравствуйте, сир надменный, никем не интересующийся квахар. Будем знакомы.

– Эв мечтает изобрести что-нибудь жутко полезное и уникальное. И запатентовать, – тихонько подала голос Рисса, с округлившимися глазами сидевшая напротив меня. – Наше будущее научное светило.

– Рисса, замолчи... – выдавила шепотом.

– Королева бытовой артефакторики. Спасительница магесс-домохозяйек...

– Рисс, убью... И прикапывать придется тебя, – угрожающе прошипела подруге.

– Кстати, об этом. Вы уж простите, милые леди, что отвлек от важного совещания, – хрипло прибавил гость, вальяжно прохаживаясь по комнате, как у себя дома. – Если примете от меня совет, то целиком все-таки лучше, хотя времени занимает на порядок больше.

– Умм... – сглотнула Рисска.

– От «частей», как вы изволили выразиться, мисс дир Папиллон, остается невидимый след магической крови. По нему легко найти виновных, – профессорским тоном выдал Рэдхэйвен. – Об этом вам подробнее расскажут на последнем курсе.

– Спасибо за ценную рекомендацию, – первой вышла из ступора Тея и добавила шепотом: – Мы примем к сведению.

Послав мне прощальную хищную ухмылку, мастер проклятий покинул комнату.

– «Примем к сведению»... Боги Эррена, Тея! «Примем к сведению»! – я закашлялась, прикрывая рот.

Тейка издала жалобный стон: не верила, что всерьез такое сболтнула.

– Нет, Эв, я передумала, – Рисса подбитой крикеткой упала на кровать. – Этого прикапывать нельзя. Даже если получится грохнуть, мы потом за десять поколений от проклятий не отмоемся.

Глава 28

Глава 28

День прошел быстро и сумбурно. Головная боль к вечеру отпустила, и я, уединившись с сиром Милезингером на подоконнике за шторой, с азартом отдалась чтению.

Взахлеб поглощала старинные формулы, докапывалась до сути витиеватых измышлений, скользила пальцами по коричневым строчкам... И не заметила, как в комнате стало тихо и темно.

Сияющий медный шарик-артефакт с вплетенными в него чарами освещения (сама накладывала в пятнадцать!) побледнел. Пучок льющегося из него света истончился и стал нервно прыгать по моим пальцам, требуя подзарядки. Я сползла с подоконника, сунула сира Милезингера под подушку и бухнулась головой сверху. Чтобы опять куда-нибудь не сбежал.

Засыпая, все думала, как изобрету что-то нужное, важное и невероятное. И всем докажу, что от теоретиков магии пользы ничуть не меньше, чем от практиков.

Очнулась я в темноте от странных ощущений. Будто жилы внутри меня наливались болью, натягивались, пытаюсь надорвать кожу. Тошнота чуть не выплеснулась на простыню. Я нащупала уснувшего рядом Фиджа, выудила у него из пасти недогрызенный крекер, прожевала... Но тошнота не прошла.

Сонно пощелкала ногтем по артефакту-фонарику. Он, собравшись с последними силами, мигнул, осветив пространство. И с виноватым свистом потух.

В мгновенной вспышке я успела рассмотреть, как по рукам, стремясь все выше и выше, ползут черные извилистые вены. Варх меня прибери...

Стараясь не тревожить спящих подруг, я дотянулась до ночника над кроватью. В его бледно-голубоватом свете вены заимели еще более устрашающие очертания. Разветвленные, упрямо оплетающие запястья до локтей... Мать гхаррова!

Задохнулась от ужаса: все повторяется. Тьма вернулась. Нет, нет... Я не так планировала избавляться от брачного рабства. Будет нечестно,

если Рэдхэйвен овдовеет быстрее меня!

Слова хитанца коварно вбились в уши. «Полностью вы доверять можете только мне...». Я покосилась на подруг: да нет, чушь какая-то!

Но все равно выбралась из-под одеяла, вышла из комнаты и побежала. Не в больничное, нет, хотя там наверняка кто-то дежурил. А в спальню единственного человека, прибывшего в Анжарскую академию после моего первого «убийства». Предупреждавшего, что может быть и второе.

Дверь магистерской комнаты была не заперта, и я, для храбрости глубоко подышав, протиснулась внутрь. Рэдхэйвен лежал на кровати в рубашке прямо поверх покрывала. Выглядело, будто он не планировал спать. Случайно задремал, раздумывая о чем-то, разглядывая потолок и сложив руки на груди.

– Вы спите? – я подошла и уселась перед его кроватью на пол, чтобы глаза были на одном уровне.

– Да, – проворчал сразу же, как спросила, не открывая глаз. – Я же просил сегодня не приходить, зараза. До чего непослушная...

– Это когда еще просили? – поперхнулась от возмущения, что ему даже спросонок все не так.

– Прошлой ночью, – бубнил недовольно, поворачиваясь на бок. – Должна же даже у исчадий мрака быть совесть?

– Сир Рэдхэйвен... Пожалуйста! – вскрикнула, хлопнув его по щеке.

Тот болезненно поморщился, признавая, что совести у исчадий нет.

– Ну что вам еще? – хрипел, ерзая носом по подушке.

– Я просто... Скажите, что с этим сделать? – выставила вперед руки раскрытыми ладонями вверх.

– Эйвелин? – он все-таки открыл глаза и приподнялся на локте. Поморгал оторопело, осматриваясь в спальне. Снова и снова с обескураженным видом обнаруживая в ней меня. – Как ты тут?..

– У меня... вот, – потрясла перед его носом запястьями.

Полумрак разбавлялся льющимся из окна светом, и не заметить вены мог только совсем слепой.

– Мы же договорились! – сквозь зубы прошипел полусонный проклинатель. Резко сел на постели и выдохнул замысловатое

ругательство.

Опять обвиняет в чем-то. Ну что за человек такой тяжелый? Настолько тяжелый, что вряд ли мы с девочками втроем с телом справимся. В смысле прикапывания. Если не по частям.

– Заверяю вас: ни о чем таком мы с вами не...

– Да не с вами! – нетерпеливо бросил Рэдхэйвен и принялся бегать пальцами по проступившим венкам. – Очень больно, Эйвелин?

– Терпимо, – сглотнула, храбрясь. И чувствуя, как обжигающие змеи ползают под кожей. В этот раз они не так сильно жалили, но и забыть о себе не давали.

– Хмм...

Он почернел в темноте еще сильнее и принялся ощупывать мою голову. Забрался под волосы, проехался пальцами по затылку, дошел до висков, сжал не очень-то приятно.

– Дырка в барьере давно, чуть не с утра. Уже затягиваться начала, – хрипел недовольно. – Я опять умудрился ее не заметить. Смотрел куда угодно, только не...

– С утра? – изумленно выдохнула, отводя его жгущиеся пальцы от гудящего виска.

– Хотела бы, давно бы уже проникла и... Ох... – он хлопнул себя по лбу, о чем-то догадавшись, и сильнее наморщился.

– Какое еще «ох»? – переспросила я настороженно, переминаясь на коленях перед его кроватью.

– Весьма безрадостное. И жаждущее мести, – он пошевелил напряженной челюстью. – Понятно. Вот же подлая! Ладно, идите сюда. Ко мне.

– Куда? – взгляд упал на его нетронутую кровать и тут же испуганно вернулся на лицо проклинателя. – Нет уж, давайте я сама все сделаю. Вы просто скажите, что нужно и как правильно.

– Сами вы не сможете сделать то, что нужно, – он шустро слез на пол и опустился на колени передо мной.

Рэдхэйвен был в штанах, приспущенных на бедрах, и свободной светлой рубашке, застегнутой всего на пару пуговиц. Заспанный, немножко лохматый. И побриться бы не мешало.

Что-то мне не понравились его приготовления. Но Тьма, расплзавшаяся внутри, нравилась мне еще меньше.

– Тише, Эйвелин, – пробормотал Рэдхэйвен над ухом, подобравшись на коленях вплотную ко мне.

Я испуганно покосилась на его подбородок, покрытый ровным слоем черной щетины. Поморщилась от того, как неприятно ломило тело, как крутило мраком каждую мышцу. Хотелось истошно орать, чтобы пытка окончилась. Но я только сжимала челюсть.

– Стойте! Что вы?.. – вскрикнула, когда Даннтиэль рванул мою сорочку в стороны, и та двумя ошеломленными половинками скатилась к локтям.

Запротестовать не успела, а бесстыжий хитанец уже притянул меня к груди.

– Знаю, Эйвелин. Страшно. Какой-то грубый небритый мужик... – шептал в ухо, расправляясь со своей рубашкой так же резко и надрывно, как с сорочкой.

Пока он отбрасывал в сторону лоскуты, попыталась хоть руками прикрыться. Всунула ладони между нами, оставляя какую-никакую преграду между моим трясущимся телом и его... тоже отчего-то дрожащим.

– Так надо. Потерпи, – он вытащил мои ладони и требовательно заправил их к себе за спину. Предлагая, видимо, обняться. Ой! Ой-ей-ей... – Мне, может, тоже столь тесное соседство одной занозы не доставляет никакого удовольствия. Я, может, тоже смущен, как невинная девица. Но терплю, как видишь. Хоть и мучаюсь.

Мучился он весьма своеобразно – с обеспокоенной ухмылкой и гулким буханьем в проклятой груди.

– Это невыносимо, – зажмурилась в отчаянии.

– Полностью согласен, – промурлыкал этот гхарр, прижимая меня еще крепче.

Его грудь горела, как жерло керрактского вулкана, и мне от этого пламенного общества было ну совсем не по себе. А как оно еще может быть темной ночью на полу в обнимку с обнаженным мужчиной?

– Что теперь? – уточнила сбивчиво.

Тьма внутри не так уж и плоха была! Я к ней почти привыкла... Не то что к Рэдхэйвену, вжимавшему меня в себя: к нему привыкнуть невозможно.

– Теперь я заберу тьму, Эйвелин, – произнес строго, не оставляя мне надежды на побег. – А ты перестанешь дергаться и добровольно

мне ее отдашь. И только попробуй опять начать царапаться...

Еще сотню вопросов, отсрочивающих неизбежное, я задать не успела. В голове накидала, конечно. Это дело нехитрое. Но пересохший рот не смог издать ни звука, когда проклятый рабовладелец хищно сжал губами кожу на шее. Проскользил языком ниже, к ключицам. Боднул меня лбом, заставляя откинуть голову назад... И жадно присосался к ямочке между ключиц.

Да ради святого гхарра!..

Все внутри меня тут же пришло в движение. Вены в тех местах, где наша кожа соприкасалась, зашевелились, вздулись. Темная субстанция устроила форменный бунт, бурля и шипя на все лады. Я ощущала себя огромной кастрюлей, в которой недовольно фыркает и пузырится густое темное варево.

– Отдай... Не противься, Эйвелин. Расслабься, – мычал в мою кожу Даннтиэль, зажимая зубами, чтобы не рыпалась.

Расслабишься тут!

Я всплакнула судорожно и с обреченным вздохом уложила ладони на его голые лопатки. Проползла пальцами вверх до плеч, ухватилась получше. Запрокинула голову и с мученической миной уставилась в потолок. Сдаюсь, не противлюсь. Разве не видно?

Потолок поплыл перед глазами. Ресницы дрожали, зубы стучали, и едва ли я могла это остановить. Но боль стремительно пропадала, оставляя после себя в измотанном теле пустоту. И... не только ее.

Тянущие ощущения сменялись волнительным, приятным покалыванием.

Прямо. Очень. Приятным.

Я крепче обхватила проклятые плечи, впилась в кожу ногтями. Задрожала в варховых лапах. Нет, это решительно невозможно терпеть!

– Все, Эйвелин... в-все, – сбивчиво прохрипел Рэдхэйвен, пошатнулся и выпустил меня из железных объятий.

Он уселся на пол и оперся спиной о край кровати. Сделал глубокий вдох, потер губы. Темные ресницы мелко дрожали, но я видела под ними черные омуты глаз. Глубокие, бездонные, впитавшие всю мою тьму.

Я торопливо набросила половинки разодранной сорочки обратно на плечи. Для пущей надежности сложила руки крестом на груди и

тоже прислонилась к кровати.

– Как вам помочь, Даннтиэль? – прошептала взволнованно. – Этот темный яд... он кошмарен, он...

– Она сейчас уйдет. Побалуется и уйдет. У нас с ней уговор, – негромко пробормотал Рэдхэйвен, нащупал мое запястье и сжал. – Не бойся. Посиди тут пока.

– Л-ладно, – покивала, понимая, что и без его просьбы никуда бы не ушла. – Вам больно?

– Чувствую себя идиотом, – выдавил из себя, потирая затылок. – Опять смотрел куда угодно, кроме как туда, куда стоило бы... При дворе со мной такого обычно не случается.

– А почему я еще в сознании? – сглотнула сладковатый привкус, расплзавшийся по языку. – Как я вообще сюда дошла?

– Не знаю, Эйвелин. Не знаю, – он развернул голову ко мне и открыл глаза. – Воздействие было слабее, чем в первый раз. Может, иммунитет. Может, пробудившийся дар защитил. А может, это потому, что ты теперь...

Он глянул прожигаяще странно, аж комок в горле перекувыркнулся. И совсем не обязательно было при этом мучительно медленно проводить пальцами по моему позвоночнику!

Потому что приятно до морозных мурашек. Сразу в голову полезли глупые мысли. И зачем-то захотелось снова прижаться к нему голодной на ласки каффой.

– Что «я теперь»?

– Неважно, колючка, – хрипло отозвался мерзавец.

– Ответьте.

– Моя. Ты теперь официально моя.

– Какое Тьме дело, чья я? – не стала спорить с его очередным собственническим припадком.

Поняла уже, что через генетическую хитанскую твердолобость мне не пробиться. Не стоит и силы тратить. Главное, что я сама знаю, чья я. Своя. В крайнем случае – папина.

– У нас с ней что-то вроде уговора, – проворчал Рэдхэйвен. – Я весьма терпелив и бережен с ее «детьми», она в ответ идет на уступки и сильно мне не вредит. Хоть и не упустит своего, если ей представится шанс немножко меня помучить. Слишком уж давние у нас счеты. Но мою невесту Тьма не убьет. Как у любой редкостной

стервы, у нее все в порядке с чувством самосохранения. Есть вопросы поинтереснее...

– Да неужели? – закатила глаза, переваривая признание королевского мастера.

– Как она опять проникла в тебя? Я проверял защиту, вчера вечером была целой.

– Ты ковырялся в моей защите, Данн?! – вскинулась возмущенно. – Вот так запросто, без разрешения?

– Я ковырялся в твоей защите, Эйви. И запросто, и без разрешения, и вообще... – ухмыльнулся чему-то мерзавец.

Квахар несносный! Я отползла от него бочком на полшага и поправила на себе сорочку. Сидеть на полу в чужой спальне было в высшей степени неловко. Особенно теперь, когда у меня больше не было видимых причин в ней находиться.

– Это сделал кто-то из своих. Тот, с кем ты сегодня общалась, – шершаво произнес Рэдхэйвен.

Хоть я и отползла от него, все равно ощущалось, что он нестерпимо близко. Каждая клеточка чувствовала его рядом, даже в воздухе, что напряженно сгущался между нами.

– Мне надо идти, – выдохнула сдавленно, пялясь в темноту перед собой. За ней угадывались плывущие очертания шкафа с парадной одеждой королевского мастера.

Поерзала на полу, пробуя силы. Смогу я доползти до ученического крыла и не растянуться в воздушной галерее? Какая разница. Мне надо уходить, немедленно уходить... Переодеться в целую одежду и смыть с себя привкус тьмы. И аромат хитанца.

– Ты отправляешься в постель, Эйвелин.

И голос такой твердый, упрямый, словно Рэдхэйвен предчувствовал сопротивление. И собирался бороться.

– В свою? – пискнула с надеждой.

В свою ведь, правда? В эту вот, квахаро-рабовладельческую, я ни под каким соусом не пойду!

– В мою, – его голосом можно было орехи раскалывать. – Трещина в барьере небольшая, к утру восстановится. Но я не могу допустить, чтобы в тебя залезло что-то еще. Забирайся под одеяло и не дергайся.

Уфффф...

Он так и сидел на полу подле меня. Наверное, подскочи, дернись я к двери, успела бы выбежать... Всерьез размышляла об этом с минуту. Потому что Тьма Тьмой, но хотелось бы, чтобы и на меня тоже ничего не залезло. И никого.

– Не беспокойся. Я с тобой уже неоднократно спал в одной постели, – «успокоил» рабовладелец. – Переживу как-нибудь.

И с чего взял, что я о нем беспокоилась? Мне бы самой это дело как-то пережить.

Дергаясь от внутреннего напряжения – ну нет у меня опыта ночевки с малознакомыми мужчинами! Во всяком случае, сознательных! – я вползла под единственное одеяло. Черное, с золотыми узорами, каждым вензельком демонстрирующее принадлежность Рэдхэйвену.

Интересно, на меня он тоже какой-нибудь «вензелек» нанесет после свадьбы? Чтобы подтвердить право собственности?

– Ох! – воздух выбило из груди, когда сзади ко мне прижалась стопка бронированных кирпичей, на поверку оказавшихся той самой проклятой (ладно, проклинательской) грудью. Голой, горячей и невообразимо твердой. И тоже залезшей под единственное одеяло.

Он провел шершавым пальцем по затылку, вычерчивая заковыристый узор. Отмечая меня невидимым вензельком. Отчего повывлезавшие мурашки попадали в обморок и мертвым грузом сконцентрировались в районе лопаток. Сдул волосы с плеча и тихо велел: «Спи».

Спасибо, мой господин, за четкое руководство! Я сейчас... Только мурашки веником смету и сразу баиньки.

– Эйвелин?..

– Сплю! – прикусила зубами одеяло, чтобы не взвыть от тотальной невыносимости проклятого бытия.

Ладно, если обратиться к фактам, все не так кошмарно. Мы оба измотаны темным ядом, и наше соседство вынужденное. Так безопаснее, надежнее и вообще. Пока я рядом с мастером проклятий, никакая Тьма в меня забраться не посмеет... Наверное.

Осталось еще не думать о раскаленных кирпичах позади, чтобы хотя бы сны (Варх с ними, с мыслями) получились пристойными.

– Не бойся меня, Эйвелин, – прошептал он в шею и прикоснулся теплыми губами к коже.

Оставил на ней несколько коротких поцелуев, какими, пожалуй, могли бы желать друг другу «спокойной ночи» давно женатые супруги. Уютный жест, не намекающий на что-то большее и запретное. Но я все равно нервно дернулась.

Пора бы привыкнуть, что он меня все время хватает, трогает, гладит... Но не получалось. Этот мужчина, греющий собой мои лопатки, был чужим. Незнакомым, принадлежащим другому миру. Я совсем его не знала, а он и не пытался мне себя раскрыть, оставляя кучу издевательских загадок на каждом шагу.

– Вы тогда сказали, что бояться вас – весьма разумно с моей стороны, – пробормотала, ерзая на непривычных простынях и упорно натываясь на Рэдхэйвена всеми частями тела. Словно он собой вообще все пространство спальни занял, кроме отведенного мне полуметра.

– Сказать это было очень неразумно с моей, – выдохнул, опуская руку поверх одеяла. – Не бойся. Спи.

...Я брела по заснеженной пустыне, медленно переставляя ноги. Уставшая, замерзшая. Заплетаясь босыми пятками в припорошенной снегом листве и вздыбившихся корнях.

В темноте пустого леса, напитанного запахом одиночества, было трудно разглядеть хоть какой-то ориентир. Я споткнулась, упала на колени. Больно!

Оперлась руками о заиндевелую траву. Чутье велело поторопиться, пока я не окоченела совсем, и я поехала – дальше и дальше. Переставляя дрожащие руки и ноги, словно дикая вирра.

И вдруг я стала ей. Грациозной саблезубой кошкой, вальяжно крадущейся по снежным холмам. Я видела свои лапы, покрытые черной блестящей шерстью, с острыми закругленными коготками.

От быстрого бега стало теплее, но внутри разверзлась гнетущая пустота. Было голодно и тоскливо. Хотелось спрятаться от ветра, пронизывающего тело длинными ледяными иглами.

Вирра – та, что я, – втянула носом воздух. Странное возбуждение хлынуло в тело: я что-то учуяла! Шевеля ноздрями, я забралась в небольшую пещеру, прикрытую серым валуном. Просочилась через щель, ведомая чутким нюхом.

Темнота. Ни гхаррова копыта не видать! Даже кошачье зрение не помогало.

Я медленно поползла на запах – манящий, уютный, сладкий. Жу-у-утко аппетитный. И, наконец, уткнулась в нечто теплое. Потерлась о бархатистую поверхность щекой, улеглась поверх. Нечто было большим и уютным, как подушка, созданная специально для моей головы.

Поводила носом по манящей добыче в невыносимом предвкушении. До чего же прекрасный аромат! В нем смешалось все, что было так любимо: тепло гладких камешков, раскаленных на анжарском солнце, и соль морского бриза, и терпкость старой древесины, и горчинка цитрусовой цедры, и тонкий флер мужского пота... Я жадно вдыхала, наполняя легкие до отказа, упиваясь невероятным ароматом. Ммм!

Нет! Не могла больше сдерживаться. Моя добыча! Ррр... Моя...

Жмурясь от удовольствия, я робко, неуверенно провела шершавым языком по теплой поверхности, и та отозвалась волной мелких бугорков, став еще приятнее наощупь. Лизнула снова, уже смелее. Вкусно! Солено и терпко.

Сердце зашло от восторга, опьяненное ощущениями. Я решилась куснуть: оно обязано быть съедобным! Аккуратно сжала мягкое, теплое нечто зубами и потянула образовавшуюся складку на себя, пытаюсь оторвать от прощупывающейся кости кусок. Мое! Мое...

– Ох! – сдавленный стон разбудил меня сразу и насовсем.

– Вархмменярраздери... – промычала сквозь стиснутые зубы.

– И м-меня... – Рэдхэйвен сглотнул, ошалело глядя на свои мокрые ребра. На которых все еще щекой лежала я, сжимавшая зубами натянутую кожу. Весьма влажную моими усилиями. – Вот ведь дикарка.

От смущения даже выпустить «добычу» изо рта не решилась. Так и застыла, озадаченно глядя в откровенно веселящееся лицо. Превосходно. Я пыталась сожрать собственного рабовладельца. Отхарреть можно.

Даннтиэль плотно сжимал губы, но те все равно подрагивали. Черные глаза искрились сдерживаемым смехом. Но где-то в самой их глубине, на дне черных зрачков, мне виделось напряжение. Да и наполовину обнаженное тело хитанца, натянутое струной, внушало опасение.

– Эйвелин...

Ох, нет! Хоть сейчас зубки скалила я, хищником из нас двоих был он. Коварным, сильным... и очень голодным.

Я испуганно отпрянула. Уселась в метре от него на кровати, продолжая ошарашенно хлопать ресницами. Взгляд Даннтиэля совсем помутнел, лицо приняло сосредоточенный вид. Губы перестали дрожать, а по мышцам прошла странная судорога. Рэдхэйвен нервно сглотнул, и я додумалась опустить глаза.

Да твою-то гхаррову бабушку!

Тонко вскрикнула, сдернула с него одеяло и обмоталась до подбородка.

Ну почему это происходит со мной? За что? И как я могла забыть, что сорочка превратилась чьими-то стараниями в лоскуты и теперь болтается на плечах, мало что прикрывая?

Уффф...

Вейн и тот видел меня в белье лишь единожды. Случайно причем (надеюсь)! Диккинс тогда отвернулся сразу, пытаюсь соблюсти приличия. А этот... проклятый... квахар...

Никто и никогда так пристально меня не разглядывал. Даннтиэль смотрел жадно, напряженно, точно вот-вот набросится.

А мне даже его обвинить будет не в чем! Приползла, облизала, понакусывала, а потом принялась голышом прыгать по кровати. Возмущение сменилось обреченностью: я сама виновата во всем, что произойдет дальше. А оно неминуемо произойдет, судя по взгляду.

– Эйвелин, – хрипло пробормотал мастер, с сосредоточенным интересом наблюдая за сменой эмоций на моем лице.

– Чего вам?

– Иди обратно.

Я помотала головой. Сначала ему придется меня поймать. Я сглупила, признаю! Но так просто не дамся.

– Еще три часа до рассвета, – он приподнялся на локте и шумно, размеренно выдохнул. – Так и будешь там сидеть?

Кивнула ожесточенно: глаз не сомкну. Слова не давались, и я поджала губы. Знала, открою рот – буду или хрипеть, или сипеть.

Данн резко вскинулся, обхватил меня прямо в одеяльном коконе, притянул и уложил спиной к себе.

– Ты чего так трясешься? Я тебя не съем, – глухо прошептал в самое ухо. – А вот на твой счет у меня теперь большие сомнения...

Ну, кошмар! Покусала королевского мастера, предварительно облизав. Для чистоты. Мало ли где он до меня валялся?

– Не бойся, драчунья.

– Боюсь, – призналась шепотом, купаясь в своей неловкости и тепле его рук.

– И если ты думаешь, что я не воспользовался ситуацией и не разглядел тебя во всех подробностях за те семь ночей, ты слишком хорошего обо мне мнения, – он поплотнее замотал меня в одеяло и собственнически положил руку поверх. – Я по твоим родинкам на животе могу «карту Звезднограда» нарисовать. По памяти.

– Проклятье! – всхлипнула, обреченно укладывая голову на подушку.

– И еще какое... зеленоглазое, – промурлыкал мерзавец. – Расскажешь, что тебе приснилось?

Горячее дыхание защекотало волоски на затылке, и мурашки привычно двинулись организованным строем вниз по позвоночнику.

– Что я дикая вирра, – пробормотала задумчиво, сонно жмурясь. – Сначала я замерзла, а потом нашла теплую пещеру. И там учуяла что-то...

– Что, Эйви?

– Точно не знаю. Что-то вкусное. Приятное такое, – вздохнула, понимая, что так мне пах сам Рэдхэйвен. – У меня аж живот скрутило – такой одуряюще невероятный был аромат. Я была дико голодной, замерзшей, одинокой, вот и... Я больше не буду, – сглотнула виновато. – Наверное.

Крепкие пальцы легли на мой живот и потянули назад, прижимая теснее к жениху-самозванцу. Напряжение которого чувствовалось даже через пару слоев одеяла и теперь передавалось и мне.

Сразу вспомнились и чудесный аромат, и терпкий солоноватый привкус кожи на его ребрах, и мое восторженное предвкушение... Ей Варху, странная реакция. Требующая проверки и осмысления. Если я его еще разок лизну, когда Рэдхэйвен заснет, это будет совсем-совсем странно?

Глава 29

Глава 29

– Это мне! – я бросилась со всех ног к ящику для магпочты, звеневшему на все лады и источавшему фиолетовую дымку. – Точно мне, даю гхаррово копыто на отсечение.

Выудила оттуда магкопию договора, отправленную отцом, и помахала ей в воздухе. Подруги расселись по кроватям, готовясь внимать.

Утром я рассказала им обо всех происшествиях, со мной приключившихся. И про темный дар, и про Диккинса, и про «визиты» Тьмы, и про теорию Граймса с обезболивающими шариками... Даже устала языком шевелить. Выдохлась. Раньше у меня и за полгода столько новостей не набиралось.

Я помнила предостережение Даннтиэля, но... если не верить лучшим подругам, то кому?

С утра пораньше, сразу, как вернулась в свою спальню, сбежав от сладко сопевшего Рэдхэйвена, я написала отцу. Потребовала немедленно выслать копию его с хитанцем соглашения.

Проспав всю ночь в жарких объятиях и чужом одеяле, я еще более отчаянно захотела свободы. Заставляла себя ее желать. Подталкивала, разжигала внутри огонь. Понимала, что еще немного, и сама не захочу выпутываться из сложившейся западни. Но вряд ли в будущем смогу себе простить эту девичью слабость.

– Должен быть какой-то выход, – пробормотала, разворачивая желтый листок. – Такой, чтобы папенька не пострадал.

Я, конечно, желала ему полуночного нашествия клопов-убийц, но исключительно понарошку.

Вдумчиво пробежалась глазами по документу. Стандартному, в чем-то даже скучному. Надо понять, в какую темную субстанцию и насколько глубоко я вляпалась.

«...В том, что по окончании текущего года будет заключен законный союз между единственной дочерью Эрнеста Адриуса Ламберта, девицей двадцати лет от роду, и сиром...»

Через три месяца?!

Ох, Имира Сиятельная, в каком бы иномирском гареме ты сейчас ни сидела, жхни его молнией хорошенько! Их. И *того*, и *этого*, обоих.

– Тут даже имени моего не указано! – возмущенно потрясла бумажкой. – Какая очаровательная обезличенность. Словно очередной намек, что моего мнения тут не спрашивают.

Вот только нет у папы других дочерей. А жаль, я бы с ними поменялась.

Так, идем дальше:

«...с момента бракосочетания... возлагаются все обязанности честной, порядочной супруги... До этой даты... пребывает в официальном статусе невесты... и имеет возможность продолжать обучение...»

Собственно, все. И ни слова о двусторонних обязательствах.

– Вот же гхарр линиялый!

– Он тебе совсем не нравится? – пытливо протянула Рисса, заглядывая через мое плечо.

До чего неуместный вопрос! Я бы сама себе его в жизни не стала задавать. В целях сохранения душевного равновесия.

Может, и нравится. Немножко. Я теоретик, я не умею отрицать очевидные факты, если ими бросают прямо в лицо.

Греться в его руках нравится. Танцевать с ним нравится. Разгадывать его нравится. Нюхать его нравится. Кусать, облизывать... тоже, как выяснилось, ничего. Приятно.

– Эээв?

– Нравится. Временами даже сильно, когда убить не хочется и на суп отправить, – кивнула сосредоточенно и потерла заспанное лицо. – Но это совершенно неважно.

– Как это неважно? – поперхнулась Тейка, распахивая украшения по миниатюрным коробочкам.

Она вдруг с утра пораньше решила навести порядок в своей жизни и не сваливать все в одну кучу. Начала, уж понятно, с самого дорогого сердцу.

– Я не хочу, чтобы он мне нравился. Работаю в этом направлении, – проворчала, высматривая в зеркале «квахаров». – Рано или поздно у меня получится выкинуть этого мужчину из головы.

– Эв!

– Я бы, может, наплевала на свои принципы, – бормотала, остервенело орудуя расческой, – засунула бы все свои предубеждения насчет надменных хитанских снобов в...

– В линиялюю, – подсказал Фидж, хрумкая чем-то и осыпая крошками мою подушку.

– В нее, да, – поспешно согласилась. – Пригласи он меня на прогулку. Спроси он о моих желаниях, поинтересуйся он моим мнением. Предложи он мне что-то и... дождись он, Варх дери, моего согласия!

Я растерянно глянула в зеркало, требуя от него ответов. Вот кто додумался воспитать сира, чтоб его гхарры затоптали, Рэдхэйвена в столь невозможном, несносном ключе? Веди он себя иначе, я бы, может... вполне бы... А так нет, точно нет. Без шансов.

– Но этот кваха... гхм... *достопочтенный сир* просто ставит меня перед фактом. Обзывает собственностью, – гневно напомнила девочкам и себе. – Грозится всякими разными постельными смыслами и рогами за непослушание! И ему совершенно неинтересно, что я обо всем этом думаю.

– Если бы не твоя аллергия на хитанцев...

– Она не на хитанцев, а на их уверенность в том, что имеют право брать все, что пожелают. На их эгоизм и равнодушие к чужим грезам и планам.

– Он подарил тебе Милезингера... – Рисса повела бледным плечиком и поправила на себе любимый растянутый свитер.

– Это взятка, – я нахохлилась новорожденным квахарчонком. – К трактату прилагаются трение и всякие разные смыслы, в которых меня, видите ли, столичному сиру угодно. К нему прилагается отмена научного проекта, ссора с Вейном и вероятный брак с непонятным, едва знакомым мужчиной. А еще в комплекте с драгоценной книжкой идут рабские кандалы, которые на меня надели, пока я спала, Рисс!

– Но вдруг тебе в них будет приятно? – наморщила нос подруга. – Удобно вполне?

Нет, она явно начиталась идиотских книжек про доварховы времена. Но сейчас-то они другие! Варховы!

– В кандалах?!

– Но он же тебе нравится, – снова встряла Тейка, и я чуть волосы себе не выдрала – так дернула расческой.

– Это поправимо. Уверена, что поправимо.

Достаточно поменьше о нем думать. Не ночевать в спальне Рэдхэйвена, не нюхать Рэдхэйвена, не кусать, не облизывать... Какой-то такой план, да.

Ящик для магпочты разразился новым звоном, и я нерешительно сунула в него ладонь. Отец еще что-то прислал?

– Вархова бездна! – скривилась, прочитав вызов в диагностическое. От Граймса.

Если я и дальше буду игнорировать дока, дело точно кончится принудительной ампутацией мозга. Еще и скажет, что мне не повредит.

Накинув кофту на форменное платье (по коридорам с приходом первого морозца начали гулять сквозняки), я потопала в целительский корпус. И через несколько поворотов поняла, что бродит по академическим коридорам не только ветер.

– Ой! – вскрикнула импульсивно, едва заметила черную тень, отслоившуюся от стены.

Выставила руки перед собой, заслоняясь от морока. Вчерашней ночью мне хватило тьмы за глаза!

С ладоней слетела витая фиолетовая нить и бешеным серпантинном вляпалась в противоположную стену. Морок отшатнулся испуганно, словно из нас двоих чудовищем была я. Взвыл с отчетливой обидой:

– У-у-у!

– Я случайно, Рок, – призналась исчадию с хоботком. – Испугалась просто.

Не то чтобы он задавал вопросы и требовал объяснений. Просто жался к стенке так, будто я на него с магической плетью надвигалась или с ручной пилой с автозапуском. Косился своими жуткими колдовскими глазами на фиолетовый моток, который я как раз старательно стряхивала на пол.

Лишь когда я дочиста вытерла ладонь о платье, он двинулся ко мне. Выкинул из тела длинный черный жгутик и в пару оборотов опутал им мое запястье.

– Стой, куда?! – вскрикнула, едва он дернул меня на себя.

Рука послушно вытянулась к мороку ладошкой вверх, и я начала жалеть, что так тщательно ее вытерла. Все-таки мы оба определились,

что Рок мне достался Злой.

Из туманного изменчивого тельца выплюнулось что-то желтое и твердым камешком упало мне на ладонь. Морок гордо нахохлился и отпустил запястье, позволяя осмотреть «подарок».

Гладкий овальный кристалл с несколькими сколами по бокам. Может, топаз, а может, джантарь... Довольно крупный, с анжарский орех размером. И он сиял изнутри, хоть это было заметно далеко не сразу.

– Мисс Ламберт, вас повсюду ищут! – налетела на меня Донован, не замечая ни исчадия мрака у стены, ни вообще чего-либо вокруг. – Немедленно явитесь в диагностическое.

Как истинная ассистентка профессора, она была фанаткой своей науки и... своего профессора. Хоть Мьюблиум, на мой вкус, и был староват для объекта слепого обожания.

– Я уже... туда... – пробубнила, сжимая камешек в кулаке.

Заходя в диагностическое, сунула «джантарик» в карман, пытаюсь сделать это как можно незаметнее. Но жест не укрылся от Рэдхэйвена, обнаружившегося слева от меня.

– Ну и откуда *это* у вас? – наморщил лоб, нахально заглядывая в мой карман.

– Друг подарил, – отшатнулась вбок. – Обычный топаз или джантарь.

– Это не топаз. И не джантарь, – ухмыльнулся хитанец, внимательно рассматривая мои заспанные, помятые щеки. Этим утром я выглядела странно выпавшейся, сама в зеркале заметила.

– А что?

– Похоже, у него есть шансы найти к вам подход раньше, чем у меня, – хмыкнул тот беззлобно, оставив мой вопрос без ответа. – Вот подлиза... Подарки, значит!

Даннтиэль тоже был весь из себя какой-то выпавшийся, цветущий, загорелый, пахнувший...

Не нюхать, Эйви! Не думать, не облизывать!

– Мисс Лонгвуд нашла это вчера утром в коридоре, – Граймс закрутил серебряный шарик на столе и поджал губы, привлекая наше с сиром рабовладельцем внимание.

– Я решила, что это магистр Райс... кхм... «обронил», – замялась рыжая целительница, глядя куда угодно, только не в сторону мрачного

сира, тоже тут находившегося.

– И вызвали меня прямо с занятия заполнять бумажки? Вы в своем уме, мисс «в Тарлинской лечебнице такого не было»? – рассвирепел темный магистр.

– Формы и правила существуют для всех! – фыркнула.

– От дотошности...

– Занудности, – поправил Райс.

– ...И принципиальности мисс Лонгвуд есть польза: теперь мы знаем, что у сира Райса нет привычки разбрасываться в коридорах разряженными артефактами, – договорил елеиным тоном док.

– Вархова благодать, мы все-таки пришли в этой истине! – воздел руки к небу мужчина и пугающе сдвинул брови. – Я могу продолжить занятие?

– Если вам неинтересно, что на вашу бесценную почти-ученицу было совершено очередное покушение... Оно ведь было, милочка? – док потер руки и сунул их мне под волосы.

От неожиданности даже пискнуть не успела. Ну почему меня все время кто-то трогает? Ощущала себя Тейкиной каффой, шипящей на каждого, кто протянет к ней лапу. Был бы у меня хвост, я бы им сейчас нервно дергала.

– Уже заросло. Ну и слава Варху, милочка, – одобрительно покивал док. – Я все ж, в отличие от знакомых мастеров некромантии, не сторонник теории «лучшие студенты – мертвые студенты».

– И как понять, кто меня?..

– А никак! – довольно хохотнул Граймс, покручивая шарик в руках. Вещественное, между прочим, доказательство. – На артефакте нет ничего, кроме пальчиков мисс Лонгвуд и моих. Ваш коварный злодей стер магический след и выбросил «орудие» в толпу. Мы, конечно, накинули следящие чары на шкаф с обезболивающим, – он кивнул на стеллаж за своей спиной. – Но едва ли будет третья попытка после двух неудач.

– Вы полагаете, больше покушений на мисс Ламберт не будет? – неуверенно подала голос рыжая ассистентка.

– Что вы, мисс Лонгвуд! Напротив: уверен, что будут. Просто другие: видно же, что фокусы с Тьмой не работают, – Граймс восторженно оскалился, и я осела на ближайшую кушетку. – Я и так удивлен, что «злодей» дважды обратился к столь странному способу.

– Или изощренная месть, или... что-то, нам пока непонятное, – пробормотал сир Райс, постукивая пальцами по подоконнику. – Давайте, мисс Ламберт, выкладывайте, как поживает ваш темный дар.

– Можно без интимных подробностей, но с ними интереснее, – покивал мне ободряюще несносный док.

Я сумбурно поведала им о двух столкновениях с хаотическим мороком. О том, что в первый раз у меня ничего не получилось, а вот во второй фиолетовые нитки выпрыгнули из ладоней сами, стоило мне испугаться.

– Выходит, дар заснул, – прохрипел Райс, усаживаясь на край письменного стола. «Спиной» к возмущенной рыжей ассистентке. – Но пробудился вновь после очередной «экскурсии» Тьмы. Моя теория верна: вторжение в тело темного яда срывает предустановленные блоки.

– А у вас была теория, да? – неловко поерзала на кушетке. Странное чувство, что я снова все проспала.

– Мы с коллегами обсуждали ваш случай, – скупно выдал магистр. – Обычно дар, если он заложен природой, пробуждается на первом курсе, незадолго до выбора направления. Иногда он ярко очерчен, иногда это просто склонность, комфорт в работе с той или иной стихией. Но вы теоретик.

– У меня ничего нигде не пробуждалось и не очерчивалось, – проворчала, обхватывая себя за плечи.

Док не шутил, говоря, что все повторится? И как мне теперь быть? Не могу же я уехать в Аквелук, отказавшись от учебы! И прятаться в четырех стенах – тоже не могу. И к Рэдхэйвену в спальню бегать каждую ночь – тем более.

– Потому мы и говорим о блоках, – напомнил Райс. – Внутренних, психологических... разных.

– Ничего не понимаю.

– Что тут непонятного, Эйвелин? – подал голос Рэдхэйвен, до этого стоявший посреди палаты немой статуей. – Вы подавляете свою сущность. Такая сильная искра – и теормаг? Самая обычная трусиха.

– И предпочту ей остаться, – закатила глаза. – Не люблю взрывы. Не люблю лаборатории. Про работу с темной стороной и вовсе молчу!

– Возможно, блоки были предустановлены извне. А нежелание мисс Ламберт практиковаться в стихийной магии лишь укрепило их, –

пробубнил Граймс, снова угрожающе потирая лапы. Этот его жест всегда жутко нервировал. – Не загляни сама Тьма в ваше надломленное тело, милочка, дар мог и вовсе никогда не проснуться. Жили бы себе дальше теоретичкой, стали бы старой девой, как мисс Хендрик... А теперь все, доблестный сир Райс вас не выпустит из своих мрачных черных щупалец.

Я кашлянула в кулак: очень непросто остаться старой девой при живом (пока еще) женихе.

Мне очень не понравилась теория про блоки, кем-то там установленные. И про то, что визиты Тьмы разжигают мой дар все сильнее. Я резко подошла к Даннтиэлю и ухватила за рукав очередного пиджака. Вполне неформального, без эмблем, но все равно лощеного.

– Выньте из меня эту гадость!

– Каким же образом?

– Ну... не знаю. Высосать попробуйте, – я послушно откинула голову назад и подставила шею.

Ничего, что при свидетелях. Это для пользы дела.

– Высосать? Это не мрак и не отрава. Это дар, с которым вы легко поступили бы в Высшую Хитанскую академию, если бы захотели, – проворчал Рэдхэйвен и, удивительное дело, оторвал мою руку от своего рукава.

Ну нет, так мы не договаривались.

– Какое чудесное слово «если бы»! Высасывайте, – ухватила его за затылок и потянула упирающегося мастера к себе. Не тот сейчас момент, чтобы ломаться и невинность строить. И я не про себя.

– Почему вы так испугались дара? – нахмурился хитанец, не поддаваясь.

Когда не надо, его не отлепить от меня, а когда надо... не прилепить!

– Потому что меня устраивает жизнь без вот этих вот экстремальных вещей, – всплеснула руками, объясняя очевидное. – Я не хочу, как магистр Райс, штопать материю, выворачивая наизнанку весь свой резерв. Лакать по ночам настойку дварфов, чтобы пережить магический откат. Рисковать быть затянутой в межмировую воронку и навсегда потерять ориентир...

– Теормаг – это скучно. Занудно, Эйвелин, – медленно прошептал Рэдхэйвен, так тихо, словно мы в кабинете были одни. – У вас прекрасный потенциал, а теперь и сильный природный дар, но вы не рады ему. Ваша жизнь только начинается, а вы уже похоронили себя под слоем книжной пыли. Как невинный росток под копытами гхарра.

– Как невинный росток я буду, если меня сомнет, как маму, – прошептала в ответ. – Она верила в то, что ей все будет удаваться. Рисковала почему зря. Я же – ответственная, рациональная. Не стремлюсь занять место поближе к Варху: у меня нет таких амбиций.

– Есть. Ты дерзкая, упрямая девочка, готовая драться за себя, отстраивать кулаками, зубами, – пробормотал в мои волосы Даннтиэль. – Сражаться до запекшейся крови под ногтями... Это заложено в тебя, оно уже есть. Внутри. Ты не домашняя скучная каффа, ты дикая вирра. Просто забыла об этом, когда... случилось то, что случилось.

Я подняла на него глаза, сглотнула, вспомнив свои попытки его сожрать посреди ночи. Я не вирра, нет. Я просто спятила от всей этой безумной чехарды, вот на людей и бросаюсь.

– Пускай серединой довольствуются те, у кого средний потенциал. Это нормально. Каждому свое. Каждый хорош в чем-то своем, – «проповедовал» Рэдхэйвен уверенным шепотом. – Но твой высок, а ты закапываешь его поглубже. Чтобы никто, не дай Варх, не приметил, разрешая и дальше глотать книжную пыль.

– Вы сами разве не тем же занимаетесь при королевском дворе? – прошипела с укором.

Сам прячется «от себя», а еще меня поучает!

– Сейчас речь не обо мне, – нахмурился мастер, украдкой приобнимая меня за талию, пока Райс с Граймсом отвлеклись на шарик-артефакт. Нервная «каффа» внутри меня на этот раз не дернулась. – Тебе не нужно бояться нового. Не нужно бояться своей силы. Как и меня, Эйвелин. И себя. И своих желаний...

И такой взгляд у него был пронзительно-двусмысленный, что я без лишних пояснений поняла, о каких он желаниях. О тех самых, щекотно-согревающих, которым во мне совсем не место!

– Вы как-то зачаровали свои руки, да? – сбивчиво прошептала, чувствуя, как жжет кожу на талии в тех местах, где украдкой отмечается его лапа.

То ли привычка все-таки начинала вырабатываться (а ее так-то об этом не просили!), то ли мудреная магия. Вейн меня часто пытался пощупать под тем или иным предлогом, но ни одной захудалой мурашки... Ни одной!

– Что? – закашлялся Рэдхэйвен, рефлекторно сжимая ткань. И меня.

Тело шарахнуло невидимой молнией, и я чуть не сложилась пополам в кабинете Граймса.

– Да как вы вообще это делаете?! – попыталась одернуть от себя лапу, бесстыдно забравшуюся под кофту.

– Не понимаю вас, Эйвелин.

– Вы только касаетесь, а меня уже всю мурашит до пяток. Это ненормально. И нездорово. И...

– Полагаете? – лапа бесцеремонно поехала вниз. Уффф... – Правда хотите знать секрет?

– Да уж будьте добры. Это какое-то плетение? – пыхтела, изворачиваясь в стороны. – Небось запрещенное!

– Все очень просто. Мне нравится к вам прикасаться, мисс Ламберт. Очень нравится, – искренне выдохнул хитанец. – И мне хочется, чтобы вам это было приятно. Тогда больше шансов, что вы не начнете драться и кусаться снова... И будете позволять мне это делать и дальше. Так что в итоге я, как всякий эгоист, забочусь о себе.

Он развернулся, закрыв нас своими широкими плечами, поймал мой кулак и «оттопырил» от него палец. Сжал, мягко прокатившись по фалангам до ногтя, притянул к губам и поцеловал в подушечку. Стадо непослушных, невоспитанных и окончательно от рук отбившихся мурашек проскакало от пояса до шейных позвонков. Что и требовалось доказать: чародей!

– Если вижу, что вам приятно, запоминаю, – делился наукой негодяй, поглаживая основание указательного пальца.

Внутри закипал керрактский вулкан, непонятно что вообще в моем теле забывший.

– Прямо научный подход... – проворчала, суматошно вспоминая, зачем я вообще в кабинет Граймса приходила.

– Скорее, интуитивный. Вот так, да? – потер впадинку между пальцами, надавливая на какую-то волшебную точку и высекая искры из всего остального тела.

Сумасшествие. Фо-о-орменное. Огхарреть, просто огхарреть.

– П-перестаньте, а? – взмолилась шепотом.

Пожар внутри не собирался стихать. Словно Даннтиэль меня уже всю зацеловал и загладил, предварительно раздев и швырнув на черные простыни. С золотыми вензельками.

И тут совсем не получалось сказать: «Это же просто палец!». Или «это же просто ухо». С Рэдхэйвеном вообще все непросто!

– Я не подопытный зверек, я...

У меня уже легкие, как дышать, забыли. Зато бешеное сердце помнило, как колотиться.

– Вы моя невеста, – довольно ухмыльнулся хитанец. – К свадьбе я буду знать все ваши чувствительные места, мисс Ламберт. И буду надежно застрахован от укусов и побоев.

– А у вас глаза желтые, – осоловело отметила, сглатывая слюну.

Как истинная дикая вирра, я, кажется, снова мечтала его сожрать. А еще над Килирой хихикала!

– Снова? – вздохнул удрученно.

– Вы что, совсем это не контролируете? – подивилась золотистым радужкам, в которых вполне могла бы поймать свое отражение, если бы способна была сейчас сфокусироваться.

– Побочный эффект, – пожал плечами Даннтиэль и, горестно вздохнув, добавил: – Очень дурная наследственность. Вас это сильно смущает?

– Нет, я... почти привыкла.

– Так, господа безбилетники, воришки и тунеядцы! – громыхнул Граймс с порога, с шумом распахнув дверь. А я и не заметила, что он куда-то уходил. Док, озарив диагностический кабинет едкой ухмылочкой, продолжил: – Я кое-что нашупал.

В доказательство «нашупанного» он потряс свежим томиком в бордовой обложке. Книгу я узнала без труда: сама вечно залипала на полке с биографиями великих ученых. Особенно на этой, в которой была и мамина.

– Ваша мать, если не ошибаюсь, принадлежала к тэль Лаэлям? – бормотал док себе под нос, просматривая содержание относительно современной книги. – Диковинный род, старинный. Я в свое время писал научную работу для журнала, ссылаясь на ее труды. Очень

любопытные исследования в области контроля и медикаментозного подавления магической сути...

Док, не глядя по сторонам, прошелся до своего стола и плюхнулся точно в кресло.

– «Лаура тэль Лазль, ведущий ученый последнего десятилетия в области магической медицины, отважный борец с иномирскими хворями, широкий практик и бесстрашный экспериментатор», – зачитал бегло Граймс, найдя искомую страницу. – Моя, в каком-то смысле, коллега. М-да... и как истинный целитель – пусть не полевой, а лабораторный – она знала, когда нужно «резать». Вам было четырнадцать, когда вы лишились матери после трагического случая?

– Как вы дошли до этой дикой, но потрясающе занятной идеи, Граймс? – хмуро прохрипел сир Райс, грозовой тучей нависая над плечом целителя.

– О, все просто: если дар девчонки не проявился при поступлении, значит, его заблокировали раньше, – бубнило себе под нос «светило медицины». – А кто, как не великий ученый-экспериментатор, мог приложить руку к подавлению сущности собственного дитя? Папаша ваш, насколько я понял, весьма скромных талантов, мисс Ламберт?

– В-весьма... – выдохнула ошалело.

– Первые зачатки магической предопределенности появляются в период... кхм... созревания. Могу я спросить, милочка, вы с матушкой часто ссорились в последние дни ее жизни? – деловито уточнил док, шумно захлопывая книгу. – Может, были еще какие-то признаки пробуждающейся женственности?

Я зажмурилась, отказываясь впустить в себя воспоминания. После них всегда приходила боль – тихая, тягучая, саднящая в области груди.

Мы, действительно, много ругались из-за мелочей. Во мне бушевали проснувшиеся гормоны, и раздражало решительно все – от розовых рюшей, которыми мама вдруг украсила интерьер спальни, до ее нового увлечения пичкать меня «полезными тониками» собственного изобретения.

Солнце ужаленной росохой прыгало по глянцевым крышам дворца. Дом наш находился на приличном расстоянии от королевского двора, но макушки башен так ярко сияли, что даже здесь оставались

доминантой в пейзаже. Каждый раз, устраиваясь на подоконнике, я уплывала взглядом туда, за ряд стройных жилых домов, за парк, за реку... к золоченым шпилям.

Вот из маминной лаборатории в Хитанском центре магических исследований можно было даже эмблемы на форме стражей рассмотреть. Почетный караул пересчитать, перышки в платьях фрейлин поразглядывать... Но там, в лаборатории, у меня обычно хватало иных занятий, так что на чепуху я время не тратила. Там нам с Фиджем доставались самые вкусные крекеры и самые интересные книги «на усвоение».

– Завтра опять поедем в центр, – объявила с важным видом мизауру, коричневым клубком с несоразмерно большими ушами свернувшегося на моих коленках. – Выпрошу у мамы что-нибудь о темной изнанке. Вдруг ты не самое главное исчадие в Эррене, мм?

В поле зрения пробралось что-то раздражающе розовое... И я резко задернула невозможную штору, отгораживая нас с Фиджем и томиком «Классификации миров по Сеймуру» от прочей зефироподобной комнаты. «Глазовыкалывательный» декор мама притащила вчера. Мы так крепко поссорились, что мизаур даже язвить на эту тему не решался.

– Ты меня до сих пор не простила, Эйвелин? – раздался голос по ту сторону шторы.

– Мам, повторяюсь: это глупо выглядит. Мне уже не девять, – профыркала, удрученно понимая, что на новый виток споров меня сегодня не хватит.

Да и поздно: Доля расстаралась и уже все пространство упаковала в розовые кружева. Стыдно будет теперь звать в гости подруг из магшколы. Не то чтобы у меня их много было, но с таким кошмаром и те, что есть, разбегутся.

– Не спеши взрослеть, девочка моя. Не спеши, – кажется, она всхлипывала, хотя за мамой такого обычно не водилось. – Что бы они ни думали, а ты у меня еще слишком маленькая... для такого.

Она одернула штору, нашла ладонями мое лицо и подняла к себе. Всмотрелась пытливо в разгоряченные щеки и покрытый испариной лоб, ласково стерла мелкие соленые капли. Из-за гормонального взрыва в организме я теперь все время потела и постоянно хотела пить.

– Для какого такого? – нахмурилась, откладывая на подоконник «Классификацию».

– Для всякого. Вот, попробуй это. Должно купировать хотя бы на время... А при большой удаче – и навсегда, – она сунула мне в руки новый то ли тоник, то ли взвар, и я с опаской сжала губы. Предыдущий по вкусу и запаху недалеко ушел от сушеных дедовских носков. – Пей, Эйвелин.

Я послушно опустошила склянку, все еще ощущая вину за вчерашнюю истерику из-за глупого интерьера. Мама не желала признавать мое взросление. Дай ей волю, обложила бы куклами и раскрасками. Это было обидно и несправедливо, но не давало мне права орать на весь дом.

– Слишком, слишком маленькая...

Она смахнула слезу, и я в очередной раз подумала, что маму мою все-таки подменили. Вот те самые ученые с Сеймура, что пару лет назад подбросили нам зубасто-ушастую нечисть. С них станется!

Потому что кто-кто, а Лаура тэль Лаэль никогда не плакала. Не сюсюкала. Не покупала мне кукол и не упаковывала меня в рюши. Она всегда называла меня полным именем и общалась уважительно, как с коллегой по лаборатории.

Все время, кроме последней недели, когда она резко вдруг начала меня ощупывать, осматривать, нервировать... А еще поминать то блудливых гхарров, то Варха, хотя, как многие ученые, была яркой атеисткой. Даже прабабке нашей досталось, которая что-то там предвидела, а ей никто не верил.

– Мам, ты себя хорошо чувствуешь? – я наморщила лоб, поглаживая языком нёбо, окрашенное горечью нового тоника. – Из лаборатории не вылезает и будто вообще не спишь.

– Я потом высплюсь, – потрепала меня по голове. – Когда решу нашу небольшую проблему.

– Такая уж проблема? – сощурилась. – Я ж не монстр какой! Подумаешь, вымахала на полголовы за лето. Все-равно папе дышу в пупок.

– Не бывать такому в нашей семье, – возмущенно бубнила мама, не согласная с тем, что я не монстр и лечить меня не надо. – Мы ученые! А не эти... сумасброды... как их там... Все будет хорошо, Эйвелин. Я тебя им не отдам, ясно? Спрячу так, что вовек никто не

найдет. Ничего не бойся. Ты вырастешь талантливым экспериментатором и будешь сама себе хозяйка. Сильная, смелая, свободная. Тебе ведь нравится наука?

– Очень! – восторженно всыхнула, забыв разом про все гадостные тоники. – Особенно артефакторика.

– Знаю... Ты вся в деда. Он тоже вечно мастерит... всякое, – улыбнулась мама. – Тогда завтра поедem в центр, и я тебе покажу, что нам новенького прислали с Сеймура...

Засыпала я совершенно счастливой, напрочь выбросив из головы и споры из-за рюшей, и сомнительное лечение. Поездка в Хитанский исследовательский центр стоила любых страданий!

Но на следующий день я узнала, что все-таки не любых... И с тех пор больше не заходила ни в одну лабораторию.

– Да, мы ругались, – я с трудом вытолкнула воздух из сжавшегося горла, не глядя на присутствующих.

– Подростки бывают вспыльчивы, – спокойно отметил Райс.

– Это меня не извиняет.

– Вы ведь именно тогда... кхм... впервые ощутили свою женственность и... эмм... готовность к воспроизведению на свет потомства? – Граймс взял со стола какую-то папку и принялся делать в ней пометки.

Я закашлялась, прикрываясь ладонью. Готовности к потомству, надо сказать, я не ощущала до сих пор.

К слову об этом... Оно ведь не входит в комплект «всяких разных смыслов», одобренных сиром рабовладельцем?

– Граймс, вы смущаете девицу, – нахмурился Райс.

– Ничего нового я ей не сообщил, – док пожал плечами.

– Полагаете, дар пытался пробудиться уже тогда? – я погладила себя по плечам, вспоминая все новые и новые подробности наших с мамой бесед.

Она обещала искать способ спасти меня до победного, но нашла или нет – кто знает? И от чего? Ответ так и остался там, под обломками ее лаборатории.

А что, если она спасала не меня, а от меня – весь прочий Эррен? Что, если я и впрямь чудище какое? Не зря же мы с Роком поладили. И Рэдхэйвен всерьез обзывает исчадием.

– Знаете, я так ругалась с мамой из-за этих розовых штор и зефирного покрывала, – вздохнула, обернувшись к «жениху». – А когда настало время переезжать из Хитаны, мы с отцом очень трепетно собрали все, что имело к ней отношение. Каждое полотенце, каждую картину. И перевезли в Аквелук.

– Камень с души, – благодарно кивнул Даннтиэль. – Спасибо, мисс Ламберт.

– За что?

– За то, что не любите рюши, – искренне ответил он. – Мне стало немного спокойнее. Минус один пункт из моих кошмаров...

Глава 30

Глава 30

Весь остаток дня, сидя телесной оболочкой на лекциях, мыслями я уплывала к разговору в кабинете Граймса. К причинам, по которым мама захотела заблокировать внутри меня сильный дар. Довольно, кстати, престижный и редкий в Эррене!

Сама она была очень крепким магом и ничего не имела против магической практики. Хвалила мои успехи, отмечала потенциал и призывала использовать сильные стороны. Так что история с блоком выходила странной, нелепой и нелогичной.

О собственной вероятной «чудовищности» я старалась не думать. Как и о заявлении Рэдхэйвена, что он постарается как можно скорее побороть оставшиеся проклятия. А потом увезет меня отсюда подальше от опасности.

Увезет! Он, вероятно, думает, что я добровольно запрыгну с ним в воздушное судно и полечу на встречу судьбе, контракту и разным смыслам. Гхаррушки!

Но первую часть своего обещания Даннтиэль сдержал и с удвоенной силой бросился на проклятые двери. За день его силуэт я заметила у трех разных кабинетов. И к вечеру Рэдхэйвен стал напоминать моего мизаура, побелевшего к зиме и грозящегося впасть в спячку «вот прямо сейчас».

– Эта работа вас изматывает, – не удержала в себе, застукав его у четвертой двери, ведущей в библиотечный склад. – Сделайте перерыв, вы паршиво выглядите.

– Я успею отдохнуть позже. В вашем обществе и подальше отсюда, – пробубнил Даннтиэль, с маг-саперской точностью разматывая нить проклятого плетения.

– А вы весьма...

– Упрямый? – хмыкнул, не отводя глаз от голубоватой цепочки чар. – Настойчивый?

– Самонадеянный, сир, – облизнула губу, рассматривая его напряженный профиль.

У виска билась тонкая венка. Кожа не казалась такой уж загорелой, как раньше, словно весь загар к вечеру перебежал на какое-то другое тело. Более здоровое, расслабленное и к отдыху склонное.

– Я бы отправил вас на время в Аквелук, если бы был уверен, что там безопаснее, – задумчиво бурчал Даннтиэль, разрывая пальцами сложную схему.

– Я не посылка, чтобы меня куда-то отправлять, – напомнила ему, неправдоподобно изображая возмущение.

Но Рэдхэйвен был так увлечен проклятием, что ничего не заметил – ни возмущения, ни его неправдоподобности.

– Пока я тут, вам безопаснее тут. Морок Кхи-Гарда за вами приглядит, когда мои глаза заняты дверями, – монотонно цедил мастер, не отвлекаясь от зачарованной цепочки. – Я позволил ему немного тут побродить, пока это в наших общих интересах, так что постарайтесь не запихнуть его в разрыв. Выйдет неловко.

– То «сами отправьте на изнанку», то не отправляйте... – пробубнила тоном канцелярской служащей, вынужденной переписывать кипу документов из-за чьей-то оплошности. – Погодите! Что значит приглядит? Он теперь мой нянька?

Не потому ли он вечно из стенок выглядывает и – вот совпадение! – ровно на моем пути? А может, еще и докладывает сиру рабовладельцу о моих перемещениях? Тогда неудивительно, откуда это вечное чувство, что за мной «стены следят».

– Только в то время, когда я занят. В остальное предпочту «нянчить» вас лично, – улыбнулся кончиками губ. – Если будете хорошей девочкой, он покажет вам несколько забавных фокусов. Я разрешил.

Вот только «фокусов» от исчадия изнанки мне сегодня не хватало!

Сама не понимала, почему продолжаю топтаться за его спиной. За окнами темнело, лес за полигоном накрывало серой дымкой... Давно могла вернуться в спальное крыло к сиру Милезингеру. Но все мое издергавшееся существо нынче хотело быть поближе к другому сиру, с которым, как он сам признал, безопаснее.

– Морок ведь тоже порождение Тьмы?

– Одно из немногих, которое я могу выносить без особого раздражения. В нем еще остались крупницы памяти и сознания, –

ответил, сдергивая лохмотья чар с двери и отбрасывая их на пол перед собой.

Оттеснил меня спиной назад, закрыл плечом, оцепенел, готовясь Варх знает к чему.

– Но разве вы не должны... быть врагами?

– Эйвелин... – он обернулся, глянул снисходительно. – Вы еще очень юны и потому имеете свойство видеть мир черно-белым. Всемогущий Варх – сокрушительное, всепобеждающее добро, Тьма – отвратительное, абсолютное зло... Как-то так. Две стороны одной монеты, разрывающей Эррен на части. Светлое лицо и грязная изнанка, то и дело норовящая влезть, куда не звали, и все испортить.

– Я не задумывалась так глубоко о природе мрака, – выдохнула честно, глядя, как по двери ползет черный бугристый шрам. Он действительно «все портил».

– Что ж, могу вам сообщить, что природа тьмы, как и природа света, божественна, неподвластна разуму и неизъяснима, – без толики пафоса пробубнил Рэдхэйвен, сложным пассом штопая образовавшийся в двери разрыв. – Тьма – это не абстрактная субстанция, напитанная черным ядом, и не понятие из учебника с невнятным толкованием...

– Вы сказали, у вас давние счеты.

– Чтобы защищать двор от мрака, я должен в нем разбираться, Эйвелин, – пояснил мастер. – Приходится тесно общаться с самыми разными сущностями и понимать природу... «зла».

– Осторожнее! – я ухватила за его плечо.

В смоченную черным мраком «ранку» на двери просунулось туманное щупальце и резко ударило по полу, словно хлыстом. Матерь гхаррова!

– Не бойся.

Щелчок пальцев – и фиолетовая нить послушным арканом накинулась на гостя с изнанки и утянула его обратно в разрыв.

Черная щель в двери зарастала, уменьшаясь на глазах. Рэдхэйвен «штопал» ее так искусно, что я приоткрыла рот и теперь ловила изнаночных мух.

– При дворе часто случаются разрывы? – замороженно пробормотала.

– Двор от них надежно защищен.

– Тогда Райс прав: вы были бы полезнее здесь, – сглотнула, следя за быстрыми движениями загорелых пальцев. – Ваше мастерство, оно... я никогда такое не видела... невероятное что-то...

– Там я полезен тоже, – хмуро отрезал Даннтиэль, оставляя на месте разрыва лишь полосу обугленной древесины.

«Там я полезен тоже»... Слова Рэдхэйвена крутились в голове, пока он приводил в порядок дверь.

Сегодня за обедом я украдкой заглянула через плечо Иллонки, читавшей «Либтоунский Вестник», и наткнулась глазами на обидную карикатуру. Весьма фривольная картинка с тонкой дамской ножкой, кокетливо высунувшейся из пышных юбок, и мужчиной, стоящим на одном колене. Даже подпись разглядела: «Королевский мастер ищет проклятие». Прямо на первой полосе!

– Все проклятия основаны на темных плетениях, и потому материя столь чувствительно реагирует на их слом, – объяснил он, заметив, как я задумчиво таращусь на дверь, за которой скрылось щупальце. – Рвется чуть что, трескается... И дети изнанки стремятся войти, считая это приглашением.

– Как вошла Тьма в мое тело, когда сломался барьер? Думала, что ее пригласили? – хмыкнула я раздраженно, пытаюсь привести в порядок мысли. Карикатура никак не выходила из головы. – Увидела распахнутую дверцу и полетела сломя голову?

– Возможно, что и думала, – он кивнул, не оценив моей шутки. – Пойми, Эйвелин, Тьма не гуляет по телам просто так. Особенно по невинным девам. Ты надежно защищена внутренним сиянием искры, как и любой другой ученик академии, не совершавший пока ничего дурного.

– Это, например, чего? – сощурилась, вспоминая свой блокнотик с рецептами.

Насколько сильно треснет мой барьер, если я осмелюсь ощипать кое-какого квахара?

«Там я полезен тоже». Ну-ну. Гхарр блудливый!

– Уверен, у тебя и в мыслях ничего подобного не было. И темную кару ты не заслужила. Но Тьма этого знать не могла: барьер треснул так, как если бы твоя душа была черна, – Рэдхэйвен потер морщину на лбу. – Тот, кто сделал в твоей защите дыру, понимал, как опьянит Тьму

предложенная невинность. Как заставит забыть о древнейшем законе мироздания.

– А есть такой закон? – сосредоточенно наморщила лоб. – Прямо древнейший?

Я Рисскиных книжек не читаю, мне и моих хватает с лихвой.

– Чистоту нельзя брать силой. Она может быть дарована лишь добровольно и по любви. Простые люди о нем порой забывают, считая какое-то из условий неважным... Покупают невинность, продают. Но для высших закон все еще священен. И души он тоже касается.

Сделала глубокий вдох, решительным мысленным жестом выпроваживая королевские юбки из головы. Я ведь разумный теоретик! «Спасительница магесс-домохозяек», как шутят подруги. А не какая-то ревнивая дуреха, все мозги стершая о столичного красавца...

Квахара. Я хотела сказать квахара.

– Вам бы с Рисской потолковать. Нашли бы благодарные уши, – поморщилась, вспомнив наши глупые шутки о трении.

И свой полуночный визит к Даннтиэлю с криками, что от меня он никакой добровольности и полюбовности может не ждать.

Рэдхэйвен внимательно смотрел на мою шею, на ложбинку между ключиц. Облизнул губы, сглотнул, и я покраснелась под его говорящим взглядом. Как-то некстати вспомнилась вчерашняя ночь под жарким одеялом... И, похоже, не мне одной.

– Темной стороне разрешено брать лишь черные, развращенные души с надломленными барьерами. Карать, истязать темным ядом, присваивая себе по кусочкам, – продолжал он отрешенно, а сам поглаживал кожу взглядом. Да так ощутимо, словно делал это своими невозможными пальцами. – Там, в Аквелуке, мне удалось напомнить ей о древнем законе. И она, в конце концов, отступилась.

– Вы заманивали ее в себя каждую ночь, – прошептала, залипая на варховых губах. – Терпели весь этот кошмар...

– Так проще вести диалог, – он протянул руку и погладил мою щеку, окутывая кожу теплом и странной покалывающей безмятежностью. – Я никому тебя не отдам, Эйвелин. Не бойся. Что касается всего остального...

– Ум? – сглотнула с десятков вопросов, рвущихся наружу.

– Я уже сказал, что у тебя все время, которое могу дать. И я буду рад, если ты перестанешь испуганно дергаться в моем обществе.

– Потому что тоже чтите древний закон? – я с неприличным присвистом набрала в грудь воздуха.

– Нет, Эйвелин, – он закашлялся и улыбнулся, прикрыв губы пальцами. – Меня трудно назвать законопослушным. Но я хочу, чтобы у нас с тобой все было правильно.

Я уже добрых полчаса вертелась на подушке, затылком взбивая в пену ее содержимое. Сон не шел, хотя я велела ему прийти пораньше, согласная даже на привычные свои «кошмары» с участием черноглазого рабовладельца. В этом ведь нет ничего дурного, если я их еще немножко посмотрю?

Рисса еще не спала: зубрила что-то к зачету, баюкая меня шелестом страниц. Она первая среагировала, когда ящик для магпочты вдруг окрасился экстренно-красным.

– Эв, это тебе, от Граймса, – она кинула конверт на мою кровать, и пришлось оставить попытки заснуть до лучших времен. – Срочный вызов.

Еще одна диагностика? Среди ночи? Я повертела записку в руках и расстроено охнула. Там было что-то про ампутацию мозга и необходимость срочно явиться в отделение.

И вот именно сейчас, когда стало нельзя, невыносимо захотелось спать! Аж скулы свело, как сладко зевнула.

– Раз красный – надо идти, – я растерла сонное лицо, натянула кофту поверх сорочки и сунула ноги в домашние туфли.

Фидж ленивым мохнатым кульком шлепнулся с кровати на пол и засеменял следом, всем видом демонстрируя, что это не он со мной идет, а я его сопровождаю. Бубнил что-то укоряющее, а потом резко замолк и затормозил в темноте коридора. Мизаур настороженно развернул локаторы вправо... и зарычал. И из ниши в стене выплыл морок.

– Не рычи на него, – я строго сдвинула брови.

Фидж посмотрел на меня, как на... не совсем одаренную умственными способностями.

– Эйфф тронулась? – выразился яснее, не оставляя мне простора для вольных трактовок.

– Он наш нянь, – ответила и, поймав отрезвляюще убийственный взгляд, развела руками. – Ну да, жуткий, мрачный нянь с изнанки. Других не выдавали!

– Твой. Не наш, – Фидж оскорбленно расчихался и, вздыбив короткий хвост, потрусил назад в спальню, подальше от исчадия. Решил, что мне и одной няньки хватит, чтобы дотопать до диагностического.

Ну и ладно! На обиженных гнилые альта-цитроны возят. И крекеров им по ночам не дают.

Дверь в кабинет Граймса была приглашающе открыта, и я, махнув мороку, вошла внутрь.

Впереди у шкафчика со всякими склянками и артефактами очертился силуэт. Станный. Потому что в пышной юбке. Док, конечно, своеобразный мужчина, но вряд ли по ночам в платья наряжается!

Я торопливо соткала на пальцах световое плетение и сбросила его на пол. Кабинет озарился желтыми всполохами, разбежавшимися к углам, и девушка у шкафа нервно обернулась.

– Ламберт? Какого гхарра?! – взвизгнула Элодия.

Прямо позади меня послышались шаги. Спешно отдаляющиеся. Я дернулась, выбежала в коридор, провожая взглядом туманную фигуру... Вархова бездна, что тут творится?

Морок не мог наделать столько шума. А Граймс не стал бы убегать. Это ведь глупо – вызвать меня на диагностику среди ночи и скрыться в темноте?

– Где дежурный целитель? – вернулась к мисс Хаммер и пытливо на нее уставилась.

Экстренный вызов отправила не она. Иначе не смотрела бы сейчас, выпучив глаза росохой, которой отдавили хвост.

– Торчит у полоумного профессора, – Элодия дергано пожала плечами и закрыла дверцу шкафчика с артефактами, при этом что-то спрятав в карман. – Я слышала, он совсем плох в последние дни.

– Что ты взяла, Хаммер? – я уткнула руки в бока и решительно двинулась к однокурснице.

– Ничего такого, что нельзя раздобыть в любой аптеке Анжара, – она нервно поправила светлые волосы и надула губы. – Просто в такой

час они не работают, да и далековато... А мне срочно надо. Я взяла совсем чуть-чуть, никто и не заметит.

– Пока не покажешь – не выпущу, – предупредила «теоретичку».

Если это она таскает обезболивающие шарики, нам точно будет, о чем поговорить.

– Ты когда в последний раз ходила на боевую практику? – она хмыкнула недоверчиво. И немного с издевкой. – Ладно, смотри, – разжала пальцы с миниатюрной пробиркой. – Несколько капель жидкой «Эйфории». Вейну надо немного раскрепоститься, расслабиться. Он слишком напряжен из-за этой вашей... «ситуации».

– У нас нет никакой ситуации, – отрезала, косясь на пробирку с желтым содержимым.

Как вообще этим пользуются? И каков эффект? Я помню только бабочек и непреодолимое желание забраться Рэдхэйвену под рубашку...

– И я ему о том же толкую! – всплеснула руками Элодия. – У нас свидание через час. Мне надо совсем чуть-чуть разжечь зародившееся пламя. Помочь ему вспыхнуть. И ты, Ламберт, на этот раз не будешь стоять у нас на пути к счастью!

Финал фразы у Элодии получился сумбурным, скомканным. Потому что она одновременно с речью пыталась оттеснить меня к столу Граймса. Я была так поражена ее слепой верой в то, что это я мешаю ее личному счастью, что даже не возмутилась, когда Хаммер коснулась моего плеча и толкнула назад.

И лишь когда с обеих сторон возникли серые стены, а перед носом захлопнулась металлическая дверь, я возмущенно закашлялась.

– Хаммер, ты спятила?

Щелкнул замок, и я полностью окунулась в запах медикаментов.

– Открой! Это глупая шутка, – стукнула кулаком по металлу. – Керроу не ограничится трудовым наказанием, если узнает...

Для теоретика она мыслила слишком неразумно. В дверце приличная щель, воздуха мне тут хватит, утром меня найдут... А Хаммер исключат. Неужели ее сегодняшнее, сиюминутное и ненастоящее «личное счастье» стоит такого риска?

– А я и не шучу, Ламберт, – пыхла Хаммер где-то в кабинете. – Не все такие фанатичные теоретики, как ты. Некоторые очень даже

способны действовать! Брать судьбу в свои руки. Ковать свое счастье. Возьму-ка я еще «Жетемию». Для верного эффекта...

Она ненормальная, конечно. Явно нуждается в медицинской помощи. Элодия просто помешалась на Диккинсе, а ведь мисс Хендрик считала ее вполне способной ученицей.

Соседний со мной шкафчик тонко зазвенел, и я вспомнила про наложенные на него следящие чары.

– Элодия... Ты квахарка, – стукнулась лбом о холодный металл. Уже представляла, как нас обоих найдет Граймс и устроит прилюдную ампутацию мозгов. Обеим.

– Ты его совсем не ценишь. Не замечаешь, – возмущенно сопела девушка. – Да если бы Ровейн хоть раз бросил на меня взгляд, какими он глядит тебе вслед уже третий год! А ты... ты просто держишь его при себе как запасной вариант...

– Мы с ним друзья, – проворчала, елозя лбом по прохладной глади.

Дико хотелось спать, но в узком шкафу ни присесть, ни развернуться толком не выходило.

– С «Жетемией» да под жидкой «Эйфорией» он забудет о том, кто вообще такая Эв Ламберт, – довольно хихикнула Хаммер и хлопнула входной дверью, погрузив кабинет Граймса в тягучую тишину.

Да она полоумная похлеще Мьюблиума!

Нет-нет, мой среднестатистический принц заслуживает кого-то более вменяемого. И не склонного к отравлениям своих кавалеров всякой непроверенной ерундой. Это явно не те методы, которыми надо ковать судьбу, счастье и вот это все. Оптимистично-практическое.

– У-у-у... – провило где-то по соседству.

– Ро-о-ок... Роченька, ты тут? – прислонясь лопатками к холодной стенке, жалобно прошептала в темноту. – Где ты, жутик? Мраченький, гаденький...

– Ууу! – возмущенное совсем рядом.

– Рок! Ну выползай! Мне не по себе что-то. Прямо совсем, – призналась, сглотнув соленую слюну. – Особенно, когда ты воешь и не показываешься.

Показаться тут, впрочем, было проблематично. Поди найди черную каффу в темном чулане!

По плечу шваркнул теплый хоботок, и я немного расслабилась. Отрадно, что я не одна. Могла ли я поверить, что когда-нибудь порадуюсь соседству исчадия мрака?

Хлопнула дверь отделения, и воздух пронзили новые звуки. Я бы могла узнать эти шаги из сотни. Может, из тысячи. Слышала их третий год на лекциях. Так цокали туфли с квадратными носами.

Угловатый вихрь пронесся по кабинету Граймса и притормозил у стола целителя. Через щель я видела, как пространство вновь озарилось слепящим плетением, но тут же снова воцарилась темень. Гостя потопталась на месте, обогнула кресло и двинулась к шкафам.

– И что вы забыли в моем кабинете в такое время, мисс Хендрик? – раздалось язвительное со входа, и мы с моим куратором одновременно подпрыгнули. Шкаф с содержимым в виде меня заходил ходуном, но этого, похоже, никто не заметил. – Так соскучились по моему обществу, что искали в ночи?

– Я? – вспыхнула показной обидой Хендрик.

– Вашу слепящую ауру я даже в темноте узнаю.

– Разве вы не должны быть уже дома и...

– А у меня сработали следящие чары! – воодушевленно объяснил док, зажигая настенный светильник. – Вот ровно на том шкафчике, возле которого минутой раньше терлась ваша чудесная аура... Вам понадобилось обезболивающее? Ай-яй-яй, Эльза. Ай-яй-яй...

– Обезболивающее сейчас понадобится вам, Альвар! – нервно заявила теоретичка и, судя по цоканью, двинулась на дока.

Увлеченная шоу (в кои-то веки я была в роли безбилетника, а не работника сцены!), я умудрилась забыть о бедственном положении. Даже голос не подала, не рискуя прервать спектакль.

Мне тоже было очень любопытно, какого Варха забыл тут мой куратор. Да и Граймс, судя по всему, прибежал не меня диагностировать. А кто тогда отправил записку?

– Мисс Хендрик, не заставляйте меня разжимать вашу руку силой... – сдавленно попросил Граймс, нависая над женщиной. – Что вы задумали? Что взяли из шкафа?

– Я ничего не взяла. Наоборот, принесла, – она завозилась рядом с ним, пряча крепко сжатые кулаки в карманах. – Пустите. Это не то, чем кажется.

– Действительно. Не то, – изумленно согласился целитель под ее сдавленное пыхтение. Да чем они там занимаются? С моего места были видны только два прижавшихся друг к другу силуэта. – Я ожидал увидеть крошечный металлический шарик, а не... вот это...

– Удивлены?

– Тем, как низко вы пали, драгоценная моя. О, боги Эррена... – Граймс чем-то пошуршал, принюхался, чихнул. – Это чесоточный порошок?

– Пролонгированного действия... Усовершенствованный мной в студенческие годы, – пробубнила Эльза.

– Невероятная мисс Хендрик! И часто вы подсыпаете чесоточный порошок невинным людям?

– Так уж и невинным...

– Отвечайте!

– Последний раз на третьем курсе, – заявила она с вызовом, выдергивая руку из цепкого захвата. – Я не горжусь этим. Но вы любого доведете до крайностей своим длинным, бесстыжим языком!

– Я впечатлен, – в голос Граймса неожиданно пробила интимная хрипотца. – А куда нацелились на этот раз?

– Я знаю, что с утра мисс Лонгвуд заваривает вам кофе в личном термосе и вы идете с ним на обход.

– Потрясающе! – искренне хохотнул док. – Мисс Хендрик, да вы не теоретик, вы... практик! Пролонгированного чесоточного воздействия!

– Перестаньте надо мной издеваться, Альвар!

– Не могу. Вам даже порошок не нужен, чтобы у меня возникала стойкая чесотка при вашем появлении, Эльза, – закашлялся циничный мерзавец. Так едко, что я всеми частями тела, запертыми в металлическом шкафу, была за Хендрик. – Ваши пунцовые щеки и бешеные «квахары» на голове скрашивают мне начало бесконечного дня.

– Вы невыносимы! – женщина вырвалась и бросилась к выходу, цокая знакомыми каблуками на весь кабинет.

Я сочувственно вздохнула: ей просто не повезло. Если бы не дурацкая затея Элодии и следящие артефакты, Граймс завтра чесался бы все утро. А может, и целый день. Язвительному доку это, видит Варх, пошло бы на пользу!

Тьма за моим плечом уплотнилась и аккуратно погрузила меня в себя. Дыхание отяжелело, легкие попытались совладать с вязким, едким воздухом, напитанным мраком... Как вдруг получилось сделать нормальный вздох. И воздух оказался самым обычным.

Запах медикаментов пропал, и я обнаружила себя не в шкафу, а в коридоре, напротив стандартной двери спального крыла. Так вот какие фокусы!

– Спасибо, Рок, – отрешенно пробормотала спасителю, оглядываясь по сторонам.

В груди было как-то тревожно и склизко. Будто вокруг, прямо в атмосфере, роилось предвкушение беды, но никак не желало облачаться в конкретные образы и слова. Кто-то ведь меня вызвал ночью в целительский корпус. И кто-то меня там поджидал, но убежал, услышав крик Элодии Хаммер.

Хотелось поскорее забиться в какое-нибудь уютное, надежное место «без потрясений». И врать я больше себе не могла: знала, в какое именно. Только рядом с проклятым «женихом» я чувствовала себя в безопасности.

Это странное ощущение абсолютной защищенности растекалось по жилам топленным воском, когда он лежал рядом. И обнимал. И согревал своими кирпичами, которые на самом деле треклятая грудь. Но не могла же я?..

– У-у-у... – провыл Рок, привлекая мое внимание к одной из дверей. И я присмотрелась получше.

Тьма! Он вынес меня в той части спального крыла, которая была совсем не моей. И в слишком очевидном намеке тыкал хоботком в сторону одной конкретной комнаты.

– Это неприлично. И невозможно.

– Уууу! – строго дунул морок и скрылся в стенке.

– Ну, может, и «уууу»... – согласилась с ним, поглаживая себя по плечам.

Стоять тут одной, в темноте, точно глупо. Куда-то надо двигаться.

Сделала несколько шагов как в тумане, и сама не поняла, как оказалась прямо перед варховой дверью. А потом и перед кроватью. Как стянула чересчур объемную кофту, как потянула за краешек черно-золотого одеяла...

– Эйвелин, что ты делаешь в моей спальне? – меня застучали, едва я присела на край постели.

– То, что в них делают все остальные. Ложусь спать, – заявила со всей серьезностью и, подтверждая намерения, быстро шмыгнула под одеяло.

– Со мной?

– Будете охранять. Жених вы мне или кто? – сонно пробормотала я, усердно утрамбовывая щеку в подушку.

– Ты чего-то испугалась? – Даннтиэль приподнялся на локтях и одарил меня непонимающим взглядом.

– Ничего конкретного.

Завтра расскажу ему про нелепые происшествия в медпункте. Про странные записки, про Хендрик, про Элодию, про чьи-то шаги и спасительный морок... А сейчас невыносимо хотелось спать, от шумных зевков даже в ушах звенело.

Не решив, улечься к нему лицом или спиной, я уткнулась глазами в потолок и замерла. Не так и страшно, на самом деле.

– Что-то болит? – недоверчиво уточнял Рэдхэйвен. – Опять Тьма?

– Если бы она в меня пролезла, я бы вертелась ужаленным гхарром. Все в порядке. Видите: лежу смирно, уже почти сплю. И вы отдыхайте.

– И как прикажешь мне теперь отдыхать? – он с возмущенным присвистом втянул воздух, раздувая грудь. Обнаженную, да.

В этот раз он лег спать без рубашки, я это сразу заметила, как за край одеяла потянула.

– Как обычно отдыхаете. У вас же большой опыт, – пожалала плечами, все-таки разворачиваясь к нему лопатками. – Как вы там говорили? «Не беспокойся, я переживу»...

– А если не переживу?

– Тогда и буду беспокоиться, – промычала сонно, облизнула губы и провалилась в уютную дрему.

Глава 31

Глава 31

– Сир Граймс, вы просто обязаны отпустить меня на этот вечер, – хватала ртом воздух мисс Лонгвуд, трясая бумажкой перед хмурым лицом целителя. – Я вас за неделю предупреждала!

– Обстоятельства изменились, милочка, – пробубнил Граймс, покручивая в руках термос.

В который, кажется, теперь уже его ассистентка мечтала подсыпать чесоточный порошок. Им с мисс Хендрик надо объединить усилия – авось что и выйдет.

– Мои обстоятельства не менялись, – пыхтела девушка, сдувая рыжие завитки у висков.

– Пока вы спали, золотце, у меня тут был проходной двор. Я не выспался, – признался Граймс, – и этой ночью дежурить вам.

– Я не спала! – простонала целительница. – Я вчера дежурила всю ночь у постели сира Мюблиума, как вы лично распорядились. А уж почему *вы* не выспались...

– Ах да, – почесал висок сонный док. – Верно. Значит, не выспались мы оба. И кому же сегодня дежурить?

– А я предупреждал, Граймс: до тех пор, пока вы берете в ассистентки зеленых кудахчущих девиц с самомнением с ректорский корпус, они так и будут сбегать, – хрипел под нос Райс, ковыряясь в шкафу с обезболивающим. – Сначала на вечер, потом на неделю... А в один прекрасный день навсегда. И все по кругу.

– Без вас, Ужасно Темный Магистр, разберусь, кому портить жизнь, – язвительно фыркнул док. – Далеко не убежит... Да, мисс Лонгвуд? У меня чувство, что вы тут приживетесь. Дальше Анжара – только дварфова впадина, а за ней – другие миры. Но вы не настолько смелая девочка, чтобы сунуть нос к дварфам.

Рыжая ассистентка утратила свою обычную бледность и приобрела стойкий багровый оттенок.

– Я вернусь с праздника раньше и вас подменю. Обещаю, – процедила она сквозь сжатые губы, чтобы, не дай Варх, оттуда ничего

лишнего не вырвалось. Про Тарлинскую лечебницу, к примеру, в которой «такого бардака никогда не бывало».

– Чудно! – хлопнул в ладоши док и наконец перевел взгляд на меня. – Так вы уверяете, что я экстренно вызвал вас на осмотр среди ночи, милочка? Хмм... То ли беспамятство Мюблиума заразно, то ли я совершенно не представляю, что тут происходит.

– А что тут происходит?

Женский голос с приятными бархатистыми нюансами показался в кабинете совершенно неуместным. Мисс Лонгвуд говорила выше, я вообще молчала, а Райс с Граймсом такого бы не изобразили даже при желании подшутить.

В помещение вплыла фигура в бежевом платье, которое на ком-то другом непременно смотрелось бы скучно и заурядно. Но эта дама в нем словно светилась – вся целиком, от светлых завитков волос до тонких запястий.

Эти голубые глаза мне были откуда-то знакомы, как и вся остальная леди. Точно! Это она висела в кабинете Керроу. Не сама, конечно, а в виде портрета.

– Ваше Величество? – удивленно поперхнулся темный магистр, обернувшийся первым.

– Сир Райс... и прочие сиры и дамы, – она едва заметно кивнула. – Похоже, неразумные ноги привели меня не в то крыло.

Даже не верилось, что точная копия портрета говорит и шевелится, как живая! И как я умудрилась, столько раз побывав в кабинете ректора, ни разу не приметить короны?

Диккинс прав: из-за своих плетений я многого, что творится вокруг, не замечаю. Стоило раньше заглянуть в одну из папиных газет и почитать, что там пишет эта Дафна в своих колонках.

Сегодня на аккуратной головке не было ни косичек, ни короны, что делало девушку еще прекраснее. Женщиной назвать ее не получалось, хотя она была все же сильно старше меня. При удивительно молодой, без единой морщинки коже ее выдавал взгляд. Виделась в ярко-голубых глазах диковинная мудрость, словно на долю Ее Величества выпало немало невзгод.

Движения королевы были плавными, выверенными, словно она эту грацию репетировала годами. За мягкостью жестов чувствовался укромно спрятанный крепкий стержень.

– Чем могу быть полезен королеве? – даже угрюмого Райса пробрало, и он ссутулился над кушеткой.

– Вы – ничем, – поморщила носик «Элси». – Я ищу мастера Рэдхэйвена... Прибыла в Анжар по другому делу, но мне срочно понадобилась его консультация.

– Разве вы не увидите с ним вечером? – растерянно выдохнула мисс Лонгвуд и виновато прикрыла рот рукой.

– Увижусь, – удивленно улыбнулась королева. – Вы слишком осведомлены... эмм... мисс. Но до вечера я, боюсь, не дотерплю.

– Мастер Рэдхэйвен занят дверью в лаборатории, рядом с питомником, – выдавила я из себя.

Я ничего не знала о перемещениях Ее Величества, но была хорошо осведомлена о том, где в тот или иной момент найти Даннтиэля. Сама себе удивлялась. Сегодня утром, разбудив меня поцелуем в плечо, он сообщил, что у него осталось всего три двери. И если он справится с ними до вечера, то завтра вызовет воздушное судно и «увезет меня из этого бардака».

Я зажмурилась, пряча нос под варховым одеялом, чтобы Рэдхэйвен не увидел мой помятый сонный вид. И почему-то не стала протестовать.

– Вы меня не проводите туда, мисс?..

– Ламберт, – дрожащей рукой поправила верхнюю пуговицу на платье. Она нестерпимо давила на горло, и мне с трудом удавалось дышать. – Разумеется, Ваше Величество.

Она зашуршала юбками по направлению к двери, и я не могла от них взгляда оторвать. От юбок. Да вряд ли под ними что-то уж совсем необычное и другим несвойственное! Со стороны королева ничем не отличалась от меня и мисс Лонгвуд.

Рэдхэйвен нашелся там же, где и ожидался. Если он удивился нашему с королевой совместному визиту, то виду не подал.

– Ваше Величество, – он склонился в глубоком, изысканном поклоне и коротко улыбнулся мне.

– Ты дурно выглядишь, Данн... Хуже меня, ей Варху, – пробормотала королева, по-хозяйски поправляя на нем перекосившийся от борьбы с Тьмой мундир.

Вот и я ему о том же твержу! Каково бы ни было самомнение хитанского сноба, эти проклятия его доконают.

– Мне нужно твое внимание, – добавила девушка, распрямляя воротник проклинательской рубашки.

– Сейчас? – напряженно уточнил Рэдхэйвен.

– Я сюда не по коридорам походить прилетела, – она поджала губы и дождалась послушного кивка от своего мастера.

– Мисс Ламберт... Прошу нас извинить. Дела короны, – Даннтиэль резко развернулся и повел королеву в сторону... в ту самую сторону, в которой я сегодня ночевала. К своим покоям.

Я растерянно прикусила губу и посмотрела вслед уходящему «жениху». «Дела короны»... Ну просто огхарреть!

Они уже давно скрылись за поворотом, а я так и стояла, хлопая ресницами. Все-таки я слишком многого не понимаю в этом мире. Потому и предпочитаю ограничивать свой круг общения скучными трактатами и формулами бытовых плетений: от них я никогда не жду подвоха.

По коридору вдалеке брела расстроенная Кили, отмахиваясь от Лети свернутой в трубочку газетой.

– Отстань! – несильный хлопок «трубочкой» по белокурой голове.

– Ай! – Летисия отпрыгнула. – Ну и кому нужны твои высочества, когда есть величество?

– Твои золотые кудри, судя по всему, тоже никому не сдались, – процедила Килира, хмурясь грозовой тучкой.

– А я вам говорила! – встряла Иллона, пытаюсь не попасть под газетные удары, щедро раздаваемые подругой. – Там все очень серьезно, и не стоило туда даже нос совать... Чтобы Ее Величество – да сама прибыла к мужчине?

– Эх... Я тоже говорила, – бурчала Кили, – что он высший класс...

– Королева с тех пор, как овдовела, ни одному мужчине столько внимания не уделяла, – продолжала бить по больному Иллонка, не замечая, как чернеют ее спутницы. – И знакомы они гораздо дольше, чем он служит при дворе...

– Да замолчи ты уже! – рыкнула Кили, орудуя газетой с особым усердием.

Моя юбка колыхнулась, и щиколотку согрело чем-то знакомым. Я скосила глаза и увидела торчащий из стены черный хоботок.

– У-у-у? – тихонько предложил Рок.

– Это дурная затея, – прошептала в ответ, приподнимая юбку. – И я не хочу выглядеть глупой ревнивой девочкой...

– Ууу! – заверил морок, щекоча ногу. – У-у-у-у...

– Но хотелось бы, конечно, узнать, какого гхарра там происходит, – согласилась, пожимая плечами.

– Уу! – одобрительное из стенки.

– И где они должны были вечером увидеться? И почему она не дотерпела? – задавалась вопросами, машинально топая к комнате проклятого рабовладельца. – И если «дела короны», то причем тут спальное крыло?

– У-у-у! – с присвистом согласился морок, черным облачком перемещаясь за мной.

Внутри скреблось очень неприятное чувство. Очень. Неприятное.

– Разве можно вот так... «Прошу нас извинить, мисс Ламберт»! – сопела озадаченно. – Может, я все не так поняла? И дела короны – это правда дела короны?

– У-у... – скептически колыхнулся туман, не особо поддерживая оптимистичную мысль. Он-то Рэдхэйвена знал получше моего.

– Но подглядывать неприлично, – вздохнула тяжело, позволяя Року впитать меня в себя и задерживая дыхание. – Хотя ты прав. Я могу закрыть глаза – и тогда это не будет считаться подглядыванием.

Меня окутало черной вязкой дымкой. Нос уперся в твердую деревянную преграду, и я приоткрыла один глаз. Обнаружила перед ним кусок ткани с золотой эмблемой, стукнулась виском о пустую вешалку... Я снова была в шкафу.

– Ах! – раздалось тем самым бархатным голосом, и я старательно зажмурилась.

Я не подглядываю! Не подглядываю...

– Потерпи, Элсинор, – строго велел Даннтиэль, чем-то шурша.

Вероятно, юбками. Или документами. Вполне мог и бумагой, конечно...

– Сегодня ты грубее, чем обычно, – сдавленно прохрипела королева, и я еле поборола желание прижаться носом к щели между дверец.

– Мысли... другим заняты.

– Я получила твое письмо... о внезапной помолвке... – шептала она сбивчиво, шелестя чем-то... вроде простыней. С вензельками. –

Если ты уверен, что это то, что тебе надо...

– Уверен. А теперь помолчи.

Это ж насколько надо быть самоуверенным квахаром, чтобы затыкать саму королеву?

– Мне не стоит спрашивать, какой тебе в том интерес? – не послушалась Ее Величество.

– Не стоит.

– Но между нами все останется по-прежнему? – спросила с надеждой. – С нашим необычным... кхм... «временепрепровождением»...

– Я верен короне, Элси, и всегда к услугам Ее Величества, – хрипло прошептал Рэдхэйвен. – И про обязанности свои никогда не забывал. И не забуду.

– Никогда не понимала, чем заслужила твою преданность, Данн... Очень ценю ее. Просто не понимаю.

Я зажмурилась сильнее, до красных пятен, заставляя себя не смотреть в щель. Это бесчестно...

Но, с другой стороны, то, что делал Даннтиэль, тоже было бесчестно по отношению ко мне! Своей, между прочим, невесте. Но ни его, ни его даму в шуршащих юбках это, похоже, не смущало.

– Я не могу исправить того, что натворили другие, так безжалостно вмешавшись в твою судьбу, – объяснил он. – Но могу сделать твое пребывание здесь хотя бы комфортным и...

– Ммм! – взвыла королева.

– ...Хоть сколько-нибудь приятным.

Какой заботливый! Квахар недощипанный!

Я резко приникла к дверной щели и распахнула веки.

Нет, шуршали они не бумагами. Все-таки юбками. Дафна из «Вестника» ничуть не соврала. Только едва ли Даннтиэль искал там проклятие...

Королева, разметав светлые кудри по черной подушке, лежала на постели поверх одеяла. Выставив голую ножку из-под задранного бежевого платья с золотым кантом, закатывая глаза и томно постанывая.

Этот линиялый гхарр ласково наглаживал ее коленку, продвигаясь лапой все выше. Заползая под бежевую ткань. Сосредоточенно поглядывая на юбку, словно под ней было нечто очень необычное и

интересное. Нависал над девушкой, бормоча заковыристые проклятья и устало пыхтя на все лады.

Квахар!

– Слишком горячо... Данн! – задохнулась королева, елозя затылком по наволочке. Той самой, что пахнет Даннтиэлем. Этот факт был мной уже дважды проверен. – Я не могу больше...

– Терпи, – приказал мерзавец. – Я слишком измотан сегодня и не могу аккуратнее. Ты сама пришла... Могла вполне подождать до вечера.

– Сам же видишь, что не могла, – жарко прошептала девушка, с мученическим стоном откидываясь на подушки. Черные. С золотыми вензельками.

Больше никогда в жизни в эту комнату не войду! Больше никогда в жизни тут не лягу. Больше никогда в жизни не заговорю с проклятым хитанцем!

– Если бы ты не отлучился так надолго...

– У меня были веские причины, Элси, оставить тебя на время одну.

Я пихнула локтем призрачный морок, требуя немедленно вытащить меня из дрянного шкафа. Жаль, что Злой Рок не мог мне помочь со всеми проблемами. И из контракта с бессовестным рабовладельцем мне придется выбираться самостоятельно.

Глава 32

Глава 32

Половину дня я самым неразумным образом проревела. И если бы Даннтиэль вдруг на этот раз спросил, не из-за него ли, я с чистой совестью могла утвердительно кивнуть.

Потом я пришла в себя, кое-как умылась и даже доклад на завтрашнюю «Теорию магии» подготовила. Общество сира Милезингера действовало на меня умиротворяюще и напоминало, что не все мужчины квахары. Лишь некоторые.

Я бы и рада была заткнуть уши ватой и забиться в самую темную щель, чтобы реальность меня там не доставала. Но она (реальность неугомонная) меня находила всюду.

Тейка рассказала, что Ее Величество покинула академию несколько часов назад. А потом Рисса принесла на хвосте, что сир Рэдхэйвен одолел вторую дверь из оставшихся трех... Странно. Неужто он до сих пор думал, что я с ним куда-нибудь полечу? Определенно, у нас с ним какие-то разные реальности.

Рисса распахнула окно, и в комнату пробрался обманчивый запах весны. Тем более раздражающий, что внутри было по-осеннему тоскливо и слякотно.

– Я сегодня припозднюсь, – загадочно сообщила подруга, разглядывая облака, окрасившиеся закатным красным. – Наверное, совсем ночью приду...

– Библиотека? – сочувственно протянула Тея.

– Свидание, – смущенно объявила Рисска, накрывая горящие щеки ладонями. – Вы только не расспрашивайте, все равно не расскажу. Это Тайна.

Я набрала воздуха в щеки и медленно выдохнула. Значит, весной пахло не зря... Просто не для меня. Но за Риссу сердце грелось, и в груди стало чуточку теплее.

– А у меня библиотека, – вздохнула Галлатея, всем видом намекая богам, что те что-то перепутали. И свидание должно быть у Тейки. Хоть с Филом, хоть с Джи-Роузом, лишь бы не с книгами.

Рыжее солнце за окном, следуя своему привычному распорядку, плавно катилось к горизонту. И в неразумную голову (которая – о, стыд! – никак не могла принадлежать теоретику) поползли мысли о грядущей вечерней встрече Ее Величества и моего рабовладельца.

Я почти нафантазировала простыни десятка модных оттенков, на которых они бы предавались своему «необычному времяпрепровождению», как в дверь постучали.

– Собирайтесь, мисс Ламберт, – Рэдхэйвен кивнул моим озадаченным подругам и стремительным шагом подошел к кровати. – Нам через час нужно быть в одном месте.

– Возможно, вам и надо где-то быть, – протянула, поспешно стирая с лица остатки расплывшейся туши, – но точно не мне.

Без каких-либо объяснений он стащил меня за локоть с постели и вытолкал в коридор.

– С вами очень сложно, Эйвелин, – объявил с укором. – Сегодняшним вечером я приглашен на одно мероприятие, важное для небезразличных мне людей.

– А такие есть? – уточнила с обидой.

– Да какая анжарская оса вас укусила?

– Для ос не сезон, сир Рэдхэйвен. Хорошо вам провести время на мероприятии, – проворчала, отрешенно пялясь в коридорное окошко.

– Это свадьба моего друга с академических времен. И я бы хотел, чтобы вы составили мне компанию.

– Все мы чего-то хотим, – равнодушно пожала плечами и самозабвенно чихнула.

– У вас снова на что-то аллергия? – догадался рабовладелец.

– На блудливых облезлых гхарров, сир.

– Ясно, – отрезал Рэдхэйвен и затолкал меня обратно в спальню. – Собирайтесь, или я соберу вас сам.

– Рискните...

– Можете надеть черное, можете – зеленое. Какое вам больше нравится, – великодушно разрешил этот квахар и, сложив руки на груди, встал у двери. – Вояжер уже ждет нас внизу.

– Я не пойду. Вам следовало сообщить о своих планах заранее, а не в последний момент, – повела плечом, стряхивая с себя глупый трепет от его появления в моей спальне.

И еще от приглашения на свадьбу друга. Ему ведь придется представить меня, как свою невесту или хотя бы девушку... А там наверняка будет много гостей. Может, даже пресса.

Это ощущалось чем-то новым и весьма серьезным. Но я тут же напомнила себе, сколько жидкости потеряла, обнимаясь полдня с подушкой. И упрямо поджала губы: не пойду.

– Чем бы вы ни были заняты, я готов это уладить, – он кивнул на разложенные по моей постели книжки и конспекты.

– Я. Не. Пойду, – приблизившись, прошипела ему в ухо.

– Вы моя невеста, Эйвелин, и сопроводите меня на прием у Кольтов, – тоже негромко выдохнул Рэдхэйвен. – Хотите вы того или нет.

Он сдвинул меня с дороги, добрался до шкафа и вытащил из него вешалку с зеленым. Бросил поверх конспектов и, сжав челюсть, вышел в коридор. Но удаляющихся шагов я не слышала, а значит, рабовладелец снова стал конвоиром.

Вояжер трясся по фирменным анжарским ухабам, то стряхивая меня по диванчику вправо, прямо на Рэдхэйвена, то делая резкий разворот... И там уже Даннтиэль сползал влево, прямо на меня, зажимая в угол.

Его эта невыносимая поездка, похоже, сильно не беспокоила. Он даже удовольствие умудрялся получать, то прихватывая меня за колено, то придерживая за талию, заставляя каждый раз нервно дергаться.

– Утром мои прикосновения тебе были приятны, – хмуро заметил хитанец, отползая в свой угол после очередного ухаба.

– Утро было утром, – философски выдохнула неоспоримый факт.

Нельзя быть приятным абсолютно всем! Так это не работает, господин заботливый квахар.

– Ночью ты сама пришла...

– Не рассчитывайте, что это повторится.

– ...А теперь шарахаешься, как от...

Нас снова тряхнуло вправо, смешав в кучу мою зеленую юбку и его темно-синий парадный мундир.

– Что вам мешало пойти на праздник с «Элси»? Она ведь там тоже будет, да? – пропыхтела обиженно.

– Будет, – пожал плечом. – Грег обязан был ее позвать, и она, к удивлению многих, приняла приглашение на эту скромную церемонию.

– После статей в «Вестнике» никого не удивит ваше совместное появление...

– Пожалуй, что не удивит, – спокойно согласился Даннтиэль, задирая подбородок и почесывая щетину, сползающую на шею.

– Уверена, под юбками Ее Величества очень много интересного...

– Вы даже не представляете, насколько правы, мисс Ламберт, – сухо пробурчал мерзавец и отвернулся к окну.

Совести у него нет! Даже не пытается отпираться и делать вид, что незнаком с варховыми юбками. Да пусть у меня рога хоть на задн... *на спине* отрастут, а я не пойду замуж за этого гхарра.

Едва пассажирская дверца вояжера распахнулась, я поняла, откуда пахнет весной на весь Анжар. Если в Эррене и была морозная осень, то этот уютный уголок провинции о смене времен года решительно забыл. Или вид сделал, не желая подчиниться скучным правилам.

– Грег *второй* по силе маг Эррена, – Даннтиэль развернул меня к себе и аккуратно прикрыл мой изумленно распахнутый рот. Задержался пальцем на нижней губе. – Погодный ритуал для него – ординарная забава, тут нечему удивляться. Плащ можете оставить в вояжере.

Садовая дорожка, размеченная оранжевыми фонарями, утопала в легкой фиолетовой дымке наведенных чар. Пахло цветами, и фруктами, и солнечным днем, и луговыми травами, и весенней грозой, и... любовью. Да, больше всего тут пахло любовью.

После бала с ледяными скульптурами я планировала весь вечер кутаться в шаль, но по совету Рэдхэйвена оставила все в нашем вояжере.

– А кто первый?

– Мм? – Даннтиэль скосил на меня озадаченное лицо.

– По силе маг Эррена, – добавила отрешенно.

Никогда не задумывалась, что кто-то так забавляется и проводит конкурсы на «самого-самого». Хотя не удивлюсь, если Рисса мне об этом рассказывала, а я или забыла, или прослушала.

– Правда хотите знать? – хмыкнул Рэдхэйвен, и я начала подозревать неладное.

Но если не было официальных турниров... Тогда факт можно считать непроверенным. И не стоящим моего внимания.

То ли теплый весенний, то ли нежаркий летний вечер окутывал меня с головы до ног. Праздник проходил в глубине старого сада. Тут было немногочисленно, похоже, собрались самые близкие.

Еще издали я заметила невесту в мерцающем платье свободного кроя: она ни шагу не отходила от горделивого красавца с внимательным прищуром, хищным профилем и чуть растрепанными темными волосами. (Грегори Кольт и Софи Эштон – герои книги «Властелин моих кошмаров, или Невеста на обмен», прим. автора).

Пробежавшись взглядом по умиротворенным лицам, я пришла к выводу, что никого тут не знаю. Кроме рыженькой мисс Лонгвуд, наряженной в сочно-зеленый сарафан, и своего рабовладельца. Который как раз подталкивал меня к паре новобрачных.

Чем ближе мы подходили, тем явственнее я замечала, что свободный крой у платья невесты неспроста. И тончайший трисольский шелк (а это был именно он, это понимала даже я) выгодно подчеркивает немножко округлившийся живот.

Его легко можно было скрыть, но и жених, и невеста, кажется, безумно гордились своим «положением». И несли его с трепетом.

– На самом деле, они уже были женаты, – заговорщицки прошептал в мое ухо Даннтиэль, и я от него нервно отшатнулась.

Мне было очень неприятно оттого, как было приятно рядом с ним. Не самое логичное чувство, но уж какое есть.

– Зачем же еще одна церемония?

Я прислушалась: из глубины сада лилась поистине волшебная мелодия, заставлявшая пританцовывать на месте. Оттуда же просачивались невообразимо искушающие запахи кулинарных шедевров, и в животе предательски забулькало.

– Грегори устроил праздник для Софи, – проворчал рабовладелец, за талию притягивая меня обратно к себе. – Такой, какой бы ей хотелось. И для друзей, для родных... Всех тех, кто не смог поприсутствовать на настоящей церемонии. Я ее смутно помню, но... похоже, я приложил к ней руку.

– Как можно не помнить свадьбу друга?

– В мире чего только не случается, Эйвелин, – он пожал плечами, подгребая меня еще ближе.

О да... случается всякое. На черно-золотых простынях, к примеру. Между ним и Ее Величеством! Вот о чем мне точно не следует сегодня забывать, несмотря на кружащие голову ароматы весны, любви, аппетитных блюд и вархового Рэдхэйвена.

Вперед нас вырвалась другая пара и забрала внимание хозяев на добрых десять минут. Хорошенькая темноволосая девушка демонстрировала невесте браслет. Молодой маг рядом с ней широко улыбался, фамильярно хлопал Грегори Кольта по плечу и что-то бубнил ему на ухо.

– Это Адам, воспитанник Грега, и юная сирра Темсфорд, – пояснил мне Рэдхэйвен, почувствовав мое замешательство. И перестал тянуть вперед, позволяя родственникам уделить внимание друг другу.

– Я думала, Кольты из тех семейств, что закатывают пышные вечеринки. Фейерверки бабахают, прессу зовут и все такое, – пробормотала, жадно принюхиваясь к ароматам.

Откуда-то тянуло запеченным мясом гхарра, и дико хотелось проверить, чем тот нафарширован.

– Софи простачка, Эйвелин, – Даннтиэль помахал освободившемуся Грегу и двинулся вперед. – Поэтому гостей просили обойтись без артефактов и лишней магии. Только легкий флер погодных чар, щепотка магической кулинарии на свежем воздухе и чарующая музыка. Примите мои самые искренние поздравления, миссис Кольт...

Рэдхэйвен аккуратно прикоснулся к запястью невесты и провел пальцем по тонкому браслету с синим камешком. Поморгал, покрутил головой, стряхивая наваждение.

– Ты не можешь этого помнить, – нахмурился Кольт, вблизи показавшийся мне жутковатым.

Очень уж острый был взгляд у этих колдовских зеленых глаз. Опасный, все понимающий... Не удивлюсь, если читающий мысли. А Даннтиэль точно уверен, что Кольт *второй*?

– Мне было бы чуть легче существовать, если бы ты объяснил, откуда мне все это кажется знакомым, – Даннтиэль кивнул на браслет и зеркально нахмурил брови.

– Тогда бы тебе стало скучнее. Я не могу этого допустить, – хохотнул этот Грегори, и его невозможный взгляд тяжело шлепнулся на меня. – Мисс?..

– Ламберт, – сглотнула, неловко приседая.

– Это временное недоразумение, – язвительно поправил меня Рэдхэйвен. – Эйвелин моя невеста.

– Примите мои... Кхм... – под невыносимым взглядом Кольта заготовленные слова будто сами выпрыгнули из памяти. – Что там положено принимать?

– Да Варх его знает! Что отдадите, – рассмеялся Кольт, сминая в собственнических объятиях молодую, светящуюся счастьем супругу. – Моя жена настояла на некоторых формальностях. Чтобы все было так, там и... Как там дальше, морковка? По-правильному?

– С тем, – наморщила носик его синеглазая невеста и уложила голову на крепкое плечо мужа. Подмигнула мне, потирая живот. – Мисс Ламберт, вы не голодны? Я бы сейчас целого гхарра съела, а гости все прибывают и прибывают... Но, уверена, Грег и без меня справится с принятием всего, что нужно принять. Особенно в столь приятной компании старого друга.

Перехватив меня под локоть, невеста двинулась в темное нутро старого сада, оставив мужчин принимать все, что нужно и не нужно. До моего носа донесся аромат дымных камешков, и Софи рядом чихнула.

– Ах! – она резко затормозила и вынужденно отпустила мой локоть.

– Ох, гхаррово копыто... – я сочувственно покосилась на пышный куст роз, вставший на ее пути.

– Я знала, что этим кончится, – невеста схватилась за свою невозможно дорогую юбку, пытаюсь оторвать клочок бесценной прозрачной ткани от розового шипа. – «Ты обязана его надеть, Софи!», «Прекращай дергаться: в темноте никто не заметит, что оно просвечивает, Софи», «Оно прочнее, чем кажется, Софи»...

Она закатывала красивые глаза, пытаюсь расправить ногтями образовавшуюся затяжку на платье. Кружевная шаль намеревалась скатиться с ее плеч на траву, и Софи забавно прыгала на одной ноге, предотвращая падение единственной плотной ткани на себе.

– Нет, он точно надо мной издевается, – бурчала невеста скорее по инерции, продолжая при этом светиться счастьем и улыбаться. – На самом деле оно очень удобное, мисс Ламберт. Как вторая кожа. А когда идешь, кажется, будто летишь. Только стоит, как небольшой заводик в Либтоуне, и хрупкое, как крыло бабочки-однодневки...

– Когда-нибудь я обязательно изобрету простейшее бытовое плетение от зацепок на трисольском шелке, – покивала ей уверенно, поддерживая под локоть, чтобы невеста ненароком не завалилась в колючие кусты. – Но не сегодня, не сегодня...

Мой взгляд жадно переключился на угощения. То ли дух вечно жующего Фиджа в меня вселился, то ли внутри сама собой образовалась черная дыра... Но я глаз не могла отвести от бедра запеченного гхарра, покрытого блестящей коричневой корочкой от маринада и облитого густым, наверняка кислым ягодным соусом.

– Умм, – сглотнула, ощущая внутри зудящую адову бездну, требующую немедленного наполнения.

У длинных столов, уставленных блюдами, взволнованно хлопотал коротконогий повар в сбившемся набок колпаке.

– Никаких морепродуктов, я помню, помню, драгоценная миссис Кольт, – с придыханием покивал невесте, смешно делая все ударения на последний слог. – Никаких креветок, никакой аллергии... И если сир Грегори захочет меня убить, я это как-нибудь переживу!

– Вряд ли, сир Жювьен, – покраснелась Софи, нагребая на тарелку ароматное мясо. – Но я очень благодарна вам за отвагу. И, уверена, Ее Величество выдаст вам новый орден за подвиги в кулинарном искусстве. Это мясо просто... просто...

– Отхарренное, – подсказала, давась слюной. Она заполнила весь рот, едва пряный, душистый кусочек попал на язык.

А дальше я уже просто не могла остановиться. В Аквелуке у меня не было возможности познакомиться с высокой магической кухней. И, видимо, только потому я до сих пор влезала в свои платья.

– О, ви, это был гхарр, молодой-молодой, – счастливо покивал повар.

Мой живот довольно урчал, подпевая мелодии, льющейся из кустов. И внутренний теоретик (с некоторых пор еще и сытый) пришел к выводу, что здесь не так и плохо. На самом деле – хорошо. А если

исключить из уравнения моего рабовладельца, то было бы вовсе чудесно!

Из плотных зарослей вынырнул сир Кольт и, бережно подхватив на руки свою жену, вместе с тарелкой унес ее по темной тропе. Несколько минут спустя я услышала залиvistый хохот. Выглянула из-за кустов и обнаружила красивое озеро, уставленное магическими факелами по периметру.

Чета Кольтов обнаружилась на той стороне. Грегори качал свою беременную Софи на качелях, усадив к себе на колени. Она вскрикивала на каждом взлете, а потом долго смеялась, прижимаясь к мужу. И трисольский шелк призрачными крыльями разлетался во все стороны.

Было неловко за нами подсматривать, но и возвращаться к Рэдхэйвену не хотелось. Рано или поздно он прижмет меня к стенке (дереву, кусту, дивану вояжера) и спросит, что не так. И мне придется признаться, что я провела несколько незабываемых минут в его шкафу. И все окончательно испортится.

Так что я набрела на уединенную беседку и спряталась внутри. Но лучше бы я ушла к гостям, конечно. Тогда бы у меня было меньше шансов увидеть *ее*, прогуливающуюся вдоль кромки озера в той самой шуршащей бежевой юбке.

Только на этот раз *она* была в короне.

Я забилась глубже в беседку и в отчаянии уставилась на свои запястья. Казалось, их прямо сейчас стискивали железные оковы, истязая плоть. Невидимые кандалы, что привязывали меня к мужчине, которому я не нужна. Потому что будь я ему в самом деле интересна в разнообразных смыслах, он бы не вел себя, как распоследний облезлый гхарр!

Невозможно. Несправедливо. Обидно очень. Но почему меня удивило его поведение? Я ведь знала о хитанцах все. И с маминых слов, и из личного опыта, и из наблюдений за жизнью столицы...

Вероятно, эта женщина в короне и бежевых юбках тоже теплее, мягче и... как там дальше Диккинс говорил? Словом, не непонятная зловредная колючка, как некоторые.

Бредя вдоль озера, Элсинор тоже потирала запястья и смотрела на них пустым взглядом. Меня вдруг пронзило странное чувство

единения. Я ведь точно так же глядела на свои, пытаюсь увидеть незримые брачные оковы.

– Они были золотые. Вот здесь и здесь, – Элсинор поймала мой взгляд на своих руках и ткнула пальцами в белые запястья. – Его Величество приложил много усилий, чтобы сорвать браслеты. И был за то жестоко наказан.

Я оцепенела, не зная, как реагировать. Усомнилась даже, что королева – молодая, прекрасная, беззастенчиво цветущая – разговаривает со мной, а не с безмолвной водной гладью.

– Это, верно, ужасно: принадлежать мужчине как... как вещь, – сбивчиво прошептала я, выбираясь из беседки.

Даже если «величество» говорит не со мной, будет очень невежливо ее игнорировать.

– Очень, очень дорогая *вещь*, – улыбнулась она задумчиво, разыскивая свое отражение в озерной воде. – За меня отдали два мешка керрактского золота. Сердца вулкана. Это много по их меркам.

– Керракт? Вас продали, как Сиятельную богиню? – я зацепилась за ближайший древесный столб и изумленно на нем повисла.

– У меня все было намного прозаичнее, – отмахнулась королева, которую потянуло на откровения.

Этот запах весны и любви, пронизывающий старый сад, дурманил разум. Заставлял сердце болеть, а голову вспоминать... всякое.

– И у них правда есть рога? Там, в Керракте?

– О да, и еще какие, – горько усмехнулась она, махнув рукой над своей короной. – Поначалу они меня жутко смущали, но потом... перестала замечать. Рога и рога. Некоторые даже красивые. И что вы думаете о моей истории?

– Нет в мире большей жестокости и несправедливости, чем попытка надеть на женщину оковы. Пусть даже золотые. И присвоить ее себе. Рабство давно отменили, – пробурчала, искоса поглядывая на «величество» и ее пресловутые юбки.

Едва ли я смогу забыть увиденное, услышанное и... прочувствованное в том шкафу. Когда я застучала Вейна у статуи Имиры, сердце в груди едва дрогнуло. Но сегодня днем оно превратилось в камень и разорвало все внутри так, что даже Райсу не заштопать.

– А у меня нет большего желания, чем их вернуть. Свобода не всегда приносит счастье, – сдавленно прошептала Ее Величество и быстрым шагом вышла из сада.

Я отлепилась от старого ствола и проводила юбки растерянным взглядом.

– Похоже, у вас тоже имеется талант доводить до слез, – процедил Рэдхэйвен, появляясь с той самой стороны, в которую убежала королева.

– Чего? – я аж поперхнулась.

Да более мирного теоретика еще поискать. То, что я на него с подушками бросаюсь, еще не значит, что на всех.

– Давно не видел, чтобы Элси плакала, – пояснил Даннтиэль, покручивая в руке стакан. – Что вы ей сказали?

– Что рабство в Эррене так-то отменили тысячу лет назад, сир рабовладелец! – фыркнула сердито. – Но, похоже, наша королева весьма неразумна, раз мечтает о кандалах.

– Напротив, она правит очень мудро. Как любое неглупое дитя, она прислушивается к советам старших, – строго выдал проклятый хитанец. – Не хотите мне объяснить, какая живность вас укусила, раз уж для анжарских ос нынче не сезон?

– Не хочу.

– И все-таки вы мне сейчас все объясните, – он настойчиво вернул меня к стволу.

– Судя по всему, вы решили наградить свою вынужденную невесту рогами без всяких проклятий, – выплюнула ему в высокомерное лицо. – Так вот, смею заверить, сир Рэдхэйвен, дамам они тоже не к лицу.

– Какими рогами?

– Вероятно, зелеными. Или в полосочку. Мне без разницы, – тараторила заведенно. – Я в полной мере осознала и прочувствовала, насколько вы ценны короне.

– Она вам что-то сказала?

– Зачем же говорить? Я сама все видела. Из шкафа. Этими вот глазами!

Посмотрела в упор в его черные. Которые золотыми становятся пока не собирались, но еще не вечер. То есть вечер, но не поздний. Словом, для меня мастер проклятий сиять отказывался.

Ну и Варх с ним!

– Вы явно видели что-то не то, Эйвелин.

– Сами шипели на меня ошипанным квахаром, когда я всего один танец уделила Вейну... А днем!

– Днем я не сделал ничего, что могло меня как-то перед вами скомпрометировать.

Да он меня совсем за слепую держит? Думает, я дальше своих книг ничего не вижу?

– Правда? То есть мне тоже так можно, раз уж у нас с вами все «двустороннее»? – уточнила с вызовом, решительно топая к выходу из благоухающего любовью сада. Он пах не для меня. Как и Даннтиэль. – Пригласить Диккинса в свою спальню, задрать юбки и стонать на подушках? Благодарю за дозволение... Я немедленно приступлю к той фазе, в которой я мщу вам той же монетой!

Пыхтя загнанной росохой, я добежала до нашего вояжера, захлопнула дверцу перед надменным носом одного гхарра и велела водителю трогаться.

Мой выигрыш еще не растратился, и я могла позволить себе одинокую поездку до академии. Хоть какая-то польза от этого квахара.

Глава 33

Глава 33

Вояжер резко затормозил, и я ухнулась носом в диванные подушки напротив. Уфф!

– Я понимаю, конечно, что дорога далека от идеала, но не могли бы вы... – промычала, отлепляя себя от кожаного сидения.

Проглотила остаток фразы, увидев ошарашенное лицо водителя. Он будто узрел впереди нечто настолько страшное и мрачное, что как-то разом побелел. И даже ритуальным знаменем себя осенил.

Дверь распахнулась, и внутрь взобрался мой рабовладелец. Пыхтящий, как судно, разрываемое темным топливом.

– Маленькая зараза, – бубнил себе под нос, устраиваясь на диванчике рядом со мной. – Такая умненькая, а такая...

– Какая?

– Такая! – фыркнул и махнул рукой ошалевшему водителю. – Истинный теоретик! И «исследование» провела, и факты «проверила»... Только выводы сделала совсем не правильные.

– Я хороший теоретик. И выводы у меня обычно верные, – я отвернулась к окну, сердито сопя. – Терпеть не могу, когда меня держат за идиотку. Извиваетесь, как подгоревший анжарский змей. Когда вы говорили со мной прямо и открыто, пусть даже жестоко, вы мне больше нравились.

– Нравился? – хрипло уточнил Рэдхэйвен, все самое ценное пропустив мимо ушей. И зачем-то пододвинулся ко мне на диване.

– Разонравились! – я выпустила изо рта кипящий воздух и растерла горячие щеки.

– Совру, если скажу, что ревность тебе не идет. Но у тебя нет для нее объективных причин.

– Я не ревную, – проворчала сердито.

Вот ведь выдумал! Я же разумный человек, а не какая-то...

– Эйвелин... – он развернулся ко мне всем корпусом и зажал в углу дивана.

– Я в этот брак не напрашивалась, сир! – прошипела, упираясь в вархового хитанца ладонями. – Более того: я очень даже против. И я

знаю, что ни гхарра у нас не «двусторонние» обязательства. Читать я пока не разучилась. Так что я требую...

– Внимательно слушаю.

– После всего увиденного... т-требую расторгнуть брачный контракт... – задохнулась под прижавшейся ко мне тушей. – Потому что... если не отпустите меня по-хорошему... я буду вам самой худшей женой, какую только сможете вообразить!

– Это я уже понял, – пропыхтел Рэдхэйвен, порывисто целуя меня в выкрученное запястье. – Варх меня дернул в это ввязаться...

– Так не ввязывайтесь!

– Не могу. Не могу, зараза, – жарко поцеловал в развернутую ладонь. – И объяснить не могу... Я не имею права разглашать. Я связан... очень серьезными обещаниями.

– Просто обещаниями? Даже не клятвой? – фыркнула, отбирая у него свою ладошку.

– Я дал слово Ее Величеству, что никто не узнает о тайнствах наших с ней встреч.

– Значит, встречи имеют место? – отпихнула его на противоположный диван и выдохнула, чувствуя себя совершенно измотанной.

Невыносимо тяжелый человек. Во всех смыслах.

– Имеют, Эйвелин, – кивнул сдержанно. – И будут иметь и дальше.

– Превосходно!

– Это мой долг.

– Задирать юбки королеве? А больше во всем дворе этим заняться некому? – я прочесала пальцами разлохматившиеся волосы и сцепила руки в замок на затылке.

Несносный квахар. Таким даже суп жалко портить!

– Элси доверяет только мне.

– Или рассказывайте все как есть, или не смейте появляться у меня на пороге, – погрозила пальцем перед его носом. – Ни до свадьбы, ни после, ни даже во время!

Рэдхэйвен нахмурился и резко выдохнул в кулак.

– Притормози, – стукнул в стекло водителю.

Спрыгнул со ступенек вниз, выдернул меня из вояжера, запихнул в плащ и потащил в лесную глушь.

Мать гхаррова!

Туфли увязли в болотной трясине сразу, едва каблуки коснулись земли. Ноги застревали в корнях, вымученное запястье ныло – так упрямо Даннтиэль меня тянул в темноту. Похоже, он решил овдоветь сегодня же и избавить нас от грядущих страданий.

– Если кому-то расскажешь, Эйвелин, мне придется тебя убить, – он наконец остановился у каких-то кустов и развернул меня к себе.

– Чего?!

– Ну, ладно, просто сильно отшлепать, – закатил глаза. – Это не моя тайна, и разглашать ее нельзя.

– Мне дела нет до чужих тайн, – пробурчала, чувствуя, как ноги уже по щиколотки ушли в густую жижу.

– Ты как будто стала ниже...

– Да неужели?! – ткнула пальцем вниз, в черноту.

Рэдхэйвен вытащил меня за талию из вязкой грязи и поставил рядом с собой.

– Спрашивай. Только быстро, Эйвелин, – скинул с ладони мудреное фиолетовое плетение, и нас окутало призрачной дымкой.

– Зачем Ее Величество искала вас в академии? – сощурила глаза, чтобы лучше видеть надменный профиль.

– Больше Элсинор не может никому доверить свой недуг.

– И для этого надо было идти в спальню? Вы ведь в курсе, что пишет «Вестник»? – нахмурилась с недоверием.

– Мне все равно, что пишут в газетах, – он раздраженно дернул плечом. – Не удивлюсь, если Элси намеренно пускает сплетни при дворе о своем ко мне расположении. С Дафной они хорошие подруги.

– Она одобряет эти жуткие карикатуры?

– Так легче объяснить, почему я постоянно путешествую с ней. Даже на частные мероприятия и в загородные резиденции.

– Вы ведь не так давно назначены главным мастером защиты двора...

В глубине леса кто-то голодно провыл, и я прижалась к Рэдхэйвену. Не мог он найти менее жуткое уединенное место?

– Я помогал ей и раньше, без официальной должности. Сначала ее недуг вызвал мой интерес...

– Как и мой? – усмехнулась с пониманием. Этот хитанец неисправим.

– М-да... И я попробовал ее излечить.

– Тоже, видно, нетрадиционным методом? – усмешка моя стала злее. Сама себя не узнавала, ей Варху.

– Весьма. Тогда, несколько лет назад, я был в паршивом состоянии...

– Сильно скучали, да?

– Словами не передать. Но это занятие... рутинное по своей сути... вернуло к жизни не только Элси, но и меня.

Рутинное... занятие... Да просто огхарреть!

– Словами не передать, как омерзительно это звучит. А уж как представляется! – заверила его сердито, отчаянно пытаюсь не представлять. И не вспоминать лично подсмотренное.

– Романа у нас не было и нет, – глухо выдал Рэдхэйвен, за подбородок поднимая мое лицо к себе. – Но Элси – одна из немногих, кто умудрился завоевать мое расположение и может рассчитывать на мою помощь. Список поистине небольшой, Эйвелин. И состоит буквально из нескольких имен, среди которых Грегори Кольт, Финиус Мюблиум, Найджел Керроу и... и ты, колючка.

– Так помогите мне! – я всплеснула руками, и плащ на мне распахнулся, впуская колючий холод. – Потому что я ни гхарра не понимаю. И меня как теоретика магии это крайне нервирует.

– Эйвелин... Ее Величество проклята, – он запахнул плащ и вернул пальцы на мое лицо. Голос Рэдхэйвена стал приглушенным, тихим, я едва могла его расслышать. – То «покушение», что из юной невесты сделало ее вдовствующей королевой, оставило след. Она выжила чудом: проклятие было смертельным. Ее супругу повезло меньше.

– Но кто посмел?..

– Не перебивай, – меня строго щелкнули по носу. – Мне не удалось снять его. Месяцы попыток – все впустую. Я усыпляю чары, а они пробуждаются вновь, и вечно не вовремя. Хроническая хворь обжигает, мучает Элсинор, но и лечение не приносит удовольствия. Как бы оно ни выглядело со стороны, это далеко от интимных развлечений.

Под суровым взглядом хотелось съежиться. Я мало что понимаю в этих его «развлечениях», но выглядело похоже. Очень. Похоже.

– Нужен постоянный контроль. Монарх не может проявлять слабость на людях, – вещал Даннтиэль, накручивая полы моего плаща на кулак. – Поэтому я всегда при ней на случай внезапного обострения.

– Она за этим вызывала вас в Хитану?

– Я не могу быть все время рядом, – он кивнул, – а она не может доверить свою уязвимость лекарю. Ее проклятие слишком уж специфическое.

– Это, наверное, не мое дело, – я почесала затылок, морщась от гнета чужой тайны.

– Тепеть уже ваше, раз спросили, мисс Ламберт! – он сдвинул черные брови, и тьма сгустилась на лице мастера проклятий. – Король взял то, что ему не принадлежало. Из великих странствий по Междумирью он привез супругу необычайной красоты... И посадил на трон подле себя. Очень глупый поступок.

– Почему же глупый? Он снял с нее оковы! – возмутилась обвинению.

– Он забрал ее из Керракта, Эйвелин, – «разжевал» он для неразумных, шевеля бровями в непонятных намеках. – Из гарема одного из клановых лидеров. Только очень легкомысленный человек рискнет всем своим миром из-за... женщины, – добавил с укором. – Но, справедливости ради, его к этой глупости подтолкнули.

– Вы бы своим миром ради женщины не рискнули. Это я уже поняла, – проворчала в кулачок.

– Я рискую своей нервной системой. Это тоже великая жертва, – пробубнил он в ответ.

– Рассказывайте дальше.

– Их брак получил священное благословение самого Варха, как и положено монархам. Но боги сыграли с ними жестокую шутку. Один отдал то, что нельзя было отдавать. Другой принял то, что нельзя было принимать. Третья надоумила короля на этот глупый подвиг. А разменной монетой оказалась Элсинор. Боги наигрались и бросили девчонку умирать в новом для нее мире. Все, Эйви. Конец «сказке».

– Вы сказали, что проклятие специфическое, – напомнила Даннтиэлю.

– Оно не наше. Не эрренское, – качнул он головой. – Это демонская метка, каждой своей нитью ведущая в Керракт. Печать

владения, что Элси получила от своего «хозяина». Несущая в себе смертельное проклятие за измену. Она не имела права сочетаться браком и делить ложе с другим мужчиной. Керракт жесток... но это Керракт.

– Оно... их... прямо... когда?.. – проямлила, разглядывая золотую эмблему.

– Король умер сразу, в постели. Частью смертоносных искр чары осыпались на живот и бедра его супруги, но она спаслась, – Даннтиэль потер бровь. – Как я уже сказал – чудом. Весьма... кхм... рогатым.

Я схватилась за отворот его мундира, чувствуя, что болото вновь тянет меня в мрачную бездну. Или просто тело обмякло от неожиданной догадки.

– Все верно, Эйви. Ее Величество хранила в себе демонское семя.

– Оно проросло? Семя это? – прохрипела, все еще пытаюсь отодрать ткань от его мундира.

– Как и положено, восемь-девять месяцев спустя... Проклятие, прикипевшее к коже, продолжает мучить Элсинор. Снять метку может лишь тот, кто наложил, – он успокаивающе похлопал меня по руке, ощутив мое смятение. – Было время, я даже пытался его найти... Но его больше нет в Керракте. Может, и к лучшему, если он не узнает о наследнике правящего рода.

Я зажмурилась, думая... о всяком. В мире столько всего происходит, пока я прячусь за книгами. И каждый шаг каждой значимой фигуры приносит в него все больше нестабильности.

– Второй войны с демонами Эррен не переживет. Его просто разорвет на части, – Даннтиэль шершаво погладил меня по замерзшей щеке. – Представь себе один очень, очень большой разрыв материи...

– И на этот раз у нас нет богини, которой можно откупиться, – вздохнула с пониманием, утопая взглядом в густой темноте за его плечом. – Но Иллонка говорила, что они родственницы...

– Перед свадьбой Элси вступила в род тэль Меер и получила местное имя взамен того, что носила в Керракте. Я тому поспособствовал по просьбе короля... Жаль, я был слишком занят своими проблемами, чтобы отговорить его от этой глупости.

– Заняты?

– Порой я смотрю не туда. И думаю только о себе, – Даннтиэль потемнел, сливаясь с лесным мраком. – Король был так одурманен

любовью, что был на все готов, лишь бы присвоить девушку себе. И теперь последствия его сумасшествия лежат на плечах всего Эррена.

К моменту, когда вояжер прикатился к академии, въездные ворота уже закрыли. Так что нам с Даннтиэлем пришлось добираться пешком по плохо освещенной дорожке.

Я успела пожалеть, что так стремительно покинула приятный праздник, толком не насладившись шедеврами кулинарии. И почти не пообщавшись со «старым приятелем» своего – прости, Имира, – «жениха». Но, похоже, чете Кольтов тоже сегодня было не до гостей. Без оглядки на приличия и правила они наслаждались друг другом.

– Раз уж торжество так быстро завершилось, я вернусь к работе, – сообщил Рэдхэйвен, подводя меня к ближайшей академической лестнице. – Мне осталась всего одна дверь, Эйвелин. А потом...

Он опалил меня жгучим взглядом, и жар подступил к горлу. Словно там, именно за этой дверью, скрывались те самые «разнообразные смыслы», в которых меня мастеру угодно.

Глава 34

Глава 34

Даннтиэль

Темная грязная нить, так неумело вплетенная в проклятие, снова выскользнула из пальцев. Данн поморщился и стиснул зубы: не отвлекаться!

День был насыщен изматывающими событиями, и он терял концентрацию. Но все пересиливало желание покончить с этим сегодня. Здесь и сейчас. А потом можно и отдохнуть... В очень приятной и очень зеленоглазой компании.

Тяжелая мысль ускользала вместе с нитью. Что-то во всем этом не сходилось. Не только энергетические потоки в до безобразия неумелом плетении... Вообще все. Данн не узнавал почерк наставника. А ведь они столько лет вместе плели темные кружева, а потом учились их аккуратно разбивать, не создавая разломов и разрывов в материи.

Если предыдущие проклятия хоть сколько-нибудь походили на профессиональные, то конкретно это было поделкой первокурсника, не иначе. И еще нелепая нить, намотанная поверх второпях...

Ошибка на ошибке! Найджел прав: старик сильно сдал. И разумом тоже. Эйви сразу это заметила и пыталась обратить его внимание. Но Данн, как обычно, смотрел не туда.

А как можно еще куда-то смотреть, когда в поле зрения оказывается припухшая нижняя губа, всем своим видом требующая поцелуев? Жадных, изматывающих, беспощадных. По несчастью ей досталась уж очень упрямая хозяйка, никаких «гхарров» до сладкого рта не допускающая.

Дикая вирра. Держаться рядом с ней становилось все труднее. Стоило девчонке расчертить лоб обиженной морщиной и рассказать, как сильно она «не ревнует», что-то раскрошилось внутри. Обернулось пылью. Возможно, тот самый крепкий забор, воздвигнутый в минуты отчаяния в Аквелуке, за который он обещал не переступить.

Эй-ве-лин... Какая же заноза. Зараза. Исчадие. Те семь мучительных ночей были издевательством чистой воды! Да и недавние

две – ничем не лучше.

Он снова пил ее тьму. Снова пьянел и наполнялся безумием, задерживаясь губами на нежной шее дольше положенного... Слушал, как трепещет упертое сердечко. Замирая, ловил тихие стоны, прикрытые смущенным покашливанием.

Чувствовал, как в хрупком теле бьется сильный, только пробудившийся темный дар. Ее необузданная сила, так похожая на его собственную, гармоничной мелодией разливалась внутри девчонки. Пьянила, будоражила... Что это, как не дар богов?

Данн усмехнулся. Уж кто-кто, а он точно знал, что дары богов идут рука об руку с проклятиями.

Сам не понял, когда стал так зависим от ее улыбки. От дерзкого языка. Не узнавал себя, наворачивая круги вокруг сахарной добычи. Терпеливо дожидаясь, пока она сама сдастся ему на милость. Примет как данность, что принадлежит ему. Сама захочет принадлежать.

Маленькая язвительная гордячка... как мать. Он навел справки об отважной исследовательнице из Хитаны. Эйвелин могла быть такой же. Дерзкой, храброй, нарушающей правила, создающей свои законы... Сама заперла себя в коконе из скуки и предсказуемости. Испугалась жить по-настоящему. Одним днем.

Он и сам в свое время испугался. Спрятался от неприглядной правды, хотя то и дело пытался доказать себе, что и без природного дара способен на многое.

Черная нить разорвалась прямо в пальцах, и Даннтиэль огласил коридор заковыристой бранью. Доигрался!

Кружево сомнительного плетения осыпалось на пол, розоватая дымка ударила в лицо. Что-то новое и весьма неожиданное: дети изнанки не носили конфетных оттенков.

Данн закашлялся, выгоняя щекотную гадость из ноздрей. Смахнул с двери ошметки чар и взгляделся в рисунок «на дне колодца».

– Только не... – изумленно закачал головой, ужасаясь коварству старика. Раньше Финиус так грязно не играл. И начал, прямо скажем, не вовремя.

Данн резко встал с корточек, сделал три шага назад, нащупал за собой подоконник, оперся. Он достаточно крепок, чтобы не поддаться наведенным чарам! Достаточно...

Нужно быть очень наивным, чтобы верить, что королевский мастер Даннтиэль Рэдхэйвен вляпается в такую глупую ловушку. Что не сможет одним щелчком пальцев стряхнуть с себя грязное проклятие...

Он потер лоб, покрывшийся испариной. Одним... щелчком...

Эйвелин. Эй-ве-лин...

Зеленые глаза встали перед ним как наяву и поплыли в воздухе, служа ориентиром. Маяком в ночи.

Как же она ему нужна. Прямо сейчас. Вся, до варховых белых пяточек.

Он не станет больше ждать. Зачем, если и так все понятно? Она ведь тает в его ладонях, замирая непуганой лесной зверюшкой в руках охотника. Настороженно, но в предвкушении...

Он почти приручил свою колючку. Так сладко пахнущую, так вкусно жмущуюся к нему ночами и так забавно шарахающуюся от него по утрам. Данн ощущал каждой порой, что в ней бурлят те же самые желания, что и в нем. Сейчас особенно явственно.

Сейчас он знал, что Эйвелин ждет его в спальне. И, отбросив сомнения, стремительно зашагал вперед, за уведящими во тьму зелеными глазами.

Эйвелин

Я вошла в нашу пустую спальню и с любопытством покосилась на Рисскину постель. Интересно, где она так задерживается? И куда ее завело свидание с загадочным кавалером?

Переодеваться было лень, так что я забралась на подоконник прямо в бальном платье, прихватив подмышкой потрепанного сира Милезингера. Уверена, я самая нарядная и хорошо пахнущая компания, что у него была за последние пару сотен лет.

Не знаю, сколько я так просидела, скользя пустым взглядом по страницам. Вчитываться не получалось. В голову лезли слова о кандалах, о свободе, о желании Рэдхэйвена меня куда-то там увезти...

Вырвал из тягучих, путанных мыслей стук в дверь. Такой... собственнический. От каждого «бабаха» веяло моим личным рабовладельцем.

И как я так некстати оказалась в комнате одна? Обычно в это время Рисска штудирует свою «Теологию», а Галлатея сортирует

поклонников и безделушки из шкатулки. Или Рисса вздыхает, глядя в окно, а Тейка тренирует свое непокорное ледяное плетение. Потом мы шутим, обмениваемся сплетнями, убеждаем Фиджа не грызть хвост высокомерной каффы...

Но сейчас не было ни сплетен, ни безделушек, ни каффы. Последняя утопала вместе с хозяйкой в библиотеку для моральной поддержки.

Невероятное совпадение! И ломящийся сюда Рэдхэйвен будто знал об этом. Не сам ли приложил сюда загорелую лапу?

Заталкивая поглубже неуместный сердечный трепет, я подошла к двери и дернула ручку.

– Вы разобрались с последним проклятием? – осторожно высунула нос в дверную щель.

– Или оно... разобралось со мной... – глубокомысленно выдохнул, пошатнувшись, Рэдхэйвен.

Похоже, последняя дверь выпила из него все соки. И плотью закусила. На нем в прямом смысле не было лица – сплошная черно-серая клякса.

– Вы на ногах не стоите, – я распахнула дверь шире, впуская рабовладельца в пустую спальню. – Вам бы к Граймсу. И подлечиться.

– Если только нетрадиционным методом. И без участия Граймса, – он резво дернул меня к себе, захлопывая дверь.

Мать гхаррова!

– Даннтиэль...

– «Данн», – поправил требовательно.

– Да, ладно... Данн, – просипела, чувствуя кожей перемещения его пальцев по моим ребрам. Он с упоением отмечался на каждом, пробираясь вверх по корсажу праздничного платья. – Вы зачем... сюда...

– «Ты», – опять настойчиво перебил меня.

– Ты зачем... сюда?..

– А куда мне еще идти? – взгляд, полный самой черной мути, что я когда-либо видела, сверкал желанием. Самыми разнообразными. – Как не к своей невесте?

– У вас что-то розовое на щеках, – протянула я с подозрением. – Не помада, конечно... Больше на румяна похоже. Вам бы умыться и...

Я вывернулась из его рук, но шагу к двери сделать не успела, как снова оказалась прижатой к рабовладельцу. Другой своей стороной, возможно, лучшей. Жадный поцелуй, больше похожий на укус, буквально прожег кожу. Ошпарил шею до самого горла.

– Перестаньте, Даннтиэль... Данн, – сбивчиво хрипела, пытаюсь оторвать от живота его каменную ладонь.

Меня вообще со всех сторон кирпичи окружали. Словно завалило мраморными статуями.

– Кого ты боишься, Эйвелин?

– Как это кого? – я аж поперхнулась. – Вас!

– А мне кажется, себя...

Твердые губы покрывали мое плечо и голую лопатку торопливыми, нетерпеливыми поцелуями. Голодными, колкими, быстрыми. Он так спешил, словно помереть через пару минут собирался. Но с моим вкусом на губах.

– Боишься, что не захочешь меня останавливать, – хрипло накидывал идеи в мою кожу, обсыпанную болезненными мурашками.

– Боишься, что тебе понравится рядом со мной. Боишься, что поймешь: я не такой уж плохой вариант... И не так уж мучительны твои «рабские оковы»... Трусливая вирра!

Он снова меня укусил, вырвав жалобный стон из самого нутра. Жалобный еще и потому, что мне было не прямо ужасно. И не то чтобы невыносимо.

Но его неумная жажда настораживала. И сдохший в лихорадочном припадке теоретик успел сделать предсмертный вывод: еще немного – и меня швырнут в постель. Вот прямо швырнут! Потому что Рэдхэйвен сегодня забыл и про деликатность, и про аккуратность, и про нежность.

– Да что вы творите?! – развернулась в его руках, пока на лопатке еще осталось живое место. – Совсем огхаррели...

– Пробую на вкус свою невесту, – честно ответил Даннтиэль, оглаживая меня мутным взглядом.

Сжал мои запястья и резко поднял вверх, вбив в дверной косяк над головой. Подтянул еще выше, заставляя встать на цыпочки. Вархов маньяк!

– Ай!

Ошпаренный язык прокатился за моим ухом.

– Вку-у-у-с-сняя... – прошептал будто в трансе. – Какая же ты вкусная девочка, Эйвелин...

Матьер гхаррова, да он ненормальный!

– Не бойся меня, – опасно прохрипел, поглаживая свободной лапой бедро. Бесцеремонно комкая тонкую ткань. Скользя пальцами вверх, опять по ребрам. Так грубо, что чуть не оставляя борозды на коже.

Я задохнулась в дурном предчувствии. Это все слишком! Чувствовала себя росохой, пойманной хитрой каффой и насаженной на крючок в стене. Подвешенной вместо картины для красоты. Обездвиженной, уязвимой... Полностью во власти вархового рабовладельца.

– П-перестаньте. Мне страшно, когда вы... *так*, – призналась я сбивчивым шепотом, заглывая воздух рваными порциями.

– Эйвелин... Я с ума схожу от твоего запаха. От твоего вкуса. Я не могу больше терпеть. Двинусь скоро, – он впивался в меня жадным взглядом, разыскивая понимание на дне зрачков. – Я дал достаточно времени, чтобы ты ко мне привыкла...

– И вовсе не достаточно, – я дрожала под его пальцами, не в состоянии уже разобрать, где страх, а где волнение иного рода.

Все смешалось в буйный коктейль. Взрывоопасный, дикий. Внушающий ужас оттого, что какой-то (очень глупой!) части меня нравится происходящее. И ей любопытно, что будет дальше.

– Даннтиэль, прошу... – сглотнула, путаясь в мыслях. – Идите к себе.

– Ты меня сама впустила, – напомнил строго.

Треск ткани намекнул, что с новым платьем можно распрощаться. А ведь я его толком не выгуляла. Разве что по болотам.

– А теперь п-прогоняю, – выдохнула нетвердо.

– Меня не так-то просто прогнать, маленькая колючка!

Юбка взметнулась вверх, и его колено нахально вбилося между двух моих.

– Уффф...

– Я имею право целовать свою невесту, когда захочу. Ты принадлежишь мне, Эйвелин, – от металлического звона его голоса стало больно. – Как любой житель Эррена, я имею право владеть тем, что мне принадлежит.

Жаркий язык требовательно раздвинул губы, заставляя впустить обнаглевшего рабовладельца куда глубже, чем я была готова. Квахар линиялый! Гхарр недощи....

– Ммм! – замычала возмущенно, утопая в его вкусе.

Не-до-щи-пан-ный!

Забилась между ним и дверным косяком, как керрактская каэра, выброшенная на горячий песок. Истерично заболтала ногами, оказавшимися внезапно в воздухе, в попытке спрыгнуть с его колена. Совсем огхаррел!

Вокруг стало так темно, словно мы погрузились на глубину океана. Туда, куда не доходит свет. Никогда. Но, вероятно, я просто теряла сознание от недостатка кислорода. Рэдхэйвен высосал из меня все, может, даже душу.

Я вяло болтала ногами, распятая на варховом косяке. Пыталась увернуться от твердых губ, но те снова меня находили, не позволяя вдохнуть. Тело обмякло, устало от борьбы. От сопротивления. В висок била мысль, что мне пора сдаться... Признать, что он победил.

– Я против! Слышите вы хоть что-то? – прохрипела в его шею под треск рвущейся ткани. – Я не давала вам своего согласия...

Меня снова заткнули горячим ртом, погрузив в пучину невозможного вкуса. Похоже, Рэдхэйвен просто спятил. И забыл все свои обещания.

Наверное, ему тоже вскружил голову воздух в саду Кольтов. Весенний, чувственный. Даннтиэль был совсем на себя не похож! Не то чтобы я хорошо успела его изучить за какую-то смешную кучку дней. Но все-таки...

В те времена, когда я не думала о нем плохо, он казался другим. Эгоистичным – да. Самовлюбленным до потери пульса, властным, требовательным, строгим, с истинно хитанским безразмерным самомнением... Но не маньяком же?

Он и пах сейчас как-то иначе. Удушающей смесью осенних цветов и тяжелого парфюма. Чужого, другого, не проклинательского. И этот нелепый розовый румянец, блестящий радужной пылью единорогов и растекавшийся по загорелым щекам...

– Рок! – всхлипнула, едва мой язык оказался на свободе. – Ро-о-ок...

Из черноты выплыла еще более темная тень. Выбросила из изменчивого тельца сразу несколько хоботков и накрепко обмотала ими Рэдхэйвена. Морок быстро разобрался в ситуации и... кинулся обниматься. Со всей страстью, на которую был способен.

Даннтиэль обмяк, закатил глаза, когда «хоботки» впитались в него, размазывая мрак по коже. Я поздно спохватилась: а не смертельные ли это объятия?

– Стой... Стой, хватит...

Замахала руками, с которых некстати посыпались фиолетовые нити. И Рок с обиженным воем отполз к стене, оставив бездыханное тело валяться на полу.

– Прости. Оно само. А ты опасный парень, Рок, – я прислонилась плечом к косяку, тяжело дыша. Никак не могла насытиться свободой и кислородом.

Данн выглядел плохо. Очень. Его не добило последнее проклятие, но, кажется, это сделали мы.

Я распахнула дверь и заголосила на весь коридор, как безголовая квахарка. Звала хоть кого-то на помощь, не думая о том, как буду объяснять свое порванное платье. И синяки на руках. И валяющееся в спальне тело королевского мастера.

Будь что будет. Пускай хоть все узнают. К гхаррам!

Глава 35

Глава 35

Верх несправедливости! То таскают на диагностику при любом неудобном случае, заставляя снова и снова усаживаться на жуткие кушетки в кабинете Граймса. То, когда вдруг сама пришла, захлопывают дверь перед самым носом! А я, между прочим, и жертва, и главный свидетель, и...

– Мисс Ламберт, вам нельзя здесь находиться, – обеспокоенно заметила рыжая ассистентка, выходя из заветной двери. И снова плотно прикрывая ее за собой.

А мне как раз туда было очень нужно. Очень!

– Как он? – жалобно поглядела в зеленые глаза.

– Сир Граймс сделал все, чтобы поставить его на ноги. Если, конечно, мастер сам захочет на них вставать... после содеянного, – мисс Лонгвуд строго поджала губы и стряхнула с плеч какие-то неприятные воспоминания. – Вернитесь в процедурный, я обработаю ваши ссадины.

Рассветные лучи вспарывали небо, и в коридорах целительского корпуса становилось светлее. Я вяло поплелась за ассистенткой, хоть и не чувствовала на себе никаких ссадин. Но ей виднее, конечно. Я сейчас вообще мало что чувствовала.

За эту ночь я успела так издергаться и испереживаться, что в зеркале отмечала лишь бледную тень прежней Эйви Ламберт. Все, что мне удалось подслушать, складывалось в очень страшную картину.

«Объятия» морока Даннтиэль перенес сравнительно легко, хотя Рок явно перестарался. Но проклятие, что зацепилось за мастера, было крайне тяжелым. Истощающим. Оно высосало из Рэдхэйвена все силы, не оставив энергии на сопротивление грязным чарам. Словом, кто-то другой лежал бы уже в земле.

– И что будет дальше?.. – рискнула поднять на целительницу глаза, едва она настойчиво усадила меня на голубую кушетку, обитую кожей. – В смысле... с сиром Рэдхэйвеном?

– Не знаю, мисс, – передернула та плечами. – Суд, наверное. Хотя у мастера хорошие связи, если верить «Вестнику»... Ректор Керроу

всю ночь составляет письмо в Королевский совет. Нервничает. На него столько всего свалилось, а теперь еще и это.

– Какой еще суд? За что?

– Он напал на ученицу, – строго напомнила девушка, нанося прохладную мазь на мои запястья. – Пытался... Боги Эррена! У меня в голове не укладывается, что пытался...

– Не надо суда! Они там спятили, что ли? – я вскочила с кушетки, сбрасывая с себя примочки, и выбежала из процедурного. – С ума посходили...

Я снова оказалась перед заветной дверью, ведущей в палату. Приложила ухо к щелочке, замерла. Неужели они серьезно?

– Все всё понимают, Данн, – раздался глухой голос ректора. – Проклятие было очень крепким, а ты – весьма измотанным. Никто и не ждал чудес. Но... Не мне тебе объяснять, как работают плетения одержимости.

– Взывают... к самым... – хрипло, едва слышно выдохнул Даннтиэль.

– К самым тайным. К самым низменным. К самым сильным, – договорил за него Керроу, – но твоим собственным желаниям! И как ты прикажешь мне объяснять совету, что главный мастер забыл в спальне одной из учениц?

Я сделала щель побольше, просовывая нос в палату. Мне нужно было увидеть своего личного рабовладельца.

Оба они – и Данн, и ректор – выглядели белее простыней. Керроу даже постарел как будто, за ночь добавив себе лет пять. Доконают его эти происшествия. Мало того, что перед королевой объясняться, так еще отправлять под суд давнего друга!

– Делай, что должен, Найджел, – севшим голосом выдал Рэдхэйвен. – Действуй по протоколу и не мучай себя. Официальное письмо в Королевский образовательный совет, копия – лично Ее Величеству. Ведь я состою на службе...

– Данн! – ректор вскочил с края кушетки и нервными шагами расчертил палату. – Такое пятно на репутации будет трудно отмыть, друг мой... Невозможно. Даже при твоих связях.

– Сейчас меня мало волнует репутация. Как девчонка? – Рэдхэйвен с мученическим видом поднялся на локте. – Она тут? Цела?

– Мисс Ламберт на удивление упрямое создание. Всю ночь пытается брать двери штурмом. Не ожидал такого от теоретика, – пробубнил ректор и потряс в воздухе бумагой с гербовой печатью. – Данн, я не готов это отправлять... И вместе с тем я должен.

– Предлагаешь мне самому ей написать? – саркастично хмыкнул Рэдхэйвен, и Керроу накрыл бледное лицо руками. Издал не то стон, не то вой.

Я зажмурилась, набираясь храбрости. Вспоминая жутковатую ночь, которая могла завершиться Варх знает чем. Бег сильных пальцев по моим ребрам, жадные губы, не дающие свободы, темноту, наполненную волнующими ощущениями...

– Прошу прощения, сир Керроу, – я толкнула дверь и врезалась глазами в Данна. Спряталась от его дикого взгляда, развернув корпус к ректору. – В-вероятно, мой крик в коридоре... истолковали как-то неверно...

– Мисс Ламберт! Не знаю, как вы сюда прорвались, но выйдите немедленно. Вы пострадавшая, и вам нельзя тут находиться, – отчитывал меня Керроу, пытаюсь вытолкать в коридор.

Но силенок ему после бессонной ночи явно не хватало. А вот ко мне, напротив, вернулась энергия.

– Сир Рэдхэйвен не вламывался в мою спальню! – затараторила, ловя в фокус едкую ухмылочку Граймса. – Я впустила сама. И он не сделал ничего предосудительного.

– Вы вопили на весь этаж! – напомнил Керроу, указывая пальцем на выход. Предлагая продолжить разговор там, без свидетелей. – У вас все тело в ссадинах и синяках. Не знаю, что движет вами сейчас – страх или сострадание, – но это лишнее. Сир Рэдхэйвен готов нести ответственность за содеянное. И он не станет мстить вам за правду.

Упрямо засопев, я выхватила из его рук бумагу и разорвала на несколько частей. Бросила на пол и поджала губы. Теперь я тоже нарушитель, можно наказывать.

– Мной движет недоумение, сир ректор, – пропыхтела, приглаживая вздыбившиеся волосы. – Еще раз повторю: сир Рэдхэйвен имел полное право находиться в моей спальне. Целовать меня. И прикасаться. Он мой жених!

– Простите, что?! – Керроу закашлялся, в отчаянии выпучив красивые синие глаза. Те самые, по которым мы с ума сходили на

первом курсе.

Но сейчас мне больше по вкусу были черные. Иногда – золотые.

Ректор продолжал глазеть на меня, как на диковинку с Сеймура. Примерно так же я смотрела на Фиджа, когда мама впервые притащила ушастую нечисть домой. И я догадалась, что Керроу ждет от меня каких-то объяснений.

– Мы помолвлены. Официально, со всей магически заверенной ерундой, – я пожала плечами, косясь на свои запястья. Они были усыпаны красными отметинами, словно там и впрямь имелись невидимые оковы. – Можете за подтверждением обратиться к моему отцу. Или я схожу в спальню за копией договора...

– Нет необходимости, мисс Ламберт, – сглотнул Керроу, окидывая удивленным взглядом товарища. – Это все действительно меняет дело. Пожалуй, Ее Величество мы можем не беспокоить, если вы не имели ничего против визита своего... кхм... Варх меня прибереи... *жениха*.

– То, что под действием проклятия сир Рэдхэйвен пошел не куда-то еще, а к своей невесте... Так это должно мне льстить, – вздохнула философски, разводя руками. – Значит, я правильно сделала, что дала согласие на брак.

Уши под волосами зачесались, выдавая ложь, но ректор был слишком ошеломлен, чтобы это заметить.

– Но почему вы не поставили никого в известность? – сглотнул бедняга Керроу, тяжело усаживаясь на свободную койку.

– Мы заключили помолвку до того, как выяснилось, что сир Рэдхэйвену предстоит стать моим преподавателем, – пробормотала в кулачок, отчаянно краснея. – Согласитесь, неловкая ситуация.

– Просьба вашего отца заиграла новыми красками...

– Очень глупая просьба!

– Данн! Ну мне-то ты мог рассказать? – ректор возмущенно пнул ногой обрывки письма. – Я этой ночью чуть не поседел, пока выдумывал, как тебя оправдать.

– Не хотел ставить мисс Ламберт в неудобное положение, – Даннтиэль потер лицо, озарив его намеком на ухмылку, и продолжил вылавливать своим взглядом мой. Но я умело его избегала.

Ох, даю гхаррово копыто на отсечение, что улыбался он даже не тому, что я за него заступилась, а вот этой ремарке про «добровольное

согласие». Оставалось только закатить глаза и пожелать немедленно под землю провалиться.

– Найджел... Будет слишком бесстыдно попросить всех, кроме мисс Ламберт, покинуть мою палату? – Рэдхэйвен закашлялся в кулак и натянул простынь повыше, оставив на виду лишь голые плечи.

– Когда тебя волновали приличия? – вздохнул ректор и махнул Граймсу, так и не стершему с лица едкую, отравляющую гримасу.

– Эйвелин... – прошептал Данн, едва за мужчинами закрылась дверь.

– Мм?

Я все-таки позволила нашим взглядом столкнуться. Обожглась, но вытерпела. Уффф.

– Я ведь дал тебе возможность от себя избавиться, – его ухмылка очертилась ярче. – Одно слово – и суд разорвал бы нашу помолвку. Никакого контракта, никакого «брачного рабства». Полная свобода, и вполне приемлемой ценой... Я сам сглупил.

– Ну да, всего лишь одна разрушенная жизнь! – вспыхнула возмущенно, подходя к его кушетке и присаживаясь на соседний стул.

– Я сделал тебе больно? – он поерзал на подушке, пытаясь устроиться так, чтобы лучше меня видеть.

– Синяки? Заживут, мисс Лонгвуд их чем-то намазала, – махнула рукой, стараясь не замечать, что под простыней он, вероятно, и вовсе без одежды. – Не помню, в какой момент они появились. Наверное, когда вы... Ну, или позже, когда... Гхм...

– Испугал тебя? – он прикрыл глаза и медленно, глубоко вдохнул.

– Немного, – повела плечом.

– Ты должна кое-что понимать. Открой ушки и внимательно послушай, – велел так строго, что я на стуле выпрямилась.

– Я все понимаю, – закивала поспешно. – Это действие проклятия. Чары вожделения. Ректор мне объяснил, когда я его совсем достала.

– Чары, да... Но это были мои желания, – признался сдавленно. – Потаенные, усиленные, возведенные в манию. Но *мои*.

– Яс-сно... – кажется, я переспорила по красноте керрактскую каэру.

– Уж прости за такую откровенность. Это во-первых.

– Есть еще и во-вторых? – поперхнулась в ужасе. – Варх Всемогущий, помоги!

– Проклятие было крепким, мудреным. Прицепилось сразу на несколько крючков. Я и сейчас чувствую остаточный след, Эйвелин...

Я настороженно отодвинулась по стулу к самой спинке.

– Понятно...

– И если бы морок меня не отключил, сам бы я не остановился. И довел бы все до конца, – выдал, не отводя от меня глаз. Прибывая взглядом к спинке стула, чтобы и не думала сбежать от пугающей правды. – Судя по цвету щек, мы друг друга вполне понимаем, да?

– Вполне, – вздохнула послушно.

– Ты бы меня возненавидела. И я бы себя тоже.

– Если бы вы тогда не остановились в парке и не решили спасти незнакомую, нагрубившую вам девицу, этого вообще бы не случилось! – фыркнула в воздух. – В смысле, меня бы не случилось. В вашей жизни.

– Это дела не меняет.

– Тот, кто навел проклятие, был очень жесток, – я поерзала на стуле. – Любого другого оно и вовсе убило бы. Я слышала, как это обсуждал Граймс со своей ассистенткой.

– Меня очень непросто убить, Эйвелин. Не факт, что вообще возможно. Тебе не стоило так волноваться, – он протянул мне открытую ладонь, предлагая положить в нее свою. И я без особых размышлений сделала это. – Ума не приложу, зачем Финиусу понадобилось вешать чары вожделения. Проклятия одержимости он всегда обходил стороной, считая их грязной игрой.

– Так может, это был не он? В смысле, не Мюблиум? – сжала его ослабшие пальцы.

– У меня проскользнула вчера такая мысль. Плетение было странным, – согласился Рэдхэйвен.

– Вдруг кто-то решил вас отвлечь от чего-то поважнее? – я пересела к нему на кушетку, фамильярно сдвинув мастера с края на середину. – И вплел добавочную нить в наведенное профессором проклятие?

– Сообразительная девочка. Сразу видно – лучший теоретик на курсе.

– Давно вам об этом толкую, – хмыкнула, любуясь забавными мимическими морщинками, собравшимися вокруг его глаз.

– У меня есть еще «в-третьих», – заявил самодовольно он, едва я попыталась высвободить руку и встать с его койки. Очень уж необдуманно я на нее переместилась.

– Я вас сейчас собственноручно задушу...

Пальцы я выпутала и с кушетки встала, но в дверях послушно застряла.

– Меня очень волнует один момент, – коварно протянул мой жених-рабовладелец. – Почему вы не закричали сразу, едва я вошел в вашу спальню? Зачем вообще меня впустили посреди ночи?

Закусив до боли губу, я спиной толкнула дверь и выскочила в коридор. На этот вопрос я была пока не готова отвечать. Ни ему, ни себе.

Сплетня о том, что королевского мастера среди ночи обнаружили в моей спальне – в изможденном, бессознательном состоянии, – разлетелась по академии довольно быстро. К вечеру она приобрела сто оттенков идиотизма, потому как каждый рассказчик добавлял к ней новые детали.

К примеру, я слышала версию, в которой сама накинула на Рэдхэйвена чары вожделения и хитростью заманила к себе в кровать. Там, понятное дело, я же его и довела до изможденного, бессознательного состояния. Коварная Эв Ламберт, похитительница мастеров проклятий!

Видимо, в этом варианте сплетня долетела до Килиры и Летисии, потому что обе демонстративно фыркали и отворачивались, стоило мне показаться в коридоре. Жалели, видит Варх, что сами до чар вожделения не додумались.

Проторчав остаток дня в закутках библиотеки, я только к темноте вынырнула из книг. Благодаря чудодейственной мази мисс Лонгвуд, ссадины и синяки стали едва заметны. Очень хотелось улечься в постель и отоспаться, но ноги снова привели меня к заветной палате. Они как-то неверно поняли мое желание... Не в *эту* постель. Не *так* отоспаться!

Час был довольно поздним, и часть меня надеялась, что Рэдхэйвен спит. Но другая желала еще разок заглянуть ему в глаза. Убедиться, что тот, другой, чужой, страшный Даннтиэль навсегда исчез. И вернулся мой привычный самодовольный рабовладелец.

– Эйвелин? – он не спал, и необходимость красться на носочках отпала.

– Я подумала, вам снова скучно. Посидеть с вами?

– Я бы предпочел, чтобы вы со мной лежали, мисс Ламберт, – ухмыльнулся Даннтиэль. – Раз уж вся академия теперь в курсе наших отношений.

– О, все в курсе каких-то разных отношений! Я слышала с десятков версий, и ни одной, в которой мы помолвлены, – заверила его, делая круглые глаза. Удивлялась, что эта информация не просочилась за стены палаты.

– Правда, должен предупредить, что под этой варховой простыней я без одежды.

– С-сов-всем?

– С-сов-всем. Ума не приложу, зачем целителям это понадобилось, – он обмахнулся краешком простыни, и жар прилил к щекам.

– Удовлетворяли свое любопытство? – сглотнула судорожно, перемещаясь на край его кушетки.

– И что вы делаете? – насторожился мастер.

– Ложусь к вам. Сами же попросили! – недоуменно похлопала глазами.

Он от Мюблиума беспамятством заразился? Так ведь профессор в другой палате лежит. Через пару дверей от этой.

– Я пошутил, Эйвелин, – он напряженно завозился, уступая мне широкий край. – Не скрою, мне бы этого хотелось, но я же объяснил, в каком щекотливом положении вы окажетесь...

– Я приняла информацию к сведению, – заверила его серьезно, укладываясь затылком на свободную часть подушки. – Я с вами уже не раз ночевала в одной постели. Как-нибудь переживу.

Скосила глаза на его обнаженное плечо и невольно улыбнулась.

– Я же одета, – пояснила смущенно. – А вы на ногах еле стоите. И вообще сейчас больше напоминаете мумию, обмотанную тряпками, чем второго сильнейшего мага Эррена.

– Первого, Эйви... Можешь не сомневаться, – он подгрел к себе край простыни, плотнее в нее заматываясь. – Так почему ты меня не прогнала? Почему вообще впустила поздним вечером в пустую спальню?

– Вы выглядели дурно. словно собирались помереть у меня на пороге.

– А почему не закричала сразу, едва я тебя схватил?

Он уложил мою голову себе на руку. Второй приобнял крепко, но аккуратно, бережно. Как какого-нибудь неоперившегося квахарчонка, которого страшно сломать.

Почему не закричала? Да вот Варх меня разберет!

– Может, тоже удовлетворяла свое любопытство? – предположила шепотом.

– И как? Есть желание вернуться к неизученному вопросу? Проверить какие-нибудь факты? – горячий шепот обласкал губы, и я замерла в гремучей смеси ужаса и предвкушения.

Желание было. И фактов непроверенных накопилось...

– Даннтиэль, я...

– Не бойся, сейчас я хорошо себя контролирую, – выдохнул уверенно. – И мне бы хотелось исправить первое впечатление. Можно?

– Ладно, – кивнула заворуженно, рассматривая потолок, обрамляющий нависшее надо мной лицо.

Он прикоснулся к губам так ласково и бережно, что лишь слегка примял их своими. Отстранился, поглядел на меня задумчиво. Снова притронулся. Едва ощутимо! И опять отступил на безопасное расстояние.

Пытка повторилась еще раз, и еще... Он словно дикую зверюшку приручал, поддразнивая, заставляя желать большего. Тянуться к нему, искать губы, испуганно жмурясь.

Дрожащей рукой я нащупала его горячую шею, прокатилась пальцами до затылка и потянула к себе. Сколько можно дразниться?

Глаза напротив полыхнули золотом, и меня вмяло в подушку до самого матраса. Но в этот раз я была готова и почти не испугалась, когда поцелуй обернулся глубокой, алчной, сладкой мукой. Чуть грубоватой, но оттого даже сильнее кружащей голову.

Ноги умудрились онеметь и подкоситься, хотя я вообще-то лежала. Казалось, я лечу в пропасть. Падаю в черную неизвестность, и лишь сильные руки Даннтиэля удерживают меня здесь. На этой кровати.

– Еще? – запыхавшись, уточнил проклятый мастер.

– Угум-м-м... – закивала требовательно, сжимая пальцами вархов затылок, зачем-то от меня отстранившийся. Я еще не все факты проверила.

Он послушно вернулся к моему рту. Дурманящий аромат хитанца захватил всю меня, пропитал насквозь, слился с собственным. Кожа расплавилась от требовательных прикосновений, разгорелась под его пальцами. Под теми, что так настойчиво скользили по складкам ткани, истязая платье.

Данн забрался рукой под волосы, потянул застежку вниз, высвобождая из хлопкового плена плечо. Осыпал его влажными поцелуями, тянущимися бесконечными дорожками от самых ушей, и по шее, и к ключицам...

Все тело трясло в не поддающейся пониманию горячке, внутри что-то скручивалось, натягивалось, жгло. Рэдхэйвен и сам дышал рвано, напряженно, будто три дня волок по жаркой пустыне неподъемный валун.

– Эйви... Эйвелин... зараза! – с шипением смаковал кожу, спускаясь от ключиц бессовестно ниже. Стягивая ткань непослушного платья.

С него тоже постепенно сползала простыня, обнажая гладкую грудь. Горячую, как раскаленные камни в древнем очаге. Мои ладони сами собой проскользили по ней и уперлись в твердый живот, и вовсе не затем, чтобы отстранить от себя. Пальцы полыхали от его внутреннего жара. Данн и правда в себя керрактский вулкан засунул и забыл вынуть.

Я так яростно отвечала на его поцелуи, что кололо губы. Так горячо, так глубоко, так... необходимо. Я будто стала зависимой от его невозможного рта. От того, как хищно он прикусывал нижнюю губу, как нагло вторгался внутрь. Грубо, жадно, по-хозяйски. Мой личный рабовладелец... Свято уверенный, что он в своем праве.

Внутренний теоретик давно лежал в отключке, отказываясь анализировать, почему я так остро на все реагирую. На то, как Даннтиэль дышит через раз, хрипя мне в уши незнакомые ругательства. Как вокруг трещат ткани. И как платье мое бесстыже сползает аж до пояса. Как вжимает меня в узкую кушетку каменное тело, и это почему-то кажется уютным и правильным. И даже Данн ощущается уже не таким тяжелым, как раньше.

Я зачем-то хватала его за короткие волосы и тянула ласково к себе. Царапала плечи, требуя новых прикосновений и поцелуев. Бормотала какую-то несусветную чушь, за которую утром наверняка будет стыдно, льнула к нему домашней прирученной каффой...

Дверная ручка протяжно скрипнула, и я в ужасе вскрикнула, вжимаясь в подушку. Данн отпрянул от меня, мигом отрезвев. Сбросил наваждение и задышал ровнее.

– А может, и не так хорошо я себя контролирую, – пробормотал, подтягивая бесстыдно сползшую простыню повыше. – Тебе лучше уйти, Эйвелин. Это не то место, где стоит... Совсем не то.

Я приподнялась на кушетке, отрешенно накинула платье обратно на плечи. Потерла гудящий висок, покачнулась, пытаюсь сфокусироваться на плывущей перед глазами комнате.

Где-то в ней была дверь... Это она только что скрипела, но никто так и не вошел. Наверное, дежурный целитель понял, что Даннтиэль не один, и тактично остался снаружи. До чего же неловко!

– Пойду, – кивнула послушно и легонько потерлась о его щеку своей, отметив бледную кожу хитанца незаметным поцелуем.

Он был нужен скорее мне, чем ему. Что-то в духе неловкого признания, что я не сожалею о сумбурном практическом эксперименте. Который опять мог закончиться Варх знает чем, не скрипни дверная ручка. Во всяком случае, сейчас, конкретно в этот момент – не жалею. И как я, разумный теоретик, умудрилась так крепко вляпаться?

– Постой... – Рэдхэйвен опрокинул меня обратно, обхватил лицо ладонями и принялся покрывать его быстрыми, ласковыми поцелуями. – Потом. Потом все будет, Эйвелин. Все будет, – убеждал то ли меня, то ли себя. – С дверями покончено. Несколько дней – и я увезу тебя отсюда. К себе.

– Куда? – выдохнула ошеломленно, утопая в золотистых омотах.

– Увидишь. Там красиво, разве что прохладно. И суровое море бьется о скалы. Тебе понравится, колючка, – шептал, торопливо щекоча губами веки, виски, скулы, подбородок...

Я чуть не задохнулась от хлынувшей в меня нежности. Неужели это все происходит на самом деле? Со мной?

– И там... там все будет. Когда захочешь. Когда сама захочешь.

Глава 36

Глава 36

Ноги еще дрожали, когда я выбралась из палаты Рэдхэйвена. Я надула и сдула щеки, пытаюсь прийти в себя. Уффф... Последние дни (и ночи!) очень непохожи на все, что случалось со мной ранее.

Дежурный целитель, что потревожил нас с Даннтиэлем, уже ушел. Я заскользила пальцами по стенке, ориентируясь на экран впереди, прикрывающий вход к Мюблиуму. Там, за ним, начиналась воздушная галерея, что вела в спальное крыло. Если топать в этом направлении, рано или поздно я попаду в *свою* постель.

Проходя мимо палаты старого профессора, я услышала недовольное бормотание. Кто-то ходил, шаркая, по комнате и чему-то возмущался. Экран был сдвинут в сторону, оставляя щель для ночных дежурных, и я не смогла побороть любопытство. Да-да, то самое, которое убило каффу. И, вероятно, не одну.

– Профессор Мюблиум? Как вы? – тонко прошептала в светло-серую дымку, заполонившую палату.

Меня еще пошатывало от головокружительного поцелуя, и все вокруг казалось немного нереальным. Туман шел от артефакта, напоминавшего высокий узкий чайник. Внутри него побулькивало белое зелье, а создаваемый пар пах целебными травами.

– Какой же я идиот! Расшатался... Разболтался... – бубнил он, путаясь и в ногах, и словах. Ничего вокруг не замечая, профессор запинаясь о собственную кушетку, разворачивался и возвращался к окну. – Он теперь закрыт! И все из-за меня... Ой, нет, не то. Как наоборот, душечка?

Он резко обернулся и посмотрел прямо в глаза, и я изумленно распахнула рот. Не факт, конечно, что Мюблиум меня признал. Может, вообще за призрака принял в этом тумане. Но поинтересоваться моим мнением это ему не помешало.

– Открыт? – подсказала осторожно, заходя внутрь.

Надо, наверное, уложить его обратно в постель и позвать дежурного целителя, пока он себе чего-нибудь в тумане не разбил.

– Точно! Или раскрыт... А может, разверзнут? – он почесал седой висок и устало наморщил лоб. словно не первый час пытался решить сложную задачку, что никак ему не давалась. – И он такой весь... Как объяснить? Ох, не помню слово! Дырявая голова!

Я сочувственно вздохнула и поднесла ему стакан с водой. Это самое страшное, что может случиться с великим умом. Забвение.

– Помоги, душечка, – вдруг схватил меня за локоть и подтянул к самому своему носу. Вперил в меня безумные водянистые глаза, пытаюсь разглядеть. – Тусклый... но только наоборот.

– Блестящий?

– Умница! Ух, как он сверкает! – воскликнул тот восторженно и отпустил наконец мой локоть. – Но тот, другой, тоже хочет себе такой блеск. Понимаешь, душечка... оно ведь каждому хочется. Да не каждому дано.

– Не понимаю, но очень сильно пытаюсь, – заверила старика, у которого от напряжения уже жилка на виске вздулась.

– Но когда спешишь, все выходит плохо. Никогда не торопись, делая что-то важное, душечка! – он строго погрозил мне дрожащим пальцем. – Ему пришлось... пришлось поторапливаться... Видишь ли, она потерялась. Ах, нет же...

– Нашлась? – я уже уловила «обратную» систему. Многие слова он помнил наоборот.

– Нашлась! Обнаружилась сама по себе, представляешь, деточка? – его изможденное старческое лицо озарилось ликованием. – Небывалое!..

– Кто обнаружился, профессор?

– Яра...

– Яра? – наморщила лоб.

– Не просто «яра»! Не перебивай, душечка, – сердито пропыхтел профессор и пустился в обратный путь к окошку, сбивая углы. – Ира... Ния...

– Все три нашлись? – догадалась радостно.

– Ирнийяра! Какой запах... Ммм... – он помахал над чайником-артефактом, направляя душистый пар себе в ноздри. – Нашлась... нашлась...

Я попятилась к выходу, а он продолжал бормотать незнакомые слоги, переплетая их между собой и создавая новые «яррины»,

«нииряны» и «ирянии».

Утром я быстро умылась, оделась в свежее и впихнула в себя пару крекеров, позаимствованных у Фиджа. И сразу направилась знакомым маршрутом.

Даже секунды не потратила на попытку переубедить ноги, чтобы те повели меня... ну, скажем, на завтрак. Или в библиотеку. Да хоть на полигон! Знала, что дело гиблое. И спустя некоторое время оказалась перед заветной дверью варховой палаты.

Даннтиэль нашелся у окна с чашкой кофе. Он уже был переодет в свою привычную черно-золотую одежду с эмблемами в самых неожиданных местах. И загар как будто вернулся на место.

– Мисс Ламберт, – задумчивое лицо хитанца тронула улыбка, и мне показалось, что он по-настоящему рад меня видеть. – А я уж было решил, что вы начнете меня избегать. Собирался отправиться на поиски, как только допью кофе и получу официальную выписку.

– Я подумывала об этом, – призналась без увиливаний.

Правда подумывала на рассвете, проснувшись с кружащейся головой. Та всю ночь не останавливала вращение.

– Хорошо, что передумали.

– Я вчера, когда... когда ушла отсюда, – потерла щеки, уговаривая их не краснеть, – виделась с профессором Мюблиумом. Он говорил что-то странное, может, хоть вы поймете.

– Что именно? – Даннтиэль поставил чашку и сделал два шага ко мне. – Я навещался к нему не раз, но Финиус все время спал или неразборчиво бредил в постели.

– Вчера он ходил по палате! Сам. И пытался вспомнить слова, – призналась ему, присаживаясь на кресло у небольшого кофейного столика.

Палата Рэдхэйвену досталась просторная, чистая, но вчера мне запомнилась только кушетка. И потолок. И сползающая с Даннтиэля простыня.

– Какие слова, Эйвелин?

– Что-то про открытый блеск и каких-то Нию, Иру и Яру, которые вдруг нашлись и теперь вкусно пахнут. Но, может быть, пахли и не они, – я развела руками. – Там еще чайничек был. С травками.

– Ир-Нийяра? – лицо Рэдхэйвена заметно побледнело, и загар снова сбежал. Какой непостоянный, ей Варху!

– Точно! Она самая. Что за очередное исчадие Тьмы? – наморщила нос, вспоминая морок Кхи-Гарда. У них у всех имена – язык сломишь. – И чем она пахнет?

Данн задумался и молчал не меньше минуты, изучая пальцы на своих босых ногах. Обуться он не успел, ботинки стояли у кровати. Затем решительно взлохматил волосы и сурово сдвинул брови.

– Страшное создание, – прохрипел голосом, внушающим трепет. – Не позавидуешь тому, кто повстречал Ир-Нийяру. Может остаться без рассудка. Ты уверена, что речь шла о ней?

– Ну... если вы знаете еще какую-нибудь Иру или Яру... – я неуверенно пожала плечами. – Словом, профессор сказал, что *она* нашлась. Хотя сначала потерялась. И что-то закрыто. Точнее, открыто. Я, видит Варх, и сама уже запуталась, – тараторила бесперебойно. – И еще... что-то блеснит. А кто-то завидует и тоже такое хочет.

– Это плохо. Но хорошо, – он потер широкую бровь. – И все равно плохо.

Выглядел Данн странно. То ухмылялся, то хмурился. То снова расцветал в глупой улыбке, как мальчишка, попавший в безобидную, дружескую ловушку.

– Так плохо или хорошо? – я встала, подошла и развернула его лицо к себе.

Как любой теоретик, я люблю загадки. Но в последнее время их перебор даже для меня.

– Я не планировал такого, Эйвелин, – признался он Варх знает в чем. – Не желал этого. Поверь.

– Ясно, – покивала обреченно.

А я уж было решила, что его вылечили и вот-вот выпишут.

– Хоть и понимал, что это неизбежно... Как ни убегай, рано или поздно оно тебя настигнет... в самый неожиданный момент, – он обреченно бухнулся в кресло, которое недавно занимала я.

– Похоже, Мюблиум заразен, – приложила ладонь к его лбу.

– И я снова смотрел куда угодно, но только не туда. Эйвелин... – поглядел в мое лицо с искренним ужасом. Но потом снова улыбнулся.

Ау-у-у... Дежурные...

– Давайте я за Граймсом схожу?

– Ты в еще большей опасности, чем я предполагал, – он резко встал и пошел за ботинками. – А из меня сейчас очень паршивый защитник. Сначала отвезу тебя в безопасное место, потому буду разбираться с...

– Да о чем вы вообще?!

– Трещины в твоём барьере и проклятые двери связаны, – он говорил сухо, отрывисто, продолжая о чем-то размышлять. – И Тьму в твоё чистое непорочное тело пригласили неслучайно. Мы улетаем сегодня же, Эйвелин. Сколько времени тебе нужно на сборы?

– Вы бредите? – закашлялась от неожиданности. – Вы на ногах еле стоите. Да любое проклятие вас добьёт! Граймс обещал вас ещё неделю тут продержат.

– Не удержит, – с угрозой прошипел Даннтиэль, темнея лицом. Требовательно подтолкнул меня к двери. – Иди в комнату и собирайся, Эйвелин. Или я соберу тебя сам.

Он вышел из палаты вместе со мной, явно планируя проконтролировать процесс лично. Это была плохая затея: чемоданы паковать я не собиралась. Хотя бы пока он мне все подробно не объяснит. Я же не вещь какая, чтобы меня дарить, продавать, присваивать, ломать, когда вздумается, перетаскивать с места на место!..

В воздушной галерее, ведущей в мое крыло, Данн резко остановился и напряженно расправил плечи. Будто к драке готовился. Схватил за локоть и, порывисто обернувшись, завел меня себе за спину.

– Даннтиэль, милый... – с конца коридора гулко донесся голос. Женский и мне не знакомый. – И когда ты собирался познакомить меня со своей невестой?

– Дай-ка подумать! Примерно... никогда, – бросил Рэдхэйвен, не двигаясь с места. И заставляя леди подойти саму.

Чем ближе она подходила, тем заметнее становилось, насколько недобрым огнем пылают ее светлые, медовые глаза.

Отчего-то незнакомка вызвала во мне прилив ужаса пополам с трепетом. Хотя черты она имела миловидные, безобидные вполне: крупные золотистые кудри, ямочки на обеих щеках, здоровый румянец... Про таких говорят «неопределенного возраста»: с

одинаковым успехом ей могло быть и двадцать три, и тридцать пять, и все сорок.

Даннтиэль продолжал собственнически отгораживать меня от нее, и из-за широкого плеча я больше ничего рассмотреть не смогла.

– Так ты нас не представишь? – изумилась дама.

Между нами повисло прямо-таки осязаемое напряжение. Хоть ложкой нагребай, такое плотное, липкое и вязкое.

– Зачем ты здесь, Миэль? – спросил Данн, складывая руки на груди. – После всего?

– Кто это, ради святого гхарра? – я дернула его сзади за ткань мундира.

Может, и не самый вежливый вопрос, но меня уже разрывало любопытством.

– Моя мать, – нехотя процедил сквозь зубы.

Даннтиэль произнес это твердо, вполне уверенно, так что переспрашивать было бы глупо. «*Моя мать*!» Я поперхнулась, глаза заслезились, и нос защипало несогласием.

Теоретик внутри меня (все еще живой, как выяснилось) отказывался принимать новый факт. Где это видано, чтобы мать выглядела моложе своего дитя? Ну, в крайнем случае, как ровесница. Да они вообще не похожи!

– Подумала, будет не лишним познакомиться лично с твоей избранницей, – тем временем приветливо произнесла женщина. Опасные огоньки в ее глазах потухли, сделав ее совершенно обычной. – Так ведь заведено в нормальных семьях?

– В нормальных – может быть, – скуповато выдал Даннтиэль.

– Я бы хотела начать нашу историю с чистого листа, Данни, – она постучала ноготками по деревянному подоконнику и выглянула в окно, заинтересовавшись видом. – Видишь, сама пришла. Ну же, будь вежливым мальчиком.

– К гхаррам... – пробубнил раздосадовано Данн. – Эйвелин – моя мать, мать – моя Эйвелин... Ты довольна?

Рэдхэйвен позволил мне осторожно выглянуть из-за своего плеча, но все равно чувствовалось, что он настороже. Будто перед нами стояла как минимум хищная саблезубая вирра. Как максимум – иноземный плотядный дракон.

– Наш мальчик – сама тактичность! – фыркнула дама и за многострадальное запястье вытащила меня из-за спасительного заслона на свет. – Меня зовут Августа Аримизель Люциана Рэдхэйвен, но ты можешь звать Миэль. Дай-ка на тебя посмотреть. На каком факультете ты учишься, Эйвелин? Покажешь мне тут все? Давно сюда не заглядывала...

– Так уж и давно! – едко процедил Данн.

– Это не в счет...

Оказавшись в плену аккуратных розовых ноготков, мое запястье вынуждено было двинуться вместе с сиррой Рэдхэйвен по коридору. В комплекте с остальным телом, едва переставлявшим ватные ноги.

Я бросила страдальческий взгляд на Даннтиэля: это точно безопасно? Казалось, она меня может сожрать за любым поворотом, едва мой жених пропадет из виду. Но он, внезапно чему-то усмехнувшись, одобрительно кивнул. Принял правила странной семейной игры, в которой я была за вархов мяч.

– Миэль... – он поравнялся с нами, шествующими по коридору, как по променаду курортного Сади. – Может, скажешь, зачем ты на самом деле пришла?

Я не удивлялась тому, что он обращается к матушке по имени. В столице молодящиеся сирры часто такое практикуют, не желая выдавать на людях истинный возраст и родство.

– К тебе, Данни. Я пришла к тебе, – свободной рукой она поправила воротник черной блузы, исполненной из полупрозрачной струящейся ткани в несколько слоев и украшенной крупными золотыми пуговицами. Ну точно, цвета рода и вот это все. – С ценной информацией. Или даже с бесценной...

– Не томи. И давай без уверток на этот раз, – грозно сопел Рэдхэйвен, громко топая ботинками по полу.

– Надеюсь замолить грехи. Хотя бы некоторые из них... – вздохнула с притворной покорностью очаровательная сирра, все еще цепко сжимая мою руку. – В кругу моих приближенных... эмм... друзей ходит слух.

– Слушаю! – Данн нетерпеливо дернулся.

– О необычном «существе», явившем себя нашему миру. Если верить летописям, последнее такое видели здесь две сотни лет назад,

но тогда все плохо закончилось. Для «существа». Я подумала, что тебе, сынок, будет интересно узнать...

– О чем?

– О том, что по Эррену бродит самая настоящая пробудившаяся Ир-Нийяра, – Миэль с любопытством глазела по сторонам, с одинаковым интересом исследуя рассветный пейзаж за окном, дверные косяки, шкафы и тумбы.

– Ошибки нет? – скупое бросил он. – С чего бы ей появиться... именно сейчас?

Да что за зверь такой важный, раз о его появлении шепчутся на каждом углу? Двести лет не выползал на поверхность, а сейчас вдруг зачем-то вылез? Только хаотического чудища миру для полной стабильности и не хватало.

– Ты не выглядишь удивленным... Я опоздала с новостью? – обиженно протянула Миэль.

– Буквально на несколько минут, – примирительно выдохнул Данн и взял мать под руку. – Так что по поводу ошибки? Я не из праздного интереса спрашиваю.

– Вот не будь ты таким упрямым мальчиком, давно бы сам...

– Миэль!

– И ты готов довериться моему подтверждению? – рассмеялась сирра, обнажая аккуратные ямочки на щеках. – Что-то новенькое...

– Мама...

– Все точно. На ошибку можешь даже не надеяться, милый, – она подошла к открытому окну, откинула голову назад и тряхнула волосами, наслаждаясь ласкающим их ветерком.

– Известно, за кем она пришла? – прохрипел Даннтиэль, принимая болезненный вид.

– Откуда же мне знать, сын? – рассмеялась гостья. – Уж точно не за мной! Сам подумай. Ну, не знаю... Напряги, как это здесь, в академии говорят, извилины.

– Дошутишься...

– Ты такой бледный, измотанный, – она отвернулась от окна и, отпустив меня, уложила обе руки на заросшие щеки. – Даже глаза потускнели. Эта скучная, дрянная работа тебя доконает!

– Благодарю за заботу, – хмуро процедил Данн. Благодарность вышла не очень-то натуральной.

– А *этот* что тут делает? – она уставилась глазами на стену позади меня.

Я резко обернулась, предчувствуя неладное. И точно: мой Злой Рок, друг и спаситель, едва заметно колыхаясь, жался к самому темному углу. Явно следовал за нами и подслушивал, негодник! При виде Миэль он попытался забиться поглубже в тень, но спрятаться не успел. И теперь покорно «вздыхал», признавая, что обнаружен.

Рядом с ним (что стало ошеломительной неожиданностью) сидел мой мизаур, развесив в стороны несоразмерные локаторы. Два негодника!

– Ухаживает, – рассмеялся Даннтиэль, на этот раз совершенно искренне.

Гхаррова бездна! Я испуганно загородила морок собой. Знала я, как столичные сирры на исчадий реагируют. Кричат, в обморок подают и требуют немедленно отправить «это» на изнанку. В общем-то, как все прочие сирры... И как я еще недавно на полигоне.

– Вы только не паникуйте, – сглотнула нервно, совсем не горя желанием отправлять Рока на изнанку бытия. Мы с ним только-только достигли взаимопонимания! – Он безобидный совершенно, когда не обнимается.

– Ухаживает? За кем? – громко икнув, Миэль удивленно вскинула брови.

– За мной, – выдохнула покорно.

Помахала на Рока руками, намекая, что еще немного – и с них опять полетят фиолетовые нитки. Видит Варх, полетят, если он немедленно в стенку не засунется! И не перестанет доводить до икоты хитанских гостей.

Хотя, справедливости ради, Миэль не выглядела напуганной. Просто изумленной. Но это не мешает ей пожаловаться ректору, что у нас тут порождения Тьмы по коридорам шастают. И к студенткам с подарками пристают.

Морок бесстрашно помотал «головой» и поманил туманным хоботком к себе. Сгорая от стыда, я послушно приблизилась. На мою ладонь приземлилось красивое золотое перышко. Ну... просто огхарреть.

– Опять? – простонала, глядя в жутковатые глаза товарища. – И откуда ты все это таскаешь?

Ругаться толково я не умела, так что нравоучениями морок не проникся. Выплюнул из туманной плоти очередной желтый камешек размером с анжарский орех. И лишь после этого просочился в стык между стен.

Миэль искристо рассмеялась над моим нелепым видом. Согласна, выглядела я глупо с двумя протянутыми руками, пером, «джантариком» и приоткрытым ртом.

– И ничего такого, – проворчала, пряча подарки в карман юбки. – Да, жуткая, мрачная темная сущность таскает мне всякую ерунду. И отказов не принимает. Такая вот невоспитанная.

– Вы как будто куда-то спешили, когда я вас окликнула, Данни? – сирра Рэдхэйвен стерла улыбку с лица и приняла загадочный вид.

– Хочу увезти Эйвелин отсюда.

– Куда?

– Домой.

– Смотря что считать домом, – она повела плечом, и струящаяся ткань черной блузки колыхнулась волной.

– К себе домой, – сухо пояснил Данн. – Не к тебе же?

– Зря. Ты ведь знаешь, я тебе всегда рада. Зову, зову, а ты не приходишь... – она склонила голову набок и лукаво улыбнулась. – Но поезжайте. Ты сам в праве выбрать место, где...

– Я как-нибудь разберусь с этим вопросом без твоего участия, – процедил грозно. – Как видишь, все несколько усложнилось!

– Все встало на свои места, – она пожала плечами. – Равновесие, баланс, торжество справедливости... Эти слова тебе не знакомы, мой милый?

– Я не планировал.

– Ты не знал, – с сочувственной улыбкой догадалась она о чем-то. – Но так даже интереснее, верно?

– Не думай, что ты прощена, – проворчал, собственнически прижимая меня к своему теплему боку.

– Я ведь тоже не знала, – она виновато вздохнула. – Пообщаюсь с сиром Райсом... У меня есть к нему пара вопросов.

– Не переусердствуй... в «общении»... – Данн проводил ее тяжелым взглядом и стиснул мое плечо. – Собирайся, Эйвелин. Очень, очень быстро. Я напишу Элсинор, королевское судно нас заберет.

– Но как же Миэль? Вы едва парой слов перебросились.

– От ее визитов всегда разит неприятностями, – передернул плечами, сжимая челюсть.

– Это же ваша матушка!

– Дурная. Наследственность, – отрезал он и подтолкнул меня вперед.

Глава 37

Глава 37

– Рисс, я возьму у тебя пару книг про древних магических тварей? – торопливо прошептала, едва за моими лопатками хлопнула дверь и послышались удаляющиеся шаги.

К счастью, лично Данн мои чемоданы собирать не планировал. И внял моим просьбам показаться Граймсу перед гипотетическим отлетом.

Не дожидаясь ответа, я перегнулась через подругу и потянулась к полке, уставленной учебниками и энциклопедиями. Рабовладелец плохо меня изучил: я *всегда* проверяю факты. И покуда ни он, ни его пугающая матушка не изволили мне объяснить, чем так страшен пробудившийся монстр, они не оставили мне выбора. И вместо сборов я занялась чтением.

Листала, листала, листала... Не слыша обеспокоенных расспросов Риссы и игнорируя чавканье возмущенного мизаура. Сначала открывала всех существ на букву «И», потом – на букву «Н»... Не находила, отбрасывала книгу и переходила к следующей.

Растерзав глазами пять штук, я горько вздохнула. Мифической Яры не нашлось ни в одной!

– Пробитое гхаррово копыто! – ругнулась себе под нос.

– Эв... У тебя вид, словно тебя загнали в угол и грозятся съесть, – светлые кудряшки скользнули по моей щеке: Рисса присела рядом.

– И чувство такое же, – покивала побежденно, откидывая на кровать последний том, как и прочие оказавшийся бесполезным. – Я ищу одно страшное создание, лишаящее рассудка. Наверное, это оно на Мюблиума напало. Какая-то Ирра... Нийя... Ярра... Язык сломаешь!

– Ир-Нийяра? – подсказала подруга. – Ты не в той книжке ищешь. И не такая уж она страшная.

– Так говоришь, будто вы с ней знакомы, – пробубнила, принимая из ее рук томик религиозных доварховых сказок.

Подняла на Риссу лицо, всем видом спрашивая: да ладно? Сказки?!

– Я читала про этих «нийяр» летом. Это старая междумирская легенда, еще доварховых времен, – восторженно заявила она. – Очень увлекательная!

– Верю на слово, – я скептически покусала губу.

Ничего увлекательного в сказках про прежних богов и богинь я не находила. В нашей домашней библиотеке такого не водилось. Да и поведение их, судя по легендам, от обычного человеческого ничем не отличалось. Ссорились, строили козни, распускали сплетни, влюблялись, изменяли, боролись, сталкивали в войнах целые страны потехи ради...

С момента воцарения Варха на золотых облаках стало намного спокойнее. Он тоже предпочитал мир без потрясений и вот этого вот всего. Если верить Рисскиным книгам, во всяком случае.

Имиру я, конечно, всей душой и женской солидарностью жалела. Про Торума Гномо... тьфу! *Громовержца* мало что знала. А вот имен прочих ушедших божков даже не помнила.

– Последняя из известных миру «нийяр» приходила... Дай подумать... Лет триста назад. Или пятьсот, – с умным видом протянула Рисса, словно из нас двоих теоретиком была она. «Квахаров» на голове не хватало.

– И зачем она ходит туда-сюда?

– К кому она приходила, история умалчивает, – подруга раскрыла томик посередине. – К кому бы ни приходила, она не дошла. Вот до той эпохальной битвы, что привела нас к варховым временам, они часто нарождались... «нийяры» эти... Раз в сто лет примерно, в самых древних родах.

– Только сейчас в полной мере осознала, насколько разными вещами мы интересуемся, Рисс, – выдохнула я, усердно морща лоб. Стыдно быть теоретиком магии и ни гхарра не понимать. – А можно для фанатов бытовых плетений как-то... попроще?

– До единоверия пантеон богов был многочисленным...

– Так, ясно... И вот тогда водились эти существа?

– Слушай, Эв, а ты всех непорочных дев называешь существами?
– возмутилась Рисса.

– Значит, это были девы?

– Не-по-ро-чны-е, – строго добавила она и даже не покраснела. – Помнишь, я рассказывала, что боги охотно срывали цветочки

невинности у своих верноподданных?

– «Тре-е-ением»...

– Так вот, подпитать божественное сияние от дочек земледельцев – дело нехитрое, но... не слишком продуктивное, – она задумчиво наморщила носик, словно мы не «трение» обсуждали, а меню в столовой, в котором не хватало свежих овощей. – Много ли даст одна подаренная невинность? Так, чепуху.

– Тебе виднее, – я подняла руки, сдаваясь.

– Вот тогда и появились легенды об Ир-Нийрах. Предсказать их рождение точно никто не мог. Это всегда был дар кому-то из богов... От самого мироздания, Эйви.

– Подарок, значит, – покивала, мысленно делая в голове отметку. – Тем, кто хорошо себя вел в этом году?

– Скорее, в столетии, – она хихикнула, возбужденно листая страницы. – Вот, смотри... тут пишут, что когда «особенная дева» входила в полную магическую силу (все они были магессами, а иногда даже мелкими божествами или полукровками), то ее... в некотором смысле... начинали чувствовать все причастные. Если верить трактату Мис-Эвертона, от «нийяр» «пахло силой».

Я нахмурилась: пока все сходилось. Старик Мюблиум говорил, что она хорошо пахнет. Вот только в голове не укладывалось, зачем сеять панику из-за одной девы? Пахнет себе и пахнет. Бродит по Эррену... ну, пускай бродит. К чему эта суета с чемоданами?

– Помнишь, мы все думали, зачем иномирскому верховному демону понадобилась Имира?

– Иномерзкому, – поправила, ерзая по кровати в самых дурных предчувствиях. И все-таки косясь на чемодан. Пожалуй, с меня не убудет сложить в него несколько самых необходимых вещей.

Грудь согрелась волнительным предвкушением от вероятной поездки с Рэдхэйвеном к нему домой. Туда, где волны сурового моря бьются о скалы. И где... «все будет». Когда захочу.

А я ведь захочу... Вполне вероятно, сразу, едва мы переступим порог его дома и бросим на пол мои чемоданы. Мне после невыносимых снов нужно было очень много фактов проверить. Очень.

– Да, ему. Иномерзкому... Возможно, демон учуял в ней свою Ир-Нийяру. И пришел за добычей, принадлежавшей ему по праву, – Рисса

расслабленно откинулась на подушки, а меня наоборот сковало напряжением до самых плеч.

– Я примерно поняла, о чем ты. Невинность этой «Яры» богами и демонами оценивается дороже?

– Представь себе артефакт вроде твоего «фонарика», – она покрутила разряженный медный шарик в тонких пальцах, – только способный осветить целый Эррен. Напитать энергией каждый город. Заставить воссиять каждый уличный фонарь.

– Представила, – выдохнула послушно.

С фантазией у меня порядок. Это и по снам «кошмарным» понятно.

– Вот примерно такая разница между невинной дочкой фермера и Ир-Нийярой. Неудивительно, что за ними начинали охоту сразу, едва в девах пробуждалась сила. И мало кто из них доживал до встречи со своим «Иром».

Чемодан я все-таки собрала. Маленький, походный, из тех, с которыми обычно езжу на каникулы в Аквелук. Рабовладелец мог гордиться своей послушной Эйви.

Пока тащила его за собой по коридорам к ректорскому крылу, умудрилась взмокнуть. Вроде бы всего ничего взяла, а тяжесть, будто кирпичей навалила. Или мне он раньше легким казался, потому что его Вейн постоянно таскал от комнаты до вояжера и обратно?

Охнув, поставила скромный багаж возле лесенки, ведущей на смотровую площадку самого высокого корпуса. Оттуда открывался потрясающий вид на академические просторы. И только с нее можно было взобраться на воздушное судно, которое вот-вот должно было забрать нас с сиром рабовладельцем.

Фиджа я благоразумно сдала в магический питомник, уговорив потерпеть денек-другой. Максимум недельку, пока все не образуется. Взять его в гости к хитанцу я не решилась. Во-первых, неизвестно, сколько жутких мороков там уже живет. Во-вторых... локаторы мизаура там явно будут лишними.

Подругам сказала, что лечу к отцу на допрос с пристрастием. Дальше они сами додумали, нацепив на лица глубокомысленные мины. Явно связали это со сплетнями об обнаруженном в нашей

спальне бездыханном хитанце. Запретной темы, которой мы не касались.

Записку для Керроу, сообщающую о непредвиденных «семейных обстоятельствах», бросила в ящик для магпочты. Данн велел никому не сообщать, куда именно я лечу, и это было нетрудно... Потому как я понятия не имела, куда именно лечу!

В конце концов, сломав остатки извилин, я решила отпустить ситуацию и довериться Даннтиэлю. Последние дни меня не покидало ощущение, что я балансирую на шаткой дощечке, брошенной на металлический цилиндр. Вслепую, спросонок и, вероятно, напившись сомнительных коктейлей.

Такой вот был уровень стабильности в моем «мире без потрясений». Нужно было хоть за что-то зацепиться, чтобы не улететь в вархову бездну... И той ночью в палате мне показалось, что вот эти сильные загорелые руки – они меня не отпустят. Точно не отпустят. Мой рабовладелец не из тех, кто разбрасывается своими вещами.

Смутное чутье гнало меня подальше из академии. Наверное, сядь я на лавочку, отставь чемодан и хорошенько подумай, все истеричные мысли, мелькавшие в голове, собрались бы в единое целое. И я бы наконец поняла, что меня во всей этой истории смущает. Помимо попыток убийства и обеспокоенного хрипа Даннтиэля.

Но я расшаталась и разболталась вместе с неустойчивым миром. Прямо как Мюблиум. И мой «цилиндр», катающийся в разные стороны, как раз заходил на новый вираж...

Я топталась у подножия лестницы, дожидаясь «жениха», подходя то к одному повороту крыла, то к другому... Ректорская башня была довольно узкой, зато по высоте ей не было равной во всем Анжаре.

– У-у-у! – раздалось обиженное из-за поворота, к которому я как раз приближалась. И я стала переставлять ноги шустрее.

Едва ли я всех тварей изнанки смогу узнать по вою, но Рок был особенным. И казалось, что по интонации я могу определить, что именно он пытается сообщить. Радуетесь или боитесь, насмехаетесь или предлагаете рискнуть... Конкретно сейчас он каждой своей «у» кричал о нежелании что-то делать.

– Миэль? – я окрикнула женщину, стоявшую у стены.

В той как раз исчез знакомый хоботок, и мерцающие фиолетовым грани разрыва аккуратно сошлись. Словно его и не было. Разрыва,

Варх дери. Материи!

– Что вы... зачем вы его?!

Матушка Даннтиэля дернулась и поспешно стряхнула с ладоней ошметки темного мрака.

– Ему тут не место, – отрешенно объявила сирра Рэдхэйвен. – Когда они проводят слишком много времени на этой стороне, к ним начинает возвращаться сознание, память. Им это приносит боль, а миру грозит большими неприятностями, Эйвелин. Гуманнее отправлять их домой, пока дети изнанки не натворили бед.

– Рок никому не вредил! Он приглядывал за мной. Даннтиэль считал, что мне грозит опасность, и...

Миэль повернулась, поморгала старательно... Но я успела увидеть, как под ее веки убегает чернота, оставляя лишь золотисто-медовые радужки.

– Опасность грозит, мой сын не ошибся, – сдержанно кивнула она, и я попятилась.

– Не подходите, – я растерла щеки, чувствуя, что цепенею. В стацию каменную превращаюсь от ужаса.

– Эйвелин, ты не так все поняла. Опасность исходит не от меня, – она удивленно помотала головой, прогоняя с шеи черные венки.

– А мне кажется, я впервые поняла все правильно.

– Едва ли «все», – она скептически поджала красивые губы. – В молодости кажется, что все знаешь, а потом... выясняется, что не знаешь ничего.

Я все-таки застопорилась у лестницы, ощущая, как деревенеют ноги. Как распирает горло рвущимся воплем. Да быть этого не может! С кем угодно – ладно... Но не со мной же?

– Ты так чудесно пахнешь, Эйвелин, – она приблизилась, втянула ноздрями воздух и погладила меня по щеке. – Данн вечно перебивает все парфюмом. Вкусно, конечно, но я люблю чистый аромат. Нежный, невинный... У тебя он совершенно особенный. Что-то такое девичье-цветочное, свежее. Мой сын не может в полной мере его оценить, потому что упрямый идиот...

– Не трогайте меня, – просипела, делая шаг в сторону. И еще один. К лестнице.

– Я не причиню тебе вреда! – возмущенно воскликнула женщина, и ее глаза полыхнули рыжим золотом. А затем их вновь застелило

чернотой, сливавшейся со зрачком.

Похоже на Даннтиэля, но все-таки по-другому. Золотая радужка сияла в разы ярче, а сменившись на черноту, стала давить, пугать, обволакивать, топить в этих омутах...

Побочный эффект.

Дурная наследственность!

– Причините, – уверенно закивала я, стряхивая с себя гипнотическую вялость. Съезживаясь внутри до состояния сушеных ягод.

– Вовсе нет! Я не затем сюда...

– Правда? Вам впервые причинять людям вред? – вскрикнула, обвинительно тыкая пальцем в свой гудящий висок. – А мне? Мне вред вам причинять тоже впервые?!

– Ты очень умненькая, но... очень глупенькая, Эйвелин, – вздохнула она с сожалением, пока я спиной забиралась вверх по лестнице, бросив у ее подножия свой чемодан.

Может, хоть по нему меня найдут. Но будет поздно. Видит Варх, будет поздно.

– Если хоть коснетесь меня... Данн вам не простит, – выдохнула обреченно.

Миэль не поднималась за мной, но это было делом времени. В ректорской башне на пути к смотровой площадке всего несколько кабинетов и хозяйственных помещений, и в каждом из них не спрячешься. Не от нее. Глупо пытаться скрыться от темноты в темноте.

– Знаю, что не простит. У него накопился ко мне список претензий... Еще с рождения, – вздохнула сирра, разглядывая нижнюю ступень. – Мне стоило сразу понять. Почувствовать, что барьер невинной девчонке сломали намеренно...

– Вот стоило! Правда стоило! – вскрикнула обиженно, скользя рукой по перилам, чтобы не навернуться.

– Но я была опьянена ее чистотой... и так хотелось поверить, что это просто болезнь... – шептала она удрученно. – Что жертва при смерти, и ее можно забрать... Можно! По закону! Такую сладкую, такую непорочную...

– Вы чудовище.

– Я тебе не враг, – она внимательно проверила свой маникюр, погладив каждый розовый ноготок. И от этого небрежного жеста все внутри скрутилось.

– Вы... травили темным ядом... собственного сына...

– Вовсе нет! – она вскинула на меня чернеющие глаза. – Упрямый мальчишка! Вархов манипулятор, шантажист... Данн умеет убеждать.

– Не сомневаюсь.

– Очень грязная игра, деточка. Выманивать одурманенную меня на зов родной крови. Заставлять смотреть, как сын мучается от яда! От боли, предназначенной другому. Только это и отрезвляло. Срывало пелену дурмана и заставляло отступить...

– Прямо семейная трагедия, – пробубнила, забираясь на самый верх.

Щурилась, пытаюсь уловить любое движение и предугадать рывок. Элодия права: магической практики мне не хватало. Но бегала я хорошо.

Есть, конечно, проблемы, от которых ни гхарра не убежишь... Но попытаться-то стоило?

– Я же не монстр, чтобы вредить избраннице сына. Наоборот, как видишь, пытаюсь помочь...

– Да идите вы со своей помощью... в линияую! – выкрикнула истерично, развернулась и побежала к ближайшему кабинету.

Пусть там хоть кто-нибудь найдется!

Шагов за мной не послышалось, и это вселяло надежду, что Миэль отступилась. Снова.

– Мисс Ламберт? – из распахнувшейся двери вынырнул Керроу. Уставший, не выпавшийся и с коробкой бордовых папочек – личных дел учащихся.

Я заглянула через его плечо: там таких коробок было не меньше тысячи. Ровными пирамидками они занимали все пространство архива от пола до потолка.

– Как славно... что вы тут... А я вам записку отправила, – прошептала взволнованно.

– Я получил, мисс Ламберт, – он поставил коробку на пол, не позволяя двери закрыться. – Был уверен, что мы еще столкнемся перед вашим отлетом домой. Путь на площадку один, как-никак, а я весь день торчу в архиве... Но что стряслось? У вас бледный вид.

– Вы не видели сира Рэдхэйвена? Он уже поднялся? – запыхавшись, вглядывалась в поблекшие синие глаза. – Мне нужно срочно его увидеть. Его мать!..

– Миэль здесь? – ректор настороженно сдвинул брови.

– Еще как здесь! Вот прямо внизу, у ступенек! – заверила его, нервно тараща глаза. – Перепугала меня до чертиков...

– С чего бы ей вас пугать? – Керроу аккуратно подхватил меня под локоть, и колотившая тело дрожь стала стихать. – Миэль прекрасная женщина. Своеобразная, да, но кто без странностей?

– Вы не понимаете! Она чудовище!

Постаралась не замечать, что он смотрит на меня, как на умалишенную. Конечно, заяви я ему, что виделась с самой Тьмой, ректор мигом отправит к Граймсу на новую диагностику.

– Знаете, Эйвелин, я думаю, мне лучше не встречать в семейные распри, – он тактично откашлялся в кулак. – Пойдемте. Отведу вас к Данну, и вы сами нажалуетесь на будущую свекровь.

Глава 38

Глава 38

Отпихнув коробку внутрь помещения, Керроу закрыл дверь в архив и потянул меня выше.

С одной стороны, хотелось вернуться за чемоданом – глупо улетать в чужой дом без единой сорочки. С другой... я не забыла, что там дежурит матушка Даннтиэля. Так что ну их к гхаррам, эти сорочки!

– Посиди пока тут, Эйвелин, – вырвал меня из мыслей ректор и пропихнул в какую-то не самую чистую комнату. Явно не пользующуюся популярностью и покрытую пылью со всех углов.

То ли склад, то ли чулан... то ли тюрьма.

Последнее предположение мой внутренний теоретик, обезумевший от внешнего дурдома, сделал слишком поздно. Как раз когда за нами плотно закрылась дверь и единственным источником света стало крошечное окошко под потолком.

– Сир ректор... – настороженно прошептала, чувствуя феерический дискомфорт от одной мысли, что осталась с «красавчиком Керроу» наедине. В пыльном чулане. За закрытой дверью.

То есть кому-то это, может, и понравилось бы. Рисске, к примеру. Романтика и все такое. Но точно не мне.

– Мисс Ламберт, давайте начистоту?

– Давайте, – я инстинктивно попятилась.

Я люблю загадки, а вот сюрпризы – совсем не моя тема. Хотя сейчас и от тайн тошно было, аж до изжоги.

– Мне до гхарровой... кхм... словом, мне надоело за вами гоняться. Я уже немолод и не совсем здоров, – выдохнул Керроу, делая шаг ко мне. Ткнул пальцем на какой-то деревянный короб внизу. – Сейчас вы сядете на этот ящик и будете меня ждать. Потом я вернусь, и мы вместе определимся, что мне с вами делать. Идет?

– Не надо со мной ничего делать, – я ошеломленно бухнулась на ящик, сжимаясь под недобрый синий взглядом. – Вы же с моим отцом старые приятели... И с Данном... тоже...

Да нет же! Не может он причинить мне вред. Это же Найджел. Красавчик ректор, по которому мы с подругами сохнем с первого курса. С синими банными полотенцами, тонной хлопот и раздражающей почтой Ее Величества...

– С «Данном»! – хмыкнул он язвительно. – Вы уже подружились... Как все быстро, да, когда вас тянет друг к другу само мироздание? Помолвка... Нет, вы видели? Помолвка!

Ох, не того лечил Граймс от безумия, не того...

– Такого поворота даже я предположить бы не смог... Где вечно скучающий холостяк Рэдхэйвен и где добровольный брак? С девчонкой из Аквелука!

А вот это уже обидно!

– Слушайте, я понятия не имею, что вы с ним не поделили, – я резво вскочила с ящика, сжимая юбку в кулаках. – Но не втягивайте меня в свои игры. Я не вещь и не вархов мяч, чтобы пинать меня из стороны в сторону!

– Не мяч, милая, не мяч... – он втянул носом воздух и погладил меня по щеке, и шерсть на затылке встала дыбом. Какого гхарра все меня трогают и нюхают? – Мне надо отлучиться. Взять то, ради чего все это затевалось.

– Блестящее? То, что сверкает? – выдала из дрожащих губ.

– Точно. А потом я приду сюда. И мы обсудим... наше возможное будущее.

– Наше? – тут я поперхнулась.

Признаюсь, когда-то давно я была совсем чуточку влюблена в синеглазого красавца с импозантным хвостиком на затылке... Тянулась к нему взглядом, как к магическому магниту. Но к третьему курсу окончательно повзрослела.

Я ведь разумный теоретик. И знаю, что в ректоров влюбляются только первокурсницы. У подруг тоже давно прошло – всех рано или поздно отпускает.

– Видишь ли, Эйвелин, у тебя есть кое-что ценное. И я не могу взять это силой. Никто не может, – он развел руками, придавая себе сожалеющий вид. – Но вдруг былой симпатии хватит, и ты решишь отдать мне это добровольно? Если нет – то нет. Я особо не рассчитываю.

– Убьете меня? – уточнила с обидой, оглядываясь в чулане.

– Уверен, третья попытка будет более удачной, чем первые две, – он задумчиво потер губы. – Кто бы мог подумать, что одна девчонка с теормага может принести столько хлопот?

Он опять прижался носом к моей шее, заставив тело оцепенеть. Наверное, так замирает жертва перед хищником. Забывает, что когда-то умела бегать и бороться.

– Хмм... Представляешь, я ничего не чувствую, – сокрушенно вздохнул ректор. – Хотя уверен, что ты здорово пахнешь. Вот вернись, и мы еще раз попробуем, договорились?

Вархов извращенец! Да лучше бы меня сожрала Миэль.

Дверь хлопнула, скрипнула от крепких наложенных чар. Я кинулась на нее, но лишь кулаки отбила и ноготь сломала. Керроу меня надежно запер – подальше от Даннтиэля и надежд на спасение.

Да какого гхарра тут вообще происходит?

Кое-чему я давно перестала удивляться. Фиолетовым ниткам, выпрыгивающим из пальцев, и шастающим по коридорам исчадиям мрака... Своей тяге к Рэдхэйвену и попыткам Райса затащить меня на свой факультет... Но мой нестабильный, склонный к разрушениям мир прямо-таки превзошел себя! Подкинув на моем пути златоглазую Тьму и убийцу-ректора!

– Нет, это уже слишком, – возмущенно бубнила я, наворачивая круги по крошечному чулану и потирая отбитые ладони. – Такое только в сказках бывает! В идиотских Рисскиных книжках про легендарных небожителей! А со мной... со мной...

Я хлюпнула обреченно и уселась обратно на ящик. Он тут один был такой удобный и стоял ровно посередине. Можно было с комфортом дожидаться убийцу, косясь на запертую дверь.

– Разве это нормально? – упрямо допытывалась у потолка, задирая голову. – Чтобы у моего жениха разом оказались мать-чудовище и друг-маньяк? Ну что за нелепые совпадения?

Лучше бы я и дальше читала научные труды и мастерила бытовые плетения. Это была очень уютная раковина! И тот, кто меня из нее вытащил, впутав в весь этот кошмар... Ух, как бы я его!..

Я снова вскочила с ящика и начала ходить от угла к углу, как маг-патрульный в Аквелуке.

За чем ушел ректор? Что такое блестящее он хочет забрать и у кого? Как связаны проклятые двери с поломанным барьером?

И какого гхарра Рэдхэйвен решил, что опасность угрожает мне... мне, а не ему?

Ведь ясно же: будь это блестящее у меня, Керроу не оставил бы меня тухнуть от отчаяния в пыльном чулане. Как совершенно ненужную игрушку, с которой можно потом поиграться. Но можно и забыть тут навсегда.

– Думай, Эйви. Думай, – велела своей гудящей голове, которой как никогда надо было постараться.

А та вместо связанных мыслей подкидывала мне панику, страх, беспокойство. И жуткие догадки о том, куда пропал Данн.

Мы ведь договорились, что он будет ждать меня тут, возле лестницы! Я сама настояла на этом, заявив, что багаж, как современная девушка, донесу сама. И самодовольный хитанец уступил... В одном случае из ста, но уступил.

Вархова Миэль! Если бы она меня не напугала, я бы не побежала вверх и осталась бы дожидаться Даннтиэля внизу. Но как было не испугаться? Когда она глядела так, будто сожрать хотела, разглагольствуя о моем приятном аромате?

Как мило, когда твоя свекровь – Тьма! Она планировала заглянуть на свадьбу или ограничилась бы поздравительной открыткой?

Ну почему он не рассказал? Хотя ладно, тут все как раз понятно. Будь у меня в родственниках вселенское зло, я бы тоже старалась об этом помалкивать.

Поссорились они из-за меня, как неловко! Нормальные семьи ругаются из-за цвета штор в гостиной или из-за меню на праздник. А вовсе не из-за того, что мать чуть не слопала невесту сына на десерт.

И ведь дался ей мой запах! Им всем...

«Ты готов довериться моему подтверждению?» – смеялась Миэль над обескураженным сыном. А потом сообщила, что ошибки нет. И по Эррену действительно ходит пробужденная Ир-Нийяра.

Ящик подо мной снова скрипнул. Ладно, к гхаррам... у меня полно времени на размышления. Мое любимое занятие, всегда приносящее покой. А панику развести я всегда успею.

Живо вспомнился последний разговор с Риссой. Она на всей этой доварховой ерунде гхаррово копыто съела.

Я сразу спросила у нее, кто такой «Ир» и зачем ему эта «Нийяра»? Ответ был в лучших традициях религиозных сказок, так любимых

подругой. И так нелюбимых мной, дочерью махровой атеистки.

«Дословно с гар-хинанского «Ир» переводится как «бог». «Нийа» – возлюбитель. «Яра» – «та» или «она»... По сути, «та, которую любит бог».

В каком смысле бедную Яру будет любить этот Ир – легенды умалчивали. Может, в благородном общечеловеческом. А может, и во всяких разных смыслах, включающих трение. Добровольное и любовное.

Почему «нийяры» не доживали до персонального «долго и счастливо», я тоже не поняла. То ли теоретик из меня так себе, то ли я плохо вслушивалась в бормотание Рисски, заталкивая в чемодан пару довольно тонких сорочек.

Если сияние Яры даровано самим мирозданием и предназначено для конкретного Ира, то какие к ней вопросы у других богов? Разве это законно – брать чужое?

– Возлюбленная, жена, боевая подруга, единственная, советник, любовница... Как только ни трактовали роль нийяры в жизни Ира, – вещала Рисска с подоконника, пока я, хорошенько пораскинув извилинами, добавляла третью сорочку к первым двум.

Может, потому чемодан и весил столько: он был доверху набит моим смущением. А еще ожиданием. И предвкушением.

– Кто их разберет, жителей золотых облаков? Нам, смертным, не дано, Эйви... Одно скажу точно: на них никогда не смотрели, как на простушек или как на артефакт для подзарядки.

Юная нийяра, в которой только-только пробуждалась сила, уже знала, какая великая судьба ей уготована. Понимала, что едва достигнет совершеннолетия, она обретет в лице Ира свое счастье. Свою защиту. Свое будущее. Неизбежное, неотвратимое...

– И откуда бы она могла узнать, что станет чьей-то там нийярой?

Вопрос был несправедливым. Может, этой яре были положены какие-то видения? Спуск самого Варха с золотых облаков с подробной разъяснительной беседой? С адекватным инструктажем? Чтобы она все сразу поняла и не задавала глупых вопросов. И не чувствовала, что все вокруг знают секрет, который ей не рассказали!

– В великих родах всегда были прорицатели, которые могли предсказать, что через несколько поколений родится одаренная

девочка. Это тщательно скрывалось и никогда не выходило за пределы семьи, чтобы не навлечь на род излишнее внимание богов.

Сама понимаешь... Ир-Нийяра приходила к кому-то одному, а воссиять хотели все. И не все соблюдали закон, по которому предначертанная божеству девушка считалась неприкосновенной для прочих. Иры могли перепутать... или поторопиться... или намеренно «испортить» или убить яру, чтобы их враг не воссиял на Звездносводе...

– И что ты находишь в этой своей религии? Она кошмарна от начала до конца!

– А бывало, что властные боги сами не могли дождаться, пока девушка их полюбит. И срывали сияющие цветы силой. Не знаю, смогла ли Имира полюбить похитившего ее бога. В мире демонов совсем другие порядки: Керракт жесток. Вряд ли ее дар был отдан добровольно... и по любви...

Значит, каждая Яра знала о своей судьбе. И лет с четырнадцати, едва в ней пробуждалась магическая суть, готовилась к ней. К встрече с Иром, которому предназначена, к какому-то «великому счастью совместного сияния»...

Но только не я, уверенная, что подобного варварства давно нет в современном мире. К такому жизнь меня совсем не готовила. Даже теоретически!

Я потеряла звенящий висок, вспоминая все мамины тоники. Картинка складывалась кусочек за кусочком, но мне это давалось тяжело. Фрагменты подбирались мучительно.

Моя пробудившаяся женственность и мамино беспокойство. Розовые рюши и просьбы расти помедленнее. Все новые и новые снадобья, которые должны были что-то купировать. Попытки спрятать «от них». Какие-то глупые предсказания прабабки из тэль Лаэлей, так раздражавшие маму. И ее мечты, чтобы я стала великим ученым и сама раскроила свою судьбу.

У нее получилось. Получилось заблокировать магическую суть, пытавшуюся явить себя миру шесть лет назад, аж до моего третьего курса!

Может, блок держался бы и дальше, если бы не «экскурсия» Тьмы. Вторжение чего-то божественного, пробудившего темный дар,

так созвучный магии Даннтиэля. Уффф... Ведь *«природа тьмы так же божественна и неизъяснима, как и природа света»*.

Варх Всемогущий, помоги! Мои извилины уже кипели от безрадостных размышлений.

Хотя стоп... Отбой! Варха нам тут совсем не надо. Категорически.

Потому что теперь уж я не сомневалась, что мы с этой диковинной сущностью, лишаящей рассудка, – одно целое.

Я поерзала на ящике, пробуя на вкус свои ощущения от дикой догадки. Нет, пожалуй, сильнее удивить меня было уже нельзя. «Мир без потрясений» настолько крепко меня потряс, что... ну, нийяра так нийяра. Хоть не исчадие мрака с пятью хоботками – и то слава Варху.

Кстати, вот интересно, он симпатичный? В Рисскиных книжках Варх изображен невозможным красавцем – золотые кудри до плеч, кустистые брови, пронизательные светло-ореховые глаза с яркими золотыми искорками. И тело... Ух, какое тело!

Я когда-то думала, что Риссу не сама религия привлекает, а фривольные картинки с изображением величественного, мускулистого божества на форзацах. Но он же старый, как сам мир?

«За кем она пришла?»

Неправильный вопрос, Даннтиэль. Ох, неправильный... Правильнее было бы «к кому?».

Но разве много вариантов? В Эррене нынче царит единоверие, и Варх един во всех божественных проявлениях. После того, как Торума отправили в небытие, а Имиру – в Керракт...

А что по другим мирам? Варх их всех прибери, этих рогатых, иномерзских. Надеюсь, у нийяр есть право голоса в этом вопросе? Хотя богиню не спрашивали. А за мной и вовсе скоро Керроу придет – сразу, как разживется чем-то блестящим.

Ох, Имира... Что бы ты, Сиятельная, сделала на моем месте, сидя на твердом ящике в темном чулане?

Сразу вспомнился ее грустный лик, запечатленный на форзаце Рисскиной книжки. Богиня плакала, когда ее тащил за золотую косу рогатый краснокожий титан. Этот жуткий тип тоже был на картинке и вполне мог лишить сна какую-нибудь впечатлительную первокурсницу. В смысле кошмаров.

Художник не поскупился, в красках описав незавидную участь Сиятельной богини. Слезы рекой лились из красивых янтарных глаз.

Она сбила в кровь колени, сломала ногти, упираясь и хватаясь за камни своего родного мира...

Представляю, как она злилась. Как возненавидела могучего брата, да и всех вокруг, кто не рискнул отбить свою богиню у рогатого воина. С во-о-от такими рогами! Кош-мар-ны-ми!

Все те, кто пел молитвы в ее храмах и обещал вечную верность, в один миг превратились в мелочных, трусливых, лживых созданий... Они позволили утащить невинную деву в Керракт. В мир вулканов, демонов и жестоких гаремов. В мир, в котором она могла получить все, что угодно, кроме любви.

Я соскользнула с ящика на холодный пол и стала задыхаться. Что-то я стала слишком впечатлительной со всеми этими потрясениями.

Слезы сами покатались по щекам. Только сейчас, что удивительно. Только тогда, когда я поняла действительно «все».

Богиня Сиятельная, да возможно ли это?

Я схватилась за шкаф, подтянулась и придала себе вертикальное положение. Старательно вытерла щеки, запретив себе позорно шмыгать носом.

Так, ладно. Что бы предприняла невинная, доверчивая, всеми униженная Имира, я не знала. Зато я догадывалась, что сделала бы Тьма.

Глава 39

Глава 39

Даннтиэль

Пошатываясь, Данн брел по воздушной галерее к целительскому корпусу. Перед глазами темнело, стены двоились, а экран, сиявший вдалеке, являл себя аж в трех лицах.

Еще немного – и он доберется до старика Мюблиума. Если тот пришел в себя, то расскажет, кому наболтал лишнего. А потом они с Эйвелин улетят, и Данн вернется уже один...

Последний раз он чувствовал себя настолько измотанным... да нет, никогда не чувствовал. Эти проклятые двери, и дыра в барьере Эйвелин, и семь изматывающих ночей в Аквелуке, и внеплановый визит Элсинор... И объятия морока, сдобренные чарами одержимости...

Пару недель назад он помирал от скуки, ощущая себя до тошноты неуязвимым. И кинжал в белые ручки заразы засовывал скорее в шутку, чем всерьез. Хотел поймать хоть каплю настоящих эмоций, что она так упрямо прячет в себе.

А теперь как никогда ощущал эту вархову уязвимость. Странное чувство. Живое, яркое. Но неприятное по большей части. Болезненное.

Это была не только беззащитность плоти и духа, так легко поддавшихся грязному проклятию, истощившему Даннтиэля до дна. Нет. Он был уязвим сердцем.

Каждый нерв натягивался до звона, до треска, стоило представить, что кто-то затеял эту игру давно. В красках все распланировал, навесил мудреные проклятия, изматывающие, отвлекающие Данна от главного... И не в первый раз пытается навредить Эйвелин. *Его* Эйвелин.

За себя он не волновался. Никогда. Но жизнь зеленоглазой заразы – *его* зеленоглазой заразы! – ощущалась необъяснимо ценной. Ценнее целого Эррена.

Сейчас Данн понимал, почему прежний король украл наложницу из Керракта, рискнув благополучием своего мира. Не одобрял, но

понимал. Значит, так и впрямь бывает... И что-то маленькое и хрупкое, для мироздания почти незаметное, становится важнее огромного, необъятного.

Вархова удача, что Элсинор задержалась у Кольтов после церемонии. Воздушное судно должно было вот-вот прибыть за ним и его прелестным исчадием. Увезти их далеко-далеко, на самую вершину утеса, недостижимую для врагов.

Для тех, кто вздумал забрать у него самое ценное. Из мести? Шутки ради? Или от отчаяния? Сейчас не было времени разбираться. Пора заканчивать дрянную игру, и так порядком его утомившую.

Тот, кто ее затеял, был недурно осведомлен о «наследственных проблемах» Даннтиэля. А значит, знал и древние законы. И готов был преступить их, не боясь ни темной кары, ни иных вероятных бед. Либо совсем отчаялся, либо... имел надежный тыл.

Данн с брезгливостью покосился в окно, вверх, к «золотым» облакам, которые на самом деле были серыми, хмурыми. Он туда не стремился ни духом, ни плотью. И попробуй кто запихнуть его туда силой, вряд ли пережил бы этот неповторимый опыт.

То, что Эйви – не просто «девица из Аквелука», ничего не меняет. Ни-че-го. Они с этим справятся. Как-нибудь переживут. Просто бежать придется быстрее.

Зря Миэль рассчитывает... на что бы она там ни рассчитывала!

– Данн! – окрикнули сзади, как раз когда он устало прислонился плечом к стене.

Поморщился. В ушах гудело, и он не узнавал голос. Не дай Варх, его в таком состоянии Граймс застукает и потащит на *гхаррову* диагностику.

Даннтиэль умудрился заразиться от Эйвелин «гхаррами» и отвращением к диагностическим процедурам. Почти настоящий анжарец... А вы говорите «золотые облака»!

– Давай, дружок, вот так... аккуратнее, – рука, легшая на плечо, настойчиво потянула тело вниз, и он послушно завалился на пол. Носом к стене. – Непривычно быть таким незащищенным, да, вархово божество?

Да не то слово... Лежать носом в полу и осоловелым взглядом скользить по подошвам чужих ботинок – *огхарреть*, как непривычно.

Кто бы пару недель назад сказал королевскому мастеру проклятий, что он окажется в таком неуклюжем положении...

– Ты слишком высокого о себе мнения, Данн. Эгоистичный, самовлюбленный... С вашей небесной породой всегда так? – бормотал Найджел, не ожидая ответа.

Данн едва шевелил языком, отходя от посланного в спину проклятия. И Керроу не мог не знать про побочный эффект, поэтому пока наслаждался театром одного актера.

Пойти с проклятием на мастера защиты – вполне забавная шутка. Рэдхэйвен посмеялся бы, не зайдя все так далеко. Он откинул голову на неудобные камни, поерзал, надеясь обнаружить среди них хоть один мягкий. Но и тут не повезло.

Высоко над ним сходились своды древнего подземного храма. Священная земля, потрепанная временем.

Пол, выложенный солнечно-желтым камнем, был весь в сколах и провалах. Лестница, ведущая вверх, держалась на варховом слове. А Найджел умеет выбирать эффектные декорации...

– Прости, друг, нам надо спешить. Мои чары держатся не так крепко, как раньше, – виновато пробормотал старый приятель и споро засучил Данну рукав, обнажив запястье.

Обмотал кожу острой золотой леской, стянул до искр в глазах и подставил под кровоточащие пальцы ритуальное блюдо. Рэдхэйвен давно понял, к чему все идет, но до последнего надеялся, что Керроу не настолько спятил. Ан нет, настолько.

– Добровольно ты мне его не отдашь, так что, как видишь, забираю силой. Попирая все древние законы мироздания. Совсем отчаялся, – Найджел пожал плечами, с присвистом делая глоток из блюда и вновь возвращая тарелочку Данну под пальцы.

– Эйвелин... – прохрипел Рэдхэйвен единственное слово, что целыми днями крутилось на языке.

Самое вкусное, самое сладкое слово из ему известных.

– Ей никак нельзя жить, Данни, прости. Рано или поздно ты выковыряешь себя из-под обломков, и тогда... Нет, нет, никак нельзя. Будь она простой девчонкой-теоретичкой – я бы и помышлять не стал. Но Ир-Нийяра?

Керроу поднялся с камней и принялся наворачивать круги по храму, косо поглядывая на кровоточащее запястье. Поторапливая его взглядом.

– Я подготовлюсь к тому моменту. Буду знать, что однажды ты ко мне придешь. Нет, нет... не ко мне – за мной. Я буду готов, – как в бреду обещал он. – Это справедливо. Ты захочешь мести, я понимаю... Но ты не будешь сиять. Без своей нийяры – не будешь. Никогда.

– Что ты с ней сделал? – к Данну вернулся голос, и он весь его вложил в болезненный рык.

– Пока жива, если не натворила глупостей...

– Зачем, Найдж? – недоуменно поморгал.

Чужое стремление завладеть божественным сиянием Даннтиэль мог понять. Он человеческую породу изучил весьма неплохо, и как правило, она его разочаровывала. Но у Керроу жизнь складывалась прекрасно. Как и мечтал, он стал ректором академии, ежедневно общался с Королевским советом по почте, влюблял в себя студенток и купался во всеобщем внимании...

На самом деле, Найджел был везунчиком. После неудачного вызова темной сущности, разрушившей зал для практик Хитанской академии и вогнавшей одного мальчишку в магический сон на пять лет, он легко отделался. Пометка в личном деле не нанесла особого ущерба, а дырка в резерве довольно быстро заросла. Да ему надо молиться на Вархову милость.

– На курсе ты никогда не был бы первым, если бы не «природный дар». Ты так легко договаривался с Тьмой, видел больше остальных... Щелчком пальцев решал то, на что у других уходили годы учебы, – желчно рассказывал Керроу, перемещаясь между разбитых статуй и сбивая ботинками камни. – Я тогда не понял, что ты за тварь такая... Хоть и подозревал неладное. Не может обычный мальчишка, ленивый и ни разу не сидевший с книжкой, так преуспеть!

Он надел на одну из статуй медальон, отдающий подозрительной вибрацией в пространство. И Данн закатил глаза: фраза о том, как он будет себя выковыривать из-под обломков, заиграла новыми красками.

– Твои странные глаза... И льнущие к тебе дети изнанки... И покладистая Тьма, согласная на обмены, – Керроу потер ладони и достал из кармана второй взрывающий артефакт. – И вот я читаю «Вестник», где ты – новый главный мастер защиты. А я –

старательный, талантливый ученик, но вечно третий после тебя и Кольта, – на отшибе мироздания.

– Ты ректор престижной академии, – напомнил устало Даннтиэль.

– У меня хедиммерея. Знаешь, что это?

– Болезнь. Мне жаль, Найджел.

– Болезнь, да. Необратимое истончение магического резервуара, – покивал Керроу удрученно, растирая бледное лицо. – Энергия не накапливается. Полгода, может, год – и я стану ссохшимся старикашкой, не способным высечь искру из пальца. И я не могу восполнить силу... никак. Та крошечная дырочка в резерве стоила мне всей моей магии.

– И ты решил забрать сияние? – Даннтиэль скосил глаза вниз, на блюдце, и с прискорбием отметил, что Керроу-таки дождался.

К крови, стекавшей с кончиков пальцев, примешались золотистые искры. Совсем все Найджел, конечно, не заберет, но постарается «выдоить» по максимуму. Оставив бледную искорку на закуску. Такую же, с которой вернулась в Эррен его мать...

Данн поморщился: довольно отвратительно – ощущать себя священной коровой. Но сейчас у него не было сил даже голову с камней поднять.

– Ты все равно им не пользуешься. Игнорируешь дар, возводящий тебе подобных на вершину пищевой цепочки, – «сир ректор» возмущенно вскинул руки к позолоченным сводам храма. – Вы черпаете силу из невинных дев и черных душ, восполняя и преумножая запасы... В то время как я не могу даже искорку магии в себе удержать!

– Божественное сияние не предназначено для смертных, – занудно пробубнил Данн.

Ему понравилось вести лекции в академии. Особенно когда на них присутствовала одна зеленоглазая колючка. Может, и стоило бы в будущем перебраться сюда, в пахучий, цветущий Анжар. Он вполне сойдет за местного.

Мог бы вести скучные занятия, помогать Райсу с *гхарровыми* разрывами. Так ему, конечно, пришлось бы чаще «общаться» с матерью и ее темными детьми, к чему он отчаянно не стремился... Но и ко двору возвращаться Данн не хотел. Как показала практика, Элсинор прекрасно умеет его находить, когда он срочно нужен.

– А я и не планирую умирать, Данни, – самодовольно заявил Керроу, вырвав из приятных планов. И напомнив о грязной реальности. – Я устроился получше Варха. Знаешь, сколько непорочных первокурсниц влюбляется в ректора магической академии? Да я на таком щедром жертвоприношении смогу основать храм имени себя!

Найджел уселся на покосившийся, разломанный почти до основания алтарь и устало выдохнул. Стер платком пот со лба, промокнул виски. Он и впрямь выглядел старше своих лет, а ведь они с Рэдхэйвеном ровесники и оканчивали один курс.

– Я молча скрипел зубами, глядя на все эти карикатуры в газетах. Ах, юбки Ее Величества, ах, новый фаворит! – едко фыркнул давний приятель. – А сам считал, сколько мне осталось. И как скоро я приобрету вид сморщенного сухофрукта и разонравлюсь этим прелестным леди с начальных курсов...

– Ты еще в самом соку, Найдж, – пробурчал язвительно Даннтиэль. – Не тратил бы остатки искр на проклятия (кстати, паршивые), продержался бы дольше. Жил бы свою жизнь... А не мечтал о чужой.

– Благодарю за божественное откровение! – рассмеялся Керроу, сполз со священного камня и проверил сверкающее блюдо.

С упоением его опустошил, не отрывая прямого взгляда от бледной, разочарованной физиономии Данна. Показывал, что не отступится. Не откажется.

– Как ты понял? – язык плохо слушался, и Керроу перед глазами снова начинал двоиться.

– Финиус разболтался за стаканчиком забористого анжарского добба. Поведал твою слезоточивую историю, едва я неловко заикнулся о своей зависти... Твой наставник многое знал о тебе, да? – Найджел вернулся на алтарь и принял величественную позу. Не иначе, примерялся к «храму имени себя». – Признаться, я был шокирован. Но и обнадежен. Так сказка о Сиятельной богине – правда?

– Смотря под каким соусом тебе ее поведал Финиус... Он любит приукрасить действительность, – поморщился Данн.

– Прекрасная дева, отданная на откуп иномирскому отродью с дурными манерами... Сколько он над ней измывался – сотню лет, две, три? Прежде чем она смогла бежать в свой мир, растратив по пути

почти все сияние? – восторженно шептал Керроу, присматриваясь к величественной статуе справа от себя. – Имира вернулась практически смертной. Человеком с блеклой искоркой в груди. К брату, конечно, не пошла... Логично, логично. Варх был опьянен единоверием и не собирался делиться властью. А как она познакомилась с твоим отцом?

Даннтиэль постучался затылком о камень, пробуя силы. В глазах почернело, виски прорезал звон. М-да уж... Он все меньше ощущал себя «варховым божеством». И все больше – кем-то между облезлым ххарром и ошипанным квахаром, вынутым из супа.

– Тот маяк на берегу северного Эшерского моря... Дом на утесе... Отец выходил ее, прибитую к Эррену волнами, – прохрипел Данн в свод храма с крошечным круглым окошком. Он рассказывал это не Керроу и не себе. Обращался к небу. К хмурым облакам. – Она была едва жива. Просто потому, что не могла умереть.

– Айвил Рэдхэйвен... Мы виделись как-то в академии. Он ведь был совсем старик, да? – Найджел потер висок и поправил взмокший хвост на затылке. – Как думаешь, ты был зачат в любви или из благодарности?

– Миэль давно забыла, что такое «любить», – наморщился болезненно Даннтиэль, позволяя глазам расфокусироваться, а золотому своду – размножиться сотней звезд.

– А ты, похоже, познал это счастье? Соболезную, – покивал Керроу. – Дальше рассказ Мьюблиума стал особенно интересным. Дитя родилось полноценно сияющим. Наполненным истинно божественным даром! Опустошенная Имира, не представлявшая, как подпитать свой тлеющий огонек, неосознанно тянулась к силе младенца... Когда она поняла, что творит изо дня в день, то еле заставила себя остановиться. Испугавшись, что навредит сильнее, богиня оставила малыша и сбежала.

– Такая версия была у Финиуса? Ладно, допустим, – отмахнулся Данн, слышавший и другой вариант.

– Она почти выпила твое сияние, оставив внутри лишь робкий фитилек. Присвоила всю твою божественную суть себе... Вы из-за этого с ней в разладе? – предположил Керроу, вновь приближаясь к наполненному блюдцу.

Там почти не было крови: содержимое сияло золотом. Данн и не предполагал, что в нем *столько* осталось... За всю жизнь он ни разу

его не подпитал. Брезговал и темными душами, и невинными дурочками, готовыми «добровольно и по любви» задрать варховы юбки.

Понимал, конечно, что вечно бежать от себя не получится. И в Аквелуке окончательно остановился.

Застрял в постели с невозможной зеленоглазой бестией, ароматной, кусачей, царапучей... Невинной. Эйвелин должна была принадлежать ему. Со всей ее непорочностью и идиотскими сорочками. Никому другому он бы ее не отдал. Она стоила любых жертв с его стороны.

– Нет, – хмуро ответил Данн, оглядывая стены храма плывущим взглядом. – Не из-за этого. Мать не брала сияние силой – я отдавал его ей добровольно.

– Да что ты понимал, валяясь в колыбели в мокрых пеленках? – рассмеялся Найджел вполне искренне.

Даннтиэль считал его своим другом когда-то. Человеком из «того самого списка», весьма короткого. Без раздумий откликнулся, когда приятель написал о проклятых дверях и попросил о помощи.

– Счастье, даримое светом этой стороны мира, было для нее пусто. Неинтересно, – разглагольствовал Керроу, вылизывая блюдце дочиста. Омерзительное зрелище. – И она ушла на изнанку бытия. В небытие. В одиночестве, в тоске по сыну Имира вспомнила о мести. И стала Аримиэль, извратив не только имя, но и собственную суть. Вывернув наизнанку и став самой Тьмой. Твоего сияния ей было мало для «великой битвы», с девственницами не сложилось, и она нашла другой способ, да?

– Души. Черные души магов, по древнему закону принадлежащие изнанке, – проворчал Данн брезгливо.

– Как быстро она вошла во вкус и стала прибирать к рукам всех с надломленным барьером, а не только преступников и убийц? – бил по больному Керроу, затягивая золотую леску туже. Выдавливая из Данна последние капли той сути, от которой он убегал. – Как скоро узнал Варх, кто на самом деле противостоит ему под темной личиной? Кто на изнанке бытия возродил к жизни сам мрак и основал собственное царство теней, разрывающее Эррен на куски?

Рэдхэйвен закрыл глаза, утомленный беседой с желчным, завистливым «другом юности». Вернулся мыслями к тому светлomu,

что заставляло его душу звенеть без всякой божественной искры.

Эйвелин... Его зеленоглазая колючая девочка. Найджел прав: без нее Данн никогда не будет сиять.

Глава 40

Глава 40

Эйвелин

– Ро-о-о-ок! – я с отчаянием вбила кулак в ближайшую стену и только потом вспомнила, что Миэль отправила морок на изнанку. Да пробитое же гхаррово копыто!

Обиженно вернулась на ящик. Ну как некстати она затеяла свою «гуманитарную миссию»!

Зажмурилась, вспоминая, как я вызывала руны на полигоне. «По наитию» и «по природе» – это, конечно, славно. Но теоретической базы катастрофически не хватало.

Как никогда хотелось записаться на факультет сира Райса и послушать хоть парочку лекций. Кошмарно обладать нужным инструментом и не уметь его использовать.

– Ох, Эйви Ламберт, чем ты вообще думаешь? – сокрушалась я в потолок. – Устроить произвольный разрыв посреди ректорского корпуса! А вдруг из него вылезет та обидчивая штука с кучей щупалец? Уж она тебе припомнит...

Более глупой, смертельно опасной идеи мне в голову прийти не могло. Но где-то там находился Даннтиэль. И, пожалуй, сейчас они с вечно изможденным Керроу были в одной весовой категории.

Смахнув с щеки остатки слез, я растерла руки и выставила перед собой. Как-то так я делала, когда с пальцев стали слетать руны и зависать в воздухе. А потом открылась дверь на изнанку и забрала темную тварь домой.

Но теперь мне нужно было кое-кого впустить. И именные приглашения высылать я не умела.

– Рок... скажи, что ты не успел далеко уйти. Что только и ждешь момента, чтобы вернуться, – бормотала, судорожно перебирая пальцами первые плетения, что приходили в голову.

Такой спонтанной Эйви Ламберт не была никогда. Но я решила довериться темному дару, бурлившему внутри. Раз он уже проснулся, то пускай помогает. Кофе попьем попозже.

– Проклятье! – фыркнула, когда вместо фиолетовых рун с пальцев слетело плетение обогрева, и в чулане стало невыносимо жарко. Вот вам и «наитие», чтоб его гхарры затоптали.

Махнула рукой обреченно. И несколько призрачных рун, окутанных розоватым свечением, зависло перед моим носом. Так, так, вот это уже получше.

Чернота закапала с них прямо на пол и тонкой струйкой потянулась к двери. Воздух, наполненный пылью и моими дурными предчувствиями, надтреснул. И в крошечном разрыве материи обнажилась изнанка бытия.

– Рок, скорее тащи сюда свою туманную задницу! – проорала испуганно прямо в образовавшуюся дыру. – Ну же! Жуткое порождение темной тетки, ты где?

Знакомый хоботок выпрыгнул первым, и я еле успела отшатнуться влево, когда за ним выскочила остальная темная туша. «Дверца в Варх знает куда» захлопнулась, и руны потухли. Даже штопать ничего не пришлось. Что славно, потому что я понятия не имела, как это делать.

– У-у-у-у...

– Знаю, знаю... Прогоняют, впускают, опять выкидывают... Что за жизнь, да?

– У-у! – согласно провыл морок, покачиваясь в темноте чулана.

– Ты ведь всегда чувствуешь, где Даннтиэль? – с надеждой уставилась в черно-желтые зрачки.

Рок же как-то нашел его в кабинете Керроу, едва я упала в обморок в коридоре. И доставил меня лично в загребущие загорелые руки. Точнее, на пол, но это уже нюансы.

Изменчивый хоботок неуверенно покачался в воздухе, и все призрачное тело шумно вздохнуло.

– Мне очень надо к нему. Очень, – забормотала убедительно. – Я уже и чемодан собрала, и сорочки положила... Невиданная покладистость для колючки Эйви.

Объяснения вышли так себе, но Рок, кажется, все понял. И аккуратно приобнял меня хоботком, погружая в вязкий туман.

Морок перенес нас к странному месту. Вроде и лес, а вроде... и не лес. Гигантские серые валуны, поросшие мхом, были сложены

аккуратной кучей. Возвышение могло сойти за обычную гору, но все казалось подозрительно знакомым...

Точно!

– Рок, мне снилось это место, – я окинула изумленным взглядом частокол деревьев.

Ровно тут я брела в темноте, будучи дикой голодной виррой. И вот за этот огромный круглый камень просачивалась, робко переступая когтистыми лапами. Идя на запах, манящий настолько, что доводящий до сумасшествия. Все происходило ночью, во сне, но чутье кричало: это было здесь!

– У-у-у... – туманно заявил Рок, тыкая хоботком в круглый валун из моих фантазий.

Во сне он был отодвинут, и сейчас между камней тоже имелась приличная щель. Пожалуй, я могла тут протиснуться.

– Ты ведь пойдешь со мной? – я с опаской окинула взглядом золотистую полоску чар. Едва заметную, выцветшую, волшебной пылью осевшую на старый зеленый мох.

Морок качнул «головой» (или что там у него расплывалось над туловищем). И я без всяких «ууу» догадалась, что ему туда нельзя.

– Ладно, к гхаррам... Жди меня тут, хорошо? – пробормотала настороженно. – А еще лучше найди эту... вашу... «маму». Или ей тоже сюда нельзя?

– У-у... – печальный вздох.

Ясно, нельзя. Кто-то поставил защиту от всего темного, что приходит с изнанки. Значит, идти мне туда одной. Как и во сне.

Едва я заступила за валун, взору открылся удивительный вид. Это был храм! Древний, подземный, с расписанными золотом стенами. Стертыми каменными ступенями уходящий глубоко под землю. Нащупав стену, я начала спуск.

Понятно, откуда здесь защита от темных существ. Священная земля предков! Место магической силы и преклонения какому-то забытому божеству. Может, Торуму, а может, и еще кому... Не Варху точно: ему храмы строят не в земле, а на поверхности. И те убегают золотыми шпильями к самому Звездноводу.

Далеко внизу слышались голоса. Я испуганно вжалась в стену: проклятье! Ни Року, ни его темной матушке сюда нельзя, а я не такой

уж спец по боевой магии... Прямо скажем, вообще никакой. Ни-ка-ку-щий.

Мать гхаррова! Внизу бабахнуло, ступенька под ногой опасно задрожала... И мир подо мной заходил ходуном, окончательно рассыпаясь в пыль.

Даннтиэль

Статуя возле алтаря взорвалась, обернувшись грудой камней, едва желтая пыль осела на пол. Керроу побледнел: артефакт сработал раньше. Он прав – его чары не выдерживают положенные сроки.

Велик шанс, что их обоих тут вот-вот завалит... *Слава гхаррам*, хоть Эйвелин здесь нет. А значит, она в более безопасном месте. В случае чего, морок за ней присмотрит – Рэдхэйвен дал строгий наказ.

– Больно? Держи, Данни. В честь былой дружбы, – Найджел сунул ему в свободную руку стакан, до краев наполненный доббом. – У нас есть еще немного времени. Надеюсь.

Данн и не заметил, когда в руках «приятеля» появилась бутылка. Старая, потертая. Похоже, их с Керроу ровесница.

– Ты прости... я не совладал с искушением. Очень трудно смотреть на того, кто способен вознестись до самого Звезднограда. Кто может быть богом. А вместо этого поправляет юбки на взбалмошной девице в короне и брезгует своим происхождением... Трудно, Данн. Особенно с хедиммерей.

Значит, отчаяние... Рэдхэйвен с негромким стоном приподнялся на локте и пригубил. Не самый паршивый добб и не самое паршивое место... Статуи вокруг были особенно хороши. Даже жаль, что Керроу планирует тут все разрушить.

– Я не понимаю, Данн. Правда, не понимаю, – продолжал сокрушаться Найджел, не давая Даннтиэлю спокойно насладиться моментом. – Это как смотреть на баснословно богатого безумца, который не пользуется своими йоргенами. Живет в хижине на болотах и ест сушеный мох. Зачем? Почему? Вокруг столько нуждающихся, но он и им не раздает... Лишь брезгливо морщится, глядя на свои сундуки с деньгами, питая отвращение к собственному богатству!

– А ты решил забрать мое сияние и благородно раздать его всем магически обделенным? – насмешливо хмыкнул Данн, глядя, как

Керроу переливает оставшиеся капли из блюдца в стакан и старательно взбалтывает.

– Нет, не всем. Только магически обделенному себе, – он выпил залпом свой «божественный добб», поморщился и глухо кашлянул в кулак. – Я буду куда лучшим богом, чем ты, Данни. Буду радовать мир сиянием, а не прятаться в самых темных комнатах дворца от своей «постыдной» природы.

Постыдной... В чем-то так и было. Даннтиэль не рискнул признаться Эйвелин в своей «чудовищности». Планировал сделать это не раньше, чем она окажется в его постели в одной из своих невозможных сорочек... А лучше – без нее.

Не решил только, предупредить занозу «до» или все-таки объяснить «после». Во втором случае был велик шанс, что колючка испугается и сбежит, не разобравшись в причинах произошедшего... В первом – что испугается и сбежит, вполне себе во всем разобравшись.

С обеих сторон выходило паршиво. Но надеяться, что она ничего необычного не заметит, увлекшись процессом... Нет, это было и вовсе глупо.

Как истинный теоретик, она перепроверит все факты, проанализирует и непременно придет к каким-нибудь жутким выводам. От которых у него у самого волосы встанут дыбом. Повсеместно.

Данн знал, с каким скепсисом на теормаге относятся к религиозным «сказкам». И не спешил с признаниями. В конце концов, это не лучшая его сторона. Не та, с которой стоит знакомить на первом свидании. У Эйвелин даже на обычных хитанцев «аллергия», а уж на божественного происхождения...

Лучше бы она вообще узнала об этом после свадьбы, перебравшись в дом на утесе. Оттуда не так-то просто сбежать, услышав: *«Знаешь, я немножко бог... Но ты не бойся – я совсем чуть-чуть. И давай не будем приглашать в гости мою мамашу?»*.

– Данни, ты заснул? – Керроу вытащил из его обмякшей руки пустой стакан. – А я так надеялся, что ты будешь меня расспрашивать, как я все это провернул.

– Мне неинтересно, – вяло пробормотал, путаясь припухшим языком в словах. – Разве что один момент... Откуда столько ошибок,

Найдж? Ты же был третьим на курсе. А тут даже теоретик заметил... прокол на проколе...

– Вархова девчонка! – ожидаемо вспыхнул Керроу. – Я уже мало что помню из курса проклятий, Данн. Жизнь ректора не сахар. Бумаги, бумаги, бумаги. Вечная бюрократическая волокита... Порой я забываю, что маг. Хотя, с дырявым резервом... Пожалуй, и слава Варху, что мне не приходится преподавать.

– Нет, первые плетения были еще ничего, – пробубнил ободряюще Рэдхэйвен.

– Мюблиум уже слаб умом, и я надеялся его привлечь к своей затее, – признал «новый бог, лучше прежнего». – Я по вечерам поил старика доббом, выводывал все новые тайны. Показывал ему схемы плетений, советовался. Он кое-что правил, а потом...

– Поймал тебя на горячем?

– Он начал что-то подозревать. Перестал исправлять ошибки в моих чертежах. Запирался в библиотеке, читал... всякое. Однажды я застал Финиуса, когда тот рылся в моих записях. Как назло, в ящике лежали конспекты об Ир-Нийярах, книга о древнем роде тэль Лаэлей и личное дело мисс Ламберт...

– И ты огрел его мощным «забвением», – Данн зажмурился, прогоняя из висков гулкой шум. – Это проклятие ты помнил хорошо.

– Лучше бы сразу убил, ей Варху! Но больно сладкая приманка выходила из твоего спятившего наставника, – Керроу развел руками. – Не удержался. Но из-за этого пришлось торопиться. Ненавижу спешку...

– Сочувствую, – холодно бросил Даннтиэль.

– Всю ночь развешивал проклятия, с утра отправлял студентов по домам, распихивая по вояжерам. Перед их отбытием сделал все, чтобы твоя Нийяра в академию не вернулась... Замотался так, что пот ручьем капал, когда писал тебе письмо, Данн!

– Бедный, бедный Найджел, – саркастично протянул Рэдхэйвен. – Таков был план – убить Эйвелин, пока я бьюсь над твоими дверями?

– Не мог же я допустить, чтобы Ир встретил свою Нийяру у меня под самым носом? – возмущенно пропыхтел Керроу. – Ты должен был прибыть в Анжар на неделю раньше. Измотаться, истощиться от борьбы с проклятиями и темными сущностями... У нас тут все тонко, разрыв на разрыве, мой друг. Легкой работы не предвиделось.

Данн вздохнул, благодаря мирозданию за тот резкий разворот воздушного судна. Он так и не выяснил, что за срочная поездка случилась у Элсинор. И почему его, королевского мастера защиты, буквально вышвырнули в пахучем Аквелуке.

– До сказки Финиуса я и не думал, что божественное сияние можно присвоить, – объяснял Найджел. – Но когда организм ослаблен... Когда речь идет о незащищенном младенце или истерзанном чарами мужчине... Я сразу догадался, как именно отбирать сияние. О да, это был мой шанс!

Синие глаза Керроу наполнились золотыми искрами. Он вдохнул полной грудью, щелкнул шеей, покрутил головой. Потер палец о палец, высекая первые пришедшие на ум чары... Ухмыльнулся сытым каффом.

– Я буду лучшим богом в Эррене. Вот увидишь, – заверил «друг». Его кожа разглаживалась, лицо приобретало здоровый румянец. – Засияю ярче Варха! Он близок мне по духу. Ради своей цели он низвел до магической пыли даже собственного брата, бога-громовержца... Ты не знал своего дядюшку Торума, да?

– Ну отчего же... Мы знакомы, – лениво выдохнул Даннтиэль. – И не до магической пыли. Скорее, до состояния тени самого себя, потерявшего память и часть сознания. Мать о нем заботится по мере возможности. А он все так же тянется к родственной крови, льнет к молоденьким девицам и осыпает их подарками.

– Ты мог легко восполнить силы, Данн, – с укором бубнил Керроу, пытаясь снять с себя хоть часть вины. – Сколько там девиц по академии за тобой бегало? Рыжие, светленькие – на любой вкус. Но ты это ты. Эгоистичная задница, брезгующая методами предков!

Разжечь сияние... М-да. Два слова, от которых Данн покрывался холодным потом.

Первое время он хотел доказать себе, что и без него чего-то стоит. А потом, когда убедился в возможностях, ему попросту стало тошно. В целом... от всего. Включая свое вынужденное бессмертие в этом скучном, пахучем мире.

– Но ты-то не брезгуешь, верно?

– О-о-о-о... Я славно устроился, – довольно покивал Керроу, оглядывая свои помолодевшие руки. – Сегодня под завалом древнего храма «погибнет» мой лучший друг. Я буду старательно горевать,

Данн. Уверен, несколько юных студенток придут меня утешить. Одна кандидатка так хорошо подготовлена, что уже плавится от желания... Добровольного и полюбовного... Моя первая жертва.

– Как ты узнал про Эйвелин?

– Ну вот, теперь ты задаешь интересные вопросы, – Найджел потер ладони и, подхватив бутылку, стал свободной рукой вычерчивать формулу портала.

Хвастун... Или просто полоумный. Кто спускает весь резерв на портал, едва получив силу?

– Ты будешь смеяться... Мне было знамение, – он обернулся и поиграл бровями. – Божественное провидение! Высшие силы тоже не заинтересованы в том, чтобы твое сияние разрослось буйным цветом. А Ир-Нийяра вот-вот должна была войти в полную магическую силу... Рано или поздно даже такой идиот, как ты, ее бы учуял.

Воздух в храме, наполненный пылью, разгорелся от порталных рун. Зеленые и золотые всполохи прошили пространство.

Данн устало посмотрел на Керроу, провожая взглядом. Прощаясь. Он знал немножко больше «приятеля».

– Я долго выбирал удобный момент, – признался тот, застопорившись в порталном вихре. – Когда твоя защита будет максимально ослаблена. Я ведь уже теряю магию, а ты крепкий противник, хоть и не бог.

– Прощай, Найдж.

– Нет, Данн, ты не бог... Так, жалкое подобие, которому все вокруг внушает скуку. В тебе нет величия и амбиций. Ты тень от прошлых божеств... Надо было уравнивать шансы. Я все ж не псих.

– А похоже на то, – позволил себе сдержанную улыбку Даннтиэль. – Иди. Опоздаешь к своей «кандидатке».

– Такое забавное совпадение, что девчонка училась именно в моей академии... Или не совпадение вовсе? – Керроу задумчиво почесал затылок, медленно растворяясь в портале. – Ваша встреча была предначертана. Вышита золотыми судьбоносными нитями на ткани бытия. Как и твое падение. И мое возвышение.

Сверху храм уже начинал разрушаться. Сыпались мелкие камни, с треском приземляясь рядом. Данн с удобством устроился на жесткой «постели» из булыжников, с сожалением поглядывая на растворяющуюся в портале бутылку добба.

– Тебя ввели в заблуждение, Найджел, – все-таки выдохнул Рэдхэйвен. – Ты можешь забрать мою божественную кровь, присвоить сияние и похоронить бессмертное тело под священными обломками древнего храма... Но сам ничего от этого не получишь. Разве ты не слышал об игрушках богов? Никто не желает возвышения игрушек. Иначе с ними неинтересно будет играть.

– А я ведь сразу понял: стоит вам с Ламберт встретиться, и это поставит крест на моем плане, – сокрушался взрослый мужчина, внутри которого до сих пор жил хвастливый мальчишка, «достойный большего». – У сияющего в полную силу полубога только смертник решит отщипнуть кусочек искры!

Глупый, глупый Найджел... Он и эксперимент тот в Хитане провел, чтобы похвалиться храбростью перед более успешными друзьями. И портал этот вызвал на священную землю, чтобы в последний раз пустить приятелю пыль в глаза. И застрял в нем, как идиот, потому что хотел дорассказать свой гениальный план. Легенду о том, как он обманул бога.

– Мироздание будто нарочно подсунуло тебе девку. Ты так гордо воротил нос от своей божественной сути, а тут бы даже не понял, что случилось... Просто, раз увидев, не смог бы от нее отказаться. Вился бы преданным псом, вымаливая нежный цветочек. А потом воссиял бы, будто нехотя, будто не специально...

Керроу растворился уже наполовину, бутылка добба исчезла вовсе. Но он никак не мог сделать решительный шаг вперед. Последний, к «новой божественной жизни». Оставив «приятеля юности» наслаждаться разрушением древнего храма.

– Ты был слишком слаб, чтобы в полной мере ощутить запах Ир-Нийяры, и это оставляло мне шанс. Но как друг скажу, что так даже романтичнее... Полюбить по-настоящему, а не потому, что так предрешено.

– И тогда ты «как друг» наскоро добавил в проклятие чары вожделения, – сухо договорил за него Данн, вспомнив самую кошмарную ночь.

Ночь, когда он чуть не лишился зеленоглазой пугливой Эйви навсегда. Когда перешел все границы, мыслимые и немыслимые.

И следующую ночь... когда она его вдруг простила. И сама пришла. И поцеловала.

– Не «добровольно» и не «по любви» – тоже выход. Меня и самого те чары чуть не доби́ли, поверь, – дернул плечом Керроу и обеспокоенно оглядел портал.

Руны поблекли, а на новый ему уже не хватало сил. Но желание похвалиться напоследок перекрывало голос разума. Если тот в нем, конечно, еще остался.

– Ночью в палату заходил ты, – утвердительно кивнул Данн, собирая картинку воедино.

Не для себя. Ему эта вся аналитика была *до гхарровой задницы*. Для маленькой Эйви, которой непременно будет интересно послушать всю историю целиком. Когда-нибудь потом, сидя у камина в доме на утесе, под шум обезумевших волн... Она же спать спокойно не сможет, пока все не разложит по полочкам. Теоретик вархов.

Потому что Данн знал, что даже без сияния как-нибудь да выползет из-под драных обломков. Может, не сразу. Может, на это уйдет неделя или две. Или месяц. Или полгода. Но потом... потом он точно найдет свою Эйвелин.

Главное, чтобы морок до той поры за ней присмотрел. Не забыл его просьбу.

Первое, что она спросит – «Какого гхарра?!» И если ему нечего будет ответить... Словом, он сам будет виноват, что недостаточно хорошо подготовился к долгожданной встрече за все то время, что она его проклинала. И добровольно пойдет на суп.

– Знаешь, Данн, я передумал убивать твою Нийяру, – еле слышно донеслось из портала, в котором уже исчезала фигура Керроу. – Твоя Эйвелин умненькая, благородная, добрая девочка... Может, она согласится занять место моей «кандидатки»? На первом курсе я ей даже нравился. Вдруг этого будет достаточно, чтобы подзарядиться от твоей Ир-Нийяры?

– Ты не посмеешь, Найджел... Найджел! – рыкнул Данн в золотой пепел, которым обратился уносящий Керроу портал. И прекрасные статуи вокруг начали взрываться одна за другой.

Глава 41

Глава 41

Эйвелин

Храм неприятненько так трянуло. И еще раз. И снова. Вот с чего бы в глухом лесу взяться землетрясению? И разве не должны были те, кто строил место поклонения, оградить его защитными чарами на случай стихийных бедствий?

Спускаться получалось очень медленно. Я аккуратно ощупывала носком каждую ступеньку, проверяя на прочность. И только после этого переносила на нее вес дрожащего тела.

Грохот доносился и снизу, словно спрашивая меня, не хочу ли я повернуть и, пока не поздно, в несколько рывков выбежать на поверхность?

Когда добралась до узкого выхода в открытый зал для ритуалов, чуть не осенила себя знамением. Если бы меня засыпало на лесенке, резким винтом уходящей вверх, было бы совсем плохо. А тут хотя бы красиво – вон, какие своды. И крошечное круглое окошечко в расписном потолке с видом на небеса.

Рядом со мной с грохотом приземлился камень. Как раз с этого чудесного свода сорвавшийся! И я поспешила вперед. Перепрыгнула не пойми откуда взывшуюся стремительную речку, образовавшуюся в трещине в полу. Добралась до разрушенного алтаря и... увидела за ним Даннтиэля.

– Эйви? – он глухо закашлялся, поднимая на меня исполненный ужаса взгляд. – Какого гхарра ты тут забыла?

Я порывисто упала на колени, отбив те о камни (и вновь вспомнив свой странный сон: больно!). Взволнованно погладила бледную заросшую щеку. Он выглядел совсем опустошенным.

– Так, поднимайтесь, – скомандовала на резком выдохе. – Все остальное обсудим как-нибудь сильно позже, ладно?

– Убирайся отсюда. Живо! – рявкнул из последних сил Рэдхэйвен.

Квахар неблагодарный. Не будь я сейчас так перепугана, высказала бы ему много ласковых.

– Предлагаете *тут* вас бросить? – хмуро сдвинула брови.

– Придется. Я не встану. И не пойду, – строго, почти по слогам процедил Даннтиэль, тыкая указательным пальцем в сторону единственной уцелевшей лестницы. – Сейчас тут все к гхаррам рухнет. Пошла. Вон.

Закатив глаза и бормоча все, что я о нем думаю, я аккуратно размотала золотую леску на его запястье. Еле удержала в себе порыв, с которым утренние крекеры (благо, их мало было) устремились наружу.

– Что он с вами сделал?! Он что... кровь вашу пил?

– И ее тоже. Вытянул сия... силу, – сбивчиво прошептал Рэдхэйвен, пока я перематывала его запястье платком. Хорошо, что он всегда их с собой таскает. С вензельками. – До предпоследней капли... Иди на поверхность, Эйвелин. Будь послушной девочкой.

Затянула черную ткань потуже и подняла на него лицо. Совсем огхаррел. Я разрыв материи устроила, чтобы сюда попасть. И вот твоя благодарность, Эв!

Его ныне бледно-медовые глаза едва мерцали. Выглядели удручающе блеклыми, безжизненными. Но где-то на дне вспыхивала крошечная искорка.

– Я не умру, Эйвелин, – прохрипел, морща лоб. – Я серьезно. Не бойся. Уходи. Меня просто завалит... и рано или поздно...

– Всего-то! Действительно. Какая мелочь! – нервно передернула плечами, усаживаясь на пол рядом с ним. Если бы Даннтиэль мог встать, он бы встал. – Быть заживо погребенным под обломками древнего храма...

– Когда-нибудь... выберусь... Я до тошноты живуч.

– Почему он вообще рухнет? – обвиняюще поглядела на роскошный позолоченный свод.

– Это священная земля. Здесь случилось злодеяние, попирающее сами законы мироздания... – Данн едва заметно махнул обмякшими пальцами. – Храм не может этого вынести.

– Правда? Какой чувствительный, матерь гхаррова!

Я с обескураженным видом наблюдала, как крошится лестница, осыпаясь камнями прямо в свежесформованную речушку. Весь мой стабильный мир трещал по швам. И это было только начало.

– Ну, и еще Керроу заложил парочку взрывающих артефактов, – Данн устало закатил глаза.

Сзади что-то бабахнуло. И опять. И я поняла, что далеко не «парочку».

– Лестница! – Рэдхэйвен только сейчас заметил, куда я смотрю. И понял примерно то же: выхода наверх больше нет. – Проклятье... Почему ты не ушла, Эйвелин?!

– Вам не кажется, что тут жутко романтично? – я обернулась к нему и посмотрела в упор.

По останкам лестницы с оголтелым грохотом скатился очередной булыжник и плюхнулся в воду, подступавшую к каменному плато, на котором сидели мы.

– В том смысле, что и жутко, и романтично, – пояснила свою мысль.

– Эйвелин... нет.

Более странного взгляда было еще поискать. Из него даже последняя искорка сбежала, явив мне полную обреченность.

– А что сразу «нет»? – сглотнула, взволнованно ерзая на прохладных камнях. – Согласна, я тоже не так планировала. И все мои розовые девчачьи мечты только что разбились о... – стена храма с треском надломилась и осыпалась слева от нас. – Вот, видели? Это мечты разбились. Эффектно, да?

Страха не было. Наверное, мой перегруженный организм просто временно отключил лишнюю функцию. Когда твой «мир без потрясений» так трясет, что зуб на зуб не попадает, бояться поздновато.

Я нервно (хотя планировалось ободряюще) улыбнулась Рэдхэйвену и принялась расстегивать свою блузку. Накрывало ощущением нереальности происходящего. Этот рушащийся храм, и растерянный Даннтиэль, и я, добровольно стаскивающая с себя одежду... Разве могло такое приключиться с Эв Ламберт по-настоящему?

– Эйвелин... – Данн сдвинул широкие брови к переносице, но цепкий взгляд все равно упал на пуговичку, которую я упрямо вытряхивала из петельки.

– Чем моя идея хуже вашей, в которой «мы все умрем»? – пропыхтела, дергая непокорную ткань в разные стороны. – Ладно, да, я умру, а вас «просто завалит». Возможно, что навечно.

– Тебе надо искать другой выход, а не... – Даннтиэль резко выдохнул. Пуговичка поддалась, и блузка соскользнула с моих плеч. – Я ведь самый обычный мужчина... По большей части.

– Мне виднее, – пробурчала, стаскивая с себя лишнюю ткань и принимаясь за застежку юбки. – Даже если и не сработает. Не думаю, что тут где-то завалылась вторая лестница. А это ведь не самый плохой способ провести последние часы жизни?

В общем-то, если всю мою одежду уложить на камни, будет не так и твердо. Наверное.

– Судя по уровню воды и грохоту наверху, скорее, минуты... – его глаза сверкнули заиндевелыми джантариками, и на самом их дне мне почудился пробуждающийся голод.

Резко выдохнув, я устроилась рядышком с ним, у самого бока. Поерзала на юбке, с прискорбием осознав, что мягче от нее не стало. Вздрогнула от холода, выпустила воздух из замерзших губ. До чего же нелепо, право слово.

– Эти камни кошмарно твердые и ледяные, так что я сейчас приношу самую настоящую жертву, – повернулась к нему с серьезным видом, нервно поправляя на себе лямку тонкой нижней сорочки. Она не особо грела. И почти ничего не скрывала.

Несмотря на трагичную ситуацию в целом и грохот осыпающихся камней в частности, Даннтиэль едва заметно хмыкнул. Я еще пару раз резко выдохнула, стремительно краснея от собственных приготовлений.

– И если вы ее не возьмете... жертву эту... невинную... – зажмурилась, мечтая провалиться куда-нибудь еще глубже, чем этот подземный храм. – Я, видит гхарр, вас сама задушу. А тут даже и прикапывать не придется... Само присыплет.

– Там ведь условия есть, Эйвелин... Ты в курсе? – он осторожно повернулся на бок и придвинул меня к себе поближе. Стало немного теплее.

– Еще в каком курсе! – заявила с важностью. Зря мне что ли Риска лекцию читала? – Видите: лежу, мерзну... Значит, добровольно. И...

– И?

– И по любви, будь вы трижды прокляты.

– Правда?

– Не проверите – не узнаете, – фыркнула в осыпающийся потолок, убегая от его жаркого взгляда.

Там, в золотых глазах, уже без всякого «девственного топлива» разгорались искры. Какие-то другие, наверное, не божественные.

– Какая вкусная колючка, – он прижался горячими губами к моим, замер и тяжело выдохнул. – А говорила, никакого «трения»...

На свадьбе Кольтов Софи рассказывала, как ей хотелось, чтобы все было так, там и с тем... И часть меня бунтовала, намекая, что все происходит неправильно. Не по плану. Но с другой стороны... Может, это и есть «так» и «там»?

Рассыпающийся на камни древний храм. Умиравший бог, не желавший сиять и наконец лишившийся своего света. Страх потери, чувство невозможности, безвозвратности... И добровольная жертва, наполненная истеричной, хлюпающей в груди любовью.

Возможно, именно сюда меня вел мой Злой Рок. Или добрый. Может, сама судьба, мать всех богов Междумирья.

– Все не так, Эйвелин. И вместе с тем *так*, – задумчиво вторил моим мыслям Данн, аккуратно поглаживая меня то тут, то там. Неспешно приучая к своим прикосновениям. – Не знаю, как объяснить... Странное чувство, правда?

– Очень странное. Я замерзла уже, Даннтиэль...

– Разве? А выглядишь теплой, – не поверил он, проводя носом по моей щеке.

– Данн, у нас не так много времени! – вспыхнула факелом, едва на меня навалилось тяжеленное тело. Шея разгорелась от ласковых, неспешных поцелуев. – Тут уже вода, а там... камни эти...

– Вот даже не надейся, что я стану спешить, – он упрямо покачал головой над моим носом.

«Огхаррел... Точно спятил!» – подумалось мне ровно перед тем, как мозг окончательно отключился, убаюканный нежными прикосновениями и оголтелым грохотом разрушающегося храма.

– Мать гхаррова!

Воздух вокруг вспыхнул тысячей искр, и я зажмурилась. Потому что и без того больно, а тут еще глаза режет... Совсем никакого уважения к жертве-добровольцу!

А когда все-таки приоткрыла веки, поняла, что прозевала «тот самый момент». Вокруг нас осыпалась какая-то закопченная сажа... И глаза на меня смотрели снова черные, как два тлеющих уголька. Внимательные, алчущие и подернутые мутной дымкой.

Я подождала еще хоть чего-нибудь эпичного. Молнии там, сверкающего вихря... Нет, гхаррушки. Вообще ничего.

– Не получилось? – прохрипела, когда жаркая ладонь согрела мой живот, и из него стало постепенно уходить чувство... То самое, в общем, чувство, которое и описывать-то не хотелось. Не то что испытывать.

Я начинала понимать мисс Хендрик, что предпочла квахаров и квадратные носы, а не вот это все. В какой-то (весьма конкретный) момент даже пожалела, что гигантский валун пролетел мимо и не избавил меня от страданий мгновенно.

– Получилось, Эйвелин. Не шевелись. Больно? – Данн виновато сглотнул и стер губами слезы, проложившие себе путь от уголка глаза прямо в ухо.

– Да *огхарреть* как! Вам бы самому так, сир рабовладелец! – пропыхтела сдавленно под неподъемным телом.

Стукнула его кулаком в божественную грудь (со всех сторон божественную, с какой ни посмотри), и Даннтиэль карикатурно охнул. Вид при этом имел настолько счастливый, словно сбылась его главная садистская мечта.

На самом деле, было уже терпимо. И с каждой секундой все лучше. То ли он в меня все-таки кинул «Эйфорией», забыв обещание, то ли дело было не в ней...

– А у меня в академии чемодан стынет. С сорочками дурацкими, – призналась ему зачем-то.

Пока болтала, я меньше думала, а стало быть, и меньше сгорала со стыда.

– Ты его все-таки собрала?

– Собрала, – вздохнула горько. Кому он теперь нужен, чемодан этот? – А морок пошел за вашей матушкой...

– Думаю, пока мы обойдемся без сорочек. И без морока. И тем более без моей матушки. Прошло?

Я прислушалась к ощущениям и поняла, что боль, от которой виски смочились слезами, ушла так же резко, как появилась. Кожа на

животе под жаркой ладонью почти кипела. Внутри рождался клубок совсем других ощущений... Очень, очень неловких. Волнительных.

– П-прошло... Данн! – проследила расширившимися глазами путь падающей справа статуи.

В нашу сторону падающей!

Испугаться не успела, как нас закружило в черной воронке. И вместо твердых холодных камней подо мной оказались знакомые простыни с черно-золотыми вензельками...

В распахнутое окно вторгался шум моря, гул разбивающихся о камни суровых волн. Холодный воздух пронизывал до костей, и Даннтиэль, порывисто вскочив, захлопнул ставни. Подхватил с пола когда-то сброшенное туда одеяло и вернулся в постель. Накрыл им нас, словно черным куполом.

– Попалась, колючка зеленоглазая, – прошептали из темноты так хрипло, что кожа без всяких смущающих прикосновений покрылась мурашками.

А потом они хлынули второй волной. Как раз от очень, очень смущающих прикосновений.

– Даннтиэль...

Из моего рта норовил вылезти один из тысячи несвоевременных вопросов, но его требовательно затолкали обратно, размазав по небу горячим языком.

– Потом, Эйви. Все потом, – простонал он в мой рот, жадно прижимая к себе. И настойчиво возвращаясь к тому месту, на котором мы прервались в храме.

И стало вдруг совершенно безразлично, где там бродит треклятый ополоумевший ректор, обескровивший моего... *моего*. Совсем теперь *моего*. Запредельно божественного и все такого же самодовольного.

Весь остальной мир вполне мог подождать. И он терпеливо ждал, будто бы застыв в золотистом джантарике пойманной мушкой.

Ждал, пока горячая ладонь мучительно медленно каталась по покрытой испариной спине... Ждал, пока Данн осыпал чувствительную кожу сильными, жадными поцелуями... Пока алчно брал свою положенную жертву, добровольную и полубовную, скрипя старой деревянной кроватью... И скрип этот разносился по всему пустому дому сквозь настежь раскрытые двери.

– Это... так... *так!* – пробормотала чужим, севшим голосом.

– Божественно? – подсказал он с самодовольной ухмылкой.

Вот же божество недооцененное!

– Разве что самую капельку, – призналась смущенно.

Пригляделась к Рэдхэйвену, со всех сторон похожему на себя обычного. С привычным загаром, с колючей анжарской щетиной на щеках, с глянцевыми темно-темно-карими глазами, на дне которых игриво тлели золотистые огоньки. Разве что без следов усталости, что сопровождала его в последние дни.

– Так это все потому, что я твоя... «яра» эта? А ты немножко... бог? – я наморщила лоб, вполне готовая перейти к долгому, изматывающему выяснению отношений. Пора, наверное.

– «Разве что самую капельку», – Даннтиэль упал спиной на подушки. – Ты только не бойся, ладно? Не убегай, Эйвелин. Никогда не убегай. Рано или поздно сияние пройдет, если его не подпитывать и куда-нибудь тратить... Наверное. Наверное, пройдет, – сглотнул обреченно.

– Оно тебе чем-то мешает? – поерзала щекой по холодной подушке и подползла к Даннтиэлю греться.

У него в груди по-прежнему имелся персональный керрактский вулкан, и это единственное не давало нам замерзнуть в пустом нетопленном доме.

– Не то слово, – проворчал, хмуро поглядывая в окно. – И тебе будет мешать. Ты просто еще в полной мере не оценила... «побочные эффекты», – он повернулся и поймал мой подбородок. – Ну как, мисс Ламберт, я уже не прыщ на линияющей заднице винторогого гхарра?

– С линияющей я погорячилась, – пробубнила ему в жаркую подмышку. – Ай!

Стальные пальцы крепко стиснули то место, которое, исходя из сути беседы, должно было принадлежать гхарру. Но принадлежало-то мне!

– Тиран! – возмутилась, напрашиваясь на более нежную ласку. – Сильнейший всея и всего... Царь и бог книжного отдела...

– Ты полюбила меня, Эйвелин? – Даннтиэль приподнялся на локтях.

От его внимательного взгляда было трудно сбежать. Да и некуда.

– Да, – выдохнула честно.

– Это хорошо, – он одобрительно кивнул, заливая спальню счастливым сиянием из глаз. В просторную комнату будто солнце заглянуло, внезапно обнаружившись на седом хмуром небе. – Потому что вряд ли у тебя в ближайшее время получится овдоветь. И не в ближайшее тоже.

– Я уже догадалась, да.

– Будь ты обычной дикаркой из Аквелука, еще оставался бы шанс... но не теперь, не теперь.

– Я не оставлю попыток, – хихикнула ему в шею. – У меня целый блокнот впечатляющих рецептов...

– Ты не хочешь сама ничего спросить? – он затащил меня наверх, и я окончательно согрелась.

Одни мои щеки сейчас вполне могли отопить весь дом на утесе.

– Чего, к примеру? – я почесала ногтем висок и натянула на себя черное одеяло.

– Я слышал когда-то, что девушкам крайне важно словесное подтверждение чувств и... всякое такое, – выдал он напряженно.

Сухарь хитанский. Недощипанный.

– Я не обычная девушка, сам сказал. Я теоретик. И весьма неплохой, – заявила убежденно. – Все необходимые мне выводы я уже сделала.

– Уверен, что правильные.

– Надеюсь на это, – покусала губы и присмотрелась к снова черным глазам. Магическая свето-музыка какая-то, ей Варху. – Так твоя мама, выходит... Имира?

– Я не знал ее Сиятельной богиней, Эйвелин, – сипло пробормотал Данн, плотнее упаковывая меня в одеяло. – Может, когда-то она и была наполнена светом и любовью... Но из Керракта ее прибило к берегам Эррена полностью опустошенной. И в смысле чувств в том числе.

– Ты не можешь этого знать наверняка, – протянула скептически.

Он ведь еще не родился, стало быть, всю историю знал по рассказам других. А я помнила, как люди умеют перевирать непроверенные факты и рождают неправдоподобные сплетни.

– Мать сбежала почти сразу после моего рождения. Отец рассказывал, что она испугалась, – он вздохнул так глубоко, что я покачнулась на его груди и чуть не свалилась в подушки. – Будто бы

она может нам навредить. Миэль присваивала себе мое сияние, которое я, будучи младенцем, отдавал добровольно... и, само собой, по большой любви. Заполнял ее пустоту, как умел. А она принимала этот дар, пока не забрала почти все.

– Ее побег можно понять, – пробормотала задумчиво.

– Я думаю, причина была в другом. Нет более чистой, бескорыстной любви, чем любовь ребенка, – его загорелый лоб рассекла глубокая морщина. – Принимая мое сияние, она наполнялась ей. Пробуждалась... Она могла стать прежней и воссиять. Могла отказаться от божественной сути и быть просто матерью. *Моей* матерью, Эйвелин. Но она сбежала от такой себя.

– Испугалась?

– Ей правил гнев и жажда мщения. Она предпочла скрыться на изнанке бытия и заполнить себя чернотой. Стать самой Тьмой, раздирающей предавший ее мир на части. Она не смогла простить.

– Она пытается наладить отношения...

– Тебе не кажется, что поздновато? – фыркнул Данн сердито.

Я пожалала плечами. Не то чтобы я готова была простить сирру Тьму за болезненное вторжение. Я даже знакомиться с ней близко не собиралась!

Но родственников не выбирают. И да, все они упорно лезут в твою жизнь, чтобы сделать «как лучше». Одни наполняют твою спальню зефироподобными вещами в рюшечках, другие пытаются сожрать подружку... Кому такое понравится?

Я с мамой так много ссорилась в последние дни... А у нас не оказалось впереди вечности, чтобы помириться.

– На свадьбу я ее звать не буду, даже не проси, – строго выдал Рэдхэйвен, и у меня внутри сердце перекувыркнулось.

– Упаси Имира! В смысле... Варх... Да гхаррово же копыто!

– «Упаси Даннтиэль», попробуй так... – подсказал, растекаясь в ухмылке.

– Не смешно!

– Тогда почему улыбаешься, Эйвелин?

– Совсем немножко смешно, – я побежденно качнула головой. – Самую капельку. Но если ты так бежал от своего... кхм... «сияния», зачем остановился там, в Аквелуке? Зачем заключил контракт с отцом?

– Потому что эта заколдованная девчонка с зелеными глазами должна была принадлежать только мне, – упрямо заявил Даннтиэль, обнимая так крепко, что одеяло навечно впечаталось в кожу. – В самых разных смыслах. Во всех возможных. И если мне для этого пришлось бы воссиять и принять себя – значит, я заплатил бы эту цену.

– Ты рассчитывал на цену поменьше, – догадалась с опозданием. Он ведь тоже не знал.

– Вы очень дорого мне обошлись, мисс Ламберт...

– А говорил, «даром взял», – хмыкнула, довольно жмурясь и вслепую находя его губы.

Глава 42

Глава 42

Каждый раз, когда глаза Даннтиэля становились черными, в спальне темнело. Солнечный свет сбегал в углы и прятался в причудливых тенях. И в какой-то момент я поняла, что мир, «ждавший нас», на самом деле все это время жил по собственному расписанию. И невероятным образом умудрился наступить вечер.

– Данн! – я ошарашенно ткнула в окно, в котором уже виднелись звезды.

Отсюда, с высоты утеса, они были особенно хорошо заметны. А далеко внизу в основание скалы бились воды северного Эшерского моря. Природа этих мест была чудесной, но климат после Анжара казался не слишком дружелюбным.

– Хочешь согреться традиционным методом? – не дождавшись ответа, он сбросил на пол несколько плетений.

Воздух затрещал, в камине полыхнул огонь, стены стали плавиться от жаркого марева. Так он нарочно меня морозил, чтобы я к нему льнула замерзшей каффой!

– Я не об этом, – пробубнила, заматываясь в его темно-синюю рубашку.

Чего-чего, а одежды тут было много. Правда, исключительно мужской, что меня в глубине души даже радовало.

– А о чем? – он словно и впрямь не понимал.

– Ректор Керроу! – я обеспокоенно ткнула пальцем в черноту за окошком. – Ты сказал, он украл часть сияния. Надо его остановить... Поймать... Наказать как-то...

Моя уверенность таяла с каждым словом. Мне пока плохо представлялось, как именно наказывают тех, что решил обмануть бога. Но нельзя же оставить это без внимания?

– Эйви... – Даннтиэль упал в черное кресло и поманил меня пальцем к себе.

Но я не спешила сползать с кровати и покидать уютное гнездо, сооруженное из одеяла. Рубашка Данна не так-то хорошо грела, а дом еще не протопился.

– Что будем делать? С Керроу?

– Я пока с трудом контролирую силу, – признался он сдержанно, сдувая с пальцев спонтанный огонек. – Как бы хуже не сделать.

– То есть мы будем сидеть тут и ничего не делать? – я возмущенно раздула щеки.

Уффф...

– Почему же ничего? У меня большие планы, – он кашлянул в кулак.

– Это несправедливо! – всплеснула руками. – То есть планы – это, конечно, хорошо. Замечательно. Но...

– Но?

– Но надо спасти мир от полоумного ректора!

– Уж лучше подождать, пока все само образуется.

– Вот в Рискиных сказках всегда в конце приходит бог и решает все проблемы смертных, в которых они в край запутались, – я все-таки слезла с кровати, босиком добежала до кресла и пихнула его в плечо.

Ну что за божество такое бесполезное? Проблем много, решать надо. И где?

– Я серьезно, Эйвелин. Я сейчас половину академии разворотить могу со всеми обитателями. Чудом сдерживаюсь, – прохрипел напряженно, и я даже поверила. – Сейчас нам безопаснее тут.

– А я?

– Не бойся, тебе я никогда не смогу навредить, – покивал убежденно. – Вот по поводу остальных не зарекаюсь...

Он окинул взглядом бескрайние просторы, окутанные тьмой. Суровый пейзаж, в котором есть только море и скалы. Красивые, но безразличные к чужим бедам.

– Скоро проблема решится сама собой, – он поймал меня за запястье, наклонил к себе и погладил щеку. – Недостаточно сияние украсть. Его надо еще удержать, особенно после подпитки. Не всем это под силу. И уж точно не Найджелу. Как только он примет дар от первой своей «кандидатки»... Словом, сегодня же все будет кончено.

– Думаешь, он решит «подзарядиться»? «Трением»? – поперхнулась, не подумав об этом скользком моменте. – То есть прямо сейчас?

– Уверен, что решит, – равнодушно бросил Данн, постукивая пальцами по подлокотнику. – Керроу не станет ждать. Он собирался

сиять ярче Варха.

– Кошмар! – я понеслась к его шкафу и принялась перерывать одежду.

Проклятье! Почему мы не захватили вихрем мою юбку? Все брюки, что тут были, я могла надеть дважды в длину и раза полтора в ширину.

– Эйвелин, что за суета? Нам совсем необязательно при этом присутствовать, – проворчал бог-рабовладелец. – Признаться, я бы предпочел это пропустить. Мы все-таки когда-то были приятелями.

– Ты не понимаешь... – простонала в воздух, в итоге заматываясь в длинный походный плащ с эмблемой, который волочился за мной по полу. Чувствовала себя «малышкой Эйви», решившей тайно примерить отцовские вещи. – Он! Решит! Подзарядиться!

– Если это добровольно и по любви...

– Я знаю, к кому он пойдет, – слезы некстати встали в глазах, едва на меня обухом снизошло запоздавшее озарение. До чего же жестоко! – К Риссе. Ректор пойдет к Риссе. Она с первого курса по нему... Все мы немножко... Но она сильнее. И, видимо, до сих пор.

Данн встал с кресла, величественно добрел до шкафа и нашел рубашку и для себя.

– Нельзя этого допустить, – бормотала, растирая мокрое лицо. – Потому что иначе... Она не справится с этим. Да никто с таким не справится, Даннтиэль!

Он потушил камин щелчком пальцев, вырвав из меня ошеломленный «ох». К этому еще привыкать и привыкать, да...

– Хорошо, – нахмурился Рэдхэйвен. – Раз тебе хочется, чтобы пришел бог и решил все проблемы... Придется воспользоваться семейными связями.

– Мы ведь не будем звать твою маму? – уточнила настороженно.

– Будем. Еще как будем, Эйвелин. Пускай исправляет ошибки прошлого, – великодушно «разрешил» недощипанный бог, и нас снова поглотила чернота.

– Подержи, пока она очередной разрыв не устроила, – Миэль сунула мне в руки птицу с чудным золотым оперением, и та нервно завозилась в новой обстановке.

– Это какое-то священное животное? – настороженно погладила сверкающие перышки. – Чья-то божественная ипостась?

Тьма, Аримизель-Августа, Миэль, Имира... Я уже не знала, как к ней правильно обращаться. Поэтому никак не обращалась. «Мамой» звать точно не буду, даже после свадьбы!

– «Ипо»-что? Нет, это несносное крикливое создание, которое ночами клюет крекеры, – сирра Рэдхэйвен, которая «немножко Тьма» (самую капельку!) закатила красивые глаза. – Временами ворует темные души, заваливает всю изнанку бесполезными кристаллами, периодически устраивает разрывы... Делает «тыгыдык» по ночам похуже вашей каффы... У вас таких называют фамильярами, да?

Пернатая любительница «тыгыдыков» закурлыкала так звонко, что у меня заложило уши. Птица была довольно компактной, если не считать необъятного хвоста, свисавшего аж до пола. Всем прочим телом походила на обычную квахарку. Но ее сверкавшие золотом глазки внушали некоторый трепет.

– Питомец. Питомец Тьмы, – выдохнула ошарашенно, разглядывая слепящее оперение.

Почувствовала, как в ладонь упало что-то круглое и... джантарик напоминающее. Что-то я даже думать не хотела, откуда оно вылезло!

– М-да... «питомец». Не смотри на размеры, на изнанке она имеет привычку увеличиваться, – Миэль деловито поправила черную блузку и пошла по академическому коридору следом за Даннтиэлем.

Процессия наша порядочно растянулась. Мой божественный рабовладелец шел первым, безошибочно прокладывая путь. Следом величаво плыла его мамаша. Я топала за ней, поглаживая нервную птичку и подметая ее золотым хвостом пол.

Позади тащился Рок, страдальчески подвывая: мать и сын сошлись во мнении, что ему надо почаще бывать на изнанке. Пока он совсем не «очеловечился» и не нахватался дурных манер.

– Ты мог бы и сам... – Миэль в который раз надеялась вывести Даннтиэля на «важный разговор», но тот вновь и вновь пресекал попытки. – Ты ведь теперь...

– Нет. Я хочу, чтобы Найджел получил то, чего так желал. Пусть сияет, – проворчал тот сквозь сжатые зубы.

– Тогда дай ему взять жертву, всего-то! – фыркнула леди Тьма, и я ускорила шаг.

- Нет, – вновь односложно отрезал тот. – Тебе жалко?
- Для тебя – никогда не жалко, – она передернула плечами.
- Мне *это* не нужно.
- Но ради этого... склизкого... воришки... переводить...
- Переведешь, – строго выдал тот.
- Они на земле не валяются!
- Валяются, валяются... Половина Эррена завалена этим добром.

Потеряв нить беседы, я устремила взглядом вперед. К главной башне ректорского корпуса. Именно там, немногим ниже смотровой площадки, была спальня «красавчика Керроу». О чем знала каждая уважающая себя первокурсница.

В отличие от Фенриссы и Галлатей, я в ней ни разу не бывала. А вот девочки пару раз в год стабильно «тревожили» сира ректора в неуточное время. Чтобы сноровку не потерять и на синие банные полотенца полюбоваться.

Сейчас полотенце на нем не было. А они, видит Тьма, Керроу совсем бы не помешали!

– Эйви?! – взвизгнула Рисска, прячась под одеялом. Глаза ее становились больше с каждой секундой. И с каждым новым вошедшим в не такую уж просторную спальню.

Я вызвалась зайти первой, потому как, в отличие от Данна, его матушки и их туманного приятеля с хоботком, выглядела относительно прилично. Может, и глупо – в этом безразмерном плаще и с крикливой золотой квахаркой в руках, – но хотя бы не жутко.

– Рисс, вылезай скорее, – я поспешно сунула птичку Рэдхэйвену, а сама подбежала к постели, игнорируя совсем-не-одетого-ректора. – Давай, давай, живее. Пока тут все не бабахнуло.

– Найджел не делал ничего дурного, – оправдывала она мерзавца, словно к ним в спальню представители Королевского образовательного совета завалились. А не Тьма, морок и один недощипанный полубог. – Я сама пришла... сама, Эв!

Подруга, к моему облегчению, была одета чуть лучше, чем Керроу. Но я все равно замотала ее в плащ Даннтиэля. Сжавшаяся в комок Рисска утонула в нем еще сильнее меня. А я, начав подмерзать, пришла к запоздалой мысли, что рубашки у Данна могли быть и подлиннее. Скажем, до колен. Или до пяток.

– Да какого ж Варха? – простонала подруга, растерянно обозревая незваных гостей.

– Это просто огхарреть насколько длинная история, – прошипела ей на ухо, отводя к стенке. – Если одним словом, то «трения» у Керроу сегодня не будет. Ни с тобой, ни с еще какой-нибудь первокурсницей.

– К-какой еще первокурсницей? – поперхнулась Рисса, поправляя разлохматившиеся светлые кудряшки, и поглядела на ректора как-то по-новому.

– Да мало ли их у него? Он запасливый! – я развела руками, вспомнив, что он и меня пытался запереть в чулане. Оставил на черный день.

И он, похоже, для Керроу настал.

– Не люблю, когда мной манипулируют, – укоряюще покачала головой Миэль. – Когда уловкой заставляют нарушить древний закон... Ты хотел сиять? Хорошо, я принесла тебе подарки.

– Подарки? – ректор неловко замотался в одеяло и отошел к окну.

Он выглядел удивленным и весьма разочарованным. Еще бы, такой гениальный план испортить! На Данна он не смотрел, полностью поглощенный беседой с Тьмой.

– Немножко черных душ. Для разгона сияния. Чистых, к сожалению, нет: запрещено, – темная сирра пожала плечами, и ее прозрачная блузка красиво колыхнулась. – Но ты ведь не брезгуешь? Мой сын никогда не принимал их от меня... Может, его старый друг будет благодарнее?

Миэль брезгливо махнула рукой, стряхивая с пальцев какие-то черные сгустки. Слово сам мрак выползал из ее кожи и устремлялся в нашего ректора.

– Ах! – вскрикнула Рисса, когда глаза Керроу вспыхнули золотом. Воздух вокруг засиял десятком солнц, комната осветилась, словно утром.

Он сделал глубокий вдох, оглядел свои руки, по венам которых стремилось сияние. Оно просачивалось сквозь кожу, заставляя мужчину сверкать всем телом. Керроу охнул восторженно, воздел глаза вверх, к потолку. Будто мог через него увидеть небо. И золотые облака, к которым вот-вот вознесется, оставив грязный, пахучий Анжар.

Его сияние разгоралось все ярче и ярче – с каждым поглощенным сгустком, с каждой черной душой. Глаза резало светом, мы с Рисской

жмурились, вжавшись лопатками в стену. Как вдруг комната вновь заполнилась темнотой. А Керроу замер, застыл... и опал на колени перед Миэль.

Данн смотрел на происходящее пустыми глазами. Я забрала у него золотую квахарку и крепко сжала загорелую руку. Только сейчас поняла, каково ему приходится удерживать в себе весь этот свет.

– Кто это? – с дрожью в голосе прошептала Рисса, тыкаясь остреньким подбородком в мое плечо.

– Имира. Которая Сиятельная. Хотя в данный момент, скорее, Карательная, – огорошила я и без того шокированную подругу. – Та, кому ты так долго возносила мольбы. Только смотрела не туда.

Быть практично-верующей оказалось полезно. Можно представить, что Миэль ее услышала. И спасла от собственной незавидной участи.

– Сияние не предназначено для смертных, – пробормотала Тьма, обернувшись к нам. – Было время, когда боги пытались делиться им с избранными. Не такие уж мы и жадные... В большинстве своем. Но даже самые сильные маги не могли принять и приручить разгоревшуюся божественную искру. Только те, кто выкован в жерле Танталы, может удержать сияние в себе.

Она отряхнула руки от сгустков мрака и подманила морок к себе. Забрала свою птичку и ногтем проделала аккуратный разрыв в материи.

– Этот ваш Керроу... – она поморщилась, глядя на застывшую фигуру. – Обезумевший на фоне хедиммерей идиот. Отчаявшийся, искавший спасение... Ну да, да, та крошечная дырочка, что образовалась в его резерве многие годы назад, сыграла свою роль. Однако он вполне мог с этим жить.

– Полагаешь? – выдохнул Данн, позволяя ей взять свою свободную руку и несильно сжать.

– Хедиммерею вызывает зависть, Данни, – вздохнула его мать. – Желчь, накапливаемая в организме, подтачивает, разъедает магический резервуар. Так что он сам лишил себя магии. Не вырвавшийся в Хитане морок и не глупый эксперимент. Что ж, будем считать, что он совершил странное, продуманное, сложное и местами даже изящное... по большей части случайное... самоотречение.

Волевым жестом впихнув Рока в дыру в пространстве, Тьма шагнула следом. Последним скрылся в разрыве золотой птичий хвост, обронив драгоценное перо на пол ректорской спальни. И материя стянулась обратно.

– Эв... – Рисска нагнулась и подхватила перышко, покрутила в пальцах и подняла на меня наполненные слезами глаза. – Вряд ли я смогу уснуть, пока ты не расскажешь мне свою... *«просто огхарреть насколько длинную историю»*. Хотя нет, не так... Вряд ли я теперь вообще смогу когда-нибудь уснуть.

Эпилог

Эпилог

Сплетни про ректора ходили разные.

Кто-то утверждал, что он буквально сгорел на работе после прочтения очередного письма Ее Величества. Уж больно нервная должность досталась синеглазому красавчику.

Иные прознали про хедиммерею в запущенной стадии. И, повздыхав, послушно отправились на массовую диагностику, устроенную Граймсом по такому удачному поводу. Даже ампутацией мозгов грозить не пришлось.

Кто-то считал, что слабое сердце Керроу не выдержало позора. Довольно быстро выяснилось, что он сам зачаровал двери и подставил старого профессора. А потом появилась и информация о романтических отношениях с юными студентками. С восьмью разом!

Рисска три дня рыдала в подушку после визита мага из образовательного совета. Ей пришлось отвечать на очень неудобные вопросы.

С Мюблиума сняли все обвинения и под присмотром мисс Донован отправили на воды в Тарлин. Воздух там не так свеж и чудесен, как в Анжарской провинции, зато при термальных купальнях имеется прекрасный маг-реабилитационный центр. Ее Величество лично распорядилась, чтобы старого профессора поставили на ноги, и взяла на себя расходы на лечение.

Практично-верующая Фенрисса прикоснулась к божественному. Но все это «божественное» оказалось немножко неправильным. Не таким, как ожидала подруга.

Сиятельная богиня явила себя Тьмой во плоти, Керроу оказался грязным обманщиком и сверкал недолго... Данн и вовсе старался не отвечивать и глядел преимущественно в пол. Словом, в ее сказках все было куда романтичнее.

А я, ловя остекленевший взгляд подруги, все думала: что было бы, не успеи мы вовремя?

Одно дело – узнать, что тебя воспринимали как добровольный зарядочный артефакт. И не было в тайном флирте и секретных

встречах ничего настоящего. И совсем другое – увидеть, как любимый мужчина, занимавший все мысли последние годы, вдруг вспыхивает в постели. И падает прямо на тебя. Кошмар!

Весь следующий месяц по академии мрачно сновали представители Королевского образовательного совета. Проверяли документы, рылись в архивах, перетрясали личные дела учащихся... Но в итоге оставили попытки найти еще какие-то нарушения и назначили новым ректором сира Джонаса.

Вейн и Рисса стали больше времени проводить друг с другом. Обоих постигло разочарование (про манипуляции Элодии с запрещенными зельями я Диккинсу рассказала сразу, как в себя пришла). И оба искали утешение.

Трудно было предсказать, сколько проживут отношения, начавшиеся с такой грустной ноты. Но сейчас оба нуждались в поддержке и охотно ее друг другу оказывали. Настолько охотно, что мне пришлось краснеть, когда я забежала за вещами в нашу, между прочим, девчачью спальню!

Тея плюнула и на ожидания родителей, и на свое непокорное ледяное плетение. И перевелась на факультет искусств: собиралась изучать магический театр. Фил ее в этом вопросе поддерживал, и в ее жизни наконец появился порядок. Галлатея научилась выбирать сама и не зависеть от чужого мнения.

Столь сильное потрясение – предательство ректора – оставило в душе каждого черную отметину. Немножко, но перевернуло каждую жизнь. И самая глубокая дырка была в сердце Данна. Он, конечно, не подавал виду, но иногда замирал у окна, вглядываясь в темные воды... И я чувствовала, что понадобится немало времени и усилий, чтобы ее залатать.

Моя учеба проходила по большей части заочно. По нескольким причинам, но главной был Даннтиэль. Раз оказавшись в его доме на утесе (*ладно, будем честны – в его постели в доме на утесе*), мне больше не хотелось его (*её*) покидать.

Я и трактат Милезингера в ней читать умудрялась, и пометки в блокнотике делать, и темные чары тренировать... Разве что конспекты в кровати писать было неудобно и приходилось перебираться в черное кресло. Все это – в те редкие мгновения, когда мое персональное

божество с рабовладельческими замашками изволило отдыхать и переваривать свое нежеланное сияние.

Так что в академию я летала раз в неделю на пару дней – на зачеты, практические работы и индивидуальные тренировки с сиром Райсом. О них Данн договорился, а я не спорила. Сам он мне с даром пока не мог помочь... По той простой причине, что он не мог помочь даже себе.

Сейчас нам двоим безопаснее было здесь. Во-первых, меньше ненужных вопросов – уж больно ярко сияли глаза Рэдхэйвена. А он контролировал это еще хуже, чем раньше. То есть вообще никак!

Во-вторых... Несмотря на все черные шуточки подруг, мне не хотелось никого прикапывать. Вдруг рука Данна дрогнет так, что и Эррен не устоит? То-то же.

Прошлый месяц был для нас настоящим испытанием. Но все неудачи мы пытались компенсировать приятными моментами. В его постели с черно-золотыми простынями.

Дом на скалах, омываемых северным Эшерским морем, хранил много тайн, но мне не хватало времени хорошенько его исследовать. Пока я нашла только кухню, ванную и большую библиотеку. И еще несколько раз мы с Даннтиэлем поднимались на маяк – самую высокую точку в суровом пейзаже.

Маяк на утесе горел всегда, он работал ориентиром и для воздушных, и для простых судов. А однажды даже привлек внимание лишавшейся чувств богини, сбежавшей из Керракта...

Обычно небо и море были пусты. Но несколько раз маяку пришлось поработать «по специальности», когда к нам являлись гости.

Однажды в дом на скалах прилетел Грегори Кольт. За ужином он развлекал нас рассказами о странствиях по Хавране. Она очень ему полюбилась, хоть и не имела ни капли магии.

Глянув на моего лопоухого мизаура, Грегори пообещал в следующий свой визит захватить из Хавраны настоящего «чубурашку». Ну, как настоящего? Игрушечного. Чтобы, стало быть, сравнить размер ушей и зубастость. Вдруг ученые на Сеймуре что-то напутали?

Несколько раз наносила визиты Ее Величество, мучимая своим проклятием. В часы, когда она отдыхала после процедуры и

набиралась сил перед обратным полетом, Элсинор рассказывала мне о своих приключениях.

В конце концов я уверилась, что в ее жизни был лишь один мужчина. И это не Данн. Судя по тому, что в ее вкусе были парни с большими рогами, у Рэдхэйвена вообще никогда не было шансов на близкое знакомство с королевскими юбками.

Еще заглядывал Рок, упрямо ныряя в каждый разрыв, что случался вблизи нашего дома. Таскал круглые камешки и все норовил обняться. А разок принес золотую птицу целиком. Пришлось спешно возвращать ее хозяйке, пока плодовитая гостья нам всю ванну «джантариками» не уделала.

Фиолетовые ниточки выпрыгивали из пальцев при каждом удобном и неудобном случае. Стабильно – когда нас с визитом посещали темные гости. Морок, матушка Данна, еще какие-то жуткие субстанции с щупальцами и хоботками... Всем почему-то хотелось посмотреть на мое недощипанное божество и лично засвидетельствовать почтение его «нийяре».

Правда, завидев моток ярких ниток в моих пальцах, гости с возмущенным «ууу» прятались в стены. А я что? Я тоже... у-у-у!

Миэль как-то рассказала, что не все души обращаются энергией изнанки. Некоторые – те, что принадлежали особенно сильным магам – сохраняют в себе остатки памяти, сознания. И со временем становятся «детьми Тьмы», исчадиями мрака.

Я только не поняла, какую роль в этом процессе играет золотая птичка. Миэль долго махала ее пером, что-то объясняя, но я все пропустила, засмотревшись на сильные пальцы своего жениха.

По старой памяти, ведомой интуицией, «дети Тьмы» проникают в разрывы, мечтая хоть глазком посмотреть на свой прежний мир. Может, даже пообщаться с кем-то из потомков. Правда, из-за конфликта энергий ничем хорошим это не заканчивается. У каждого своя сторона, таков закон.

Мир мой весь месяц трясло и шатало новостями разной степени «огхаренности». Единственное, в чем я теперь точно была уверена – моя жизнь никогда не будет спокойной и предсказуемой. И я смирилась. Даже научилась балансировать на шаткой доске, крепко хватаясь руками и ногами за своего загорелого хитанца.

Иногда глаза Даннтиэля начинали сиять так ярко, что комната среди ночи заливалась дневным светом. Сам мог подрабатывать вместо маяка! На прошлой неделе он случайно испепелил шкаф, а вчера ночью в пылу страсти прожег спинку кровати.

Я дала ему время до конца года, чтобы освоиться с новой силой. Потому что если он вдруг развеет по ветру половину гостей на свадьбе... Данн даже предлагал отложить «мероприятие», но я сослалась на контракт. С двусторонними обязательствами.

Во-первых, не хотелось, чтобы у моего папеньки случайно выросли рога. Не к лицу они ему будут, ей Варху... Во-вторых, поторопиться со свадьбой у меня были и другие причины. Серьезные такие. Новости из разряда «сядьте, вы сейчас огхарреете». А парой лоснящихся витых рожек я бы отца и сама наградила. Для профилактики.

На самом деле я не жаловалась. Могущественное божество – вещь в хозяйстве полезная. В теории. На практике же Данн пока больше занимался вредительством. Но мы оба старательно верили, что время порчи имущества рано или поздно пройдет. И от дома старшего Рэдхэйвена к тому моменту хоть что-то останется.

За завтраком, случайно испепелив слабо поджаренный тост, Данн не выдержал и вспыхнул. Фигурально выражаясь. На этот раз.

– Это невозможно! – простонал в черный закопченный потолок. – Эйвелин, собирайся. Ты возвращаешься в академию. Или поедешь пока к отцу?

– Никуда не поеду, – фыркнула, спокойно доедая свой пока еще никем не испепеленный завтрак.

К грохоту, взрываю и мини-пожарам я давно привыкла и даже ухом не вела.

– Я все-таки опасен и для тебя, – его лицо стало бледнее обычного. – Ты совсем рядом сидела! А вчера? В постели?

– Вчера в постели было... жарко, – согласилась, смущенно краснея. И за обе щеки уминая тост.

С приемом пищи в этом доме следовало торопиться. Сколько раз уже было, что я не успевала нормально позавтракать? То Данн что-то поджарит сильнее положенного, то в сердцах утащит меня обратно в кровать – «лечить нервы». А в это время до тарелки доберется мой мизаур.

– Пока не совладаю с этим варховым сиянием, нам лучше сохранять дистанцию, – выдал Даннтиэль хрипло. Поковырял в тарелке уголек, сжал скатерть в кулаке и поднял на меня голодные глаза. Ну вот! Сейчас, к доку не ходи, снова будем лечить нервы. – Хотя я пока не представляю, как я смогу ее сохранять... Дистанцию эту...

Судя по огню, полыхавшему в зрачках, идея прямо сейчас летела к гхаррам. И дистанцию Данн планировал сократить до минимума, переместив спор в более удобное место для переговоров. Горизонтальное. С вензельками.

– Я останусь тут. В смысле, в доме, – заявила упрямо, и мне показалось, что Данн выдохнул с облегчением.

– Эйвелин...

– Мы справимся. И с этим, и... со всем остальным.

Я машинально приложила руку к животу. В последние дни этот жест сам собой появился в моем арсенале и активировался в особо волнительные моменты. Данн его, впрочем, пока не замечал.

– С чем остальным?

...

– Эйвелин? – заметил все-таки.

...

– Эв! – вскочил, смахнув тарелку с углями на пол.

– Ты лучше сядь, Даннтиэль. И руки под стол спрячь, ладно? – я нервно поправила платье, которое мне пока было в пору, но все равно показалось ужасно узким. – Ты сейчас просто огхарреешь...

Конец

(История сира Райса – «Анжарская академия. Темный магистр исцелению не подлежит» [https:// /books/anzharskaya-akademiya-temnyy-magistr-isceleniyu-ne-podlezhit](https://books/anzharskaya-akademiya-temnyy-magistr-isceleniyu-ne-podlezhit))

Слово автора

Слово автора

Дорогие читатели, вот и вторая история по миру Эррен подошла к концу. Спасибо всем, кто прошел ее вместе с автором, Эйвелин и Даннтиэлем.

Анжарскую академию с ее обитателями я отпустить пока не готова. Поэтому цикл продолжает история, посвященная сиру Райсу и... одной рыжей ассистентке целителя: [«Анжарская академия. Темный магистр исцелению не подлежит»](#).

Кроме того, в рамках цикла «Веер Междумирья» публикуется еще одна история – [«Сдавайтесь, мистер Уэйн! или Мой волшебный арест»](#). Вместе эти две книги пишутся неспроста: события в них происходят параллельно. И в обеих мы встречаемся с Алиссой Лонгвуд, Софи и Грегори Кольтом и другими персонажами, знакомыми нам по первым двум историям.

Благодарю своих читателей за постоянную поддержку. И до встречи в новых историях!